

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

Зачем убили СТАЛИНА?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА

**СТАЛИНСКИЙ
РЕНЕССАНС**

И. Глинка.

Сергей Кремлёв

Зачем убили Сталина?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2008

ББК 63.3(2)622
К 79

Оформление серии художника *П. Волкова*

Кремлёв С.

К 79 **Зачем убили Сталина. Преступление века.** — М. :
Яуза ; Эксмо, 2008. — 480 с.

ISBN 978-5-699-30989-4

То, что Сталин был убит, теперь признают даже многие законченные антисталинисты. Гораздо больше споров о том, зачем это было сделано. «Либеральные» шулера от истории пытаются свести все к банальной борьбе за власть. В своей новой книге Сергей Кремлёв неопровержимо доказывает лживость их доводов.

Эта книга читается как захватывающий документальный детектив. От этой книги невозможно оторваться. Расследуя обстоятельства гибели Сталина, автор не только разоблачает его убийц, но и раскрывает подлинные мотивы этого преступления века.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-30989-4

© Кремлёв С., 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Автор выражает благодарность за полезные обсуждения и замечания в ходе работы над этой книгой и ранее своим товарищам и коллегам В.В. Акулову, П.Г. Белову, В.М. Ботеву, В.Т. Брезкуну, Л.Н. Васютину, В.М. Воронову, С.П. Егоршину, Е.А. Карповцеву, В.И. Ковалеву, Р.И. Косолапову, Л.А. Кочанкову, И.В. Кузьмицкому, А.Г. Ломиноге, И.И. Никитчуку, А.А. Мукашеву, А.П. Осипцову, Ю.В. Позднякову и Н.А. Сороке.

Отдельную благодарность автор адресует жене Галине — за советы в ходе работы, помощь, понимание и поддержку.

Автор также благодарит П.М. Быстрова и А.И. Колпакиди за то предложение написать эту книгу, без которого она вряд ли появилась бы, во всяком случае — в обозримое время.

ОБРАЩЕНИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ НЕИЗБЕЖНО ВНИМАТЕЛЬНОМУ ЧИТАТЕЛЮ ЭТОЙ КНИГИ, А ТАКЖЕ И К ЧИТАТЕЛЯМ ПОСЛЕДУЮЩИМ

О чем эта книга, читателям станет ясно из издательской аннотации. Поэтому в своем кратком обращении автор намерен сказать кое о чем ином — вроде бы с темой книги и не связанным, а на самом деле связанном с ней непосредственно.

Первым неизбежно внимательным читателем любой книги, особенно если она издается в авторской редакции, оказывается корректор. Вот к корректору я прежде всего и обращаюсь, потому что с русским правописанием в последние годы происходят странные трансформации. В частности, из русской письменной речи год за годом уходят заглавные, прописные буквы в написании многих привычных слов и словосочетаний. Одна из новаций бросается в глаза сразу: слово «Родина» многие пишут с маленькой буквы. Но этим дело не ограничивается... С маленькой буквы в «демократических» прописях начинаются очень большие понятия.

Так вот, уважаемый мой корректор! Мне, автору этой книги, плевать на нововведения «россиянской» орфографии. Я пишу так, как меня приучали с детства. С того небогатого на пряники и бананы, однако счастливого детства, за которое я благодарен как родителям, так и Родной Стране! И потому настоятельно прошу корректора сохранить в неприкосновенности все те заглавные буквы, которые я выставил в тексте, в том числе при написании слов и словосочетаний «Совет Народных Комиссаров СССР» и «Совнарком», «Совет Министров СССР» и «Совмин», «Политбюро», «Генеральный секретарь Центрального Комитета», «Председатель Совета Министров», «Советская

власть», «Герой Социалистического Труда», «Сталинская премия», «Генералиссимус Советского Союза», «Маршал Советского Союза» и т.д.

Слова «Советский Союз», к слову, также прошу сохранить с их заглавными буквами, а то однажды, при чтении некоего псевдонаучного опуса, я не сразу понял, что имеет в виду его автор, употребив непонятный набор букв «ссср»...

Да, наше прошлое пытаются убить в наших умах и душах даже на уровне правописания, на уровне прописных и строчных букв, на уровне предлогов. Киев — мать городов русских — испокон веку стоял **на** Украине. А теперь он, по мнению многих «редакторов» нашего бытия, находится **в** Украине. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Вот почему я прошу и издательского корректора, и вообще всех уважаемых читателей относиться к прошлому Родины так, как оно того заслуживает — с удивлением и восхищением свершениями отцов, дедов, прадедов и пращуров... А также соответственно относиться и к самим нашим предкам.

Великое прошлое, созданное ими, еще таит в себе нераскрытые тайны, но разве можно скрыть навсегда от потомков тайны любой эпохи — если, конечно, потомки пытливы и стремятся к их раскрытию? Ведь если даже шила в мешке не утаишь, то уж тем более шулерам от истории не удастся скрыть от нас правду о том, кем был Сталин и зачем его убили. То, что его убили, сегодня не отрицают даже эти шулеры. Но вот правды о том, **зачем** его убили, они боятся, как огня.

А нам, уважаемые друзья и товарищи, это понять надо. Потому что, поняв, кто и зачем убил Сталина, мы, возможно, поймем: кто и зачем убивает сейчас нас, нашу Родину.

Ту Родину, имя которой каждый нормальный и уважающий себя человек писал, пишет и будет писать с большой, с заглавной буквы.

Глава нулевая

ИЩИ, КОМУ ВЫГОДНО...

Cui prodest? (Кому выгодно?)

*Метод отыскания истины,
известный еще древним латинянам*

А вслед героям и вождям
Крадётся хищник стаяй жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить ее пшеницы груды,
Её бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды...

Максимилиан Волошин

Кажется, Гаусс говорил, что когда он принимается за формулирование очередной теоремы, то ему заранее известно, что он прав. Сложность в том, чтобы отыскать убедительные доказательства своей правоты и для других, то есть выстроить логическую цепь рассуждений, приводящих к заранее известному для Гаусса результату.

У меня, автора этой книги, сходное положение. На вопрос «Зачем убили Сталина?» я могу сразу дать точный и ясный ответ: «Сталина убили затем, чтобы через десятилетия убить вначале Россию, а после неё — надежды людей на создание разумного планетарного их сообщества».

А вот для того, чтобы обосновать этот ответ, мне придется написать целую книгу, а тебе, уважаемый читатель или читательница, придется ее прочесть — если ты ее, конечно, будешь читать...

Книг, так или иначе затрагивающих тему о смерти Сталина, написано уже немало. И среди них есть вполне чест-

ные и умные. И если я взялся за эту, порядком засезженную тему, то произошло так потому, что ни одна из прочитанных книг о смерти Сталина меня в полной мере не удовлетворила, даже если автор — как Юрий Мухин, например, трактовал проблему верно. Последней же каплей оказалась книга Николая Добрюхи с эффектным названием «Как убивали Сталина». Изданная под псевдонимом «НАД», она появилась на прилавках элитных книжных магазинов в начале 2008 года. И газета с логотипом «Комсомольская правда» (хотя какая она «Комсомольская» и какая уж в ней правда!), захлебываясь от прилива «экссклюзива», писала: «С обнародованием этих архивных документов и живых свидетельств все существующие версии (мемуары, учебники, энциклопедии и разнообразные монографии), относящиеся к смерти Сталина, превращаются в политическую макулатуру».

В действительности таковой макулатурой — если иметь в виду ее концепции и выводы — является как раз книга Добрюхи. Однако она ценна сведениями из спецархивов, к которым некие «покровители» Добрюху допустили уже давно — впервые свои «сенсации» он обнародовал в № 51 газеты «Аргументы и факты» за 2005 год. В итоге Добрюха получил возможность ввести в научный оборот действительно важные документы. И хотя заслуги Добрюхи в этом, по сути, нет, его книга сообщает о ряде убийственных фактов. Убийственных не для Сталина — он и так был уже убит, но убийственных для его убийц. С выходом этой книги в свет вопрос: «Был ли убит Сталин или умер своей смертью?» окончательно отпадает. Документы, обнародованные при посредстве Добрюхи, доказывают: «Да, был убит». Но тогда сам собой возникает другой естественный вопрос: «Кто убил Сталина?»

Лично для меня он не очень-то интересен. К тому же я, вообще-то, знаю ответ на него и могу уверить читателя, что заявления Добрюхи о причастности Берии к убийству Сталина — не более чем жалкие инсинуации, предпринятые, скорее всего, «с подачи» покровителей Добрюхи... Всемерно же чернить Берию надо потому, что это, как я писал в своей книге о Лаврентии Павловиче, третья созидательная «знаковая» фигура новейшей русской истории после Ле-

нина и Сталина. Так что не исключаю, что вся эта затея с Добрухой-НАДом была затеяна прежде всего для того, чтобы, сообщив публике часть правды — то, что Сталин был убит, подбросить в общественное сознание фальшивого убийцу — Берию. С одной стороны, так отвлекается внимание от подлинных убийц, а с другой стороны, Берия отрывается от Сталина, противопоставляется Сталину и превращается в негодяя и ренегата дела Сталина, в то время как в действительности всё обстоит прямо противоположным образом.

Поэтому интереснее и глубже не вопрос «Кто убил Сталина?», а вопрос «ЗАЧЕМ его убили?» Дав ответ на него, мы сможем понять и то, КТО его убил.

В чем-то в этой книге мне придется повторяться, поскольку в своей последней книге «Берия: лучший менеджер XX века» я посвятил теме смерти Сталина отдельную главу «Странная» смерть Сталина». Однако эта новая моя книга отнюдь не будет развернутым вариантом той главы, а та глава отнюдь не является кратким конспектом данной книги — в том числе и потому, что понимание автором сути вопроса постоянно углубляется и расширяется как в результате новых размышлений, так и в результате знакомства с новыми документами.

Однако, как и ранее, я не собираюсь заниматься неким криминальным расследованием, в сотый раз мусоля имена того или иного охранника, который то ли прислушивался, то ли не прислушивался через закрытые двери к дыханию Сталина... Тем более что вряд ли кто-то из них это делал в действительности.

Я намерен еще раз исследовать ту эпоху и еще раз задуматься над тем, кем был Сталин в разные периоды своей жизни и жизни страны, создаваемой им, и народом, им руководимым. А уж эпоха даст возможность разобраться и с убийством Сталина.

Для начала же — чтобы иметь отправные точки в нашем исследовании о том, зачем убили Сталина, воспользуемся советом древних и посмотрим: «Кому было выгодно убрать его?» Но перед этим — небольшое отступление... Уже решившись работать над книгой и вчерне определив её структуру, куда входила и эта «нулевая» глава, я приобрел

на книжном развале книгу Р.К. Баландина о Маленкове и с интересом ее прочел. Баландин честен, но, к сожалению, нередко наивен, и поэтому его промежуточные выводы не всегда верны и полны. Однако Рудольф Константинович выполнил немалую идейную и аналитическую работу, так что лично я его книгу оцениваю весьма высоко и в некоторых местах собственной книги вынужден буду до некоторой степени повторить то, что до меня сказали и Мухин, и Баландин, поскольку дважды два равно четырем у любого автора, если он, конечно, не Радзиский, Волкогонов или другой какой Антонов-Овсенко-младший...

Сейчас же я вспомнил о книге Баландина потому, что одна из главков третьей ее главы тоже называется: «Кому это выгодно?» И это вполне естественно — именно с этого вопроса надо начинать!

Итак...

Если Сталин был убит (точнее — отравлен) — а он, по свидетельству ряда авторов и по документам Добрухи, был убит, то это означает, что он пал жертвой заговора. В принципе этот заговор мог быть чисто внутренним, чисто внешним, или — комбинированным, сочетающим внешние и внутренние силы, прямо или непрямо связанные друг с другом.

Поскольку Сталин мешал многим как в СССР, так и вне его, логично предполагать комбинированный многослойный заговор, но заговор особого рода, когда посвященное, понимающее подоплёку процесса ядро заговора крайне узко.

Крайне!

При этом даже среди посвященных ВСЮ суть дела контролируют единицы — как это обстояло когда-то в высшем круге иезуитов или обстоит сейчас в высших кругах глобалистов.

Скажем, некий член Президиума ЦК КПСС «Х»... Впрочем, нет, лучше «Z», чтобы читатель не заподозрил, что этим «Х» автор сразу намекает на Хрущева...

Так вот, допустим, член Президиума ЦК КПСС «Z» так или иначе был подключен к делу сознательного и скорейшего физического устранения Сталина. Допустим, это произошло после того, как один из его доверенных референтов

или прочей «бурлацкой» челяди, гуляя однажды с шефом по зеленой лужайке, осторожно так высказал мыслишку, что, мол, если бы во главе нашей Великой Родины стояли вы, дорогой Зет Зетович, а не постаревший товарищ Сталин, то уж мы бы этим империалистам в считанные годы показали кузькину мать! А товарищ «Z» возьми да и кивни головой... А референт тогда и продолжи в том духе, что, может быть, стоило бы подумать над тем, как бы побыстрее обеспечить товарищу Сталину давно заслуженное им бессмертие?.. А товарищ «Z» вместо того, чтобы вызвать «03» или того чище — дежурного офицера-чекиста, опять задумчиво кивнул головой.

Ну, и пошло-поехало...

Значило ли бы это, что товарищ «Z» понимал, почему у кого-то из его аппарата возникла такая шустрая и опасная мыслишка? Вряд ли... И, во всяком случае, не обязательно.

Но ведь и сам служилый челядин мог быть лишь одним из звеньев многоходовой комбинации, задуманной где угодно — от новенькой элитной квартиры в высотке на Котельнической набережной до старинного офиса на Уолл-Стрит.

Нет, если перебирать все достаточно вероятные версии заговора против жизни Сталина, то их можно посчитать, в различных комбинациях, не менее десятка. И для начала остановимся на наиболее простой: против Сталина злоумышляли его собственные-де соратники из его ближайшего окружения. Тем более что это и наиболее ходовая версия у различных «демократических» авторов — от Авторханова до Зеньковича.

Итак, соратники...

Но кто?

Кому из них была выгодна смерть Сталина?

Берии? Но Берия пал через четыре неполных месяца после смерти Сталина.

Маленкову? Но Маленков вместе с Молотовым и Кагановичем пал через четыре с небольшим года после смерти Сталина. Причем их падение было не в последнюю очередь обусловлено нежеланием тотально клеветать на Сталина.

Может быть, смерть Сталина была выгодна все же Молотову? Он и Микоян, как нас уверяют «демократически

продвинутые» записные историки, к концу 1952 года якобы впали у Сталина в такую немилость, что могли опасаться за самую свою жизнь. Что до осторожного Микояна, то он всегда занимал выжидательную позицию, присоединяясь к заведомому удачнику... А вот Молотов...

Однако не подходит и Молотов. «Вечно второй», он никогда не был способен на серьезные инициативные действия. В записных книжках Ильфа есть почти философское наблюдение о некоем индивидууме: «До революции он был генеральской задницей. Революция раскрепостила его, и он начал самостоятельное существование»... Эта формула вполне применима и к Молотову, но с точностью, как говорят математики, «до наоборот»! Молотов никогда не отваживался на самостоятельность. Только «задницей» он был не у генерала, а у Генерального секретаря и Генералиссимуса. Нет, я не склонен уничивать Вячеслава Михайловича и отношусь к нему с той долей уважения, которой он заслуживает, то есть — с немалой долей уважения. Но пора, пора бы раздать нам «всем сестрам по серьгам» и определить истинный масштаб каждой из исторических фигур той эпохи. Времени-то прошло уже порядком, да и информации к размышлению накопилось немало.

Так вот, Молотов на организатора убийства Сталина «не тянет»... Как и Булганин... Как и перманентно второстепенный (и потому вечный на трибуне Мавзолея) Микоян... Как и старый друг Кобы Клим Ворошилов...

Не говоря уже о нравственном моменте, всем им, как и упомянутым выше Берии, Маленкову, Кагановичу, смерть Сталина оказалась невыгодной. Она обусловила и их быструю смерть — для Берии физическую, для остальных, — политическую.

А кто же из сталинского ближайшего окружения от смерти Сталина выиграл? Выиграл сразу и надолго?

Ответ однозначен: Никита Хрущев. Он быстро подмял под себя всё и всех и резвился до конца во всю ивановскую по всей планете, начиная с кукурузных полей и заканчивая залом заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

Кроме него, выиграла сложившаяся в очередной раз, после всех чисток и «момента истины» военных времен, и теснимая Сталиным в очередной раз шкурная часть пар-

тийного и государственного руководства. Эта «Партоплазма», которую позднее один из ее духовных родственников Михаил Восленский назовет «Номенклатурой», после некоторого испуга, вызванного ядерным шантажом США, взбодрилась от сознания, что и ее теперь прикрывает «ядерный щит», и теперь уже была готова безудержно благоденствовать, чему Сталин мешал.

Выиграла та «светская чернь», которой в Москве и Питере хватало во все эпохи... «Бомонд» местечкового и старомосковского происхождения, столичная «золотая» богема и научная фрондирующая элита, элита псевдонаучная и просто ловко устроившиеся проходимцы и сластолюбцы, — все они от смерти Сталина лишь выигрывали. Недаром физик Леонтович 5 марта 1953 года заявил, что он получил к дню рождения самый лучший за всю свою жизнь подарок — смерть Сталина.

Выиграли как те оппозиционеры и троцкисты, которые были репрессированы, так и особенно те, кто сумел замаскироваться. Со смертью Сталина появлялась не только возможность полной или частичной реабилитации их кумира Троцкого и их самих, но также и возможность в короткие сроки восстановить свои позиции в руководящих слоях страны. Восстановить как в шкурных интересах, так и в «идейных». Причем новые взлеты в элиту становились реальными не только для них, но и для их «пострадавших» отпрысков.

Выиграли националистически и космополитически настроенные круги элитного советского еврейства. Уверенно освоив и университетские кафедры, и театральную сцену, и рестораны Центрального Дома литераторов и Центрального Дома работников искусства, они к началу 1953 года стали чувствовать себя все более неуютно, особенно после обнародования «дела врачей».

Выиграли тщательно затаившиеся остатки старой, еще царской буржуазии и чиповных «верхов», остатки купечества и кулачества. Они не смирились с победой Сталина и Советской власти и мечтали о грядущей реставрации капитализма и частной собственности.

Выиграла и вообще-вся сволочь в Советском Союзе, желавшая мало или вообще не работать, но много иметь. Во-

ры и мошенники, прохиндеи-завмаги и спекулянты, уцелевшие блатные «паханы», проститутки — эпоха Сталина не обеспечивала им режим наибольшего благоприятствования, зато им реально «светили» колонии общего режима. Со смертью Сталина они могли рассчитывать на более вольную жизнь. Они ее, к слову, и получили.

Смотрели на смерть Сталина как на благо и многие во внешнем мире. Так, смерть Сталина была выгодна всем ведущим капиталистическим странам уже потому, что они избавлялись от очень сильного противника и оппонента во всех сферах — политической, экономической, идеологической... Со смертью Сталина у всех этих черчиллей, эттли, иденов и трумэнов уже не было необходимости вставать и невольно держать руки по швам при входе в зал главы Советского государства. Любой его преемник — кроме разве что Берии, был заведомо слабее Сталина во всех отношениях.

Но и в новых странах народной демократии капиталистическим и националистическим элементам смерть Сталина была желательна и выгодна. Она давала им новые надежды и новые возможности для подрывной работы, для формирования «пятых колонн»...

И что интересно! По сути, все из этих заинтересованных в смерти Сталина сторон во внешнем мире и в России, все, кроме разве что чистых уголовников, могли задумать, и, самое главное, имели принципиальную возможность организовать и осуществить убийство Сталина! Мотивы при этом могли быть самыми разными, даже не обязательно прямо антисоветскими или антирусскими. Одинаковым в любом варианте оказывался результат — смерть Сталина.

Один из моих коллег, читая черновой вариант нулевой главы, спросил меня: «Хорошо! Ты перечислил всех, никого не забыл... Но вот эта «светская чернь», внутренние троцкисты, эта, как ты пишешь, «партоплазма», так или иначе желавшие смерти Сталина и обрадовавшиеся ей, они понимали, чего желают? Понимали, что творят? Или вот Хрущ... Ты пишешь, что он резвился... Но он же этим подрывал самые основы строя! Он что — сознательно это делал?..»

То-то и оно, что далеко не все желавшие смерти Сталину, ей обрадовавшиеся, или (sic!) имевшие то или иное, но прямое отношение к его умерщвлению, желали так же и

смерти социализму, а уж — тем более — России. Многие, многие не ведали, что творили и чего желали. В том числе и Хрущев, если иметь в виду лично его.

Но были и такие, что *ведали* и смотрели далеко вперед. Логическим завершением дела Сталина было построение всесторонне развитой Советской Державы, которая стала бы естественным лидером мира, отвергающего Мировой Капитал. А ведь уже тогда, в конце 40-х годов, начали кое для кого обрисовываться идеи «золотого миллиарда», глобализма, передела скудеющих ресурсов и прочего, сегодня совершающегося. И эти идеи заранее отводили России роль вначале «дойной коровы» «глобализма», а затем — и жертвенного тельца.

Впрочем, в конце ли 40-х годов отыскивается начало подобных замыслов по отношению к России? Ведь вынесенные в эпиграф этой главы строки Максимилиана Волошина взяты из его стихотворения 1919 (тысяча девятьсот девятнадцатого!) года «Гражданская война» (цикл «Усобица» в книге «Неопалимая купина»). Волошин многое, если не почти всё, не понял в русской революции, хотя остался в России и умер в СССР в 1932 году. В том же 1919 году он писал в стихотворении «Русская революция»:

Пусть бунт наш — бред,
пусть дом наш — пуст,

и т.д.

То есть в оценке текущих перспектив России Ленина и Сталина Волошин, тонкий эстет, ошибся. Но, возвращаясь к эпиграфу этой главы, мы видим, что он не ошибся в долгосрочном историческом прогнозе, который мог сбыться лишь в случае гибели России Сталина и который, как мы сегодня знаем, сбывается.

Однако так ли уж сложно было предполагать нечто подобное в 1919 году, если в мае 1918 года журнал англо-русских финансовых кругов «Россия» сообщал: «То, что мы наблюдаем в России, является началом великой борьбы за ее неизмеримые ресурсы сырья», а лондонская «London financial news» в ноябре 1918 года писала: «События все более принимают характер, свидетельствующий о тенденции

к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка?»

В России с Лениным, а затем со Сталиным, такие «сливки» скисали. Но планы-то и мечтания сохранялись! Как сохранялись и надежды на то, что в России можно создать условия для такого нового поворота событий, который вновь превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка... Сталин же и его идеи были для «глобалистов» всех времен и всех народов смертельно опасны. Опасны и потому, что они имели глобальный «антиглобалистский» потенциал! Тот же Волошин писал:

Тончайшей из всех зараз, —
Мечтой врачует мир Россия, —
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия!

Поэтому в долгосрочном плане от смерти Сталина выигрывала прежде всего мировая Золотая Элита... Со смертью Сталина у нее появился реальный шанс отыгаться за поражения и 1917-го, и 1945 года и даже более того — отыгаться за весь тот страх, который со времен Петра внушала им Россия самим фактом своего существования. Причем не просто отыгаться, а уничтожить Россию как таковую. А уж тогда стало бы возможным подмять все человечество даже не под «Железную» — как у Джека Лондона — а под «Золотую пядь», которая оказалась бы тяжелее «железной».

Так КТО убил Сталина?

КОМУ это было выгодно?

Поняв, кто это сделал, мы поймем — зачем это было сделано.

Поняв, зачем это было сделано, мы поймем, кто это сделал.

Правда, по одному пункту надо бы сразу же объяснить... По сей день многие морщатся при одном слове о «золотом миллиарде», о «Золотой Элите» и пренебрежительно заявляют: «А! Опять эти бредни о тайном мировом правительстве, о масонском заговоре... Какое там тайное мировое правительство! Может ли быть так, что все миро-

вые олигархи объединились в некую тайную организацию и там обо всем друг с другом договариваются?»

Ну, если говорить о возможностях и способностях Элиты к объединению, то я в качестве нелирического отступления познакомлю читателя с некоторыми данными по уровню давно достигнутой координации деятельности Мирового Капитала лишь в одной сфере — черной металлургии, в рамках международных картелей, то есть соглашений монополий или фирм, принадлежащих разным странам, о разделе рынков сбыта, источников сырья, установлении монопольных цен, использовании патентов и прочем подобном.

Итак, уже перед Второй мировой войной действовал Международный стальной картель (МСК), созданный в 1937-м на базе соглашения о разделе рынков сбыта от 1933 года между Германией, Францией, Саарской областью, Бельгией и Люксембургом. В 1934 году к соглашению присоединились Чехословакия, Австрия, в 1935-м — Венгрия и Польша, а также Британская стальная федерация и в 1937-м — стальные монополии США. МСК подчинил своему контролю почти весь капиталистический рынок стали. В 1938 году на страны, фирмы которых входили в МСК, приходилось около 85% выплавки стали в капиталистическом мире. С МСК были тесно связаны картели по изделиям из черных металлов, существовавшие независимо от него. После Второй мировой войны были предприняты попытки восстановить МСК. В 1953 году металлургические монополии Франции, Бельгии и Люксембурга подписали соглашение об организации Стального картеля, получившего название «Брюссельская конвенция». В том же году к нему присоединились фирмы ФРГ и Нидерландов, а затем Италии и Австрии.

Ухудшение конъюнктуры на рынке черных металлов привело к созданию в 1967 году Международного института чугуна и стали (МИЧС) — организации картельного типа, но, в отличие от МСК, не занимающегося разделом внешних рынков. Создание МИЧС официально имело целью укрепление контактов между сталепромышленниками различных капиталистических стран и обмен информацией, касающейся положения на рынке черных металлов.

В 1970 году МИЧС объединял более 100 металлургических компаний 24 капиталистических стран, производивших около 95% стали в капиталистическом мире. Количество голосов для каждой страны зависит от объема производства стали. Поэтому работу института фактически контролировали США.

Кроме общих картелей, на рынке черных металлов действуют картели по отдельным видам проката. Членами трубного картеля, созданного в середине 20-х годов, были фирмы Германии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Люксембурга, Саарской области, США, Великобритании и Канады, в последующем к нему присоединялись японские и итальянские производители и шведские импортеры. После Второй мировой войны некоторые участники трубного картеля в 1950 году заключили джентльменское соглашение. Его членами стали, в частности, промышленники Франции, ФРГ, Бельгии, Нидерландов, Италии. В послевоенные годы, кроме трубного картеля, продолжал действовать также картель по рельсам. Поскольку производство рельсов в капиталистических странах сконцентрировано на предприятиях относительно небольшого числа фирм, последним удалось сохранить контроль над рынком.

Производители белой жести до Второй мировой войны тоже несколько раз заключали соглашения о разделе рынков сбыта, причем господствующее влияние на рынок этого товара оказывали монополии Великобритании и США. В послевоенный период возник новый картель-«клуб» по белой жести, в который вошли производители Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, Канады и Японии. Картель устанавливает контроль над рынком путем заключения соглашений, ограничивающих взаимную торговлю и предусматривающих раздел рынков стран, не входящих в картель. К деятельности картеля удалось неофициально привлечь американские фирмы.

Вот как консолидировался капитал только в одной из сфер жизни мирового сообщества, и консолидировался, повторяю, давно. И — на вполне серьезном организационном уровне. А ведь черная металлургия — хотя и важная, однако не основополагающая сфера интересов Золотой

Элиты. Самых основ ее существования она не затрагивает — в отличие от сферы политической.

Поэтому уж если давно организовались картели металлургические, электротехнические, нефтяные, содовые, химические, то уж политический своего рода «картель» Золотая Элита тоже не могла не создать! И, конечно же, создала. И так ли уж важно — в каких конкретно организационных формах?!

Важно иное: под «крышей» такого «картеля» Золотой Элите мира вести дискуссии не о чем, и согласие по всем существенным вопросам там достигается легко, потому что там все понимают друг друга не то что с полуслова, а нередко и вообще без слов. Там ведь не о разделе рынков споры ведутся, а вырабатывается общая, сплоченная политика тех, кто стрижет, против тех, кого стригут. Авторство последней формулы, между прочим, принадлежит еще Талейрану.

Пролетариям, как известно, нечего терять, кроме цепей, в связи с чем Маркс с Энгельсом и заявили: «Да обретут же они весь мир!» Однако всем миром уже давно владела Золотая Элита!

И терять его ей не хотелось.

И не хочется...

Что же до тайного мирового правительства? Так оно давно не тайное. И какая, повторяю, разница — в рамках какого конкретно органа оно проводит свою деятельность наиболее активно: Бильдербергского, Римского или «Ротари» клубов, Трехсторонней или иной n-сторонней комиссии, Комитета Трехсот или Ста, или еще каких-то не афишируемых Комитета или Комиссии?

Причем, уважаемый мой читатель, как бы *это* ни называлось, создано это было не вчера... Всё *это* в той или иной форме существовало не только во времена позднего Сталина, но и во времена намного более ранние!

Что же до механизмов деятельности неформального мирового правительства, то много ли нам известно даже сейчас о механизмах деятельности, скажем, брежневского Политбюро ЦК КПСС? А ведь это был отнюдь не тайный, а вполне легальный орган!

И у такого «мирового правительства» не было в СССР

более ненавистного и грозного врага, чем Сталин. Вот почему внешний след в заговоре против Сталина исключать нельзя... Я не утверждаю, что такой след был или что его можно отыскать! Я лишь говорю, что он не исключен из чисто логических соображений. Не так ли?

Возможно, читатель, прочтя это, спросит: «Что автор имеет в виду? Общие рассуждения — вещь, конечно, необходимая. Но хотелось бы чего-то более конкретного... Автор что, хочет сказать, что какое-то непонятное мировое правительство решило устранить Сталина, установило связи с зарубежными, скажем, троцкистами, те — с единомышленниками в СССР, эти единомышленники вышли на аппарат, скажем, Хрущева? Что кто-то из аппарата прозондировал Хрущева — «втемную», не открывая всей правды, а Хрущев не возражал, да еще и поговорил с министром госбезопасности Игнатьевым, а Игнатьев тоже согласился, внедрил, пользуясь своими правами, в охрану Сталина людей, готовых действовать, и те в нужный момент всё и обстреляли? Это хочет автор сказать?»

Что ж, такому читателю я отвечу, что и описанный им вариант в принципе был возможен. Он не противоречит той сумме фактов и документов, которые мы сегодня имеем. Как не противоречат им, к слову, и другие версии насильственной смерти Сталина.

«А подтверждается ли тот или иной злоумышленный вариант прямыми фактами и документами?» — может спросить читатель.

Что ж, можно заранее сказать, что ни в одном «спецхране» не отыскать записки, например, Хрущева Игнатьеву с распоряжением организовать убийство Сталина. Такой записки, естественно, никогда в природе не существовало.

Но существует, например, фактически прямое заявление Хрущева о его причастности к смерти Сталина. Такой вполне осведомленный автор, как Николай Зеськович, в одной из своих книг сообщает, что 19 июля 1964 года на митинге в честь венгерской партийно-правительственной делегации Хрущев признался в насильственной смерти Сталина и заявил, что в истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли-де так же от топора, как сами свою власть поддерживали-де топором...

И это — не единственное обстоятельство, позволяющее говорить о вине Хрущева. А такая вина автоматически предполагает не такой уж и малый круг его сообщников и пособников.

Однако полноценно документировать и доказать одну какую-то версию, конечно, невозможно. Тем более невозможно документально подтвердить версии о причастности к убийству Сталина внешних сил, хотя я могу уверить читателя, что первые агенты влияния в среде партийно-государственного руководства СССР и в их ближайшем окружении появились задолго до брежневских времен, во времена чуть ли не лепинские. Я об этом позднее скажу.

Зато путем анализа можно отсеять ряд версий недобросовестных и прежде всего — обвинения в адрес Берии, но также и порой проскальзывающие обвинения в адрес Маленкова, не говоря уже о чистой паранойе типа того, что Сталин был уничтожен вследствие мифического коллективного заговора почти всех членов Бюро Президиума ЦК КПСС, обреченных-де «тираном» на опалу и гибель.

Так что будут у нас, уважаемый читатель, и документы, и аргументы, и факты... А к ним — и разнообразная «информация к размышлению».

Однако всё по порядку.

Глава первая

СТРАННЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

И мое имя тоже
будет оболгано, оклеветано...
На мою могилу нанесут
много мусора

И.В. Сталин

21 декабря 1953 года исполнилось 74 года со дня рождения Сталина. И это был первый день рождения вождя, который страна, им созданная, отмечала без него.

Но как отмечала?

И отмечала ли?

«Начинаясь земля, как известно, от Кремля», — сказал поэт. А с чего начинались в Кремле официальные чествования первого лица в государстве и при Хрущеве, и при Брежневс, и при Горбачеве?

Правильно! С поздравлений в главной газете СССР — в «Правде».

А как там было при Сталине?

Что ж, откроем номер «Правды» за 21 декабря 1952 года — последнего полного года жизни Сталина. В тот воскресный день ему — Председателю Совета Министров СССР, Герою Советского Союза и Герою Социалистического Труда, Генералиссимусу Советского Союза, исполнилось 73 года. Дата не круглая, но всё же...

Вся первая полоса посвящена присуждению международных Сталинских премий «За укрепление мира и дружбы между народами». Новые лауреаты: французский общественный деятель Ив Фарж, Сайфуддин Китчлу — председатель Всеиндийского Совета Мира, деятельница Федерации бразильских женщин Элиза Бранко, певец-негр Поль Робсон из США, поэт из ГДР Иоганнес Бехер, канадский

священник магистр искусств Джеймс Эндикотт и наш Илья Эренбург.

На полосе — крупные портреты лауреатов, статья председателя Комитета по присуждению премий академика Скобелкина о них.

И всё.

А где же славословия в адрес «тотально» «тоталитарного» «старшего тирана», якобы жить не способного без ежедневной порции восхвалений? Где верноподданные адреса по случаю знаменательной даты? Так вот, их, представьте себе — нет!

Нет на первой полосе, нет и на второй.

Не то что поздравлений от «рабоченных» внутренних «рабов» не напечатано, но даже официальных поздравлений от глав государств хотя бы народной демократии на полосах «Правды» нет, хотя их не могло не быть! Обычный человек, и то с десятком открыток и телеграмм к дню рождения имеет от родственников и друзей. А тут — Сталин! Причем из вполне «свободного» мира тоже были ведь неизбежные поздравления с днем рождения! Но и они не публикуются. Вот так «культ личности»!

В царской России ежегодно с помпой по всей империи отмечали день тезоименитства царя... А Сталина ведь все «продвинутые» «историки» давно записали в монархи — пусть и «красные». Вот так «монарх»!

Но, может, какая промашка вышла? Может, «фанфары» «Правды» прозвенели назавтра? Ничего подобного! Даже гибко гнущийся орган Союза Советских писателей СССР — «Литературная газета» — не откликнулся в конце декабря 1952 года ни одной строчкой на событие, важное в любом «тоталитарном» обществе. Если оно, конечно, и впрямь тоталитарное...

А как там 1951 год?

Листаем подшивку «Правды»... 20 декабря... 21-е... 22-е... И опять ничего — лишь в номере от 21 декабря вся первая полоса также посвящена присуждению международных Сталинских премий. Акт приурочен, конечно же, к дню рождения того, чьим именем эти премии названы. Однако о самом дне рождения — ни строчки. Лишь 20 и 22 декабря на первых полосах «Правды» опубликованы «рапорты то-

варишу И.В. Сталину» о досрочном выполнении годовых планов от хлопкоробов Таджикистана, работников сельского хозяйства Туркмении и рыбаков Астраханской области — с пожеланиями «доброго здоровья и многих лет жизни на радость и счастье народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества».

А на первой полосе номера от 21 декабря — статья Скобельцина, портреты лауреатов: Го Мо-жо, президента Китайской академии наук, депутата итальянского парламента Пьетро Ненни, депутата японского парламента профессора Икуо Ояма, общественной деятельницы из Англии Моника Фелтон, немецкой писательницы Анны Зегерс и бразильского писателя Жоржи Амаду.

Как же так?

Выходит, товарищ Сталин не так уж и любил обильную словесную патоку? Получается, так... Нет, в каждом номере той же «Правды» за 1951-й и 1952 годы его имя можно встретить не раз. Когда — в деловом контексте... Когда — без перебора по части эпитетов «гениальный», «эпохальный» и так далее... Но даже сегодня при чтении этих давно ломких пожелтевших страниц имя Сталина не бросается в глаза так, чтобы от него зарябило в глазах. Причем не забудем — тогда державой руководил действительно гениальный, высокоталантливый человек, и гениальный универсально! И ссылки на него, апеллирование к его авторитету были во многих случаях вполне уместными и оправданными.

В том же, что дата рождения главы Советского государства ежегодно не становилась табельным днем — как это было с днями тезоименитства Их Императорских Величеств в старой России — ничего странного, в общем-то, не было. В нормальном обществе так быть и должно — за исключением разве что дат юбилейных.

Однако пришло время, и очередной день рождения Сталина «отметили» в Стране Советов весьма своеобразно. О том далее и разговор...

ВОТ передо мной номер «Правды» за тот же день 21 декабря, но уже 1953 года. Со дня, когда Илья Эренбург к двум своим предыдущим «домашним», так сказать, Ста-

линским премиям получил еще и международную Сталинскую премию, прошел год.

Всего год, но какой год! В марте этого года скончался Сталин. В конце июня был арестован Берия, а в начале июля пленум ЦК КПСС в считанные дни произвел политическую казнь Лаврентия Павловича, за которой скоро последовала и бессудная физическая его казнь. В августе была успешно испытана первая советская водородная бомба РДС-6с, а в декабре...

А в декабре стали известными имена очередных лауреатов международной Сталинской премии за укрепление мира и дружбу между народами. И опять вся первая полоса понедельничного №355 «Правды» от 21 декабря 1953 года вместе с большей частью второй полосы были посвящены этому событию. На первой полосе — имена и портреты лауреатов Пьера Кота, депутата Национального Собрания Франции, Сахиба Синга Сокхата из Индии, священника из Италии Андреа Гаджеро, писателей Говарда Фаста, Пабло Неруды, Леона Кручковского, профессора Лондонского университета Джона Бернала, доктора медицины из Швеции Андреа Андреен, парламентария из Бельгии Изабеллы Блюм и нашей «профсоюзницы», секретаря ВЦСПС Н.В. Поповой.

Опять вся первая полоса занята только премиями мира, и опять о самом Сталине — ни слова. Всё вроде бы как и год назад.

Но всё ли? Ведь теперь нет уже товарища Сталина! И это — первый день рождения, отмечаемый после его смерти! Как же не сказать в этот день — уже не радостный, а еще окрашенный, казалось бы, свежей скорбью, хотя бы несколько уместных слов об усопшем? Мол, вот как, товарищи, отмечаем мы день рождения товарища Сталина на этот раз — без него. Впервые... И впервые без него называем новых лауреатов премии его имени...

Однако — нет! Ничего этого в «Правде» нет. Ни на первой полосе, ни на второй... Как, впрочем, и на третьей... И на четвертой...

Странно? Пожалуй...

Впрочем — как сказать! Особенно если посмотреть на ситуацию, зная уже многое из того ранее тайного, что становится сегодня все более явным.

Так вот, не крылась ли разгадка странного первого по-
смертного дня рождения Сталина в некоем событии в жиз-
ни страны, о котором было сообщено в предыдущем, вос-
кресном номере (№354) «Правды» от 20 декабря 1953 го-
да? Номер открывался знаменательной передовицей,
озаглавленной «Гнев народа», а начиналась она так:

«Всю страну облетело сообщение Прокуратуры
СССР об окончании следствия по делу предателя
Родины Берии и его сообщников — Меркулова,
Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влод-
зимерского. На предприятиях, в учреждениях и
учебных заведениях, на стройках и на транспорте,
в колхозах, МТС и совхозах повсеместно прохо-
дят многолюдные собрания...», и т.д.

За три дня до этого, внутри №351 «Правды» от 17 де-
кабря 1953 года было опубликовано сообщение «В Проку-
ратуре СССР», где сообщалось «об окончании следствия
по делу Берии» и передаче его «в специальное Судебное
Присутствие Верховного Суда СССР в порядке, установ-
ленном законом от 1 декабря 1934 года» (этот закон был
принят после убийства Кирова).

И вот теперь по Союзу гнали волну «народного гнева»...
И почему-то — как раз накануне дня рождения Сталина.
В той самой газете, к созданию которой еще в дореволюци-
онные годы Сталин имел прямое отношение, за день до дня
его рождения писали не о нем! Там были помещены репор-
тажи о «гневных митингах» трудящихся... Заголовки:
«Требуем самого сурового наказания», «Народ растопчет
гадов», и т.п.

А в самый день рождения Сталина рядом с материала-
ми о присуждении Сталинских премий мира вновь стояло:
«Сурово покарать изменников Родины»... О Сталине же —
ни строчки. Даже на последней полосе его имя не было
упомянуто ни разу.

Вот такой вот получался день рождения только что
ушедшего навсегда Вождя и Учителя. И впечатление этот
факт производит — по крайней мере сегодня — странное.
Ну, в самом-то деле, что — не могли организаторы судили-
ща по «делу Берии» подождать хотя бы педельку или дру-

гую и обстригать его, скажем, в самом конце года? Реально сообщение Прокуратуры СССР было опубликовано 17 декабря, а «расстрельные» приговоры были приведены в исполнение 23 декабря — через шесть дней. Так что — если бы сообщение было опубликовано, скажем, 23 декабря, а расстрелы совершились 29 декабря, что-либо изменилось бы? И изменилось ли бы что-то, если бы сообщение Прокуратуры появилось в «Правде», скажем, 5 января? А то получалось какое-то не очень хорошее соседство: тут самое бы время еще раз вспомнить о товарище Сталине и доброе слово о нем сказать, а вместо этого — призывы покарать изменников Родины.

Но было ли всё это случайным? Могло ли быть это случайным для той главной газеты страны, каждую мелкую заметку в которой спецслужбы Запада изучали только что не с лупой в руках?

Думаю, и даже убежден, что нет!

В МИРЕ всегда были могущественные силы, обожающие тайные символы и обряды. Попять такие пристрастия нормальному человеку сложно, если не вообще невозможно. Казалось бы, взрослые люди объединились в некое общество — пусть даже и тайное. Объединились не ради игры, а с некими серьезными целями. Ну и действуйте! Заседайте, решайте, стройте тайные зловещие козни или тайно делайте добро — как тимуровцы у Гайдара. Но к чему, спрашивается, обвязываться фартуками, устраивать сложные процедуры посвящения, напяливать на себя побрякушки? Да и называть друг друга «братьями» как-то неестественно и даже немного смешно. Добро бы это было в восемнадцатом или в девятнадцатом веке, когда не то что чувствительные дамы, но и рубаки-офицеры от полноты чувств и без всякой «голубизны» могли бросаться друг другу на грудь и от полноты же чувств обливаться слезами... Но в нашем, пропитанном рационализмом и скепсисом, в нашем умудренном двадца..., ах, уже даже в двадцать первом веке? К чему сейчас-то именоваться «братьями», обзывать себя пышными тайными именами? Глупо ведь, господа!

Ан, оказывается, не глупо... С их точки зрения!

Странно, конечно, но — факт!

Читателя, заподозрившего автора в том, что он намекает на причастность к смерти Сталина именно проклятых «жидо-масонов», я могу успокоить. Ни на что такое я не намекаю... Однако хочу на вполне реальном и ныне хорошо известном примере масонских лож напомнить читателю, что для определенного круга вполне солидных и влиятельных людей игра — казалось бы, не более чем игра — имеет почему-то важное значение... Как имеет для них значение и символика, и тонкие намеки, понятные **в реальном масштабе времени** лишь посвященным.

Я подчеркнул «в реальном масштабе времени» потому, что на отдалении исторических времен получают возможность разобраться в разного рода тонких намеках и весьма «толстых» обстоятельствах не только нечистые помыслы и делами посвященные, но и вполне честные аналитики, взыскующие истины.

И сегодня, даже не входя в узкий круг посвященных, можно предположить, что уже тогда, в 1953 году, для *посвященных* смерть Сталина и смерть Берии были безусловно и прямо связаны. Смерть Сталина обусловила скорую смерть Берии. А смерть Берии создавала перспективы для смерти социализма. *Посвященные* уже тогда знали, как знаем это сегодня и мы, что к моменту передачи «дела Берии» в специальное Судебное Присутствие Верховного Суда сам Берия был давно и бессудно — даже не в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года, — расстрелян... И что 23 декабря 1953 года реально будут расстреляны лишь его соратники, сломленные и опустошенные полугодовым «следствием» под руководством такого видного хрущевца, как Генеральный прокурор СССР Руденко.

И, похоже, кому-то из посвященных очень хотелось, с одной стороны, намекнуть на связь двух «знаковых» смертей, а с другой стороны, обставить дело так, чтобы проводить здесь какие-то аналогии никому *не* посвященному и в голову не могло прийти!

Ну, шло следствие... Когда-то же оно должно было закончиться? Вот оно и закончилось, а раз так, то дело надо передавать в суд. Обычная процессуальная норма! А то,

что это событие пришлось на канун дня рождения великого Сталина? Да это же чистая случайность!

Хотя из соображений элементарной этики, не говоря уже о вполне очевидных политических соображениях, было бы уместнее затеять всю эту публичную возню с «народным гневом» чуть позднее...

Но посвященным было очень соблазнительно подгадать одно к другому. Вот они и подгадали!

Якобы «случайно»!

Между прочим, говоря о «посвященных», я имею в виду отнюдь не самого Хрущева или, скажем, Руденко. И уж тем более не Председателя специального Судебного Присутствия маршала Конева или членов этого Присутствия...

«А кого же конкретно имеет автор в виду?» — может спросить читатель.

А черт их, уважаемый читатель, знает! Тем более что лишь черт это только и знает! Более того, я ведь высказываю здесь версию, документально недоказуемую принципиально! Я лишь предполагаю, что это было так. Но основания для таких предположений у меня есть. И, предполагая одно, можно ведь предположить и нечто, из первого предположения вытекающее, а именно вот что... Если страшное и полное замалчивание дня рождения Сталина в «Правде» в декабре 1953 года было не случайным, то это означает, что в декабре 1953 года во вроде бы «сталинской» Москве в официальных партийно-государственных кругах имелись весьма влиятельные скрытые силы и группы, которые могли или прямо, или опосредованным образом — через своих «втемную» используемых шефов — проводить антисталинскую информационную линию.

Но если так обстояли дела в Москве в конце 1953 года, после смерти Сталина, то примерно так же они обстояли там и в начале 1953 года, еще при жизни Сталина. И это — лишнее логическое подтверждение существования в Москве еще при жизни Сталина мощных антисталинских сил, способных осуществить успешный заговор против него и физически устранить его.

В неплохом (хотя и очень недостоверном в части исторических данных) советском романе «Щит и меч» адмирал Канарис, спросив абверовского майора Штейнглица о том,

каковы приметы осла, сам же, коснувшись ушей, себе и ответил: «Вы думаете то? Нет, дорогой Штейнглиц, вот они, ослиные ваши приметы!» И постучал пальцем по докладной своего подчиненного.

«Посвященные» 1953 года ослами не были. Однако очень не исключено, что из того, как официальная Москва «отметила» («не заметив» его) первый посмертный день рождения Сталина, тоже выглядывали вполне характерные уши *посвященных*. И, очень может быть, что в этой мелкой пакости в адрес усопшего (а точнее, убиенного) Сталина был не такой уж и мелкий смысл и намёк.

Но сами «посвященные» были, конечно, личностями мелкими, и обуреваемы они были не страстями, а страстишками. Ведь их масштаб и близко не приближался к масштабу личности Сталина.

Но каким был его масштаб? Чем жил Сталин?

Думаю, остановиться немного на жизни Сталина в книге о его смерти будет нелишним...

Глава вторая

ЧЕМ ЖИЛ СТАЛИН...

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме...

*Из стихотворения Иосифа Джугашвили,
написанного в 1895 году*

Да, пожалуй, нельзя говорить о смерти Сталина, не разобравшись с тем, что двигало им в жизни. Не сказать хотя бы немного об этом нельзя уже потому, что смерть Сталина была обусловлена тем, во имя чего он жил, чем он жил.

В предисловии к книге «Кто стоял за спиной Сталина?» ее автор, историк Александр Островский, пишет:

«Если... вас интересует истина и вы действительно хотите понять, что представлял собою И.В. Сталин до 1917 г., как именно он, революционер, стал «могильщиком революции», давайте обратимся к фактам. Только на их основе может быть вынесен обвинительный или оправдательный приговор любому историческому деятелю. Только на основе реальных фактов можно понять трагедию русской революции, истоки советского термидора».

Увы, самого автора книги, изданной под названием, которое уже само по себе — провокация, истина интересует, похоже, постольку поскольку. И дело даже не в его непонимании того, что факты, вообще-то, всегда реальны, поскольку факт — это нечто бывшее в действительности, в реальности. Хуже то, что Островский и ему подобные вслед за Львом Троцким и ему подобными твердят о каком-то сталинском «термидоре» и т.д., не имея на то ни малейших оснований.

А ведь Лев Давидович Троцкий, заявив, что Сталин-де «ведет к термидору», сморозил одну из величайших глупостей в своей жизни. К тому же еще и плохое знание истории обнаружил. Если уж вспоминать времена Французской революции, то надо было бы говорить (Троцкому) о некоем «18 брюмера» Сталина — по аналогии с переворотом Бонапарта, положившим конец полностью разложившемуся режиму Директории. Но «брюмер» Троцкому не подходил уже потому, что последняя фаза массового террора Французской революции приходится как раз на время сразу после «термидора», а после «брюмера» никаких массовых репрессий не последовало.

Впрочем, вспомним, что это такое — «термидор»? Изначально это — название одиннадцатого месяца по республиканскому календарю, введенному Великой Французской революцией. Он соответствовал периоду с 19/20 июля по 17/18 августа.

27/28 июля 1794 года (9 термидора 2-го года республики) во Франции произошел переворот. Он привел к падению революционной якобинской диктатуры и поставил у власти крупную буржуазию. Термидорианский переворот поднял наверх самые растительные слои буржуазных политиков, ориентированных на удовлетворение своих самых низменных, примитивных, животных интересов, и не более того. Была образована Директория, которая в считанные годы довела Францию «до ручки», после чего в 1799 году ей, как уже сказано, дал по шапке Наполеон Бонапарт. Академик Евгений Викторович Тарле писал об этих временах так:

«Разбойничьи шайки... приобрели характер огромного социального бедствия... Развал и беспорядок в полицейском аппарате к концу правления Директории делали эти шайки почти неуязвимыми и подвиги их безнаказанными. Первый консул... (Бонапарт. — С.К.) переходил от одного неотложного дела к другому: от разбойников к Вандее, от Вандеи к финансам, а денег в казначействе (настоящих, металлических денег) не оказалось вовсе — хозяйничанье Директории привело к полному безденежью казны...»

Эта картина, замечу в скобках, характеризует не только прошлое Франции, но и весьма возможное будущее России — при сохранении в ней нынешнего положения вещей.

Так о каком сталинском «термидоре» может быть речь? В результате деятельности Сталина и его соратников было в считанные годы изжито даже минимальное влияние на жизнь страны остатков буржуазии — нэпманов, и началось впечатляющее созидание нового общества. Позднее даже такой не имеющий особых поводов любить Сталина деятель, как Александр Керенский, сказал: «Сталин поднял Россию из пепла, сделал великой державой». А относительно «презренного металла» можно вспомнить, что в 70-е годы Молотов говорил поэту Феликсу Чуеву о том, что при Сталине в стране был накоплен такой огромный золотой запас, что платину «не показывали на мировом рынке, боясь обесценить».

Хорош «термидор»! Дай Бог такого «термидора» любой стране мира. Так что Александр Островский наводит здесь тень на ясный день, чем его книга грешит вообще частенько — слишком уж многочисленны в ней «намёки тонкие на то, чего не ведаёт никто». Скажем, А. Островский уверяет, что «многие загадки в революционной биографии И.В. Сталина» можно объяснить, если принять в расчёт его «дореволюционные закулисные связи» и «некоторые невидимые пружины его политической карьеры как до, так и после (ого! — С.К.) 1917 года». И тот же А. Островский пытается выставить раннего Сталина чуть ли не платным агентом бакинских нефтепромышленников.

Все это не стоило бы упоминания, если бы в книге А. Островского не было также бесспорного документального материала, изучение которого вполне опровергает намёки автора вопреки его воле и намерениям и рисует нам подлинного Сталина. Вот письмо молодого Кобы из туруханской ссылки, написанное им весной 1914 года Григорию Зиновьеву — тогда соратнику Ленина:

«20 мая. Дорогой друг! Горячий привет вам, В. Фрею (один из псевдонимов Ленина. — С.К.). Сообщаю ещё раз, что письмо получил. Получили ли мои письма? Ещё раз прошу прислать книжки

Штрассера, Панекука и К.К. Очень прошу прислать какой-либо (общественный) английский журнал (старый, новый, все равно — для чтения, а то здесь нет ничего английского и боюсь растерять без упражнения уже приобретенное по части английского языка). Присылку «Правды» почему-то прекратили, — нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы добиться ее регулярного получения... Привет супруге Вашей и Н. (Крупской. — С.К.). Крепко жму руку... Я теперь здоров...»

А вот еще письмо того же периода, направленное в ноябре 1915 года в заграничный большевистский центр:

«Дорогой друг! Наконец-то получил ваше письмо. Думал было, что совсем забыли раба божьего, — нет, оказывается, помните еще. Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьезных книг? Что касается национального вопроса, не только «научных трудов» по этому вопросу не имею (не считая Бауэра и пр.), но даже выходящих в Москве паршивых «Национальных проблем» не могу выписать из-за недостатка денег. Вопросов и тем много в голове, а материалу — ни зги. Руки чешутся, а делать нечего. Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незавидно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что ж, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати...

А как вам нравится выходка Бельтова (Г. Плеханова. — С.К.) о «лягушках» (Плеханов сравнил с ними большевиков. — С.К.)? Не правда ли: старая, выжившая из ума баба, болтающая вздор о вещах для нее совершенно непостижимых.

Видел я летом Градова (Л.Б. Каменева. — С.К.) с компанией. Все они немножечко похожи на мокрых куриц. Ну и «орлы»!..

Не пришлете ли чего-либо интересного на французском или на английском языке? Хотя бы по тому же национальному вопросу. Был бы очень благодарен.

На том кончаю. Желаю вам всего-всего хорошего.

Ваш Джугашвили».

16 июля 1911 года Сталин, арестованный 23 июня в Сольвычегодске и 27 июня освобожденный, приезжает на жительство в относительно близкую к Петербургу Вологду, поскольку ему было запрещено проживание на Кавказе, в столицах и фабрично-заводских центрах.

К «вологодскому» периоду относится его знакомство с 17-летней гимназисткой Пелагеей Онуфриевой, невестой друга и соратника Кобы по революционной борьбе Петра Чижикова, родом из крестьян Орловской губернии. Ученица седьмого класса Тотемской гимназии, она 23 августа приехала к жениху в гости.

6 сентября Сталин негласно выехал в Петербург и прописался там по паспорту П.А. Чижикова, на следующий день встретился с большевиками С. Тодрия и С. Аллилуевым, а 9 сентября был арестован, помещен в Петербургский дом предварительного заключения, откуда 14 декабря был выслан опять в Вологду сроком на три года под гласный надзор полиции.

Я не останавливался бы так подробно на одной из многочисленных коллизий жизни Сталина-революционера, если бы не некоторые детали, характеризующие натуру Сталина, связанные с тем периодом.

Когда он уезжал в Петербург, Онуфриева подарила ему свой нательный крестик с цепочкой и попросила на память фотографию. Фотографии Кобы красавица-крестьянка (ее отец был состоятельным крестьянином из Сольвычегодского уезда) по понятным причинам не получила, зато Сталин подарил ей книгу «Очерки западноевропейской литературы» с надписью: «Умной, скверной Поле от чудака Иосифа».

Вернувшись из северной столицы в Вологду не по своей воле, Сталин сразу же появился у Чижикова и в тот же день отправил Онуфриевой в Тотму открытку с изображением Афродиты, где писал:

«24 декабря. Ну-с, «скверная» Поля, я в Вологде и целуюсь с «дорогим», «хорошим» «Петенькой». Сидим за столом и пьем за здоровье «умной» Поли. Выпейте же и вы за здоровье известного Вам «чудака» Иосифа».

Но пробыл в Вологде Сталин недолго. В январе 1912 года на VI (Пражской) партийной конференции 33-летний Сталин заочно избирается членом ЦК партии большевиков, а в середине февраля к нему в Вологду по поручению Ленина приезжает член Русского бюро ЦК Орджоникидзе — для личной информации Сталина о решениях, принятых в Праге.

И 29 февраля 1912 года Сталин бежит из ссылки. Незадолго до этого он посылает Пелагее Онуфриевой в Тотьму открытку:

«Уваж-мая П.Г.! Ваше письмо передали мне сегодня, и я тотчас направил его по адресу, т.е. на станцию Лугтомга Северной ж.д. (там служит Петька). По старому адресу больше не пишите... Если понадобится мой адрес, можете получить у Петьки. За мной числится поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горячо (просто целовать не стоит). Иосиф».

Говорят: «Стиль — это человек»... Мысль очень уж рафинированная и не очень-то верная. Человек — прежде всего поступок. Недаром в известной формуле «Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку...» и т.д. именно поступок является тем «зерном», из которого произрастает вся судьба человека. Однако стиль действительно многое способен сказать о характере человека и всей его натуре. И из стиля писем раннего Сталина, да и позднего — тоже, видна натура живая, немного ироничная по отношению как к другим, так и к себе, абсолютно лишенная позы и тревоги насчет того, какое впечатление остается о тебе у других... Возможно, «записные» литературоведы и взъедятся на меня, но я бы назвал стиль писем (именно писем!) Сталина схожим в чем-то со стилем пушкинских писем. Но — только писем! Их роднит естественность, самоирония без самоуничтожения и несомненное духовное здоровье.

Если вернуться к моменту побега Сталина из вологодской ссылки, то далее его жизнь разворачивалась весной 1912 года так...

В марте он был в Тифлисе и Баку, где провел ряд совещаний, а 1 апреля выезжает из Баку в Петербург, куда приезжает 10 апреля. Находясь на нелегальном положении, он редактирует большевистскую газету «Звезда» и пишет для нее много статей («Новая полоса», «Жизнь побеждает!», «Они хорошо работают...», «Тронулась!...»).

А 22 апреля 1912 года выходит первый номер ежедневной рабочей газеты «Правда», подготовленный Сталиным вместе с членами социал-демократической фракции III Государственной думы Полетаевым и Покровским и с большевиками-литераторами Ольминским и Батуриным.

В тот же день Сталина арестовывают и помещают в уже хорошо знакомый ему дом предварительного заключения, откуда он 2 июля высылается в Нарымский край под гласный надзор полиции на три года.

Но вся рабочая Россия уже знает его статью «Наши цели», анонимно (без подписи) опубликованную как передовая №1 «Правды».

В этой короткой блестящей статье есть слова, характерные не для фальсифицированного, а для реального Сталина на протяжении всей его жизни. Сталин писал о том, что целью «Правды» будет «освещать путь русского рабочего движения светом международной социал-демократии» и «сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса», и продолжал:

«Ставя такие цели, мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющихся среди социал-демократических рабочих. Более того: мы думаем, что мощное и полное жизни движение немислимо без разногласий, — только на кладбище осуществимо «полное тождество взглядов»!...»

И здесь в полной мере проявлялся уже не эпистолярный, а публицистический и партийный литературный стиль Сталина — лишенный красот, но доходчивый и четкий. Причем стиль Сталина как политика сложился очень быстро! Первое серьезное печатное выступление Кобы — редакционная статья первого номера нелегальной газеты

левого крыла грузинских марксистов «Брдзола» («Борьба»), увидевшего свет в сентябре 1901 года. И уже эта статья была боевой и чисто большевистской — за год до появления самого понятия «большевик».

Да, как натура цельная Сталин сложился рано, а то, чем был он уже в ранней юности, хорошо показывает стихотворение 16-летнего семинариста из Тифлисской духовной семинарии Сосо Джугашвили:

Оно было опубликовано в грузинской газете «Иверия» в номере за 25 декабря 1895 года:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск, чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья и славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»...

Строки горькие, но пророческие... Клевета и ложь преследовали Сталина всю его жизнь, не говоря уже о лжи о нем после его смерти. Впрочем, удивительным было бы обратное, ведь у Сталина и у дела Сталина всегда хватало врагов.

Но хватало ведь и боевых друзей, и верных учеников. И обретал он их в борьбе. В парижской газете Керенского «Дни» в номерах за 22 и 24 января 1928 года эмигрант Се-

мен Верещак, бывший эсер, опубликовал о Сталине два фельетона. О Сталине писал его политический враг? Но что писал:

«Я был еще совсем молодым, когда в 1908 году бакинское жандармское управление посадило меня в бакинскую Баиловскую тюрьму. Тюрьма, рассчитанная на 400 человек, содержала тогда более 1500 заключенных.

Однажды в камере... появился новичок. И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: «Это Коба» (Сталину было тогда тридцать лет. — С.К.).

Живя в общих камерах, поневоле сживаешься с людьми и нравами. Тюремная обстановка накладывает свой отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих примеры со старших. Бакинская же тюрьма имела огромное влияние на новичков. Редкий молодой рабочий, выйдя из этой тюрьмы, не делался профессионалом-революционером. Это была пропагандистская и боевая революционная школа. Среди руководителей собраний и кружков выделялся и Коба как марксист. В синей косоворотке, с открытым воротом, всегда с книжкой.

В личных спорах Коба участия не принимал и всегда вызывал каждого на «организованную дискуссию». Эти «организованные дискуссии» носили перманентный характер.

Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая выбила бы его из раз занятого положения. На молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Отсюда его совершенно особая ненависть к меньшевикам. По его мнению, всякий, называющий себя марксистом, но толкующий Маркса не по-большевистски — прохвост.

Он всегда активно поддерживал зачинщиков. Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем. Когда в 1909 году, на первый день Пасхи, 1-я рота Сальянского полка пропускала

сквозь строй, избивая, весь политический корпус, Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руках»...

Вот так...

Пожалуй, было бы полезно и поучительно взять одну из антисталинских книг — ну, например, классическую по объему лжи и концептуальной подлости книгу Эдварда Радзинского «Сталин» и проанализировать ее, строка за строкой и страница за страницей.

Это было бы, повторяю, очень полезно, потому что после такого детального анализа вряд ли бы кто-то взял описки, подобные книге Радзинского, в руки — даже с целью предельно утилитарной и специфической. Но построчный анализ всегда утомителен как для автора, так и для читателя, да к тому же занимает печатного места примерно в три раза больше, чем анализируемый текст — его ведь тоже надо довести до сведения читателя перед тем, как анализировать... Так что вряд ли это было бы интересное чтение.

Поэтому для того, чтобы показать — как порой всесторонне искажается облик Сталина, мне придется ограничиваться отдельными примерами...

Ну, скажем, в 1995 году в издательстве «Новая книга» вышел сборник «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи». Составитель и автор комментариев — Михаил Лобанов. В издательском предисловии было сказано, что книга может считаться первым вкладом в серьезное изучение эпохи, что она далека от восхвалений Сталина, но так же далека и от очернительства и т.п.

М. Лобанов действительно потрудился немало, и на фоне тогдашней «волкогоновской» антисталинской волны его труд был объективно неплох — если бы не... многие комментарии составителя. Да и позиция издательства оказалась странной — читателя сразу же уведомяли: о том, что книга-де «энциклопедическим» образом охватывает «образ поистине демонической (? — С.К.) фигуры, на счету которой сплетено без числа (странная для документального труда оценка. — С.К.) как злодеяний, так и спасительных дел для Российского государства».

Ченуха какая-то, но как часто и бездумно повторяемая ченуха! И дело даже не в пушкинском «Гений и злодейст-

во — вещи несовместные»... Сегодня многие мифы о якобы «злодействах» Сталина уже сильно подточены документами, но и в 1995 году можно было понять, что это — не более чем злонамеренные мифы. Увы, составитель очень интересного — в своей документальной и мемуарной основе — сборника так этого и не понял. А нередко подбавил кое-чего, ни в какие ворота не лезущего, еще и от себя.

Например, М. Лобанов приводит отрывок из статьи Троцкого «Термидор и антисемитизм» и заявляет, что подобные обвинения Сталина — миф. Однако тут же сам в духе худшего антисталинского мифотворчества утверждает, что «в тех же тридцатых годах в литературе главный удар репрессий пришелся не по космополитическим интернациональным литераторам, а по русским писателям, связанным органически с традициями русской культуры...» Тогда, мол, «были уничтожены поэты «есенинского круга» (Клюев, Клычков, П. Васильев, Орешин и др.)».

Твардовский, Исаковский, Прокофьев, Тихонов, Толстой, Федин, Леонов, Соболев, Шолохов в миф Лобанова не вписываются, и о них он не говорит ни слова. Но разве сравним масштаб небесталанного, но неряшливого духовно и в поведении Васильева с талантом того же Твардовского?

Или вот в той же книге М. Лобанова приведены «воспоминания» В. Бережкова — бывшего переводчика Сталина. Фигура это малодостойная уже потому, что Бережков под старость предпочел сытные Штаты России, которую уже вовсю грабили духовные его собратья. Среди прочего Бережков на странице 477 «вспоминает», что когда он впервые увидел Сталина вблизи, то был якобы близок к шоку, в том числе и от вида лица Сталина, «изрытого оспой».

«Изрыть» — глагол сильный. Словарь Ожегова сообщает, что он означает «всюду наделать ям, рытвин». Всюду!

А теперь открываем страницу 558, где помещены воспоминания Андрея Громыко, причем — о тех же временах, о которых «вспоминает» Бережков, и читаем: «Мне случилось, и не раз, уже после смерти Сталина, слышать и читать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Этого я не помню, хотя много раз с близкого расстояния смотрел на него. Что же, коль эти следы имелись, то, вероятно, на-

«только незначительные, что я, глядевший на это лицо, ничего подобного не замечал».

Можно ли после этого верить таким вот «свидетельствам» Бережкова о Сталине: «Наигранной бодростью он прикрывал свое неверие в народ, презрительно обзывая аплодировавшую ему толпу (? — С.К.) «дураками» и «болванами». Но именно этот нелюбимый и пугавший его народ...», и т.д.?

Бережков не замечает, что это он относится к народу презрительно, именуя его толпой. Но как часто тот же Бережков некритически воспринимается даже «историками» как серьезный источник... Еще бы: личный переводчик Сталина!

И ведь действительно — переводчик!

Конечно, о Сталине теми, кто был к нему в той или иной мере близок, написано и много хорошего. Собственно, случай Бережкова здесь фактически единичен, что характеризует не только Сталина, но и самого Бережкова. Но особенно впечатляют, как на мой вкус, свидетельства о Сталине бывшего командующего авиацией дальнего действия Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Сам высококлассный летчик, он всегда был человеком чести, не юлил, не лебезил. Достоверность его мемуаров если и не абсолютна (этим качеством, увы, не всегда обладают даже документы), то очень высока.

До личного знакомства со Сталиным Голованов, тогда шеф-пилот Аэрофлота, воспринимал его великим человеком без души и сердца. К тому же у Голованова были еще свежи в памяти не самые приятные для него и ряда его ближайших родственников воспоминания о 1937 году. Однако, начав сотрудничать со Сталиным с зимы 1941 года, он в конце концов проникся к нему чем-то вроде любви сына к строгому и мудрому отцу — иными словами я не могу определить тот тон, которым Голованов всегда рассказывает о Сталине. Он не раз подчеркивает сдержанность и воспитанность Сталина, его высокую внутреннюю культуру и, как особо характерную черту, выделяет поразительную требовательность Сталина не только к другим, но и прежде всего к себе.

Однажды во время войны, когда оба были измотаны какой-то особо сложной и срочной проблемой, Голованов

сгоряча сказал Сталину: мол, чего вы от меня хотите, я простой летчик... И Сталин тут же отпарировал: «А я — простой бакинский пропагандист». А потом прибавил: «Это вы так только со мной можете говорить. С другими вы так не поговорите»...

Лишь с годами Голованов понял, как Сталин был прав.

А КАК часто приходится читать о поощрении Сталиным собственного восхваления. Возможны и иные варианты «воспоминаний»: мол, для профформы возмущался, а на деле без фимиама жить-де не мог.

Но уже после смерти Сталина Анастас Микоян на июльском 1953 года Пленуме ЦК — том, где политически казнили Берию, говорил (цитирую по направленной стенограмме):

«...о культе личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так шло...»

Для верного представления об отношении Сталина к прославлению в его лучшие, боевые годы полезно познакомиться с историей о несостоявшемся посвящении Сталину некоей книги...

Старый партиец Б.Е. Бибинейшвили написал книгу «Камо» о знаменитом кавказском большевике-боевике Тер-Петросяне (Камо). 20 апреля 1933 года председатель правления и заведующий издательством Всесоюзного общества старых большевиков Илья Ионович Ионов-Бернштейн (1887—1942) обратился к секретарю Сталина Поскребышеву с просьбой. Бибинейшвили и сестра Камо просили показать Сталину посвящение, с тем чтобы получить его согласие на помещение в книге.

Текст посвящения был следующим:

«Тому

Кто первый вдохновил Камо на беззаветную героическую революционную борьбу,

Кто первый назвал его именем «Камо».

Кто стальной рукой выковал большевистские организации Грузии и Закавказья,

Кто вместе с гениальным вождем международного пролетариата Лениным руководил освободительной борьбой пролетариата и победой Великого Октября,

Кто после смерти Великого Ленина продолжает и развивает дальше учение Маркса—Ленина, теорию и практику основоположников марксизма-ленинизма, стратегию и тактику революционной пролетарской борьбы,

Тому, под непосредственным руководством которого партия осуществляет великую задачу построения бесклассового социалистического общества на одной шестой части мира.

Великому вождю Ленинской Коммунистической партии и Коминтерна, Гениальному организатору и стратегу международной пролетарской революции Тов. СТАЛИНУ

посвящает автор эту книгу.

Б. Бибинейшвили»

На следующий день Сталин направил Ионову записку:

«Тов. Ионов!

Я против «посвящения». Я вообще против «посвящений с воспеванием. Я тем более — против предложенного текста «посвящения», так как он насилует факты и полон ложноклассического пафоса воспевания. Не нужно доказывать, что никакой я не «теоретик» и тем более — «гениальный организатор» или «стратег международной революции». Прошу успокоить не на шутку разволновавшегося автора и сообщить ему, что я решительно против «посвящения».

Привет!

И. Сталин».

Тон этой записки, не лишенный иронии, абсолютно естественен и Сталину свойствен с самых его молодых лет как в частных и деловых письмах, так и статьях. Но я по-

грешил бы против собственного впечатления, если не сказал бы, что ближе к концу 30-х годов и особенно позднее эмоциональный настрой сталинских текстов претерпевает изменения. Уходят молодая задиристость и весёлая ирония. И их сменяет спокойная уверенность в значительности того, что пишет и говорит Сталин.

Но это не значит, что Сталин начинал почивать на лаврах. Просто конец 30-х годов — это время, когда авторитет Сталина окончательно окреп и стал ведущей силой в партийно-государственном руководстве. И дело не в подавлении «инакомыслия» в стране, а в том, что к концу 30-х годов все яснее и убедительнее стала выявляться правота Сталина и тех, кто шел за ним. Его правоту доказывали изменения во всех сферах общественной жизни. И это все лучше видели объективно настроенные люди не только в России, но и вне ее. В 1933 году, сидя в английской тюрьме, выстроенной на индийской территории, будущий глава свободной Индии 44-летний Джавахарлал Неру написал очерки мировой истории для своей дочери Индиры Ганди. Писал он там и о России, о Сталине:

«В прошлом случалось, что страны концентрировали все свои силы на решении какой-то важной задачи, но это бывало только в военное время. Советская Россия впервые в истории сконцентрировала всю энергию народа на мирном созидании, а не на разрушении. Но лишения были велики, и часто казалось, что весь грандиозный план рухнет. Многие видные большевики полагали, что напряжение и лишения должны быть смягчены. Не так думал Сталин. Непреклонно и молчаливо продолжал он проводить намеченную линию. Он казался железным воплощением неотвратимого рока, движущегося вперед к предначертанной цели».

Да, тогда появилось выражение «железный сталинский нарком». И если уж толковые наркомы у Сталина имели железную волю, то у самого Сталина она была без преувеличений стальной.

Впрочем, в частной жизни Сталин оставался прежним, способным на шутку, на улыбку. До самого начала войны он забавлялся игрой в шутливые приказы, которая ему

должна была писать дочь Светлана, которую отец называл в письмах «Сетанка-хозяйка» и «воробушка», подписываясь: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин»...

Но Сталин был так же естественно шутлив и с Кировым. Пожалуй, уникальными можно считать свидетельства Артема Федоровича Сергеева, сына знаменитого «Артема» (Сергеева), члена ВЦИК, погибшего 24 июля 1921 года во время испытания аэровагона на Московско-Курской железной дороге. После гибели мужа мать малыша, родившегося 5 марта 1921 года, серьезно заболела, и его взял в семью Сталин.

Между прочим, когда старший Сергеев погиб и Буденный сетовал — мол, какая нелепая случайность, Сталин ответил: «Если случайность имеет политические последствия, то к такой случайности нужно присмотреться». Принцип, применимый и к «неожиданной» смерти самого Сталина.

38-летний «Артем» был яркой личностью: в партии с 1901 года, прямой соратник Ленина, в 1910 году бежал из ссылки вначале в Корсую, затем переехал в Шанхай, а оттуда в Австралию, где вел активную революционную работу. В 1917 году он вернулся в Россию, и нет никаких сомнений в том, что если бы не погиб, то вошел бы в сталинскую когорту очень сильным ее членом.

Сын «Артема» Артем Сергеев прожил достойную жизнь, и его воспоминания можно считать фотографичными. В изданной издательством «Крымский мост-9Д» в 2006 году небольшой книге «Беседы о Сталине» он говорит:

«С самого начала, как я себя помню осознанно, я помню и его, и к нему самое высокое уважение. Казалось, что это самый умный, самый справедливый, самый интересный и даже самый добрый, хотя в каких-то вопросах строгий, но добрый и ласковый человек...»

Так или иначе не упомянуть эти воспоминания в книге о Сталине сегодня просто невозможно — если ты хочешь написать о Сталине не только правдиво, но и объемно. Но сейчас я вспомнил о Сергееве в связи с темой о чувстве юмора у Сталина и его якобы склонности к возвеличиванию. На вопрос, любил ли Сталин юмор, его приемный сын ответил так:

«Всегда. Что бы ни было, в любой ситуации. Он всегда говорил образно, много цитировал Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Зощенко, еще какие-то забавные вещи. И он, и Киров хорошо знали писателей-сатириков, классиков этого жанра. Зощенко Сталин с Кировым часто цитировали, поскольку это был злободневный автор, ...высмеивавший пороки тогдашнего общества. Но никогда не цитировалась забавная история ради самой истории. Всегда это было к слову...

Между собой всегда у них с Кировым был юмор. Киров называл его «великий вождь всех народов, всех времен». Говорил: «Слушай. Ты не подскажешь, ты образованней меня, чей ты еще великий вождь? Кроме времен и народов, что еще на свете бывает?»

А Сталин его называл «Любимый вождь ленинградского пролетариата». И тоже подтрунивал: «Ага, кажется, не только ленинградского, а еще и бакинского пролетариата, наверное всего северо-кавказского. Подожди, напomini, чей ты еще любимый вождь? Ты что, думаешь, у меня семь пядей во лбу? У меня голова — не дом Совнаркома, чтобы знать всё, чьим ты был любимым вождем»...

Так могут шутить абсолютно не чванные и абсолютно духовно здоровые люди. Какими, собственно, Сталин с Кировым и были.

Да и в самом-то деле! Мог ли ханжа и любящий — по нынешней модной присказке — «себя любимого» человек так ответить 26 октября 1936 года на запрос Чарльза Наттера, заведующего бюро «Ассошиэйтед Пресс», по поводу сообщений западной печати о тяжелом заболевании и даже смерти Сталина:

«Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из

списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

С уважением
И. Сталин».

Классический юмор этой записки превосходит по своей силе, пожалуй, лишь классический же ответ Марка Твена: «Слухи о моей смерти чрезвычайно преувеличены». Причем это был не первый подобный случай. Еще 3 апреля 1932 года «Правда» опубликовала такой ответ Сталина на письмо представителя «Ассошиэйтед Пресс» Ричардсона:

«Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьез и надолго, если не хуже. Может быть, это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это ни печально, а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров...»

Нет, Сталин был не только выдающейся личностью, он был еще и просто по-человечески привлекательной личностью, умеющей без натуги драпировать свое естественное величие в естественный же для нее юмор.

Сопоставляя судьбы приемного сына Сталина Артема Сергеева и родной сталинской дочери Светланы, можно уверенно сказать, что Светлана оказалась не лучшей дочерью, но не Сталин был в том виноват. Он Светлану любил, а она его — не очень-то, личностно походя скорее на мать, чем на отца, и зачастую его огорчая, особенно уже во взрослой своей жизни.

К слову, ее воспоминания нередко недостоверны не только психологически (в негативных оценках Берии, например), но и фактически. Так, она утверждает, что отец летом 1946 года уехал на юг впервые после 1937 года, но это была вторая такая дальняя поездка Сталина — первая пришлось на апрель 1944 года, о чем свидетельствует и генерал-майор Михаил Докучаев, бывший заместитель на-

чальника 9-го Управления КГБ, ответственного за охрану правительства.

Во время обеих поездок Сталин очень нервничал, видя разруху, людей, живущих в землянках. А во вторую поездку на дороге от Симферополя до Ялты произошел описанный тем же М. Докучаевым случай, тоже характеризующий внутренний мир Сталина и его натуру очень ярко. Докучаев пишет об этом так:

«Как раз на перевале в его (Сталина. — С.К.) машину с полного хода врезалась старая полуторка. Естественно, бронированный «паккард» выдержал столкновение, а полуторка вся развалилась. Каково же было удивление, когда из нее вылезла женщина-водитель лет сорока пяти. Вышел тогда из машины и Сталин. Женщина, не разобравшись в ситуации, с наивной прямоотой сказала: «Как же вы дальше поедете?» Сталин, увидев ее жалкий вид и разбитую машину, поняв, что инцидент произошел из-за дождливой погоды, ответил ей: «Мы-то поедем. А вот как вы поедете?»

Сталин сказал тогда министру госбезопасности Абакумову, следовавшему в кортеже, чтобы эту женщину не привлекали к ответственности...»

Здесь не место много говорить о репрессиях 30-х годов. Да, они были. Но позднее, на примере известного ныне «историка»-эмигранта Авторханова, мы увидим, было ли большинство репрессированных «невинными жертвами сталинизма»... Без действительно невинных жертв тогда, увы, не обошлось, но они объясняются не «кровожадностью» или «подозрительностью» Сталина, а прежде всего деятельностью скрытых антисоветских и троцкистских элементов в обществе и в системе НКВД, а порой — и неизбывной «расейской» дуростью и подлостью «на местах».

Главное же — враги у новой России имелись. И, не обращаясь сейчас к фактам и статистике, скажу о психологическом аспекте вопроса, о котором Сталин хорошо говорил 9 сентября 1940 года на совещании в ЦК ВКП(б), разбиравшем кинофильм «Закон жизни», снятый по сценарию молодого, но быстро зазнавшегося писателя А. Авдеевского.

Знакомство с многостраничной стенограммой этого совещания, в котором вместе с членами Политбюро приняли участие Фадеев, Федин, Соболев, Асеев, Катаев, Лебедев-Кумач, Столпер, сам Авдеенко, способно развеять не один гнусный миф о Сталине и его эпохе. Но я ограничусь лишь фрагментом выступления Сталина:

«...Я бы предпочел, чтобы нам давали врагов не как извергов, а как людей, враждебных нашему обществу, но не лишенных некоторых человеческих черт. У самого последнего подлеца есть человеческие черты, он кого-то любит, кого-то уважает, ради кого-то хочет жертвовать... Я бы предложил, чтобы в таком виде врагов давать, врагов сильных. Какой же будет плюс, когда мы шумели, — была классовая борьба капитализма с социализмом, и вдруг замухрышку разбили... Разве не было сильных людей? Почему Бухарина не изобразить, каким бы он ни был чудовищем, — а у него есть какие-то человеческие черты. Троцкий — враг, но он был способный человек, — бесспорно, — изобразить его как врага, имеющего отрицательные черты, но и имеющего хорошие качества, потому что они у него были, бесспорно...»

Здесь Сталин говорил о врагах политических... А ведь за двадцать лет после 1917 года — к 1937 году в новой России не ушли в прошлое и ее враги нравственные, которые были врагами не в силу некоей своей организованной борьбы против Советской власти, а в силу того, что были ее духовными антиподами. Вот что писал 18 января 1938 года в странном письме в Комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б) консультант Главного управления кинематографии некто Г.В. Зельдович:

«Партия в 1937 году провела огромную очистительную работу в стране. Слабее всего расчищена среда работников искусства... Морально-бытовые устои здесь наименее слабы... Огромно безделье... Глубокие, тонкие и сложные корни имеют подхалимство, семейственность и пр. .. Политический маразм — среди работников искусства в большом

ходу сексуальные и порнографические вещи... «Забавляются» всем этим весьма и весьма. Любовь к «Западу» огромна. Мечтают о зарубежных поездках... Среди киноработников много политических сплетен об орденонаграждениях и др.»

Надо сказать, что Зельдович в своем письме — откровенном и толковом — выкладывал правду не по внутреннему убеждению, а с перепугу. Вот его официальная характеристика тех дней: *«Зельдович Г.В., консультант-редактор по Мосфильму. Рождения 1906 года. Беспартийный, родился в гор. Тульчине. Образование среднее. Отец — сын богатых родителей. Один брат отца — в Польше, другой в Риге (тогда, как и сейчас, это была «заграница». — С.К.), а родственники матери в Америке. Подхалим. Пользовался особым доверием Шумяцкого (бывшего председателя Кинокомитета, о котором Зельдович написал в своем письме немало отрицательного и явно имевшего место быть. — С.К.). Проявлял внешнюю активность, по политическим вопросам не выявляет своего лица».*

Зельдовича — несмотря на его отнюдь не дутые, но запоздавшие разоблачения, с Мосфильма уволили. Не знаю — возможно, он позднее тоже попал в «жертвы репрессий». Но был ли он виноватым без вины?

Что же до навязшего в зубах «военного заговора», то коротко замечу, что если бы во главе РККА в 1941 году командовал тот «цвет» армии, олицетворением которого были Тухачевский и Якир и который «уничтожил» «тиран» Сталин, то всё в 1941 году и закончилось бы. Но закончилось бы не знаменем Победы над Берлином, а парадом вермахта на Красной площади, который принимал бы с трибуны Мавзоля Гитлер. Причем я имею в виду даже не несомненно предательскую роль «тухачевских», а полководческую и военную бездарность их и «выпестованных» ими «кадров».

Нет, в своей основе то, что было предпринято Сталиным в 1937—1938 годах, было даже не репрессиями в точном смысле этого слова, а *чистками* — тоже в точном смысле этого слова.

Не буду я здесь заниматься и развернутым анализом достоверности хрущевско-горбачевских цифровых данных о масштабах репрессий, скажу лишь, что они, судя по всему,

завышены в несколько раз. Но приведу все же два свидетельства, прозвучавших в разное (но одинаково послесталинское) время с разных «этажей» социальной лестницы...

В насквозь «демократическом» сборнике документов «Георгий Жуков», изданном под научной редакцией В. Наумова Международным фондом «Демократия» в 2001 году, приведены воспоминания маршала Жукова, датированные 1963—1964 годами, и на стр. 622 читаем:

«Партия ценила заслуги СТАЛИНА и верила ему. Тогда еще не знали о размерах того зла, которое причинил СТАЛИН в 1937—1938 годах советскому народу».

А вот признание известного разработчика ядерных вооружений, профессора Н.З. Тремасова, автора мемуаров «Назначение отменяется, позвоните по телефону... (записки Главного конструктора радиоэлектронных систем ядерного оружия)», изданных в Нижнем Новгороде в 2000 году. На странице 72 он мимоходом сообщает:

«Видимо, репрессии носили избирательный, не массовый характер (я, во всяком случае, о них до смерти Сталина и не слыхал)»...

Жукову в 1937 году был сорок один год, и он уже занимал должность командира 3-го кавалерийского корпуса. Тремасов родился в центре России, в селе Репное Балашовского района Саратовской области в 1926 году, и о временах 1937—1938-го года уже мог иметь вполне сознательное представление. Но вот же — ни в его детском восприятии, ни в восприятии вполне взрослого Жукова «репрессии» **тогда** не отпечатались. Не такими уж, выходит, «массовыми» они были на деле.

И лишь после смерти Сталина Жуков, Тремасов и многие другие «вспомнили» о репрессиях, судя о них при этом вкривь и вкось.

Президент США Рузвельт собирал марки, маршал Тухачевский делал скрипки, а у Сталина с его молодых лет и до октября 1917 было одно «хобби» — борьба за установление в России власти, озабоченной построением лучшей жизни для трудящихся. С осени 1917 года он сменяет его уже на другое «увлечение» — отстаивание этой, уже установленной

власти от посягательств внешних и внутренних врагов... К середине 20-х годов к этому новому «хобби» прибавилось еще одно: построение в России развитого социализма.

И занимался всем этим Сталин без угрюмости, а даже как-то весело. 4 августа 1918 года он пишет Ленину из Царицына о критическом положении на Юге, но пишет без падрыва и истерики. Он как бы говорит: дела невеселые, но если унывать, они не улучшатся... Да, положение на Юге не из легких, товарищ Ленин, но я же здесь, и со мной хорошие товарищи. И дело наше правое. А раз так — мы не печалимся, а работаем...

Формально подобных слов в письме Сталина нет — оно конкретно, предметно, информативно, и эмоции в нем не проявляются. Но подтекст этого и других писем Ленину с фронтов Гражданской войны именно таков.

Лишь иногда юмор Сталина и его неумение унывать прорываются в признаниях типа следующего:

«В Астрахани скота не меньше, чем в Котельникове (где скопилось 40 тысяч голов крупного рогатого скота. — *С.К.*), но местный продкомиссариат ничего не делает. Представители Заготселя спят непробудным сном, и можно с уверенностью сказать, что мяса они не заготовят».

Однако это не позиция крыловского Повара по отношению к коту Ваське. Просто к слову пришлось: вот, мол, Владимир Ильич, как живем, бестолочи, и саботажа хватает, но мы и с этим справимся, мы ведь — большевики.

17 декабря 1936 года уже признанный лидер страны Сталин пишет письмо главным редакторам «Правды» Мехлису и «Известий» Талю, устроившим газетную перепалку Шумяцкого и Керженцева вокруг вопроса об использовании джаза в советском искусстве:

«Т-шу Мехлису, т-шу Талю.

Читал в «Правде» в номере от 17 декабря 1936 года статью «Обывательский зуд». Считаю, что тон критики, взятый «Правдой» в этой статье, неправилен и в корне противоречит товарищеским отношениям между двумя коммунистическими газетами.

Более того, мне кажется, что тон критики в ука-

занной статье является выражением литературного хулиганства...

Предлагаю редакции «Правды» прекратить возню с вопросом о «джазе» и больше не повторять ошибок в деле товарищеской критики родственной коммунистической газеты.

И. Сталин».

Приходится ли удивляться, что за Сталиным, жившим всегда соображениями дела, а не амбициями, легко и уверенно шли люди дела же?!

И он этого, конечно, заслуживал. Теми, кто в разное время был рядом со Сталиным, написано о нем много такого, что само по себе опровергает антисталинскую клевету. Однако из множества таких свидетельств я в заключение этой главы опять выберу свидетельство Артема Сергеева:

«Он умел вовлечь в разговор и в этом разговоре не допускал, чтобы ребенок чувствовал себя несмышленышем. Он задавал взрослые вопросы... он очень просто, доступно, ненавязчиво, не по-менторски вел разговор и давал понять суть.

Один разговор, относящийся к 1929 году, я помню. Сталин меня спросил: «Что ты думаешь о кризисе в Америке?» Что-то мы (Сергеев имел в виду своего названного брата Василия Сталина. — С.К.) слышали: буржуи, мол, выбрасывают кофе с пароходов в море. «А почему это делается?» — спрашивает Сталин. Ну, а я в том смысле говорю, что они нехорошие, лучше бы нам, нашим рабочим и крестьянам отдали, если им не нужно, если у них так много.

«Нет, — говорит он, — на то и буржуи, что они нам не дадут. Почему они выбрасывают? Потому что заботятся о себе, как бы побольше заработать. Они выбрасывают потому, что остаются излишки, их люди не могут купить... Чтобы держать высокую цену, он выбрасывает. Капиталист всегда так будет делать, потому что его главная забота — чтобы было больше денег.

Наша главная забота — чтобы людям было хоро-

шо, чтобы им лучше жилось, потому ты и говоришь: лучше бы нам дали, потому что ты думаешь, что у них забота, как и у нас — как сделать лучше людям»...».

Восьмилетний мальчишка не спрашивал у Сталина — зачем Сталин живёт? Подобный вопрос из уст маленького Артема был, конечно, еще невозможен — он был выше детского чувствования. А когда Артем Сергеев повзрослел, этот вопрос по отношению к Сталину тоже был невозможен — приемный отец сантиментов не любил и приемного сына к ним не приучил. Да и природная закваска у Артема Сергеева была не та, чтобы терзаться чувствительными «умными» вопросами — это и по его фото разных лет видно.

Однако Сталин сам — в разговоре с ребенком, но в разговоре о взрослых, серьезных вещах дал ответ на этот вопрос.

Глава третья

УЧЕНИК, ПРЕВЗОШЕДШИЙ УЧИТЕЛЯ...

Должность честных вождей народа —
нечеловечески трудна.

М. Горький, «В.И. Ленин»

Имена Ленина и Сталина давно стали синонимами фундаментальных понятий мировой истории. Однако друг для друга они были живыми людьми, соратниками и — хотя для дружбы в обычном смысле биографии обоих не очень подходили — друзьями. Ленин, родившийся в 1870 году, был старшим. Сталин, родившийся в 1879 году, — младшим как по возрасту, так и по положению в общем их деле.

Сталин называл себя всего лишь учеником Ленина, и это не было позой уже потому, что Сталин и поза всегда были вещами несовместными. Сталин действительно и ощущал себя учеником Ленина, и был им по существу. Чтобы понять это, достаточно вчитаться в ленинские труды и в сталинские труды. Литературные стили двух партийных литераторов и социальных мыслителей Ленина и Сталина внешне различны, причем у Ленина эмоциональный накал текстов выше, стиль же Сталина суше и даже тяжеловеснее. Однако умные текстологи давно заметили, что как Ленину, так и Сталину был свойственен прием, которым пользовались еще в Древнем Риме. Оба выдвигали какой-то тезис, обосновывали его, двигались дальше, но с какого-то момента вновь возвращались к этому основному тезису и обосновывали его уже иными аргументами. Этим же были характерны и публичные речи обоих. В результате то, что Ленин и Сталин хотели донести до аудитории, удерживалось в головах слушателей и читателей так же прочно, как умело вбитый гвоздь в доске.

И еще одно...

Есть такой анекдот... Когда Цицерон выступал перед римлянами, аудитория восхищалась: «Как красиво говорит Марк Туллий!» А когда свои речи перед афинянами произносил Демосфен, афинская агора ревела: «Вперед, на Спарту!»

Так вот, речи и печатные работы Ленина тоже были рассчитаны не на эффект, а на эффективность, на реальный результат. И результат был, как правило, налицо! Однако у Сталина этот же подход был доведен почти до совершенства. Не исключено при этом, что при выработке литературного стиля Сталин учел и тот опыт, который он приобрел в духовной семинарии — теологи тоже умели добиваться эффективности, а не эффектности. Так или иначе, он спокойно, уверенно и методично раз за разом бил в одну точку — как неподатливый чурбан клином колол... И так раскалывал самые крепкие проблемы — от вскрытия несостоятельности оппозиции до вопросов языкознания.

К слову, насчет последнего... Как уж в последние десятилетия изгалялись все, кому не лень, над сталинскими работами по этому вопросу. Мол, «невежественный вождь» самоуверенно возжелал и тут «отметиться». А несчастные «рабы-подданные» должны были его «галиматью» изучать и восхищаться...

Но несколько лет назад я оказался случайным свидетелем разговора крупного обществоведа-марксиста Ричарда Ивановича Косолапова, издателя дополнительных томов Собрания сочинений Сталина, и известного профессора-лингвиста. И этот профессор сообщил, что коллектив исследователей в одном из академических институтов проанализировал работы Сталина по языку с современных позиций и пришел к выводу, что в основных своих положениях они научно корректны, что грубых ошибок там нет, зато есть ряд интересных, самобытных мыслей, которые еще предстоит осмыслить. Вот так!

Но это — к слову. Вернемся к тому, чем был Ленин для Сталина... В сталинском кабинете лежала посмертная маска Ленина. И это тоже не было деталью «на публику», тем более что публика в сталинском кабинете собиралась невпечатлительная и на дешевые эффекты не ловилась. Нет, Сталину действительно нужен был Ленин — нужен для его

внутренней напряженной жизни духа. Маяковский заметил точно: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...» Думаю, и поэтому Сталин после смерти Маяковского сразу прекратил недостойную крысиную возню вокруг имени самого талантливого русского поэта XX века, сказав, как припечатал: «Маяковский был и остается лучшим поэтом нашей пролетарской эпохи».

У меня нет сомнений в том, что Сталин внутри себя постоянно советовался с Лениным. И ему нужен был рядом с ним не скульптурный или живописный портрет — пусть даже самый распрекрасный и талантливый, а именно маска, фотографически точно передающая знакомые черты лица так, чтобы можно было всматриваться в них и всматриваться...

Не сомневаюсь, что и легенды о Сталине, периодически приходящем по ночам в Мавзолей, имеют под собой реальную основу. Глядя на знакомые черты, Сталин мог лучше вспомнить голос, те или иные ситуации, те или иные повороты ленинской мысли, свидетелем которых он был... Он мог вспоминать все это и в ночной тишине думать о своем...

А точнее — о том же, о чем думал и Ленин... Кажется, меньшевик Дан, имея в виду Ленина, однажды в сердцах бросил: «Да разве можно тягаться с человеком, который двадцать четыре часа в сутки думает об одном и том же — о пролетарской революции!»

Сталин не был бы учеником Ленина, если бы не думал те же двадцать четыре часа о том же, что и учитель. Но ученик был достоин учителя, и поэтому он пошел дальше его.

Учитель заложил фундамент.

Ученик строил уже здание и поэтому не мог не превзойти Учителя — если был его достоин.

А Сталин был достоин.

Ленин сказал: «Из России неповской будет Россия социалистическая»...

А Сталин ее социалистической сделал.

ПРИ ЭТОМ Сталин, как я понимаю, после смерти Ленина постоянно сверялся с теми ленинскими оценками, которые касались непосредственно его, Сталина. В первую

очередь я имею здесь в виду, конечно же, ленинское «Письмо к съезду».

24 декабря 1922 года уже болевший Ленин продиктовал этот знаменитый текст, где были и следующие слова:

«Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашение... На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол...

Я думаю, что основными в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Через некоторое время — уже 4 января 1923 года — Ленин продиктовал еще более знаменитое дополнение к предыдущей диктовке, где о Сталине было сказано так:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места (Генерального секретаря ЦК. — С.К.) и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличался бы от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»

Пожалуй, Ленин тут был к Сталину не очень справедлив — на позицию Владимира Ильича повлиял, надо полагать, известный конфликт, когда Сталин сделал выговор Крупской за нарушения утвержденного в ЦК режима лечения Ленина, исключаяющего его ознакомление с политическими документами и т.п. Но для Сталина вряд ли было

очень существенным то, насколько Ленин был к нему справедлив или несправедлив. Как любой самокритичный человек, Сталин вряд ли задавался этим вопросом. Скорее его могло волновать иное: «Что же такое есть у меня в характере, что Ильич счел возможным сказать об этом публично?» И, как я догадываюсь, эта мысль, укоренившись в душе Сталина, год за годом помогала ему быть сдержанным и некапризным в самых острых ситуациях.

Если ориентироваться не на антисталинские мифы, а на объективные мемуарные свидетельства и на документы, в том числе и на стенограммы, фиксирующие реакцию Сталина на те или иные речи и т.д., то не так уж и сложно понять, что Сталин был не нетерпим, как в этом уверяют его недоброжелатели, а, напротив, терпим. Да, представьте себе, он был явно терпим к проступкам и даже серьезным грехам товарищей, если надеялся на то, что товарищи выправятся. Бил он только неисправимых, и то не сразу. Но уж если бил, то — крепко.

Однако без унижения человеческого достоинства тех, кого приходилось бить. Причиной была несомненная высокая внутренняя культура и самодисциплина. Малоизвестная деталь: одна из дочерей Льва Толстого уже в эмиграции (уехала из СССР на время, осталась за границей навсегда) написала мемуары. И в них, рассказывая о своей встрече со Сталиным, она отмечала его «совершенно не большевистскую вежливость». Впрочем, о вежливости и сдержанности Сталина писали многие.

Не влиянию ли ленинской критики обязан был Сталин этой своей почти безграничной сдержанностью, которую лишь в редких случаях опрокидывал его кавказский темперамент? Весьма вероятно — да! Ведь, вскипая, Сталину достаточно было вспомнить слова Ленина, чтобы удержать себя в руках.

Походить на Ленина — не копируя его, конечно, а развивая лучшие в себе свойства, присущие Ленину, — это для Сталина, вне сомнений, было рабочим правилом всю его жизнь после смерти Ленина.

Да и могло ли быть для Сталина иначе?

Однажды мне попался на глаза некий очерк эсера Виктора Чернова, политического оппонента Ленина и Сталина, об

одном из них. Я приведу цитату из этого очерка, а к кому из двух она относится, пусть читатель пока догадывается сам:

«Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт... делали из него какого-то духовного «Ваньку-Встаньку». После всех неудач, ударов судьбы, поражений, даже... позора, он умел духовно выпрямляться... Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают. Это был сильный и крепкий политический боец... Он никогда не был блестящим фейерверком слов и образов, ... говорил он всегда не красно. Он бывал и неуклюж, и грубоват, ... он часто повторялся, ...но в этих повторениях, и в грубоватости, и в простоте была своя система и своя сила. Сквозь разжевывания... пробивалась живая, неугомонная волевая стихия, твердо шедшая к намеченной цели... Его... считали честолюбцем и властолюбцем; но он был лишь естественно, органически властен, он не мог не навязывать своей воли, потому что был сам «заряжен двойным зарядом» ее, и потому, что подчинять себе других для него было столь же естественно, как центральному светилу естественно притягивать в свою орбиту и заставлять вращаться вокруг себя меньшие по размеру планеты... Но... пышность и парадность не радовала его глаз; плебей по привычкам... он оставался прост и натурален в своем быту... Он был профессиональным борцом, он был политическим боксером на арене социальных распри, и в этом смысле знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: этой страстью была сама его профессия, сама борьба, само переливание своей воли в формы политических событий...»

О ком это? Характеристика настолько подходит и Ленину и Сталину, что не раз предлагая коллегам угадать, о ком это было сказано, я слышал в ответ: «О Сталине, конечно!».

Но это — отрывок из очерка Чернова «Ленин», опубликованного в эмигрантском журнале «Воля России» в марте

1924 года — сразу после смерти Ленина. И в конце этого очерка бывший министр земледелия во Временном правительстве и бывший председатель однодневного Учредительного собрания, писал:

«Он умер. Его партия, возглавляемая людьми, которых он долго формовал по своему образу и подобию, людьми, которым легко быть его подражателями и столь же трудно — его продолжателями, уже в последнее время повторяла в своей коллективной судьбе его личную судьбу: становилась живым трупом...

На свежей могиле учителя и вождя... она... произнесет обеты верности... завещанию учителя. А затем — погрузится в будни и подпадет опять под власть неумолимых законов размагничивания и распада».

Так закончил свой очерк о Ленине эмигрант Чернов, и, говоря об «обетах верности», он имел в виду, вне сомнений, клятву Сталина над гробом Ленина. Однако жизнь еще раз опровергла Чернова — Сталин стал именно продолжателем Ленина, и вместо погружения в будни и распада Россия под руководством Сталина начала грандиозную, никогда ранее ей неведомую в подобных масштабах работу созидания.

Причем Сталин, как и Ленин, был в этой работе универсален и вездесущ. Он продолжал Ленина и шел дальше, постоянно углубляя и совершенствуя свой управленческий универсализм. В подтверждение сказанного приведу лишь два примера...

Горький оставил интересное свидетельство об уровне понимания Лениным специальных вопросов. В своем известном очерке 1924 года он писал:

«Я предложил съездить ему (Ленину. — С.К.) в Главное артиллерийское управление посмотреть изобретенный одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

— А что я в этом понимаю? — спросил он, но поехал. В сумрачной комнате... собралось человек

семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, ученые люди... Изобретатель начал объяснять... Ленин послушал его минуты... три... и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики...

Изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне: — Я сообщил моим генералам, что вы придете с товарищем. Но умолчал, кто товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: это техник, профессор? Ленин? Страшно удивились — как? Не похоже! И — позвольте! — откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как человек технически сведущий! Мистификация! — Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...»

Изобретателем, удивившим профессоров-артиллеристов, был, между прочим, Александр Михайлович Игнатьев (1879—1936). Большевик с 1903 года, он окончил Петербургский университет, после революции занимался изобретательской и научной работой, его самозатачивающийся резец был запатентован в США, Англии, Франции, Германии, Италии и Бельгии...

Итак, Ленин был государственным деятелем нового типа еще и потому, что не только хорошо понимал значение научно-технической базы для развития общества, но и умел видеть ключевые чисто специальные моменты, а также и поддержать «техников».

Сталин был его продолжателем и в этом, и продолжателем выдающимся. Он оказался и **единственным** из всех большевистских деятелей первого ряда с дореволюционным стажем, который приложил огромные усилия по самообразованию себя как технократа.

Его базовое образование было чисто гуманитарным, да еще и с теологическим уклоном — духовная семинария. Затем он рос как революционер-интеллектуал, занимаясь опять-таки социальными, а не техническими проблемами. И так было до революции, которую Сталин встретил 38-лет-

ним, так было и в первые годы после революции — во время Гражданской войны и сразу после нее, когда почти все время Сталина было занято политической борьбой с троцкизмом и разного рода другими оппозициями.

Тем не менее с началом технической реконструкции страны, с началом первых пятилеток, Сталин все более уверенно заявляет о себе как об универсальном руководителе, способном разбираться и в чисто технических вопросах на том уровне, на каком в них обязан разбираться компетентный деятель социалистического государства.

С металлургами, с геологами, со строителями и машиностроителями он говорит на их языке и не просто понимает их, но нередко видит проблему лучше многих профессионалов.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и в этом отношении отличались от Сталина в глубоко худшую сторону. После 1917 года они оказались во главе огромной державы с огромным комплексным потенциалом, державы, перед которой стояли грандиозные задачи научно-технического и технологического развития. Но даже после этого Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и те, кто к ним примыкал, исповедовали принципы подхода к специальным знаниям, мало отличающиеся от философии фонвизинского «недоросля» Митрофанушки, убежденного, что географию-де учить незачем, ибо извозчики и так куда надо довезут.

Бухарин мог часами обсуждать со своей женой Лариной тонкости художественной манеры Кнута Гамсуна...

А Сталин в это время осваивал учебник электротехники для монтеров. Хотя и в литературе разбирался — в той мере, в какой это требуется компетентному государственному лидеру.

В итоге он удивлял конструкторов танков тем, что с ходу отсекал тупиковые варианты развития отечественных танков, а авиационных конструкторов восхищал тем, что поддерживал перспективные технические решения и — что еще более важно — тех, кто способен их выдвигать.

Примеров здесь можно привести немало, начиная с классических воспоминаний авиаконструктора Яковлева, однако я обращаюсь к воспоминаниям лишь одного специа-

листа — конструктора артиллерийских систем Грабина. Герой Социалистического Труда, кавалер четырех орденов Ленина и лауреат четырех Сталинских премий, Василий Гаврилович Грабин — это целая эпоха в развитии советской артиллерии. Но, весьма вероятно, могло быть так, что Грабин не смог бы подняться, если бы не внимательное отношение Сталина к молодому конструктору.

36-летний Грабин познакомился со Сталиным 14 июня 1935 года — на артиллерийском полигоне в ходе показа новой артиллерийской техники. Тогдашний законодатель мод в подходах к вооружениям — Тухачевский, ствольную артиллерию жаловал не очень и носился с глупейшей (если не сказать больше) идеей перевода всей (!!!) артиллерии на динамореактивный принцип. Будущие «безвинные жертвы сталинизма» из военного ведомства ему не возражали, а даже поддакивали.

Однако новые ствольные системы создавались, и с ними захотел познакомиться Сталин, приехавший на полигон вместе с Молотовым, Ворошиловым, Орджоникидзе и другими.

Была выставлена и новая пушка Грабина Ф-22. Но вышло так, что Грабин не получил возможности доложить о ней подробно, и вот как описывает дальнейшее сам Грабин:

«Не было никакой возможности исправить положение, хоть уходи. В общем, горькие мысли прямо роились в моей усталой голове. Вдруг вижу, Сталин отделился от всей группы и направился в мою сторону...

Сталин подошел к дощечке, на которой были выписаны данные о нашей «желтенькой» (пушка была окрашена в желтый цвет. — С.К.), остановился и стал внимательно знакомиться с ними.

Я все еще стоял в стороне, затем подошел. Сталин обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действие всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность оружейного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

— Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная и легкая...»

Вскоре на совещании в Кремле судьба грабинской дивизионной пушки специального назначения была решена положительно. Сталин, вопреки мнению большинства военных, многие из которых были тогда «тухачевского» образца, лично дал ей «добро». Но более того — Сталин отверг тогда же негодный принцип универсализма и, по сути, определил тот концептуальный подход к развитию отечественных артиллерийских систем, который блестяще оправдал себя в ходе войны.

Вот лишь один из чисто военных результатов сталинского решения 1935 года... День артиллериста (ныне — День ракетных войск и артиллерии) страна празднует 19 ноября. И празднует потому, что именно в этот день в 1942 году мощной артиллерийской подготовкой с участием более 15 тысяч орудий и минометов началось контрнаступление советских войск под Сталинградом.

Для проведения этой переломной в ходе войны стратегической операции Ставка Верховного Главнокомандования передала под Сталинград 75 артиллерийских и минометных полков. «Точка» была поставлена в конце операции, когда 1 февраля 1943 года на головы окруженных немцев упал заключительный огневой русский тайфун... Синоптики тогда не дали ему никакого имени, но если бы необходимость в том возникла, то с учетом того, что тайфунам дают ласковые женские имена, этот «тайфун» по праву падо было бы назвать «Катюшей».

Маршал Василий Иванович Казаков (тогда генерал-лейтенант), командовавший артиллерией Донского фронта, позднее вспоминал:

«Ровно в 8 часов 30 минут заговорили тысячи наших орудий, минометов и «катюш»... Земля дрожала под ногами так, что наблюдать (! — С.К.) за полем боя в бинокль было совершенно невозможно: все плясало перед объективом. Пришлось без помощи приборов обозревать местность, кипевшую в море огня. 15 минут длился огневой налёт, и этого было достаточно... Враг не выдержал...»

Как только огонь утих, к нашей передней линии потянулись сдающиеся немцы и румыны. Они твердили, что их «взяла артиллерия». Казаков писал:

«Первый допрошенный пленный, еще не оправившийся от потрясения, сказал, что «во время огневого налета целые батальоны опускались на колени и молились Богу, прося о спасении от огня русской артиллерии»...»

Артиллерия войны — это многолетний труд оружейников-артиллеристов до войны. И в том, что советская артиллерия была во время войны лучшей в мире, есть, как видим, и прямая заслуга Сталина не только как политического руководителя и организатора государственной работы, но и тонкого знатока специальных артиллерийских проблем!

Как ему это удавалось? Что ж, однажды он сказал об этом сам — в узком товарищеском кругу на обеде после праздничной демонстрации 7 ноября 1940 года. В тот день Георгий Димитров сделал в своем дневнике запись, в которой зафиксировал и такие слова Сталина:

«...Только при равных материальных силах мы можем победить, потому что опираемся на народ, народ с нами. Но для этого надо учиться, надо знать, надо уметь...

С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов...

Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один.

Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрчиваете наследство Ленина...»

В отличие от тех, кто проматывал наследие Ленина или пренебрегал им, Сталин показал себя достойным учеником Ленина. Достойным, в том числе и потому, что превзошел учителя в деле практического руководства самыми различными сторонами жизни огромной социалистической страны. Но при этом постоянно сверялся с Лениным, в том числе и публично.

9 сентября 1940 года, на уже упоминавшемся мной раннее совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни», Сталин говорил:

«Как Ленин ковал кадры? Если бы он видел только таких, которые лет 10—15 просидели в партийной среде на руководящих постах и проч., и не замечал тех молодых, которые растут как грибы... если бы он этого не замечал и не ломал традиций стажа, пропал бы. Литература, партия, армия — все это организм, у которого некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь, пока старые отомрут...»

Это была, конечно, не апология репрессий, в том числе и потому, что перед этим Сталин напоминал об умении ломать устои, имея в виду «лучшего, — как он сказал, — полководца нашей страны» Суворова:

«Он монархист был, феодал, ...сам граф, но практика ему подсказала, что нужно некоторые устои ломать, и он выдвигал людей, отличившихся в боях. И только в результате этого он создал вокруг себя группу, которая ломала всё... Его недолюбливали, ...а он двигал малоизвестных людей, ...создал вокруг себя группу способных людей, полководцев. То же самое, если взять Ленина. Как Ленин ковал кадры?..»

Нет, это была не апология репрессий, а призыв к естественному обновлению, в том числе — и самообновлению. И поэтому со Сталиным присутствующие тут же вступали в дискуссию, и Асеев, например, запальчиво заявлял: «Я ничего не боюсь, я верю, что здесь все будет учтено и взвешено, но иногда получается так: «Как же, Сталин сказал!» Конечно, это надо учесть, но... не значит, что делать повторение, триста тысяч раз повторять это произведение...» А Сталин тут же откликался: «Не значит».

При этом он судил о литературе глубже многих профессиональных литераторов и литературоведов. Отвечая 2 февраля 1929 года драматургу Билль-Белоцерковскому, возмущавшемуся творчеством Михаила Булгакова, Сталин писал:

«Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое лёгкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих; интересных, художественных пьес советского характера. А соревнование — дело большое и серьезное...»

И прибавлял:

«Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она даёт больше пользы, чем вреда...»

И лишь через десять лет, когда уже было создано много прекрасных советских фильмов, пьес, книг, Сталин мог жестко сказать по адресу Авдеенко:

«...посмотрите, какого Дон Жуана он рисует для социалистической страны, проповедует трактирную любовь, ультра-натуральную любовь — «Я вас люблю, а ну ложитесь». Это называется поэзия. Погибла бы литература, если бы так писали люди...»

СТАЛИН успевал действительно все и всегда продолжал Ленина так, что доводил замыслы и мечты Учителя до реальности, до факта.

Скажем, Ленин лишь ставил перед молодой Россией задачу ее преобразования в умное, развитое и образованное общество. На III съезде РКСМ от бросил лозунг: «Учиться, учиться и еще раз учиться». А реализовала завет Ленина всерьез уже Россия ленинского ученика Сталина.

17 ноября 1935 года он выступил с большой речью на Первом Всесоюзном совещании стахановцев. 22 ноября текст ее опубликовала «Правда», и там были и такие слова:

«Ленин учил, что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них. Кое-кому из большевиков эти слова Ленина не понравились. Но история показывает, что Ленин оказался прав и в этой области на сто процентов. В самом деле, миллио-

ны трудящихся, рабочих и крестьян трудятся, живут, борются. Кто может сомневаться в том, что эти люди живут не впустую, что, живя и борясь, эти люди накапливают громадный практический опыт? ...Стало быть, мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них...»

Сталин умел и учить, и учиться... В том числе и поэтому в СССР Сталина были воспитаны миллионы молодых энтузиастов новой жизни. Суть их воззрений на то, чем надо жить, хорошо передавали строки «Марша энтузиастов» — истинного гимна новой Державы:

«В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых...»

В России тех лет хватало, конечно, и пессимистов, и не-вежд, однако не они определяли тонус времени, а те, кто пел:

Нам ли стоять на месте?
В своих мечтаниях всегда мы правы,
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы...

Эти новые люди страны Сталина действительно не боялись преград ни на море, ни на суше, и их не страшили ни льды, ни облака. И они вместе со Сталиным смеялись, когда он с трибуны XVI съезда ВКП(б) летом 1930 года говорил о людях отживающего прошлого:

«Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, «человек в футляре»... Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни...»

Тогда, в начале первой пятилетки, Беликовы лишь пятились, но еще не отступали. Нередко они еще и наступали, но ситуация стремительно менялась не в их пользу. 13 мая 1933 года полковник Роббинс из США в беседе со Сталиным сравнивал виденные первомайские демонстрации

1918 и 1933 года и говорил, что в 1918 году демонстрация была обращена вовне, а сейчас «мужчины, женщины и юноши вышли на демонстрацию, чтобы сказать: вот страна, которую мы строим...»

И в 1937 году наш выдающийся педагог и гуманист Антон Макаренко имел все основания написать в своей «Педагогической поэме»:

«Я крепко верю, что для мальчика в шестнадцать лет нашей советской жизни самой дорогой квалификацией является квалификация борца и человека».

А другой прекрасный человек и писатель — Аркадий Гайдар в 1938 году писал о главной героине его повести «Военная тайна» так:

«Натка Шегалова — только что выросла. Человек она умный. У нее чувство легкой иронии, и оно проявляется не только по отношению к другим (что встречается часто), но и к самой себе.

Она культурная советская девушка — такая, каких сейчас еще не так много, но зато через три-четыре года будет уйма».

Через три года после написания этих строк началась война.

Макаренко скончался за два года до ее начала — пятидесяти одного года от роду. Не выдержало сердце, изношенное не столько борьбой за нового человека, сколько борьбой со старыми людьми типа чеховского «человека в футляре», о котором говорил Сталин в 1930 году.

Гайдар на войне погиб, как погибли на ней и миллионы молодых энтузиастов, воспитанных Сталиным, Макаренко, Гайдаром и всем строем новой советской жизни.

Об этом написано много. Здесь же я приведу лишь слова командующего сталинградской 62-й армией генерал-лейтенанта Василия Ивановича Чуйкова, сказанные им о молодых гвардейцах 37-й дивизии 37-летнего генерал-майора Виктора Жолудева. Это была особая гвардейская часть. Она ушла под Сталинград после переформирования в июле 1942 года в стрелковую дивизию из 1-го воздушно-

десантного корпуса, до этого в боевых действиях не участвовавшего. То есть жолудевцы получили гвардейское звание как бы авансом. И эту честь оправдали.

Чуйков написал о них так:

«Это была действительно гвардия. Люди все молодые, рослые, здоровые, многие из них были одеты в форму десантников, с кинжалами и финками на поясах. Дрались они героически. При ударе штыком перебрасывали гитлеровцев через себя, как мешки с соломой... Отступления не знали, в окружении дрались до последних сил и умирали с песнями и возгласами: «За Родину! Не уйдем и не сдадимся!»... Через полки 37-й дивизии рвались не одна и не две гитлеровские дивизии, а целых пять, в том числе две танковые».

Десантники Жолудева приняли на себя жестокий удар в октябре 1942 года, и через месяц боев потери 37-й дивизии составили 99 процентов. Из десяти тысяч молодых парней, в основном комсомольцев, у стен Сталинграда легли девять тысяч девятьсот человек. Через два года погиб в Белоруссии и их командир, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

А за два года до него на Украине погиб Громенко, командир партизанской роты из соединения первого секретаря Черниговского обкома партии Алексея Федоровича Федорова-Черниговского, будущего дважды Героя Советского Союза. Позднее Федоров вспоминал:

«Он был убит, когда поднимал бойцов в атаку. Пуля пробила ему лоб, он упал навзничь в снег...

Громенко был... очень храбрым, решительным и толковым, но... он не был ни партизаном, ни командиром по призванию. Он был агрономом, строителем жизни. И, конечно, не война, а именно творческий труд в полной мере раскрывал способности этого человека...»

Громенко вел дневник, и вот что он записал в нем 8 февраля 1942 года, незадолго до гибели:

«Февраля 8. Перечитываю «Войну и мир». Не понимаю этих людей. Совсем не думают о будущем, как будут строить жизнь после войны. О работе совсем не говорят».

Из одной последней фразы была видна глубина пропасти между старой Россией Болконского и Безухова и новой Россией питомцев сталинской эпохи Жолудева и Громенко. Между прочим, Федоров далее сообщает, что на место Громенко пришел педагог, бывший заведующий областным отделом народного образования, командиром второй роты был историк, третьей — председатель колхоза, четвертой — секретарь райкома. «Они стали хорошими партизанами, командирами, — заключал Федоров, — потому, что необходимость ими была осознана. Но все они... предпочли бы мирный созидательный труд».

Это и была Молодая Гвардия Сталина... Это было поколение, шедшее макаренковским «Маршем 30-го года», поколение гайдаровского Тимура и гайдаровской Натки Шегаловой.

Да, эту молодую сталинскую поросль жестоко проредила война, и многие из этой поросли погибли под ее ветрами... Как показало будущее, вместе с ней было подрублено и будущее социализма в России — ведь это будущее держала в руках она.. Но эта поросль советских энтузиастов была! Она встретила войну, она ее и выиграла. И после войны, повзрослев, она же совершила еще много великих дел, вершиной которых стал взлет Гагарина.

А всего за девятнадцать лет до сталинградских свершений гвардейцев Жолудева, за пятнадцать лет до появления в Стране Советов Натки Шегаловой — в 1923 году, известный читателю Максимилиан Волошин в стихотворении «Русь гуляющая» писал о доленинской и досталинской России:

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчётся шатущий народ,
Шлѣндит пьяная, в лохмах кумашных,
Да бесстыжие песни орѣт.
Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая — кто сй заказ?
Кажет людям соромные части,
Ненотребства творит напоказ...

Какой огромный сдвиг в толще народного мироздания и осознания мира и себя в мире! Причем — за такой короткий не то что по историческим меркам, но по меркам обычной человеческой жизни срок...

Еще недавно — массовые непотребства.

А теперь — массовый героизм!

Эти ребята, эти сталинские соколята, с молодых лет повторяли вслед за Маяковским: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока». И они с младенчества вместе с воздухом новой жизни впитывали на всю жизнь высокие и прочные понятия о чести.

Той, что берегут смолodu.

Но далеко не все в стране Сталина смотрели на жизнь так же, как эти питомцы сталинской эпохи...

Глава четвертая

ГОДЫ Сороковые... СУДЫ Чести для Чести НЕ ИМЕВШИХ...

Береги платье снову, а честь — смолоду.

Русская народная пословица

Мы знали, что если есть указание Сталина,
для нас оно закон. Хоть лопни, но всё выполни.

*Н.К. Байбаков,
сталинский нарком,
хрущевский министр,
брежневский Председатель Госплана СССР*

ПЕРУ Антона Макаренко принадлежит, кроме знаменитых его произведений, и менее известная повесть с емким названием «Честь», впервые опубликованная в 1937—1938 годах в журнале «Октябрь». В конце ее белогвардейский полковник Троицкий и арестованный поручик-большевик Алексей Теплов ведут разговор о России, о жизни и о чести. Троицкий, назначенный председателем суда над Тепловым, пришел к нему, заявив, что они-де могут поговорить «как культурные люди, по каким-то причинам оказавшиеся в противоположных станах»...

Ниже я привожу фрагменты их диалога (по необходимости обширные):

«Алеша мечтательно откинул голову на подставленную к затылку руку и улыбнулся:

— Вы сказали: два культурных человека. Но у нас с вами нет ничего общего. Настоящая культура вам неизвестна. У вас — культура неоправданной жизни, культура внешнего благополучия. Я тоже

к ней прикоснулся и даже был отравлен чуть-чуть. Вы не понимаете или не хотите понять, что так жить как жили... нельзя, обидно... Ваше существование, ваш достаток ...ваши притязания руководить жизнью оскорбительны. Будет моим личным счастьем, если вокруг себя, среди народа я не буду встречать эксплуататоров.

— Позвольте... Но ведь люди так жили миллионы лет, без этих ваших... идей и без вашего Ленина.

— Миллионы лет люди жили и не зная грамоты... Человек растет, господин полковник. Еще сто лет назад люди терпели оспу... Мы с вами люди культурные, но стоим на разных ступенях культуры.

<...>

Алеша вытащил из кармана записную книжку и перелистывал ее.

— Вот: «Россия» — «полное географическое описание нашего отечества, настольная книга для русских людей». Обратите внимание — для русских. Том шестнадцатый, Западная Сибирь. Страница 265. Такая себе книга добросовестная, наивная и весьма патриотическая.

— Знаю.

— Знаете? Хорошо.

Алеша подошел к лампе.

— От марксизма это очень далеко. Ну, слушайте, три строчки:

«В самом характере самоеда (общее название ряда северных народов царской России. — С.К.) больше твердости и настойчивости, но зато меньше и нравственной беззгливости, — самоед не стесняется при случае эксплуатировать своего же брата, самоеда».

Алеша закрыл книжечку, спрятал ее в карман... Полковник молчал. Алеша опять положил подбородок на руки и заговорил:

— Как счастливо проговорился автор, просто замечательно. Дело коснулось людей некультурных, правда? И сразу стало очевидно: чтобы эксплуатировать своего брата, нужно все-таки не

стесняться. Не стесняться — значит отказаться от чести. Здесь так хорошо сказано — «нравственная безгливость». Представьте себе, господин полковник: этот самый дикарь, у которого нет нравственной безгливости и который не стесняется эксплуатировать своего брата, вдруг заговорит о чести. Ведь правда, смешно?

<...>

Троицкий застегнул шинель и почему-то опять опустил на табуретку. Алеша продолжал:

— А о чести, поверьте, я больше вашего знаю. Я был в боях, был ранен, контужен. Я знаю, что такое честь, господин Троицкий. Честь — это как здоровье, ее нельзя придумать и притянуть к себе на канате... Кто с народом, кто любит людей, кто борется за народное счастье, у того всегда будет и честь... Решение вопроса чрезвычайно простое...»

Макаренко устами поручика Теплова очень точно определил суть понимания чести советским человеком. Тот, кто не стеснясь, *считая это в порядке вещей*, живет за счет или эксплуатации других, или за счет обслуживания эксплуататоров, в том числе и интеллектуального обслуживания, чести иметь не может — как бы он себя и окружающих ни уверял в обратном.

А вот теперь — о сталинских Судах чести.

ХОТЯ, пожалуй, перед этим надо сказать и еще кое-что...

Николай Байбаков, как и многие из его коллег по работе на высших этажах государственной власти, остался в истории страны фигурой неоднозначной. И в этом — вполне типичен. Родившись в 1911 году, он вступил в ряды ВКП(б) в 1939 году и в ноябре 1944 года, тридцати трех лет от роду, стал наркомом нефтяной промышленности СССР. Однако в сталинское деловое окружение плотно входил и до этого.

Уже в 90-е годы московский фотожурналист Дмитрий Чижков вспоминал при мне, как Байбаков рассказывал ему об одном ответственном сталинском поручении. В 1942 году Сталин направил Байбакова в Грозный для контроля нефтепромыслов. Немцы подходили к ним все

ближе, и Сталин — по словам Байбакова — приказал тогда, чтобы нефтепромыслы врагу не достались целыми ни в каком случае. «Не взорвешь вовремя, расстреляю, — предупредил Байбакова Председатель Государственного Комитета Обороны. — Но если взорвешь раньше времени, тоже расстреляю».

Нефтепромыслов пемцы не получили... Байбаков же вскоре стал наркомом. Подтверждение этого изустного рассказа я позднее нашел в документах, однако и без этого достоверность его у меня сомнений не вызывала.

И в этом эпизоде — как и во многих других крупных и мелких державных делах до войны, во время войны и после войны — Байбаков проявил себя достойно. А то, как он через десятилетия отзывался о Сталине, тоже достойно уважения.

И все же в словах Байбакова об отношении к указаниям Сталина усматривается одно показательное обстоятельство. Байбаков и слишком многие его сотоварищи по руководству наркоматами и министерствами, заводами и фронтами, республиками и областями воспринимали указания Сталина как указания Сталина. В то время как Сталин ожидал от них и не раз подчеркивал, что они должны и обязаны воспринимать указания Сталина как указания Родины!

В августе 1930 года Сталин в письме Шатуновскому, в самом его конце, заметил:

«...8) Вы говорите о Вашей «преданности» мне. Может быть. Это случайно сорвавшаяся фраза. Может быть... Но если это не случайная фраза, я бы советовал Вам отбросить прочь «принцип» преданности лицам. Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой...»

Впервые это письмо было опубликовано в 1951 году в 13-м томе Собрания сочинений Сталина, и я думаю, что Сталин поместил его туда не случайно.

Говорят о культе личности... Сталин был выдающейся личностью, и уже поэтому ни в каком культе его личности

внутренне не нуждался. Иначе он не был бы личностью. Но не мог же он снимать с работы каждого редактора, чья газета грешила перебором по части употребления имени «Сталин». Тем более что Сталин всегда старался подчеркнуть, что воспринимает восторженные слова в его адрес не более как форму прославления страны, им создаваемой.

Даже бесталанный, а уж тем более талантливый художник всегда выражает дух своего времени, пусть порой и безотчетно. При этом дух времени хорошо выражается в песнях... Достаточно услышать песню со словами, скажем: «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец...», чтобы угадать многое, если не всё, о времени, ее родившем... Как и о его «героях», его «лидерах»...

Вспомним слова выдающихся песен сталинской эпохи... *«Когда **страна** быть прикажет героем, у нас героем становится любой!»... «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, пускай поёт о нас **страна**...»... «Лейся, песня, на просторе, не грусти, не плачь, жена, штурмовать далёко море посылает нас **страна**»...*

Или вот такие песенные строки: *«Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда отдаст приказ товарищ Сталин, и нас в атаку **Родина** пошлет!»*

Или такие: *«Артиллеристы, Сталин дал приказ... Артиллеристы, **Родина** за нас... Под грохот сотен батарей за слезы наших матерей, за нашу **Родину**, вперед, вперед!»*

Приказ Сталина — это не его прихоть, каприз или личная воля. Приказ Сталина — это приказ Родины! Сталин раз за разом подчеркивал это словом и делом. Он порой говорил об этом прямо, порой действиями своими напоминал: вы служите не Сталину, а под руководством Сталина служите Советскому Союзу, как ему служит сам Сталин.

На сталинских боевых знаменах было написано «За нашу Советскую Родину!». И в бой шли прежде всего за Родину! Но также — и за Сталина! Не за «царя» Сталина, а за верного сына Родины — Сталина.

Между прочим, первый создатель новой России, Петр Великий, которому сам Бог, казалось бы, велел всецело поддерживать культ его божественной личности, обраща-

ясь к войскам перед Полтавской битвой, призывал их: «Не за Петра, а за Отечество, Петру врученнос...»

Так что верное понятие о чести и долге не было чуждо истинным патриотам России и в царские времена. Однако ко времени одряхления царизма относится уже формула: «За веру, царя и Отечество!» Номер Отечества здесь был, как видим, третьим.

Сталин же — как создатель и олицетворение эпохи, дал народу иную, подлинно и единственно патриотическую формулу: «За Родину!» А уж Родина дополнила ее вторым членом формулы, тогда ставшей двуединой: «За Сталина!»

Вот как смотрел на дело Сталин, и как он хотел, чтобы смотрели на свой долг и на свои обязанности другие.

Но все ли даже в ближайшем сталинском окружении, сформировавшемся из тех, кто родился в десятых, а то и в двадцатых годах двадцатого века, имели то понятие о чести и долге, которого добивался от них Сталин?

Тот же Николай Байбаков до тех пор, пока был жив Сталин, жил понятием долга. И пока был жив Сталин, сердце сталинского наркома Байбакова было живо для чести. И он посвящал Отчизне если не «души прекрасные порывы» — в СССР Сталина душевные порывы наркомов приветствовались не очень, то все силы души.

А после смерти Сталина? Когда Сталин умер, Николаю Байбакову было всего сорок два года. Молодой, по сути, человек, но уже давно министр. Более того, в 1955 году его назначают Председателем Государственной комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию пародного хозяйства, более известной как Госплан СССР. В тот момент он еще жил, надо полагать, сталинскими понятиями о долге и чести, потому что Хрущеву пришлось не ко двору и был сильно понижен.

А потом?

А потом вторичный подъем к вершинам власти — уже при позднем Хрущеве, но еще более — при Брежневе. Жил ли бывший сталинский нарком понятиями чести и долга перед Родиной тогда?

Думаю — нет. Байбаков и другие не могли не видеть бесперспективности и даже гибельности многих экономических и политических «новаций» уже Хрущева. Но ведь

не восстали — ни до XX съезда, ни во время его, ни после — против «волюнтаризма». Смолчали — *коллективно*.

А если бы общественные силы уровня Байбакова коллективно *возразили*? Во весь голос?

Ведь «десятью годами без права переписки» это им не грозило! Как, впрочем, не грозило и при Сталине.

Сталину можно было возражать всегда — для этого надо было лишь говорить ему правду и знать то, о чем говоришь. Сталин даже поощрял возражения себе, но только компетентные! Воинствующую некомпетентность он, да, карал жестко. Вплоть до расстрела, как это было, например, с генералом-летчиком Рычаговым.

Сталин, как всякий умный человек, нуждался в возражениях.

Хрущев их не терпел.

Брежневу они были, как правило, не нужны.

Да, и при Хрущеве, и при Брежневе, и даже много позже в стране было немало людей, хорошо и честно знающих свое дело.

Однако в стране катастрофически уменьшалось число людей, готовых возражать всегда, когда этого требовали соображения долга и чести.

А ведь бесчестный специалист в социалистической стране — это неполноценный специалист. Осенью 1928 года на собрании комсомольского актива Москвы нарком просвещения Луначарский говорил: «Хороший специалист, не воспитанный коммунистически, есть не что иное, как гражданин американского типа, человек, который, может быть, и хорошо делает свое дело, но прокладывает себе путь к карьере».

Тогда система советского высшего образования, которая с годами стала лучшей в мире, только складывалась. Но уже тридцатые годы дали стране десятки тысяч, а потом и сотни тысяч граждан социалистического типа. Увы, многих из них страна лишилась в «сороковые роковые» годы.

Ко второй половине 40-х годов профессиональный костяк отечественного — как, впрочем, и любого другого корпуса специалистов составляли люди в возрасте 35—60 лет. При этом среднестатистическому, например, заместителю министра союзного министерства было в, скажем, 1947 году лет сорок, а то и более. То есть годы рождения они име-

ли девятисотые — девятьсот первый, второй, третий и т.д. Немало ведущих специалистов родилось еще раньше, немало — даже позднее. Но большинство имело примерно десяток, а то и более лет дореволюционного детства.

«Стаж жизни», в общем-то, немалый. Говорят, что воспитывать ребенка надо до тех пор, пока он лежит поперек кровати, а не вдоль. Поперек же почти все лежали «до 17-го года», и понятие «родимые пятна капитализма» применительно к большинству ведущих советских специалистов конца сороковых годов можно было понимать почти буквально. И особенно тревожным было то, что это понятие было приложимо не просто к определенному слою специалистов, но к определенному слою управленцев.

ПО МЕРЕ того как советский строй укреплялся, его руководящая верхушка получала все большие материальные возможности не только руководящие — за счет расширения масштабов управления, но и чисто личные материальные возможности.

С одной стороны, в том не было ничего плохого, напротив — это было справедливо. Но...

Но лишь в том случае, когда получатель этих материальных благ — пусть чаще всего и скромных по сравнению с тем, что имели его системные аналоги в развитых странах Запада — полностью соответствовал требованиям, к нему предъявляемым.

Причем не только деловым требованиям, но и моральным. Да еще и так, что одно не отделялось от другого. Социализм не может руководствоваться личной выгодой как стимулом в первую очередь. Этот стимул не только допустим, но и необходим, однако при одном необходимом и достаточном условии: если любые личные интересы не вредят интересам общественным.

А вот с этим в руководящей Москве образца второй половины сороковых годов было благополучно не у всех.

Да и не только в руководящей. Вот как описывает атмосферу конца 40-х годов в Московском Государственном институте международных отношений (МГИМО) Николай Леонов, позднее — генерал-лейтенант КГБ. Его мемуа-

ры «Лихолетье» на удивление политически беспомощны, а порой и неточны — что хорошо характеризует как самого мемуариста, так и ту среду, из которой он вышел. Но психологически они очень любопытны:

«Институтские годы (Леонов стал студентом МГИМО в 1947 году. — С.К.) в целом остались в моей памяти как тяжелое и неприятное время в моей жизни... Гнетущее впечатление, что это не храм науки, а карьерный трамплин, овладевало многими, кто попадал в его коридоры и залы. Студенты были трех мастей. Одни... принадлежали к партийно-государственной элите... К ним примыкали представители средней и мелкой служилой интеллигенции.. Это была наиболее образованная часть студенчества, из которой впоследствии вышли многие видные дипломаты, ученые, журналисты. Но среди них было немало людей, смолоду зараженных вирусом карьеризма. Особенно неприятными и даже опасными оказывались те, чьи жизненные расчеты явно не обеспечивались способностями и знаниями. Такие молодцы компенсировали свои недостатки повышенной активностью на поприще «общественной работы». Их, конечно, было меньшинство, но своей назойливой крикливостью они... отравляли общую атмосферу жизни...», и т.д.

Вряд ли здесь нужны развернутые комментарии.

СТАЛИНА все это не могло не волновать. И эта его тревога однажды выразилась в мере, на которую он, надо думать, возлагал немалые надежды, но от которой пришлось отказаться уже к концу 1949 года, то есть еще при жизни Сталина. И об этой детали в жизни СССР Сталина забыли прочно, да так прочно, что о ней по сей день знает очень мало кто.

Суть же дела была в следующем. 28 марта 1947 года по инициативе Сталина Политбюро утвердило постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах».

Постановление начиналось так:

«1. В целях содействия делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам Советского государства и высокого сознания своего государственного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника, в министерствах СССР и центральных ведомствах создаются Суды чести.

2. На Суды чести возлагается рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке...».

В состав Суда входило 5—7 человек, избираемых тайным голосованием, а рассмотрение дел должно было производиться, как правило, в открытом заседании. Руководители министерств и ведомств в состав Суда входить не могли.

Суды могли объявить общественное порицание, общественный выговор или передать дело следственным органам для направления в суд в уголовном порядке.

С апреля по октябрь 1947 года Суды чести были образованы в 82 министерствах и центральных ведомствах.

В сентябре 1947 года был создан Суд чести в аппарате ЦК ВКП(б), а в апреле 1948 года — в аппарате Совета Министров СССР.

Замысел, надо признать, был хорош, но — лишь для тех, кто имел честь и оступился. Антоним слова «честь» — слово «позор». Позорный, бесчестный поступок нельзя отметить, но позор можно смыть — если не ратной кровью, то трудовым потом.

Интересно посмотреть, как менялось нормативное толкование слова «честь» в русском языке. Для Даля честь — это «достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». А для Ожегова честь — это «достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности».

На мой вкус, Даль точнее: в человеке чести нравственный стержень составляют благородство и чистая совесть.

И тот факт, что с Судами чести у Сталина ничего не получилось, лучше любых документов показывает, что на рубеже 40-х и 50-х годов в высших органах государственного и партийного управления с чистой совестью было не все ладно.

ТЕМА судов чести, насколько я понял, ни в СССР, ни в «России», ни за рубежом, никогда отдельно не рассматривалась до появления в 2005 году целой монографии «Сталинские «суды чести», ставшей результатом трудов двух докторов наук — Вл. Есакова и Ел. Левиной. В издательской аннотации издательства «Наука» о ней сказано: «Для широкого круга читателей», но при тираже в 740 (семьсот сорок) экземпляров и цене, сопоставимой с цифрой тиража, эта аннотация выглядит издевкой.

Впрочем, имеется ли честь и честность у тех как многих из современных «россиянских» «ученых»? Показательным является то, что уже в авторском предисловии радостно сообщается, что Постановление о Судах чести и все их решения были отменены сразу же после смерти Сталина.

Монография В. Есакова и Ел. Левиной посвящена в основном истории докторов биологических наук, профессора Герша Иосифовича Роскина и профессора, члена-корреспондента Академии медицинских наук Нины Георгиевны Ключевой. Он — еврей, уроженец Витебска, сын присяжного поверенного, 1892 года рождения, она — русская, дочь зажиточного казака из станицы Ольгинской Донецкой области, 1898 года рождения. Здесь не место подробному рассказу о них, но совсем без рассказа не обойтись, потому что случай с Роскиным и Ключевой стал исходным пунктом для формирования идеи о судах чести.

РОСКИН в 1908 году поступил в Московский коммерческий институт и закончил его по техническому отделению со званием инженера. Но потом увлекся цитологией и гистологией, два года учился в университете в Монпелье, во Франции, и в дальнейшем работал в научных учреждениях Москвы как биолог, в 1926—1927 годах полгода провел в научной командировке во Франции и в Германии.

Ключева получила высшее образование в Ростовском

медицинском институте, поступив в него в 1916-м и окончив в 1921 году. В 1930 году она переехала в Москву, а в 1939 году на отдыхе в Кисловодске познакомилась с Роскиным.

Уже тогда Роскин работал над проблемами биотерапии рака (уничтожения опухолей биологически активными препаратами), и теперь к этой проблеме подключалась Ключева, ставшая женой Роскина.

В 1940 году Роскин опубликовал в нашем научном журнале для заграницы небольшую заметку, которая, однако, вызвала большой интерес в США, и в 1945 году Национальный Американский институт по раку через посольство США в СССР попросил сообщить подробности проведенных работ и консультировать американцев по дальнейшим разработкам.

Когда позднее страсти разгорелись, домашние разговоры Ключевой и Роскина записывались «оперативной техникой», и из этих записей можно понять, что муж и жена своей работой были увлечены, но и нездоровых амбиций у них тоже хватало, особенно у Ключевой. Казачка, даже в шестьдесят один год (на фото 1959 года) красавица и явно с норовом — похоже, что *кое-кто* учёл эти ее качества в полной мере.

Во второй половине 40-х годов вроде бы обозначились интересные и обнадеживающие результаты — в лаборатории Ключевой был разработан высокоэффективный, по ее утверждению, препарат, получивший название «препарат КР» — от «Ключева-Роскин». 13 марта 1946 года Ключева сделала доклад на заседании Президиума Академии медицинских наук СССР на тему «Пути биотерапии рака».

Несмотря на то, что сообщение Ключевой было чисто научным, уже 14 марта «Известия» поместили «сенсационную» статью о «КР». Сообщили о заседании в АМН СССР и другие издания, в том числе и газета «Московский большевик», и в тот же день эта информация была передана по радио на зарубежные страны. А 9 июня в том же «Московском большевике» была опубликована большая, расхваливающая «КР» и Роскина с Ключевой, статья Бориса Неймана. К слову замечу, что в истории с «КР» был густо замешан и некий журналист Э. Финн.

Вся эта возня к науке никакого отношения, конечно, не имела, если не считать наукой умение «подать» себя. А мадам Ключева или *кто-то еще*, в ней и ее муже заинтересованный, это, похоже, умел. Ведь не промыслом божьим о докладе Ключевой была заранее осведомлена пресса.

Перипетии этой давней истории, где научная халтура была перемешана с большой серьезной политикой, я подробно излагать не могу, за исключением момента, связанного с действиями тогдашнего посла в СССР Уолтера Беделла Смита.

ЭТОТ «посол» был фигурой в Москве настолько «знаковой», что сказать о нем будет полезным и само по себе. 1895 года рождения (умер в 1961-м), он после окончания средней школы поступил в национальную гвардию штата Индиана и вскоре отправился воевать в Европу, во Францию. Служил в военной разведке. Имел прозвище «Жук» — по созвучию английского произношения имени — «Бидл», со словом «Beetle» — «жук» (помните «жучков» «Битлз»?).

Во Вторую мировую войну Смит заправлял делами в штабе генерала Эйзенхауэра, вел переговоры о капитуляции с итальянцами, а потом — и с немцами.

Это был типичный янки: внешне открытый, на самом деле — расчетливый и скрытный. В 1946 году он занимал пост пачальника штаба американских оккупационных войск в Германии и уже готовился сменить его на пост начальника оперативного отдела Генерального штаба, как получил назначение послом в Москву и 28 марта 1946 года прибыл туда. 4 апреля его принимал Сталин, и беседа длилась два часа.

Генерал В.Д. Соколовский писал из Германии Молотову о Смите: «...положительно настроен в отношении Советского Союза. Характер экспансивный. Самостоятелен. Самолюбив. Прямолинеен. Рассчитывает на внимание к себе и на более тесные личные отношения с советскими деятелями...»

В личностной оценке Смита Соколовский ошибался, но зато он не питал иллюзий относительно генерала Смита в более существенных моментах и продолжал: «Трудно сказать, как будет вести себя в новой роли... Несомненно, будет

вести активную разведку по сбору информации как по вооруженным силам, так и по экономике. В его штабе в Германии это дело было поставлено чрезвычайно искусно».

Знаменитый советский разведчик, много лет прослуживший в «Интеллидженс Сервис», Гарольд Ким Филби в своей книге «My Silent War» («Моя тайная война») написал о Смите времен войны так: «У него были холодные рыбы глаза. Во время нашей первой встречи я принес ему на рассмотрение англо-американские планы ведения войны, документ, состоящий из двадцати с лишним абзацев. Он мельком проглядел план, отбросил его в сторону и вдруг стал обсуждать со мной его положения, каждый раз называя номера абзацев. Я успевал за ходом его мысли лишь потому, что перед этим потратил все утро на то, чтобы заучить документ наизусть».

В Москве Смит пробыл до лета 1949 года, а в октябре 1950 года он был назначен директором ЦРУ США.

Вот такой вот «простяга» почти сразу после приезда в Москву заинтересовался препаратом «КР» и его разработчиками. В середине июня 1946 года он просит разрешения посетить институт, где работали Клюева и Роскин, и 20 (по данным Есакова—Левиной) июня он там побывал. В записке «Об обстоятельствах посещения американским послом Смитом Института эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний» заместитель начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Е.Е. Андреев писал:

«...Разговор Смита с профессорами Роскиным и Клюевой происходил в кабинете директора института...

И Смит и переводчик его были хорошо осведомлены об открытиях профессоры Клюевой и Роскина и об их работе. Из вопросов, из грамотного и правильного употребления узкоспециальных терминов было видно, что Смит хорошо знает историю открытия и его значение...»

Я прошу читателя задуматься... В Москве тогда совершалось немало открытий и происходило немало событий, достойных внимания посла, тем более такого, который рас-

считывает на внимание к себе и на более тесные личные отношения с советскими деятелями». И вот он, не успев обжиться, сам (!) направляется за информацией о «КР». Не знаю, как кто, а я это могу расценивать лишь как первый серьезный ход в психологической обработке двух советских ученых, об одном (одной) из которых было известно, что эта особа обладает очень высоким уровнем самомнения. Позднее Смит в своей книге «Мои три года в Москве» объяснял свой интерес к «КР» тем, что его осаждали-де запросами из США больные и родственники больных, которые узнали о «КР» из советского радиовещания на США. Но дело было явно не в вещании, а надежды пострадавших людей были лишь циничным прикрытием...

В капитальной и ценнейшей — из-за многих приводимых в ней фактов — монографии Г.В. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», изданной в 2001 году издательством «Международные отношения» при финансовой поддержке Российского Еврейского Конгресса, ее автор утверждает, что «инициатива посещения ЦИЭМ (по данным Костырченко, это происходило 26 июня, по точны, очевидно, Есаков и Левина. — С.К.) послом США в Москве У.Б. Смитом» была организована «по официальным каналам». Но Костырченко ошибается — инициатива исходила от Смита.

Второй ход был предпринят в августе 1946 года, когда Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний АМН СССР посетили американские профессора Мэд и Лесли... Беседа шла вроде бы с пятого на десятое — переводчик плохо владел специальной терминологией, Ключева и Роскин не говорили по-английски. Но в конце завтрака «не знавший» русского языка Лесли на чистом русском языке сказал Роскину: «В Америке вы были бы миллионщиками».

Кончилось все тем, что через академика-секретаря Академии медицинских наук В.В. Парина, выехавшего в служебную командировку в США, Роскин и Ключева передали туда ампулы с препаратом «КР» (его еще называли «круцином») и рукопись своей книги «Биотерапия рака». Причем отдали ведь не в обмен на оборудование — как обещали им это посол Смит, а «за так». Отдали плоды своей много-

летней работы, финансируемой, между прочим, хотя и недостаточно, но государством.

И вскоре началось «дело КР», которое было на контроле у самого Сталина. Упомянутый выше Г. Костырченко пытается выставить дело так, как будто Сталин уверовал в то, что кручин Ключевой—Роскина может стать чуть ли не решающим пропагандистским фактором в кампании по нажиму на США в «атомных делах». Костырченко пишет: «... виды советского руководства на «КР» как на крупный козырь в достижении ядерной сделки с американцами оказались несостоятельными». Подача дела с «КР» в таком ракурсе — не более чем еще один миф, которых в книге Г. Костырченко хватает. Порой он неточен, к слову, до забавного, утверждая, что первый советский уран-графитовый реактор был пущен «в атомном центре Арзамас-16», в то время как это произошло в Москве, в ЛИПАН (позднее ИАЭ им. И.В. Курчатова). Но «делу КР» в монографии Костырченко посвящено всего шесть страниц.

Монография же В. Есакова и Е. Левиной о судах чести рассматривает все коллизии этого «дела» весьма подробно, упирая на то, что такой шаг был в принципе якобы одобрен министром здравоохранения СССР Митеревым и чуть ли не самим Молотовым. Но сами же авторы монографии неосторожно цитируют мемуары посла Смита, где он пишет о своей встрече с Роскиным и Ключевой следующее:

«Они (Ключева и Роскин. — С.К.) заверили меня, что первый же стабильный препарат будет отправлен в США. Они добавили, что доктор Василий Васильевич Парин, главный ученый секретарь Академии медицинских наук, вскоре возглавит группу советских медиков с официальной миссией дать полный отчет медикам Америки. ... Кроме того, мне были обещаны все данные, которые они подготовили и опубликовали...»

Но это означает, что муж и жена «поплыли» перед янки, как только в их сторону были сделаны прямые реверансы и намеки. Да оно и понятно — что могла дать им Родина, лишь год назад вышедшая из тяжелейшей войны? И что могли дать Штаты, эту войну замыслившие еще десятилетия назад и поэтому на этой войне лишь нажившиеся...

Удивительно, как В. Есаков и Е. Левина — два доктора наук! — не поняли, что своей простодушной цитатой из книги Смита напрочь опрокинули всю концепцию своей книги, призванной полностью обелить двух других докторов наук?

Позднее, в ходе заседаний на Суде чести, Роскин и Ключева объясняли свой поступок, ссылаясь на разговоры с министром Митеревым, академиком Париным и прочими официальными медицинскими и немедицинскими советскими чиновниками руководящего ранга. И чуть ли не на их приказы. Однако Смит засвидетельствовал, что Роскин и Ключева были готовы отдать ему всё **еще до каких-либо переговоров** со своим медицинским начальством.

В проекте заявления Суду чести при Минздраве СССР А.А. Жданов 30 мая 1947 года писал: «Ключева и Роскин передали Парину перед его поездкой в Америку препарат, рукопись и технологию «КР» не только по приказу, но и по убеждению...» Сталин, читавший проект, исправил эти слова на «не по приказу, а по собственному желанию». Однако оба варианта суть поступка Роскина и Ключевой определяли точно.

История с «КР» высветила для Сталина многое. Итогом его размышлений и обсуждений с Андреем Ждановым проблем, связанных с обликом и мотивацией поступков советской элиты, и стала идея Судов чести.

В записных книжках Андрея Андреевича Жданова есть запись:

«Вдолбить (интеллигентам. — С.К.), что за средства народа должны отдавать все народу...

У крестьян достоинства и духа больше, чем у Ключевой...

Расклевать преувеличенный престиж Америки с Англией...»

А ведь верно мыслил товарищ Жданов! Да и чему удивляться — он ведь об уровне «творческого духа» у «творческой» интеллигенции имел точную информацию. Скажем, 4 марта 1946 года народный комиссар госбезопасности В.Н. Меркулов направил Жданову в ЦК ВКП(б) совершенно секретную записку о недостатках в работе художественной кинематографии в 1945 году. Ее стоило бы привести полностью — настолько блестяще в ней на конкретных примерах характерных высказываний конкретных

людей был вскрыт «чудовищный бюрократизм», «разедающий и расшатывающий кинематографию». Увы, придется ограничиться здесь лишь одной цитатой:

«Режиссер Ромм М.И. в 1945 году не ставил картины, но его годовой заработок (за участие в работе художественного совета, зарплата по студии, консультации по сценариям, режиссура в театре киноактера) составлял примерно 180 тысяч рублей (годовой оклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Председателя Президиума Верховного Совета СССР, то есть Сталина и Калинина, составлял примерно 100 тысяч рублей при годовой зарплате хорошего инженера примерно в 20 тысяч рублей. — С.К.).

Режиссер Пырьев, он также в 1945 году постановкой фильма не был занят, но годовая зарплата его составляла 200 тысяч рублей (зарплата на студии Мосфильм, по журналу «Искусство кино», участие в заседаниях художественного совета, консультации по сценариям).

По этому поводу отмечены следующие высказывания:

Главный бухгалтер Комитета по делам кинематографии Черненко И.Е.: «Наблюдая на протяжении долгого времени поведение творческих работников — диву дивишься: у них совершенно паразитическая психология...» и т.д.

Читая это, Жданов и Сталин не могли не спрашивать себя: «Да есть ли у них честь и совесть?» И не пора ли их судить если не по уголовным законам, то хотя бы по законам чести?

Первый Суд чести прошел в Министерстве здравоохранения летом 1947 года, и на нем рассматривалось как раз дело Ключевой—Роскина. Они публично винулись, писали покаянные письма Сталину, а в разговорах между собой называли суд «гадостью», а судей — «червяками». Ключева заявляла Роскину, что «они нашего ногтя не стоят».

Я не могу судить, были ли Роскин и Ключева талантливыми учеными, но их нравственный уровень до их же науч-

ного уровня явно не «дотягивал». Собственно, это ведь и беспокоило Сталина и Жданова. Ведь двух профессоров судил не уголовный суд, а общественный суд — Суд чести. Уже тогда, когда «дело КР» крутилось, муж и жена два месяца отдыхали в академическом санатории «Узкое». Вот академик Парин по тому же случаю был в 1947 году арестован и получил 25 лет лагерей (в октябре 1953 года освобожден, умер в 1971 году). Министра Митерева сняли с работы...

Между прочим, Парину в 1946 году было всего 43 года, Митереву — 46 лет. Да и Роскин-то имел тогда всего 53 года от роду, а Ключевой не было и пятидесяти. Это была, так сказать, сталинская смена, которая должна была сменить старших в деле улучшения жизни в стране. Но была ли эта смена сталинской?

Вскоре этот вопрос еще более остро и масштабно встанет перед Сталиным в связи с «ленинградским делом», о котором я скажу позднее.

Что же до Судов чести, то в монографии В. Есакова и Е. Левиной сказано так:

«Из 82 «судов чести», созданных при центральных министерствах и ведомствах, абсолютное большинство из них (стилистика авторов монографии. — С.К.) так и не провело своих заседаний. Да они и не были способны самостоятельно организовать закрытый внутриведомственный политико-воспитательный процесс...»

Вот уж что точно, то — точно! Не могли... Но Сталин ли был тому виной?

СУД ЧЕСТИ был образован и в Министерстве государственной безопасности СССР, и в начале 1948 года там рассматривалось дело двух его работников — Бородина и Надежкина. То, насколько такие мероприятия находились в поле зрения Сталина, видно из того, что по итогам суда 15 марта 1948 года было принято постановление Политбюро. В нем, во-первых, было сочтено неправильным то, что министр Абакумов «организовал суд чести... без ведома и согласия Политбюро». Во-вторых, и секретарю ЦК Кузнецову бы-

ло указано, что «он поступил неправильно, дав т. Абакумову единолично согласие на организацию суда чести...».

Решение суда чести МГБ было приостановлено «для разбора дела Секретариатом ЦК». А пунктом 4-м постановления министрам запрещалось «...впредь... организовывать суды чести над работниками министерств без санкции Политбюро ЦК».

Думаю, таким образом Сталин рассчитывал устранить опасность превращения Судов чести в инструмент министерской расправы с неугодными и неудобными — недаром же министры не могли избираться в состав судов.

С другой стороны, видно, что он не имел в виду превратить их в некий поточный инструмент массовых моральных репрессий.

Еще один суд прошел 6 июля 1949 года — при Совете Министров СССР. Рассматривалось неблагоприятное положение в Министерстве пищевой промышленности СССР. Перед судом предстали 47-летний министр В.П. Зотов и его 53-летний заместитель Н.И. Пронин. Оба были серьезно понижены. Заведующий секретариатом заместителя председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина А.К. Горчаков 9 июля среди других текущих дел по Совмину сообщал «шефу» о состоявшемся суде и, в частности, писал:

«Тов. Зотов вел себя солидно, мало оправдывался и признавал свою плохую работу, приведшую к созданию условий в органах Министерства для массового воровства продукции.

Тов. Пронин многое путал, пытался вывертываться и по каждому обвинению пытался оправдываться... В результате такого виляния и вывертывания часто вызывал смех в зале... <...>

На Суде присутствовали все министры и руководители центральных учреждений. Кроме того, присутствовало 600 человек работников пищевой промышленности союзных республик и 200 человек работников пищевой промышленности г. Москвы».

Спрашивается — нужны были министрам такие публичные «чистки»? Собственно, если бы министры, именно министры, которые по статуту Суда не могли входить в число судей, активно, делом поддержали бы идею судов, то

в министерствах и ведомствах Москвы могла бы установиться атмосфера, противоположная той, которая уже начала складываться. То есть — принципиальная и здоровая, вместо деляческой и застойной. Ведь тогда в центральных органах если не большинство работников, то здоровое, активное меньшинство их находилось на своих местах и работали честно. Здоровый смех в зале суда над министром Зотовым и его замом Прониным это доказывал лишний раз...

Конечно, в Москве и на верхних этажах власти находились люди, к идее судов чести лояльные. Так известный (и очень толковый) советский журналист Николай Григорьевич Пальгунов, в 1948 году 50-летний ответственный руководитель ТАСС, а до войны — корреспондент ТАСС в Иране, Франции, Финляндии, выступая в ТАСС по случаю создания там суда чести, приветствовал новые веяния, призванные, кроме прочего, воспитывать чувство национального достоинства. В те годы был даже снят фильм «Суд чести»...

Но в целом сталинскую и ждановскую идею Судов чести «спустили на тормозах». Стоит ли этому удивляться? Тем более что в ЦК ВКП (б) Суд чести, насколько я понял, не собирался ни разу, что тоже в комментариях вряд ли нуждается. И то, что министрам Суды чести по душе не пришлись, может быть, более убедительно, чем что-либо другое, говорило о том, что в «служилой» Москве конца 40-х годов далеко не все было благополучно.

Суды чести не привились и сошли «на нет». Однако можно было не сомневаться, что московская служилая элита эту сталинскую инициативу забыть не могла. И она росту любви элиты к Сталину — любви искренней, а не казенной, — конечно же, не способствовала.

Нехорошая зарубка осталась на памяти у многих.

СИТУАЦИЯ с элитой тревожила. «Сбоили» даже испытанные, казалось бы, кадры — например, Молотов. Он уже в 1945 году оказался не на высоте в ряде ситуаций, связанных с жесткой информационной политикой Сталина по отношению к иностранным корреспондентам. Сталин тогда сделал Молотову письменный выговор и был прав. В СССР в то время хватало и бездомных, и голодаю-

щих, и большинство западных журналистов хотели бы писать о них, расписывая нелады в стране, которая только что выдвинула тяжелейшую войну. Об успехах этой страны в послевоенном восстановлении западные газетчики были склонны сообщать сквозь зубы.

Тогда Молотов повинился, но вскоре опять произошел «сбой». 2 декабря 1946 года Общее собрание Академии наук СССР избрало Вячеслава Михайловича в «почетные академики». Заметим, что избирать в академики Сталина — в условиях его якобы тотального культа — никто никогда и не мыслил.

Молотов в это время был в Нью-Йорке и прислал в Академию, ее президенту С.И. Вавилову, большую прочувствованную телеграмму. Общее собрание Академии встретило ее аплодисментами, 4 декабря ее опубликовала «Правда», но вздох аплодировали не все. Сталин из Сочи, где он «отдыхал» (в кавычках потому, что это всего лишь означало облегченный режим работы), 5 декабря по прочтении «Правды» направил свежее испеченному академику следующую шифровку:

«МОСКВА, ЦК ВКП(б) тов. МОЛОТОВУ

Лично

Я был поражен твоей телеграммой в адрес Вавилова и Бруевича по поводу твоего избрания почетным членом Академии наук. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов»? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом... Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о собственном достоинстве. Вероятно, ты будешь недоволен этой телеграммой, но я не могу поступить иначе, так как считаю себя обязанным сказать тебе правду, как я ее понимаю.

Дружков».

Сталин был абсолютно прав — знакомство с текстом телеграммы Молотова в этом убеждает однозначно. Телеграмма же Сталина лишь усиливает чувство уважения к нему у

любого человека чести! Причем восхищает даже выбор Сталиным своей условной подписи. Ведь она, впервые появившись в зашифрованной переписке Сталина и Молотова в 1945 году, тактично намекала в 1946 году тому, кого Сталин когда-то именовал в письмах «Молотштейн», что это — не выволочка главы государства, а всего лишь дружеский упрек.

И Молотов, надо сказать, это понял, ответив из Нью-Йорка, куда ему переслали шифровку из Москвы, так:

«СОЧИ, ДРУЖКОВУ

Твою телеграмму насчет моего ответа Академии наук получил. Вижу, что сделал глупость. Избрание меня в почетные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания.

За телеграмму спасибо. 5.XII.46 г. **МОЛОТОВ.**
Нью-Йорк».

Доктора наук В. Есаков и Е. Левина считают ответ Молотова «самоуничижительным», но так реакцию Молотова могут расценивать лишь люди, плохо представляющие себе, что это такое — осознание ошибки у умного человека, обладающего чувством собственного достоинства. Молотов действительно совершил глупость и признавал это искренне.

Но радости от этого он, конечно, не испытывал. И какое-то раздражение против Кобы — вот, мол, всегда он прав, и крыть нечем! — у него, скорее всего, осталось.

Возникали сложности и с такими крупными фигурами, как секретарь ЦК А.А. Кузнецов и председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. И тот и другой все более чувствовали себя непогрешимыми властителями судеб, и особенно это проявлялось у высокомерного Вознесенского. Обрисовывались контуры того, что потом было названо «ленинградское дело».

Но вначале — немного о Вознесенском...

По причинам, о которых будет сказано чуть ниже, 5 марта 1949 года Политбюро приняло постановление об утверждении постановления Совмина СССР «О Госплане СССР». Согласно ему Вознесенский освобождался от обязанностей Председателя Госплана и на его место назначался Сабуров. А 7 марта Политбюро вывело Вознесенского из со-

става Политбюро и удовлетворило его «просьбу» «о предоставлении ему месячного отпуска для лечения в Барвихе».

Но «отпуск» затянулся.

17 августа Вознесенский пишет Сталину письмо, где просит адресата «дать... работу, какую найдете возможной» и признается: «Очень тяжело быть в стороне от работы партии и товарищей».

Сталин был склонен скорее верить людям, чем не верить им, даром что он исповедовал принцип «Доверяй, но проверяй». Но вокруг Вознесенского начал стремительно накапливаться очевидный «компромат», причем это была не интрига, а всего лишь запоздавшее выявление несомненных и серьезнейших прегрешений. Впрочем, пусть читатель судит сам...

22 августа 1949 года уполномоченный ЦК по кадрам в Госплане СССР Е.Е. Андреев направляет записку секретарю ЦК Пономаренко. Андреев докладывал:

«В Госплане СССР концентрируется большое количество документов, содержащих секретные и совершенно секретные сведения государственного значения, однако сохранность документов обеспечивается неудовлетворительно...

Отсутствие надлежащего порядка в обращении с документами привело к тому, что в Госплане СССР в 1944 году пропало 55 секретных и совершенно секретных документов, в 1945 г. — 76, в 1946 г. — 61, в 1947 г. — 23 и в 1948 г. — 21, а всего за 5 лет недосчитывается 236 секретных и совершенно секретных документов...»,

и т.д. — на семи листах машинописного текста.

Практически наугад я приведу название лишь нескольких документов, пропавших только в 1947 и 1948 годах, — лишь несколько из длинного их перечня, приводимого Андреевым:

— справка о дефицитах по важнейшим материальным балансам, в том числе: по цветным металлам, авиационному бензину и маслам, № 6505, на 4 листах;

— отчет о работе радиолокационной промышленности

за первое полугодие 1947 г. (утрачена 11-я страница), №11807;

— записка о выполнении народнохозяйственного плана в январе 1948 г., № 865, на 13 листах, и т.д.

1 сентября Вознесенский в записке Сталину оправдывался, но это был тот случай, когда, как говорят на Востоке, извинение хуже проступка. Хотя и проступок был очень тяжел. 11 сентября 1949 года на заседании Политбюро Вознесенский был выведен из состава членов ЦК.

В октябре же его арестовали — к тому времени, после ареста в августе секретаря ЦК А.А. Кузнецова, бывшего первого секретаря Ленинградского обкома П.С. Попкова, бывшего Председателя Совета Министров РСФСР М.И. Родионова и других, стало что-то проясняться в делах с Ленинградом, да и не только с ним.

Для справки: Вознесенскому, как и Попкову, к моменту ареста было сорок шесть лет, Кузнецову — сорок четыре года, а Родионову — и вообще сорок два.

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ» дело принято называть сфальсифицированным. А краткую суть его «россиянские» «историки» излагают примерно так... Завистливому-де Маленкову все более мешал секретарь ЦК, легендарный первый секретарь Ленинградского горкома партии во время обороны Ленинграда, умница Кузнецов, а интригану Берии — блестящий хозяйственник и экономист, председатель Госплана СССР и зампред Совмина СССР, умница Вознесенский. И они через негодея Абакумова — тогда министра ГБ, устроили в 1949 году провокацию против двух умниц, начав с ареста 45-летнего Я.Ф. Капустина, второго секретаря Ленинградского обкома. В итоге Кузнецова, Вознесенского и их коллег обвинили в намерении оторвать РСФСР от СССР, сделать Ленинград российской столицей и вообще чуть ли не восстановить в РСФСР капитализм, совершив переворот. Маразматик-де Сталин всему этому поверил, начались аресты, Маленков в Ленинграде выкручивал руки функционерам, добиваясь осуждения действий «антипартийной группы»... И в результате бес-

счетное число людей пострадало, а самих умниц и еще кое-кого в октябре 1950 года расстреляли. И только в 1954 году их реабилитировали.

Все это, надо сказать, не более чем неуклюже скроенный Хрущевым и хрущевским прокурором Руденко миф. Его подробное разоблачение слишком уж уведет в сторону от нашей темы, но «ленинградское дело» заслуживает отдельной книги. В рамках же этой книги скажу вот что.

Генеральный прокурор СССР хрущевец Руденко и сам Хрущев на собрании актива Ленинградской партийной организации в мае 1954 года излагали все примерно так, как это изложено выше. При этом Руденко заявил, что Абакумов арестовал Капустина по собственной инициативе, представив его английским агентом, завербованным в ходе давней служебной командировки Капустина в Англию.

На самом же деле Капустин был арестован 23 июля 1950 года по личному указанию Сталина, ознакомившегося с информацией Абакумова.

Но не в том даже дело. К моменту ареста Капустина тот комплекс событий, который и стал стержнем «ленинградского дела», уже в основном имел место быть. Еще 15 февраля 1949 года Политбюро ЦК рассмотрело вопрос о деятельности Кузнецова, Родионова и Попкова и постановило снять Родионова с поста Предсовмина РСФСР, Попкова — с поста первого секретаря Ленинградского обкома, а Кузнецова — с поста секретаря ЦК, и направить двух первых на учебу на партийные курсы при ЦК, а последнему объявить выговор.

Руденко в своей речи перед ленинградским партийным активом мягко определил их преступления как «нарушения государственной дисциплины и отдельные проступки». Но в постановлении Политбюро, до партийной массы, естественно не дошедшем (список рассылки заканчивался на первых секретарях обкомов), их действия были определены как антипартийные и противогосударственные.

А это было всегда грехом тягчайшим!

И грех был...

Постановление Политбюро инкриминировало всем трем, во-первых, организацию без разрешения ЦК и Совмина СССР Всесоюзной оптовой ярмарки, проведение которой не было объективно оправдано, привело к «ущербу

государству», «разбазариванию государственных товарных фондов» и т.п. Но более существенным было другое обвинение Политбюро, а точнее — Сталина. В Постановлении это звучало так:

«Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у т.т. Кузнецова А.А., Родионова, Попкова имеется нездоровый небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации, ...в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)...

<...>

ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с ленинградской организацией...

<...>

Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

<...>

«Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о «шефстве» над Ленинградом, **указав ему на неправильность такого предложения** (выделенные слова, смягчая вину Вознесенского, вписал позднее лично Сталин. — С.К.), тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении «шефствовать» над Ленинградом, сделанном ему т. Попковым».

Вот почему Вознесенскому пришлось отправиться в «отпуск». А 13 августа 1950 года в кабинете Маленкова были арестованы Кузнецов, Попков, Родионов, председатель Ленинградского горисполкома П.Г. Лазутин, первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) Н.В. Соловьев, ранее работавший в Ленинграде.

Руденко в мае 1954 года представлял все это как интригу Абакумова, но вот что показывал 24 апреля 1952 года 34-летний Евгений Питовранов, бывший при министре Абакумове замминистра и вместе с Абакумовым арестованный. Стенограмму его допроса новый министр Игнатьев 26 апреля 1952 года направил Сталину, и в ней было, в частности, вот что:

«...Стремясь создать показной авторитет, АБАКУМОВ, используя наше подхалимство, без зазрения совести рекламировал себя как человека, близкого к ЦК ВКП(б) и что он-де имеет большой вес в государстве. В этом, кстати, он пользовался твердой поддержкой вне Министерства.

Вопрос: Кого вы имеете в виду?

Ответ: Бывшего секретаря ЦК ВКП(б) КУЗНЕЦОВА, с которым АБАКУМОВ вскоре после его назначения на пост министра государственной безопасности установил преступную связь, что я основываю на известных мне фактах.

Вопрос: Каких?

Ответ: Для достижения своих вражеских целей АБАКУМОВ при содействии КУЗНЕЦОВА прежде всего обеспечил удобную для себя расстановку кадров, ...протаскивая на руководящие посты угодных ему, АБАКУМОВУ, людей, в том числе и нас, его приближенных.

АБАКУМОВ при помощи КУЗНЕЦОВА фактически прибрал к своим рукам бывшего заведующего административным отделом ЦК ВКП(б) БАКАКИНА, который безропотно продвигал все предложения АБАКУМОВА по кадрам МГБ...», и т.д.

Тут надо заметить, что тесные контакты 38-летнего (в 1946 году, когда он стал министром) Абакумова и 41-летнего (тогда же) Кузнецова сами по себе «преступными» быть не могли. Они были вполне естественными уже потому, что Кузнецов (а не Берия, к слову) тогда курировал спецслужбы по линии ЦК. Но Питовранов, конечно, не лгал — Абакумов поддержкой Кузнецова явно пользовался, хотя позднее, арестованный, он активно отрицал это на допросах. Например, на допросе 4 ноября 1952 года Абаку-

мов, напротив, утверждал, что Кузнецов относился к нему отрицательно. Но очень уж конкретен был (прошу читателя поверить мне здесь на слово) допрашиваемый Питовранов в тех деталях, которыми он доказывал близость Кузнецова и Абакумова.

Но коль так, то вряд ли Абакумов просто для того, чтобы создать себе дутую славу «разоблачителя заговора», стал бы предпринимать что-либо против Капустина, близкого к Кузнецову.

Абакумов прекрасно понимал, что это может ударить по Кузнецову, и так проштрафившемуся. А возьмутся за Кузнецова, смотришь, доберутся и до фактов его благоволения к Абакумову. Выгодно ли это было Абакумову?

Да и зачем было ему форсировать свою карьеру — она у него и так была блестящей, и Сталин к нему относился хорошо. Но в МГБ о Капустине имелась объективно подозрительная информация о его контактах в Англии во время длительной командировки туда в 1935—1936 годах. Надо учесть и то, что 14 мая 1949 года за шпионскую деятельность в пользу Англии был осужден 50-летний бывший министр морского флота СССР А.А. Афанасьев. «Дуэт» Хрущева и Руденко в мае 1954 года в Ленинграде и Афанасьева записал в безвинные жертвы провокации Берии, даром что Берия тогда к «органам» отношения не имел, однако Афанасьев действительно был связан с английской разведкой. Плавал в тридцатых годах капитаном дальнего плавания, запутался, а потом — как он сам писал в покаянном заявлении Сталину — «не нашел в себе мужества открыть Советскому правительству правду и продолжал работать на англичан».

К слову, после того как Афанасьев попросил Сталина позволить ему «загладить свои преступления честным и упорным трудом», Абакумов и его заместитель Круглов считали возможным использовать Афанасьева в должности заместителя начальника строительства № 503 МВД СССР, строившего морской порт в районе Игарки. То есть далеко не для всех осужденных высокого ранга приговор в 20 лет лагерей реально означал бушлат заключенного. Нередко все ограничивалось тем, что их из кабинетов с видом на Москву-реку перемещали в кабинеты с видом на Енисей.

Имелся какие-то сведения о Капустине, Абакумов не мог

их Сталину не доложить. С одной стороны, Капустин был достаточно крупной фигурой. С другой стороны, атмосфера вокруг Ленинграда тогда уже была такова, что не обрати Абакумов внимание Сталина на Капустина, это могло быть расценено как солидарность МГБ с Кузнецовым.

У Сталина же, весьма вероятно, могла быть и дополнительная информация о Капустине, почему он и санкционировал его арест.

А уж Капустин с перепугу стал рассказывать о преступлениях Кузнецова и прочих. Не исключено, впрочем, что Сталин санкционировал арест Капустина по «внутренним» причинам, лишь прикрывая их причинами «внешними». И сразу дал указание Абакумову «помотать» Капустина на счет настроений Кузнецова и Попкова. Основания, по крайней мере, интуитивные, у Сталина для этого, увы, были.

Агентом английской разведки Капустин, все же, не был. А вот в кузнецовско-попковско-родионовские шашни замешан, надо полагать, был. Вот и повинился — с чего все и началось.

Во всяком случае, я «капустинское» начало «ленинградского дела» представляю себе примерно так, как описал выше. И оно для меня тем более реально — как реальным оно было и для Сталина и других старых членов Политбюро, — что Сталин не мог не помнить давней истории с Сергеем Сырцовым, а я эту историю знаю потому, что имею в своем распоряжении трехтомное издание (тираж 1000 экз.) «Степограмм заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) за 1923—1938 годы».

Страницы 119—192 (с приложениями — до страницы 357) тома 3-го этого издания посвящены как раз разбору дела Сырцова. Родившись в 1893 году, он в 1913 году вступил в партию большевиков, с ноября 1917 года был председателем Донецкого ревкома, с 1924 года редактировал журнал «Коммунистическая революция», в 1926—1929 годах был секретарем Сибирского крайкома, а в 1929 году стал председателем Совнаркома РСФСР и кандидатом в члены Политбюро.

А 4 ноября 1930 года Политбюро и ЦКК в бурном и долгом заседании рассматривали вопрос «О фракционной деятельности т.т. Сырцова, Ломинадзе и др.».

Сырцов вел себя то нагло, то юлил, но вспомнил я о нем в связи с «ленинградским делом» потому, что в одном месте (см. стр. 128 указ. соч.) Сырцов говорил следующее:

«Я знаю, что некоторые товарищи мою нервозность и мои известные настроения в отношении ЦК пытались объяснить тем, что я недоволен ущемлением Совнаркома РСФСР, систематическим суживанием функций Совнаркома РСФСР и пр. Я не думаю, чтобы те товарищи, которые наблюдали меня в работе, считали, что я являюсь таким большим приверженцем и поклонником российской государственности. Меня это дело мало волновало. Я не раз говорил: создайте ясность, какой линии держаться — на полную ликвидацию РСФСР, на суживание ее размеров, на суживание функций. Так что элементов великодержавности вы не найдете. Я думаю, наоборот, целый ряд товарищей считали, что у меня нет вкуса, чтобы защищать РСФСР по-настоящему. Не упуская целый ряд деловых соображений, меня ни в коей мере не соблазняли ни отдельная столица для РСФСР или то, чтобы идти на какие-нибудь партийные РСФСРОВские органы».

Ворошилов тогда, к слову, откликнулся так: «Это не уклон. Столицу РСФСРОВскую иметь неплохо, я за столицу»... И никто Ворошилова ни тогда, ни позднее во фракционеры не зачислял.

Сырцов же и примыкающая к нему группировка имела планы широкие и далеко идущие. Не все к моменту заседания Политбюро 4 ноября было известно. Но Орджоникидзе, бывший тогда по совместительству и председателем ЦКК, бил в самую точку, когда говорил:

«Сырцова мы знаем как бывшего троцкиста, знаем его по Сибири, как проповедника и сторонника знаменитого бухаринского лозунга «обогащайтесь»... <...> Точно так обстоит дело у Ломинадзе и Шацкого. Всем известно, что они патентованные путаники. <...> Удивительный они народ. Если все идет без заминок, без затруднений, они гото-

вы кричать ура. А если чуть заминка — они в панику: кризис, крах, катастрофа. Немедленно менять руководство. Негоже нынешнее Политбюро, давай Политбюро в составе Нусинова, Гальперина, Каврайского, Ломинадзе, Сырцова, Шацкина. Вот вам достойные руководители нашей партии и Коминтерна. Замечательно, лучшего не найти....

Они так себя и называли — Политбюро...».

Орджоникидзе говорил много и прямо спрашивал: «Можно ли иметь в штабе нашей партии людей, которые двурушничают?» Сталин тогда сразу же откликнулся: «Нельзя»...

Вся перечисленная Орджоникидзе компания во главе с Сырцовым и первым секретарем Закавказского крайкома Ломинадзе относилась к тогдашней молодой партийной элите. Нусинову было 29 лет, в партии с 1919 года; Каврайскому — 39 лет, в партии с 1917 года; Шацкину — 28 лет, в партии с 1917 года.

Ломинадзе было тридцать три, и он тоже вступил в партию в 1917 году.

По своему духу это были представители революционных — не скажу романтиков, а скорее болтунов и бузотеров. В новой стране они — вчерашние мальчишки в считанные годы взлетели в высшие круги руководства — пусть не на первых, а большинство даже не на вторых ролях, но...

С Сырцовым же все было менее однозначно — у него и партийный стаж был дореволюционный, и Ленин его... Впрочем, Ленин, поручая 30 марта 1921 года Петровскому и Фрунзе в Харькове собрать сведения о Сырцове, писал: «Я не знаю Сырцова...» Но даже эту краткую фразу можно было расценивать как своего рода посвящение в рыцари революции.

И ведь что интересно! Сырцов в своих оценках внутриполитической и экономической ситуации был во многом прав — в принципе...

Но — не в конкретной исторической обстановке.

Сырцов не видел дальше просчетов в формировании плановых цифр пятилетки, которые были важны, но не определяли сути момента. Однако Сырцов претендовал чуть ли не на политическое руководство страной — как и

остальные группирующиеся вокруг него «лидеры». А объективно лидером был и мог им быть только Сталин, который видел созидательную для страны перспективу даже в просчетах, публично заявляя, что совершаемые нами ошибки — это цена за ускоренную учебу. Учиться же тогда надо было быстро — иначе, как верно говорил Сталин, нас просто к началу 40-х годов смяли бы...

Так вот, в 1949 году обстоятельства «ленинградского дела» трагикомическим образом повторяли обстоятельства «дела Сырцова—Ломинадзе» даже в ряде деталей. Вознесенский оказывался неким аналогом Сырцова, а Кузнецов — Ломинадзе. Роднили оба дела также амбиции молодой «элиты» и ее претензии на высшее руководство в стране. Роднили и схожие мысли об отдельной «российской» столице, отдельной Компартии и т.п.

Нет, не всё, не всё у «ленинградцев» было чисто... И конспиративные встречи они проводили, и конспиративные планы имели... Собственно, и ярмарку в Питере затеяли не в последнюю очередь для того, чтобы под благовидным предлогом собрать в одном месте руководителей из разных регионов и прозондировать их настроения.

В распоряжении Сталина было достаточно информации, в том числе и записей при помощи оперативной техники бесед Вознесенского с Кузнецовым, Попковым и Родионовым, чтобы почувствовать по отношению прежде всего к Вознесенскому и Кузнецову нечто такое, что, очевидно, чувствовал Тарас Бульба, глядя на отступника Андрия.

Сталин видел в Вознесенском и Кузнецове если и не прямых своих преемников — в хорошей форме тогда были Маленков, Бериya, Каганович, Булганин, Пономаренко, то носителей новой морали и новой чести советского лидера. А они оказались из племени выскочек, начинающих морально деградировать почти сразу после того, как попадают на вершины успеха и власти. Сталин имел право надеяться, что даже в частных разговорах относительно молодые руководящие партийцы уровня Кузнецова и Вознесенского спорят о том, как они будут **строить** Державу после Сталина. А они прикидывали — как они будут ею **править**. И никакие Суды чести их на путь истинный наставить не могли.

29—30 сентября 1950 года в Ленинграде прошел судебный процесс по делу Вознесенского, Кузнецова и других. А в ночь на 1 октября Вознесенский, Кузнецов, Попков, Родионов, Капустин и Лазутин были расстреляны.

Около ста человек получили по этому делу от 5 до 25 (единицы) лет лагерей. Чуть более ста были высланы. Это были различные работники ленинградских партийных и советских органов, а также ряд их родственников — близких и дальних. В источниках называются тысячные цифры, однако если быть точным, то всего было осуждено 214 человек, из них основных обвиняемых 69 человек. Данные взяты из справки, представленной Хрущеву 10 декабря 1953 года министром внутренних дел Кругловым и его заместителем Серовым. Поскольку она готовилась в рамках предстоящей реабилитации, то сомневаться в точности цифр не приходится.

Вознесенского, Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина и Лазутина Хрущев посмертно реабилитировал уже в 1954 году. Но в партии их восстановил лишь Горбачев — в 1987—1988 годах. Факт — на мой взгляд — на размышления наводящий.

И еще два факта в качестве информации к размышлению о чести, совести и правде. Если уж быть точным, то в упомянутой выше справке было сказано так:

«...Согласно имеющимся приговорам Военной Коллегии и постановлениям Особого Совещания, 23 человека осуждены Военной Коллегией к ВМН (расстрелу), 85 человек осуждены на различные сроки содержания в лагерях и тюрьмах, один человек помещен в психиатрическую больницу для принудительного лечения и 105 человек постановлениями Особого Совещания МГБ направлены в отдаленные районы страны в ссылку на различные сроки, в основном от 5 до 8 лет».

Это, безусловно, наиболее точные данные, относящиеся к «ленинградскому делу», причем они были впервые опубликованы в 2000 году в сборнике документов «Реабилитация: Как это было...». При этом в справке Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, опубликованной в №2 за 1989 год

горбачевских «Известий ЦК КПСС», на стр.132 приводятся фамилии ряда расстрелянных, где, кроме основной группы в 6 человек, названы также Г.Ф. Бадаев, И.С. Харитонов, П.И. Левин, М.А. Вознесенская и А.А. Вознесенский (сестра и брат Н.А. Вознесенского), М.В. Басов, Н.В. Соловьев, А.Д. Вербицкий, А.А. Бубнов «и многие другие»...

Итак, в 1954 году мы имеем точное количество в 23 человека, приговоренных к ВМН без указания фамилий. В 1989 году — 15 конкретных фамилий и количественно неопределенное «и многие другие». А вот что мы имеем в 2003 году... В этом году в научном (!) издательстве «Большая Российская энциклопедия» вышел энциклопедический словарь «История Отечества», где во вводной статье можно прочитат:

«В первые послевоенные годы возобновились политические репрессии. По так называемому «ленинградскому делу» были репрессированы сотни советских и партийных функционеров, когда-либо работавших в Ленинграде, свыше 200 человек были расстреляны...»

Вот так. И если бы «россиянские» «историки» отважились начать работу над сборником документов «Фальсификация: Как это было...», я мог бы предложить им вышеприведенную документальную коллизию в качестве одного из сюжетов такого сборника.

ПОСЛЕ войны стали проявлять активность и уцелевшие троцкисты, а их было не так уж и мало. И они были не так уж и бессильны. А при этом они так ничего и не поняли, ничего при этом не забыв. 3 июня 1949 года в спецсообщении Абакумова Сталину №5495/а шла речь о двух личных секретарях старого кавказского большевика 84-летнего Миши Цхакая, доживавшего в Москве, — Сломницкой и Мурованном. Он — из семьи лесопромышленника, она — из семьи фабриканта. Оба — старые и даже после войны активные, действующие троцкисты, сумевшие втереться в доверие к глубокому старику Цхакая и полной мерой это доверие эксплуатирющие.

Как сообщал Абакумов, в кругу близких ей лиц Сломницкая говорила: «В СССР в данное время нет социализ-

ма; нет диктатуры пролетариата, а есть диктатура бюрократии. В стране господствуют произвол и несправедливость... Отсюда вывод — для того, чтобы бороться, нужно добиться вступления в партию».

И ведь что интересно! Сломническая, как в свое время Сырцов, тоже была не совсем не права. Но что — Сталин не понимал всей опасности бюрократии? Да ее еще Ленин понимал! И боролся с ней. И эту линию всегда выдерживал Сталин. Однако можно ли за тридцать лет выдавить (по определению Чехова, который рекомендовал *выдавливать* из себя каждый день по капле раба) из массовой психологии то гнусное, что триста лет накапливали в ней цари?

Насчет произвола и несправедливости тоже можно было спорить. Как раз в тот период «несправедливости» американский художник Рокуэлл Кент, заблудившись, полночи бродил по Москве, пока часа через три не наткнулся на милиционера, который ему помог. При этом бандитов, хулиганов, проституток или бездомных Кент на улицах не встретил.

Троцкисты были как троцкисты: неумные, амбициозные, догматичные и умелые лишь в устройении пакостей. Они (и прочие «оппозиционеры») в условиях проблем послевоенной жизни оказывались если и не серьезной опасностью, то — во всяком случае — опасностью. В июне 1949 года Абакумов в спецсообщении 5560/а докладывал Сталину об арестах троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров и анархистов в Москве и Московской области и писал:

«...в результате агентурно-оперативных мероприятий выявлено и арестовано 387 троцкистов, 24 правых, 20 меньшевиков, 27 эсеров и 10 анархистов.

Значительная часть арестованных не только активно участвовала во вражеской деятельности правотроцкистского подполья, но и до последнего времени вела подрывную антисоветскую работу.

Ряд арестованных преступников, проникнув в Москву и ее пригороды (вместо того, чтобы отправляться в ссылку после освобождения из лагерей по окончании войны. — С.К.), проживая по временным пропискам или на нелегальном положении, пытались в антисоветских целях установить преступную связь с враждебным элементом...»

Абакумов сообщал также, что «из числа арестованных троцкистов, правых и меньшевиков наиболее характерными являются следующие», и далее, приводя подробные сведения, перечислял:

«ВАЛЕНТИНОВ Г.Б., 1896 года рождения, еврей <...>
ЛЕЙКИН З.Г., 1902 года рождения, еврей <...>
ВЕРЖБЛОВСКИЙ Д.В., 1901 года рождения, еврей <...>
ХАРИТОНОВ М.М., 1887 года рождения, еврей <...>
МАГИД М.С. 1896 года рождения, еврейка <...>
ГУРВИЧ Э.И., 1895 года рождения, еврейка <...>
ГРАНСБЕРГ С.Р., 1895 года рождения, еврейка <...>
ПРОСВИРИН П.Ф., 1901 русский
САМИНСКИЙ Э.З., 1905 года рождения, еврей <...>
МОСКАЛЕВ М.А., 1902 года рождения, еврей <...>
БУГАКОВ Л.М., 1902 года рождения, еврей <...>
УЛИЦКИЙ Н.С., 1891 года рождения, еврей <...>
КНОРОЗОВСКИЙ Г.П., 1905 года рождения, еврей <...>
САЛАНТ А.Е., 1908 года рождения, еврейка <...>
ЛИВШИЦ Б.С., 1897 года рождения, еврей <...>
ПАЛАТНИКОВ М.А., 1896 года рождения, еврей <...>
ДОЛИЦКИЙ Е.И., 1901 года рождения, еврей <...>
УРАЛОВ М.П. 1889 года рождения, русский <...>
ТРАЦЕВСКАЯ О.А., 1898 года рождения, полька <...>
САНДЛЕР З.Г., 1905 года рождения, еврей <...>
КАРПОВ В.В., 1903 года рождения, русский <...>
ШЕЙНИН Г.Е., 1903 года рождения, еврей <...>
ДИКИЙ А.С, 1899 года рождения, еврей <...>
ФЕДУЛОВ М.Л. 1907 года рождения, русский <...>».

Уважаемый читатель, я привел весь список Абакумова *без изъятия*, и в нем были пенсионеры, весьма крупные хозяйственные работники, профессора политэкономии, доктора наук, преподаватели вузов, бывшие дипломаты. И за каждым — серьезные прошлые нелегальные дела, связи с Троцким, с границей и внутри страны. И опять — уже новые дела, связи, расчеты, надежды...

Причем аресты троцкистов не были некоей «травлей». Они стали результатом оперативных разработок. После того, как в 1948 году из лагерей стали массово освобождать бывших оппозиционеров, было принято постановление правительства об их высылке. Скажем, Новосибирск или Красноярск — не самая глухомань. Однако «борцам за свободу народа» надо было почему-то обязательно вести свою борьбу в Москве и ее окрестностях, что и вызвало необходимость проведения чекистской операции. Но это были, повторяю, не гонения, чему лучший пример — известная поэтесса Вера Инбер. К ней, двоюродной племяннице Троцкого, никто никогда претензий не предъявлял. 30 октября 1952 года был подписан в печать 17-й том 2-го издания БСЭ со статьей о ней.

Но для лучшего понимания читателем ситуации я приведу краткие справки о всего лишь нескольких уроженцах России, носивших фамилию «Гальперин». Данные точные, ибо взяты из Российской Еврейской энциклопедии.

Итак...

Гальперин Александр Львович, 1896 года рождения, родился в Баку. Историк и экономист, доктор исторических наук, профессор, преподаватель ряда московских вузов, в том числе и МГУ.

Гальперин Петр Яковлевич, 1902 года рождения родился в Харькове, психолог, с 1943 года доцент МГУ.

Гальперин Хаим, 1895 года рождения родился в Каневе Киевской области, экономист, в 1923 году окончил Харьковский сельскохозяйственный институт, с 1924 года в Элохим-Израиле.

Гальперин Горацио, 1916 года рождения, в 1919 году вместе с родителями покинул Россию. Банкир, общественный деятель, потомок барона Г.О. Гинцбурга. Возглавлял ряд компаний и акционерных обществ, член ЦК Всемирного еврейского союза и ряда других еврейских организаций.

Гальперин Михаэль Анджело, 1909 года рождения родился в Варшаве. Профессор Института международных отношений в Женеве. Основные сферы деятельности: финансы, банковское дело и международная экономика. Автор ряда книг, в том числе «Международная торговля» (1947, 1952).

Уважаемый читатель! Я мог бы открыть Еврейскую энциклопедию на другой букве и на другом ряде фамилий, но и тогда картина обрисовалась бы примерно та же, что и приведенная выше. А привел я эту картину не с целью дать на ее основании те или иные заключения и выводы, а всего лишь в порядке «информации к размышлению», во-первых, и, во-вторых, для того, чтобы показать, какими **в принципе** неожиданными и разветвленными во всемирном масштабе могли быть связи внутренних троцкистов и вообще советского еврейства на рубеже 40—50-х годов.

Причем эти связи могли иметь вообще очень специфический и нетривиальный характер. В «Письме к съезду» Ленина есть один почти необъяснимый кусок, а именно:

«Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно же, не является случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому».

Как это надо понимать? Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева — это их печатное заявление о несогласии с решением ЦК начать вооруженное восстание, опубликованное в либеральной газете. Зиновьев и Каменев тем самым фактически выдали планы ЦК, совершили предательство. Ленин тогда требовал исключить их из партии. Это понятно...

Но почему этот эпизод нельзя поставить лично в вину двум вполне взрослым людям, находящимся в ясном уме и здоровой памяти? Как и некие личные политические взгляды — третьему человеку?

Объяснить, что имел в виду Ленин, вряд ли возможно, если не знать, что лишь две организованные силы издавна не только разрешают своим членам находиться в любых партиях — вплоть до антагонистических, но и в ряде случаев предписывают им это. Однако неукоснительно требуют исходить в конечном счете не из партийных, а надпартийных соображений и интересов, а точнее — из интересов той главной надпартийной организации, в которой состоят члены порой даже враждующих между собой партий.

Эти две организации — орден иезуитов и масонство. Не

кукольное, театральное масонство, выставленное напоказ, а то масонство, в ложах которого уже века назад состояли, как состоят они и сейчас, монархи, президенты, премьеры, министры, олигархи, различные партийные лидеры и т.д.

Не на эту ли надпартийную ипостась Троцкого, Зиновьева и Каменева намекал Ленин? Что ж, очень может быть... Но если так, то это означало, что, нейтрализовав эту далеко не святую троицу, Сталин приобрел себе врага и в лице еще одной могущественной силы, привыкшей и умеющей выступать во внешнем мире скрыто и так, как будто ее и нет?

Наконец, были в Москве сороковых — начала пятидесятых годов и те, кто немало потрудился для страны, имел заслуги и награды, занимал выдающееся положение, но уже становился безудержным барахольщиком. На этом поскользнулся тот же Абакумов, но когда он еще был министром ГБ, по указанию Сталина ему пришлось провести 5 января 1948 года негласный обыск на квартире маршала Жукова в Москве.

Полный перечень обнаруженных там ценностей еще более длинен и утомителен, чем тот, с которым читатель только что познакомился. Поэтому приведу лишь наиболее «ударные» детали:

- шерстяных тканей, шелка, парчи, пан-бархата и других материалов — свыше четырех тысяч метров;

- мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчовых, каракулевых — 323 шкуры;

- ценных картин классической живописи — 55 штук.

Абакумов сообщал:

«...Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат...

...На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением исключительно на немецком языке...

...Что касается не обнаруженного на московской квартире ЖУКОВА чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный СЕМОЧКИН, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все вре-

мя держит при себе жена ЖУКОВА и при поездках берет его с собой.

Сегодня, когда ЖУКОВ вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него на квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямую потребовать у ЖУКОВА сдачи этого чемодана с драгоценностями...»

Барахло Жукову пришлось сдать. И, спрашивается, какие чувства — уже превратившись в накопителя сундуков — маршал должен был испытывать к Сталину? Уж если не сам Жуков, то его жена, надо полагать, ненавидела Сталина тихой, но страстной ненавистью. А ночная кукушка, — как известно, — всех перекукует.

Опасные для социализма и народа тенденции — собственные, карьеристские, шкурные, неотроцкистские и прочие — надо было пресекать.

И это делалось.

Но такие меры затрагивали исключительно верхушку, а персонифицировались они для всех недовольных в личности Сталина. И кто-то из таких недовольных при удачном стечении обстоятельств тоже мог бы решиться на активные действия против Сталина.

А ведь ими круг потенциальных участников потенциального заговора против Сталина не ограничивался...

Глава пятая

1948 ГОД. ОСТРОВ ИЗРАИЛЬ

Антисемитизм коммунистического руководства в послевоенные годы, прежде всего в последние годы сталинского правления (1948—1953 гг.), оказался особенно страшен...

*Из предисловия Ефима Эткинда
к книге Арно Люстигера «Сталин и евреи»*

По оценкам в городе проживают до 200 тыс. евреев, треть населения. Улицы полны евреев... Их энергичность, бурный темперамент и напористость, характерные для прежних евреев Молдаванки, производят сильное впечатление. В отличие от Москвы, на улице слышен идиш...

*Из впечатлений посланника Израиля
в СССР М. Намира от Одессы 1950 года*

«ГОСУДАРСТВО Израиль» (именно так, не просто «Израиль», а «государство Израиль», ибо это — его официальное название) занимает площадь в 20,8 тысячи квадратных километров. Его официальная столица — Иерусалим, но вряд ли в этой «столице» расположено хоть одно важное правительственное учреждение. Однако это — не единственная уникальная черта государства Израиль, выделяющая его из сообщества других государств мира. Скажем, при общем объеме валового внутреннего продукта (ВВП) почти в 100 миллиардов долларов и населении почти в 6 миллионов человек, доля ВВП, создаваемая в промышленности, равна там всего 17 процентам, плюс — 2 процента ВВП создается в сельском хозяйстве. Остальное же — в сфере услуг.

По этим показателям у государства Израиль нет в мире сотоварищей. Даже в крохотном государстве-острове Бар-

бадос (площадь 0,43 тысячи квадратных километров, население 0,26 миллиона человек) при равной с государством Израиль доле ВВП, создаваемой в промышленности, — тоже 17 процентов, в сельском хозяйстве создается, все же, 7 процентов. Правда, бывшая вотчина приснопамятного «папы Дока»-Дювалье и знаменитых «тонтон-макутов» — остров-государство Гаити (площадь 27,64 тысячи квадратных километров, население около 7 миллионов человек), хотя и производит меньшую чем остр..., пардон, государство Израиль долю ВВП в промышленности — 13 процентов, в сельском хозяйстве производит 44 процента ВВП.

Даже благодатный остров Кипр — «новорусский» рай для олигархов-чукчей, непривычных к жаркому солнцу, — и тот в промышленности производит 22,4 процента ВВП, а в сельском хозяйстве — 4,4 процента. А у островов-государств Мальта и Маврикий промышленная доля ВВП равна соответственно 34 и 29 процентам (при 5- и 8-процентных сельскохозяйственных долях).

И, чтобы перебрать уж весь государственно-островной алфавит, сообщу, что остров-государство Ямайка, имея площадь и население примерно вполтину меньшее, чем остр... пардон, государство Израиль, производит в промышленности вдвое больший, чем Израиль, процент ВВП (37%) и вчетверо больший процент (8%) — в сельском хозяйстве.

Учитывая это, а также то, что, во-первых, сын Евгении Гинзбург Василий Аксёнов открыл на карте мира остров Крым, а во-вторых, то, что государство Израиль со всех сторон окружено единодушно враждебными по отношению к нему государствами, я и назвал эту главу так, как я ее назвал.

Да, Израиль — это действительно в некотором смысле *остров*. И он, к слову, был бы если не необитаемым, то — мало обитаемым «избранным народом», если бы не мощная иммиграция на него, прежде всего из России.

Когда-то «остров» Израиль именовался Палестиной, и именно под этим названием он описан в таком авторитетном источнике, как «Энциклопедический словарь» издатель Ф.А. Брокгауза (Лейпциг) и И.А. Ефрона (С.-Петербург), где в томе XXII (полутоме 44-м) на странице 622 сказано:

«Плодородіе П. было прославлено в древности не только Библией, где она называется текущей молокомъ и медомъ... но и классиками; это доказываются и развалинами множества городовъ, и существованіемъ густого населенія в древности...»

Палестина действительно была обильна кедровыми и дубовыми лесами, кипарисами, тамарисками, тузовыми, гранатовыми и фисташковыми деревьями, апельсинами и лимонами, миндалем, персиками, абрикосами, виноградом, пшеницей, ячменем, просом, горохом и бобами, артишоками, арбузами, огурцами и тыквами, горчицей и благовонным тмином, а также лилиями и особо известными розами — так называемыми иерихонскими.

Если и не рай, то уж его преддверие — точно!

Но кто же в нем жил? По свидетельству первого, еще довоенного издания Большой Советской Энциклопедии в 1937 году Палестину (тогда ее площадь составляла 26 тысяч квадратных километров) населяло 1 383 000 человек. Из них арабов — 61%, евреев — 29%, другие национальности — 10%.

С 1920 по 1935 годы в Палестину приехало на жительство более 260 тысяч евреев, а всего в 1937 году их там жила 401 тысяча. Простой расчет с учетом того, что евреи тянулись в Палестину и до 1920-го, и после 1935 годов, показывает, что сразу после Первой мировой войны в пределах «еврейского национального очага» жило чуть более ста тысяч представителей «избранного народа». Немного... Если же принять в расчет, что к 1937 году уже вполне сформировалась тенденция силового выдавливания арабов с их исконных земель в Палестине, и что эту тенденцию активно формировали как местные сионисты, так и их английские покровители, то не будет ошибочным предположить, что сразу после Первой мировой войны в Палестине жило не менее миллиона арабов.

Собственно, это подтверждается и данными такого авторитетного источника, как Брокгауз и Ефрон:

«Въ настоящее время (не позднее 1897 года. — С.К.) населеніе страны, составляющей древнюю П., не превышаетъ 650 000 чел. Главный контин-

генты составляют сирійцы и арабы; значительно уступают им в численности греки, турки, евреи и франки (т. е. европейцы). Подавляющее большинство населенія (80%) исповедает исламъ; за мусульманами следуют христіане различныхъ исповеданій (всею больше православныхъ) и, наконец, евреи. Последніе, главнымъ образомъ выходцы изъ Европы (в основном из России. — С.К.), живутъ преимущественно въ городахъ; въ 1894 г. ихъ насчитывалось 65000 чел.».

Итак, в свое время в этом преддверии рая на земле на одного еврея приходилось девять нсевреев. Однако за много лет эта статистика была жестоко и кроваво изменена: теперь на острове «Израиль» на четырех евреев приходится один араб.

А было время, когда их там почти не было, и лишь в 80-х годах XIX века началась еврейская иммиграция в Палестину, причем первые еврейские сельскохозяйственные колонии создавались на средства парижского Ротшильда.

Палестина, постепенно, с XVI века, подпадавшая под власть Турции, всегда была геостратегически важным местом — педаром туда стремился Бонапарт. Особенно же ее значение возросло после открытия Суэцкого канала. И в Палестину потянулись все, начиная с Ротшильдов парижских, лондонских и венских.

Первые сионистские организации, выдвинувшие лозунг создания национального еврейского государства, были — как сообщает нам авторитетная первая БСЭ — «агентурой вначале германского, а впоследствии английского империализма». И действительно, после Первой мировой войны здесь закрепились англичане, получившие в апреле 1920 года на конференции в Сан-Ремо международный мандат на право управления Палестиной, отделившейся от повообразованной Сирии. Но еще в 1917 году тогдашний министр иностранных дел Бальфур опубликовал декларацию, провозглашающую идею образования «еврейского национального очага».

Основные же страсти разгорелись уже после Первой мировой войны, когда освободившиеся от турецкой зависимости, вновь образованные арабские государства поня-

ли, что им навязывают теперь, во-первых, зависимость от англичан, полностью выражающих волю сионистов, а во-вторых, навязывают самих сионистов в качестве соотечественников.

Причем не просто евреев, а именно сионистов. Чтобы не быть голословным, сообщу, что первым английским верховным комиссаром Палестины с 1920 по 1925 годы был сионист Герберт Семюэль, а главным прокурором — сионист Бентвич.

И с 1922 года по 1936 год еврейское население Палестины возросло с 80 до 370 тысяч человек. Еврейские иммигранты вели себя нагло, использовали террор, и на этих щедро опаляемых солнцем территориях в начале 20-х годов появились первые арабские партизаны. А в августе 1929 года началось восстание арабов, англичанами подавленное. Партизанское же движение продолжалось, партизаны нападали на еврейские колонии и уничтожали еврейские плантации, но даже английская парламентская комиссия Шоу и Симпсона, работавшая в Палестине в 1930 году, вынуждена была признать основной причиной восстаний обезземеливание арабского крестьянства сионистскими колонизаторами.

Впрочем, в 1930 году английский кабинет опубликовал меморандум Пасфильда (Сиднея Вебба), где декларировалось, что «численность еврейского населения Палестины не должна превышать емкости страны».

Формула была явно «резиновой», и в 1932 году еврейская иммиграция в Палестину возросла втрое (!) — 30 тысяч человек за год. В 1934 году она превысила уже 40 тысяч, а в 1935 году достигла 60 тысяч. Результаты не замедлили сказаться: в 1933 году началось новое арабское восстание, подавленное англичанами и отрядами сионистов еще более жестоко — вождь партизан, крестьянин из под Наблуса Абу-Джилд в августе 1934 года был казнен. Однако в мае 1936 года вспыхнула национальная война, которая с тех пор, как мы знаем, фактически не прекращается, переживая то «вялые», то активные фазы.

Англичане были встревожены, и в 1936 году комиссия лорда Пила предложила разделить Палестину на три части: английскую, еврейскую и арабскую по принципу: «Ев-

реям вершки, а арабам — что останется». Арабы вновь взбунтовались, и ситуация им, казалось бы, благоприятствовала — началась германо-польская война, которую Англия и Франция при поощрении США быстро превратили во Вторую мировую. И теперь антианглийски настроенных — что было вполне объяснимо — арабов поддерживали немцы и итальянцы.

Но во Второй мировой войне победили не покровители арабов — немцы, а покровители сионистов — англосаксы. И теперь любые акции тех арабских государств, которые пользовались поддержкой Гитлера, — тот же Египет — можно было легко одернуть как пронацистски настроенных. К тому же и фактор «Холокоста» (якобы поголовного уничтожения евреев именно нацистами во время войны), раздуваемый до вселенских масштабов, работал против арабов.

Соответственно, идея национального очага для евреев мира приобрела вполне реальные очертания.

В 1947 ГОДУ Англия передала палестинский вопрос на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Там уже почти полностью хозяйничали Соединенные Штаты, уже почти отладившие так называемую «машину голосования», типичным элементом которой являлись центрально- и латиноамериканские «банановые республики». Единственным камнем преткновения здесь было право «вето» Советского Союза — постоянного члена Совета Безопасности ООН. И намерение США учредить над Палестиной опеку (читай, отдать ее в распоряжение США) не прошло.

СССР в 1947 году предлагал создать двунациональное арабо-еврейское государство, а если это окажется невозможным, разделить Палестину на два самостоятельных государства — арабское и еврейское. Но тут имелись и нюансы. И показательно, что если в томе 17 второго издания БСЭ, подписанном в печать 30.10.52 года, было прямо сказано об инициативе СССР, то уже в томе 31, подписанном в печать 07.02.55 года, в статье «Палестина» было просто сказано, что советская делегация голосовала за образование двух государств.

Действительно, 29 ноября 1947 года английский мандат был прекращен, и было принято предложение СССР.

К моменту вынесения резолюции ООН о разделе Палестины там проживало 1845 тысяч человек, из которых 608 тысяч были евреями. Однако по плану раздела под территорию арабского государства отводилось 11,1 тысячи км², а под территорию еврейского — 14 тысяч км². Иерусалим выделялся в отдельную административную единицу с международным режимом.

Далее все пошло так... Палестина бурлила, а ее еврейская часть торжествовала и становилась все более активной. 17 мая 1948 года был провозглашен «независимый» Израиль, и палестинские евреи сформировали временное коалиционное правительство во главе с лидером правосоциалистической сионистской партии Манай. Она ориентировалась даже не на англичан, а на США. Впрочем, тогда в Англии уже стали понимать, что Ближний Восток с образованием Израиля будет уплывать из их рук в руки янки, и поэтому многие в Англии были склонны поддерживать арабов, все же привыкших ориентироваться более на англичан.

Как только «государство Израиль» было провозглашено, началась первая арабо-израильская война «государства Израиль» с семью членами Арабской лиги, в которую входили Египет, Ирак, Саудовская Аравия, Сирия, Ливан, Трансиордания и Йемен. Кто ее начал первым, сказать трудно. Так, Большая Российская Энциклопедия утверждает, что война началась «в ночь с 14 на 15 мая через несколько часов после (? — С.К.) провозглашения государства Израиль» вступлением в Палестину войск Арабской лиги.

Но если это было и так, то Израиль сам того хотел, потому что претендовал на большее, чем ему дали. И понятно, что это было возможно лишь при мощной поддержке США и — да, да, Англии, хотя часто заявляют, что решающие поставки оружия в Израиль через Чехословакию и Румынию обеспечил Советский Союз. Но об этом еще будет сказано в своем месте.

Параллельно евреи начали жестокий и кровавый антиарабский террор, преследующий две цели. Первая — морально запугать и лишить воли к сопротивлению. Вторая — изгнать арабов с их земель. Обе цели успешно обеспечивались. С территории Палестины бежало 900 тысяч арабов, и 25 января 1949 года в Израиле прошли первые

выборы в кнессет. США перед выборами предоставили Израилю «заем» (фактически — субсидию) в 100 миллионов тогдашних весьма весомых долларов. И большинство на выборах получила партия Мапай. А 17 февраля 1949 года первым президентом Израиля был избран знаменитый сионистский лидер Хаим Вейцман.

Война тем временем все шла.

В феврале, марте, июле 1949 года был заключен ряд арабо-израильских перемирий, а к апрелю 1950 года положение определилось: Израиль округлил свою территорию не до 14 тысяч, а до 20,7 тысячи км² и занял Иерусалим. Пять тысяч квадратных километров палестинской территории отошло к Трансиордании, вскоре переименованной в Иорданское хашимитское королевство.

С мая 1948 года по июнь 1951 года в Израиль въехало около 650 тысяч евреев, и численность их в Палестине была тем самым доведена до более чем миллиона двухсот тысяч человек. С учетом массового изгнания из Палестины — теперь уже Израиля — арабов евреи в Палестине впервые начали преобладать. При этом в промышленности, включая и мелкую, было занято всего 90 тысяч человек. Но и в сельскохозяйственном отношении Израиль благополучным назвать было нельзя: потребности в хлебе «страна» удовлетворяла за свой счет на 10—12%, в других продуктах питания — на 20%. Так что структура занятости населения в Израиле сразу приобрела крайне занятый характер.

Впрочем, до некоторой степени положение смягчалось тем, что примерно 9% населения Израиля служило в армии, насчитывавшей 110 тысяч человек. Но кто же их кормил? Обычно, если народ не кормит свою армию, ему приходится кормить чужую. Но и здесь «остров Израиль» сразу оказался на особом положении — его армию кормили чужие народы... Достаточно сообщить, что в импорте Израиля доля США составляла тогда 43%, а доля Англии в экспорте превышала 54 процента.

СТАЛИН к афере с Израилем относился двойственно. И тому было много причин, часть которых имела давнее происхождение, часть возникла после 1917 года, а часть — и после 1945 года и даже позднее...

Мощное влияние российских евреев на российские дела отнюдь не было чертой только послереволюционной России — как в этом уверяют неумные русские националисты. Можно было бы привести немало любопытных документов на сей счет еще из эпохи незабвенного императора Александра I... Однако я приведу лишь один пример из эпохи его двоюродного внучатого племянника Александра III... Вот как накануне Первой мировой войны описывал изменение российской ситуации с начала 80-х годов XIX века журнал «Еврейская старина»:

«В выходцах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик — в предпринимателя высокого полета, а их служащие — в столичных денди. Образовалась фаланга биржевых маклеров, производивших колоссальные воздушные обороты. Один петербургский еврей-старожил восхищался: «Что был Петербург? Пустыня; теперь же ведь это Бердичев!»

То есть идиш давно и полноправно звучал не только в Южной Одессе, но и в Северной Пальмире, и революция лишь придала этому процессу более динамичный характер: поскольку русская интеллигенция в массе своей от большевистской революции высокомерно отвернулась, образовавшийся вакуум заполнили выходцы из черты еврейской оседлости.

Это — не мнение, не гипотеза. Это — факт.

Говорить при этом о «еврейском засилье» глупо, потому что основные процессы в стране определялись сознательной поддержкой большевиков здоровыми силами всех народов СССР, включая их славянское ядро. Но влияние было, причем советское еврейство имело разветвленные выходы на границу, прежде всего на США. Так, пользуясь голодом в России, крайняя сионистская организация «Джойнт» в сотрудничестве со знаменитой Американской Российской ассоциацией (АРА) развила в Советской России просто-таки бурную деятельность, объединяя все российские еврейские организации от Бунда и «Поалей Циона» до правых сионистов. К июлю 1922 года Еврейский общественный комитет (Евобщестком), а фактически — АРА,

имел уполномоченных с аппаратами служащих в 300 городах России, Украины и Белоруссии, то есть — в каждом мало-мальски крупном населенном пункте страны.

При этом руководство ОГПУ в начале апреля 1923 года докладывало Политбюро ЦК:

«Американские сотрудники АРА — в большинстве квалифицированные военные, которые в случае надобности смогут стать первоклассными инструкторами контрреволюционных восстаний... Русские сотрудники (на 75% бывшие офицеры, 20% помещиков и чиновников)... являются превосходными... каналами, через которые к американцам текут необходимые о России сведения...»

С Евобщесткомом активно сотрудничали такие еврейские общественные деятели, как партийный журналист Давид Заславский, литературный критик Исаак Нусинов, врачи Мирон Вовси и Борис Шимелиович. Последних двух отмечу особо, ибо это были тот самый генерал-майор медицинской службы Мирон Вовси, который в 1945 году занимал пост главного терапевта Красной Армии, и тот самый Борис Шимелиович, который в 1945 году работал главным врачом больницы имени Боткина в Москве.

Откровенно подрывной характер Евобщесткома и «Джойнта» правился не всем, но тогда за них заступилась одна из будущих «безвинных жертв сталинского террора» — Лев Каменев, заместитель председателя Совнаркома СССР. И тогда же «Джойнт» выступил с «Южным» проектом еврейской колонизации Крыма — с расчетом на бывшее огромное крымское имение барона Гинцбурга и т.п. Впрочем, из-за опасности возмущения масс проект прикрыли. Однако 31 декабря 1927 года аграрное ответвление «Джойнта» — «Агро-Джойнт» заключил с Советским правительством очередной трехлетний договор, который 15 февраля 1929 года был продлен на срок до 1953 (пятьдесят третьего) года.

Вот еще несколько цифр, взятых из монографии Г.В. Костырченко с провокационным заглавием «Тайная политика Сталина», изданной в 2001 году при финансовой поддержке Российского Еврейского Конгресса:

В декабре 1926 года каждый пятый частный торговец

страны был евреем... В торговом бизнесе Москвы им принадлежало 75,4% всех аптек, 54,6% парфюмерных магазинов, 48,6 магазинов тканей, 39,4% галантерейных магазинов. Из 2469 крупных столичных пэпманов 810 (32,8%) были евреями, а на Украине и в Белоруссии их доля была еще выше: 66% и 90% соответственно.

Впрочем, и в среде новой советской интеллигенции сразу закладывалась серьезная еврейская прослойка: на начало 1927 года в вузах РСФСР каждый десятый будущий педагог, каждый шестой будущий инженер и врач и каждый пятый будущий творческий работник был евреем. Часть из них, к слову, позднее падёт в результате чисток, и падёт в том числе и потому, что многие из них со студенческой скамьи занимали откровенно троцкистские позиции.

В октябре 1937 года было закрыто вначале московское отделение «Агро-Джойнта», а к 1 июня его деятельность была официально прекращена на всей территории СССР.

Льва Каменева в Кремле тогда уже не было, и заступиться за обнаглевших сионистов было некому. В 2001 году их пожалел, правда, историк Г. Костырченко, посетовав, что зловерные-де большевики прикрыли «Агро-Джойнт», несмотря на то, что в советскую экономику было-де вложено 25 миллионов долларов. При этом «историк» не сообщил, сколько из советской экономики «левым» образом этих миллионов было тогда высосано. Кроме того, для сравнения приведу данные того же Г. Костырченко: только в 1948 году американские евреи вложили в Палестину 170 миллионов долларов!

В 1937—1938 годах ряд видных советских сионистов был арестован, и в их числе — главный раввин хасид Ш.Я. Медалье, расстрелянный 26 апреля 1938 года. На одном из пелегальных собраний он заявлял: «...Еврейскому народу необходимо сплочение... чтобы спастись от наступления коммунизма».

Да, сионисты в СССР Сталина чувствовали себя все менее уютно, и надо ли удивляться, что знаменитый еврейский поэт-националист Хаим-Нахман Бялик, писавший на иврите, перед своей смертью в 1934 году заявил, что большевизм является проклятием еврейского народа, а спасением его является гитлеризм. Не верящие мне на слово чи-

татели могут взять стенографический отчет Первого Всесоюзного съезда советских писателей и прочесть речь па нем поэта Ицика Фефера, где он цитирует Бялика.

К слову, жена одного из виднейших участников заговора Тухачевского — заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного Политуправления РККА и главного редактора «Красной звезды» Гамарника, застрелившегося незадолго до ареста, была свояченицей Бялика.

Такая вот деталь...

ПРИШЛА война... И оказалось, что Бялик был, мягко говоря, не прав. И с какого-то момента в СССР возникла мысль о создании того, что было потом названо «Еврейский антифашистский комитет» — ЕАК. Его идея сработала с двух сторон. С одной стороны, Сталин решил использовать международные связи советского еврейства для консолидации всех антигитлеровских сил в мире и прежде всего — в США и Англии и мобилизации их для помощи СССР. С другой же стороны, притихшие было еврейские националисты и внутренние сионисты увидели в ЕАК новый шанс на реализацию своих давних надежд, связанных с перспективой укрепления своих позиций в стране.

О создании ЕАК публично было объявлено 23 апреля 1942 года в Куйбышеве на пресс-конференции заместителя начальника Совинформбюро Соломона Лозовского (Дридзо). В комитет входили 70 членов, в президиум — 19, а председателем стал директор Государственного еврейского театра Соломон Михоэлс. Не все из членов ЕАК были, конечно, националистами. Скажем, Герой Советского Союза Израиль Фисанович, талантливый советский подводник, погибший на переходе из Англии в Мурманск в 1944 году, был взят в ЕАК, что называется, для блеска. Но стержень ЕАК составляли другие... И вот их-то устремления можно было понять уже из той настойчивости, с которой ряд членов ЕАК добивался издания на идиш собственной газеты. И 7 июня 1942 года вышел первый номер газеты «Эйпикайт», что означало «Единение». Десятитысячный тираж был ориентирован вроде бы не столько на распространение в СССР, сколько на границу. Но сразу возникал вопрос — единение кого с кем? Однако тогда Сталину было

не до выяснения подобных деталей — шла война, Михоэлс и Фефер ездили в США, встречались с Эйнштейном и т.д., какая-то польза от этого была, ну и бог с ними.

В целом же, как я догадываюсь, уже во время войны Сталин начал понимать, что игра не стоила свеч. Достаточно сказать, что за все время войны евреями во всем мире было передано в фонд помощи СССР около 45 миллионов долларов. Узнав об этом впервые, я был поражен. Только за один 1947 год только из США передать 170 миллионов долларов на Палестину, и собрать с мирового еврейства всего 45 миллионов за четыре года войны для страны, которая несла основную тяжесть борьбы с нацизмом!

Вряд ли этот малоизвестный исторический факт нуждается в развернутом комментарии, и я сделаю лишь два кратких замечания. Во-первых, нечего сказать — эффективно действовал ЕАК во внешнем мире... Во-вторых же, невольно задумываешься: опасались ли сионисты поголовного нацистского «Холокоста», если так скупо финансировали наиболее активные антинацистские действия?

Зато ЕАК уже в ходе войны выдвинул идею создания Еврейской автономной республики в Крыму — при благосклонном, к слову, отношении к этой идее Молотова. Вряд ли и этот факт необходимо комментировать подробно, поэтому я просто приведу Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 ноября 1948 года, гласившее:

«Утвердить следующее решение бюро Совета Министров СССР:

«Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской проаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать, пока никого не арестовывать».

Секретарь ЦК И. Сталин».

Замечу, что я привел этот документ по монографии Г. Костырченко. Однако в сборнике документов «Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953...» полно-

стью текстуально совпадающее с вышеприведенным Постановлением ПБ (за исключением незначительных грамматических отличий) решение Бюро СМ СССР, подписанное Сталиным и Молотовым и направляемое «В девятку для утверждения», датировано 21 ноября 1949 года с пометкой: «Передано по ВЧ от т. Поскребышева 21.XI. в 00 ч. 15 м. (1948 г.)».

Как привести в логическое соответствие эти нестыковки дат, я не знаю, но в качестве забавного текстологического курьеза я его читателю рекомендую.

Но, естественно, не подвергаю при этом сомнению сам факт роспуска ЕАК на высшем уровне. ЕАК был распущен именно так, и финал его был логичным: война закончилась, а ЕАК все не унимался и все более превращался уже не то что в центр внутрисоюзного еврейского национализма, а действительно в удобную международную «крышу» сразу для всех — сионистов, разведчиков, троцкистов и тайных эмиссаров Золотого Интернационала.

Уважаемый читатель волен здесь верить или не верить автору на слово, но сегодня опубликовано достаточно много архивных документов, убеждающих в том, что Сталин — автором текста Постановления был явно он — написал правду. И все эти документы опубликованы «демократическими», естественно, «историками» (иных к архивам не допускают). Эти «историки», правда, сами не поняли, какие информационные «бомбы» они подложили тем самым под собственные же «концепции», но от этого ценность обнародованного ими лишь возрастает.

Вот и Г. Костырченко, приводя текст Постановления Политбюро по ЕАК, заявляет, что Сталин-де просто избавлялся от ЕАК, «избрав для этого наиболее подходящую с его точки зрения бюрократическую форму». Иными словами, если верить Костырченко, ЕАК с Западом шашней не заводил, а всего лишь «мешал» «злодею». Но ведь сам факт предельной закрытости высшего партийно-государственного документа исключал вариант «работы» Сталина «на публику». В подобных документах всё и всегда называлось своими именами! Читали-то их считанные люди, само положение которых не давало им никаких возможностей жить

иллюзиями или предположениями — они-то знали все как есть!

Так что ЕАК действительно запутался во всем сразу — в идейной антисоветчине, в подрывной деятельности, в сотрудничестве и с сионистами, и с западными спецслужбами...

И финал ЕАК, повторяю, был логичным.

К МОМЕНТУ принятия Постановления Политбюро ЦК бессменного председателя ЕАК Соломона Михоэлса уже не было в живых — в январе 1948 года, будучи в служебной командировке в Минске, он погиб там вместе с театральным критиком Голубовым-Потановым под колесами автомобиля. Судя по всему — в результате случайного наезда.

Типографской краской испачкано немало бумаги для того, чтобы запустить в оборот «документы» о причастности к смерти Соломона Михоэлса органов госбезопасности. Мол, в начале 1948 года «тиран» Сталин отдал тайное распоряжение «обезглавить советское еврейство», организовав устранение «великого» Михоэлса в Минске. В сборнике документов «Лаврентий Берия. 1953», изданном Фондом «Демократия» в 1999 году, приводится даже записка Берии от 2 апреля 1953 года, где прямо говорится, что Михоэлс и Голубов были убиты по поручению министра ГБ СССР Абакумова во исполнение указания Сталина особой группой МГБ СССР в составе заместителя министра ГБ СССР Огольцова и ответственного работника МГБ СССР Шубнякова на загородной даче министра ГБ Белорусской ССР Цанавы. Затем-де труны были привезены на глухую улицу, где был симитирован наезд грузового автомобиля.

Подлинность этой записки Берии иногда подвергают сомнению, и я в нее тоже верю не особенно, хотя не исключая, что Берия ее действительно подписывал. Суть этого парадокса я поясню позднее — в главе «13-й отдел ГРУ». Сейчас же скажу вот что...

Дальнейшее развитие событий в 1950—1952 годах показало, что Михоэлса могли спокойно арестовать позднее вместе со всей «головкой» ЕАК и вместе с ней же осудить и расстрелять. Никаких проблем это для Сталина не состав-

вило бы. Погибнуть же Михоэлс и Голубов, находясь в крупном подпитии после вечера в ресторане с Ициком Фефером и работниками минских театров, могли и, так сказать, самостоятельно. Из ресторана оба двинулись к знакомому Голубова — скорее всего «добавлять», шли пешком, по темным улицам... Трагические случаи, подобные произошедшему с ними, в Минске тогда были часты. А Михоэлс даже по свидетельству максимально лояльного по отношению к нему Г. Костырченко обычно любил «пропустить рюмочку» и в тот вечер пропустил их явно немало, ибо приехал в Минск как представитель Комитета по Сталинским премиям, и угощали его потенциальные лауреаты, надо полагать, на славу.

К слову, в воспоминаниях Светланы Аллилуевой, которые охотно цитирует Арно Люстигер, автор книги «Сталин и евреи», имеется такое описание момента получения Сталиным сообщения о смерти Михоэлса, которое сама Аллилуева (или редакторы ее «воспоминаний») расценивает как причастность отца к гибели Михоэлса. Но при внимательном рассмотрении свидетельство дочери Сталина, напротив, — опровергает версии о причастности Сталина к этому делу.

Занятная, к слову, деталь отыскивается в записках начальника Главного управления кинематографии СССР Б.З. Шумяцкого о просмотрах Сталиным фильмов в Кремле. 3 апреля 1935 года Шумяцкий записал:

«На критические замечания Лаз. Моисеевич (Кагановича. — С.К.) о националистич. душке постановок Еврейского театра (юбилейный спектакль «Короля Лира») Коба заявил, что судя по данным в киножурнале фрагментам спектакль очень интересен, постановка исключительно оригинальная, а игра актеров, особенно Михоэлса (Король Лир. — С.К.) и Зускина (Шут. — С.К.), в высокой степени классна...»

Тогда же Сталин на замечание Кагановича, что музыка композитора Пульвера к хроникальному фильму «Биробиджан» о столице Еврейской автономной области «чужая», возразил, что «она очень верно подмечает особые черты еврейской бедноты и ее угнетения в прошлом и в то

же время по-своему дает новые бодрые мотивы новой еврейской музыки».

И еще деталь... Как видно из документов, относящихся к расследованию смерти Михоэлса и Голубова, они погибли поздним вечером 12 января, но уже давно в различных источниках их гибель почему-то отнесена на 13 января. А почему — сказать не могу.

Так или иначе, московское еврейство устроило Михоэлсу грандиозные похороны, а 14 января 1948 года «Правда» напечатала большой некролог, подписанный почти шестью десятками деятелей искусства и литературы.

Смерть Михоэлса подбавила в настроения прежде всего московского еврейства какой-то лихорадочной истерии. К зданию Еврейского театра, где был выставлен гроб, тянулись километровые очереди, по всей Москве были расклеены большие плакаты, извещавшие о смерти Михоэлса. Перец Маркиш во время Гражданской панихиды прочел стихотворение «Неугасимый светильник», где говорилось об «убийстве Михоэлса».

Вскоре после принятия Постановления Политбюро от 20 ноября 1948 года ряд активистов ЕАК был арестован, началось следствие, которое закончилось 22 марта 1952 года. А 8 мая 1952 года в зале клуба МГБ имени Дзержинского начался суд по делу ЕАК, который закончился 18 июля 1952 года.

Вообще-то тема ЕАК интересна сама по себе, причем в лояльных к ЕАК источниках, например, в монографии Г. Костырченко «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм», книгах А. Люстигера «Сталин и евреи», Ж. Медведева «Сталин и еврейская проблема» и других, не считая сборников документов, изданных в последние десять лет, можно найти много такой информации, которая опровергает адвокатов ЕАК. Но для целей этой книги достаточно сказать, что по делу ЕАК обвинялись Соломон Лозовский — фигура в СССР куда крупнее Михоэлса, Ицик Феллер, Соломон Брегман, Иосиф Юзefович, Борис Шимелиович, Лев Квитко, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Вениамин Зускин, Леон Тальми (Лейзер Тальминовицкий), Илья Ватенберг, Эмилия Тсумин, Чайка (Хайка) Ватенберг-Островская и Лина Штерн.

Все они, кроме Брегмана и Лины Штерн, были приговорены к расстрелу с конфискацией всего имущества и казнены 12 августа 1952 года.

Дело против заболевшего в тюрьме Брегмана было 9 июля 1952 года приостановлено и он умер в заключении 23 января 1953 года.

Академик-биохимик-физиолог Лина Штерн получила три года лагерей с поражением на три года в правах без конфискации имущества. 1878 года рождения, дочь состоятельного коммерсанта, экспортера русского зерна, с юности знакомая с Хаимом Вейцманом — будущим президентом Всемирной сионистской организации и первым президентом государства Израиль, она в 1925 году переселилась в СССР из Женевы, где была ординарным профессором Женевского университета.

Зачем 47-летняя Штерн приехала в СССР? Арно Люстигер утверждает, что для того, чтобы «участвовать в созидательной работе в Советском Союзе», но вряд ли в эту версию верит сам Люстигер. Я не могу сейчас утверждать что-то наверняка, но вся биография этой женщины, никогда не бывшей замужем, властной и самоуверенной, скончавшейся в Москве в 1968 году в возрасте 90 лет, позволяет предполагать в ней крупного сионистского эмиссара — фанатичного и эффективного.

Что же до судьбы руководителей ЕАК, то они действительно были государственными преступниками, ибо, облеченные немалым доверием государства и получая его поддержку, видели смысл своей деятельности не в укреплении позиций собственного государства, а, во-первых, в укреплении позиций в этом государстве одной лишь национальной группы, во-вторых, в фактическом противодействии естественному процессу ассимиляции, а в-третьих, поощряя симпатии части граждан собственного государства к государству иностранному.

Фактически ЕАК к концу своего существования пренебрегал интересами не только всего Советского государства, но и интересами советских евреев, точнее — тех из них, кто ощущал себя советским гражданином и никем иным быть не желал и не мог. А ведь таких тогда было большинство...

НА ФОНЕ следствия по делу ЕАК в стране шли и другие процессы — как уголовные, так и системные. Скажем, в январе 1949 года начался процесс, который был назван «борьбой с космополитизмом», и, надо признать, что основания для такой борьбы к тому времени в стране накопились. Например, в брошюре по бетонным работам ее автором употреблялся термин «агитатор», под чем подразумевалась вообще-то бетономешалка. Что ж, английский глагол «agitate» действительно имел два значения: «агитировать» и «перемешивать», но...

Впрочем, надо ли дальше продолжать?..

Прошли по стране и увольнения из ряда организаций специалистов-евреев. Так, из Госплана СССР их было уволено сразу 300 человек... Но ведь был из него уволен и русский его председатель — Николай Вознесенский. А те 236 секретных и совершенно секретных документов, которые за пять лет *куда-то* исчезли в одном лишь Госплане, вряд ли были использованы для растопки русских печей. Высокий же процент уволенных евреев не в последнюю очередь объяснялся непропорционально высоким их процентом во многих государственных структурах. Скажем, на 1 октября 1948 года в вузах СССР кафедрами физики заведовали 301 русский и 217 представителей других национальностей, 153 из которых были евреями. Среди научных сотрудников-физиков в Академии наук СССР было 342 русских, 123 еврея и 31 представитель всех остальных народов СССР, включая украинцев, белорусов, грузин...

В записке заведующего сектором науки ЦК ВКП(б) Юрия Жданова секретарю ЦК М. Суслову от 23 октября 1950 года сообщалось:

«В ряде институтов Академии наук имеет место тенденциозный подбор кадров по национальному признаку... Среди физиков-теоретиков и физико-химиков сложилась монополярная группа — Л.Д. Ландау, М.А. Леонтович, А.Н. Фрумкин, Я.И. Френкель, В.Л. Гинзбург, Е.М. Лифшиц, Г.А. Гринберг, И.М. Франк, А.С. Компанеев, Н.С. Мейман и др. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности...»

Таких цифр и цитат можно было бы привести много — ими полна, например, не раз мной уже упоминавшаяся монография Г. Костырченко. Однако я ограничусь уже сообщенным, кратко затронув лишь ряд уголовных процессов рубежа 40-х — начала 50-х годов, воспользовавшись информацией доктора исторических наук Г.В. Костырченко...

Как он сообщает, после войны «заметно активизировалась» «общественно-культурная жизнь евреев» на московском автозаводе имени Сталина (ЗИС). Часть из них, «наиболее спаянная на национальной почве», устраивала коллективные походы в театр Михоэлса, в мае 1948 года направила в ЕАК приветственную телеграмму по случаю образования Израиля и т.п. Душой и организатором таких акций был А.Ф. Эйдинов (Вышедский), помощник директора ЗИСа Лихачева.

В декабре 1949 года Хрущев стал секретарем ЦК и первым секретарем Московского ГК ВКП(б) и вскоре нагрянул на ЗИС во главе специальной комиссии с проверкой, после чего доложил Сталину о серьезном неблагополучии там «в связи с активной деятельностью еврейских националистов»... Так началось «дело ЗИС», по которому было арестовано несколько десятков человек, тринадцать из которых, включая Эйдинова, 23 ноября 1950 года расстреляли.

Еще до событий вокруг ЗИСа, в августе—декабре 1949 года была арестована группа из десяти работников-евреев на Ярославском автомобильном заводе во главе с главным инженером А.М. Лившицем. На допросах они показали, что вели разговоры о том, что «под прикрытием борьбы с антипатриотизмом в стране развивается русский нацизм (! — С.К.) и пропаганда умышленно подчеркивает преобладание евреев среди космополитов (точным был бы глагол «констатирует». — С.К.), поощряя тем самым антисемитизм...»

Кос-кто из ярославцев был осужден, но тема «космополитизма» тогда зазвучала не зря. Скажем, на Кировском Челябинском заводе, где директором был Исаак Зальцман, главный металлург Яков Гольдштейн происходил из семьи крупного горнопромышленника и имел родню за границей, заместитель начальника производства Абрам Белинкин имел родного брата, дядю и двух теток в США, заводской экономист Яков Юдилович имел в США всего двух дядей,

но один из них был крупным капиталистом. Это всё было бы не таким уж и криминалом, если бы, скажем, евреи с ЗИСа — граждане СССР — не приветствовали публично создание государства Израиль... Что им было до того Израиля? Он что — был их Родиной? Или, все же, они воспринимали его как некую «духовную», «историческую» родину? Но тогда чем был для них Советский Союз?

Зачем, спрашивается, представители тайной иудаистской общины из Сталинска (с 1961 года Новокузнецка) Кемеровской области направляли в Москву делегацию для приветствия первого посланника Израиля в СССР Голды Меир? В ноябре 1949 года в Сталинске на квартире некоего И.Б. Рапопорта была раскрыта нелегальная синагога, с которой были связаны многие руководители-евреи с Кузнецкого металлургического комбината, в том числе заместитель директора Я.Г. Минц, главный прокатчик С.А. Либерман, пачальник финансового отдела С.З. Аршавский, начальник планового отдела Г.Ш. Зельцер, начальник ОТК А.Я. Дехтярь, пачальник сортопрокатного цеха З.Х. Эпштейн, заместитель пачальника производственного отдела С.А. Лещинер...

По «делу КМК» 18 сентября 1952 года Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила к расстрелу четырех: Дехтяря, Минца, Либермана и Лещинера и к 25 годам лагерей троих: Аршавского, Зельцера и Эпштейна.

Однако это отнюдь не означало преследования евреев как евреев. Вспомним впечатления от Одессы посланника Израиля в СССР Намира, побывавшего в этой столице советского еврейства в 1950 году: *«...в городе проживают до 200 тыс. евреев, треть населения. Улицы полны евреев... Их энергичность, бурный темперамент и напористость, характерные для прежних евреев Молдаванки, производят сильное впечатление. В отличие от Москвы, на улице слышен идиш...»*

Да, несмотря на то, что в Москве жило ненамного меньше евреев, чем в Одессе, в отличие от Одессы, на улицах Москвы еще не был слышен идиш, и, как я понимаю, с точки зрения Намира это было серьезным недостатком Москвы. Кое-кто, возможно, усматривал в этом и серьезный признак антисемитизма сталинского Кремля, но...

НО, ТАК или иначе, пока что на улицах столицы СССР преобладала русская речь. Хотя иногда и еврейские страсти выплескивались на московских улицах бурно, и идиш на них звучал очень громко...

Так, 4 октября 1948 года в московской хоральной синагоге началось празднование еврейского Нового года (Рош ха-Шана), на который прибыли израильские дипломаты во главе с посланником Голдой Меир (Меерсон). Пятидесятилетняя (в тот год) уроженка Киева, она в 8 лет оказалась в США, в 1921 году уехала в Палестину, куда вернулась в 1934 году после двухлетнего пребывания в США. Это была деятельная и напористая сионистка, и ее посещение московской синагоги было, как я догадываюсь, хорошо спланированной акцией. И расчеты оправдались — к синагоге сошлось не менее 10 тысяч евреев, многие из которых не смогли попасть внутрь и остались на улице.

По свидетельствам очевидцев, обстановка могла быть описана одним словом — психоз. Интеллигенция и офицеры, солдаты и матери с младенцами, высоко поднятыми на руках, чтобы будущий премьер Израиля могла увидеть своих будущих граждан, выкрики: «Наша Голда! Шолом, Голделе!» и т.д.

13 сентября Меир вновь посетила синагогу уже по случаю праздника Судного дня (Йом Киппур). И вновь была огромная толпа, которая ревом приветствовала молитву главного раввина С.М. Шлифера «На следующий год — в Израиле», а по окончании службы проводила Меир до ее резиденции в гостинице «Метрополь».

В книге Жореса Медведева «Сталин и еврейская проблема», изданной в 2005 году, на странице 105-й абсолютно голословно утверждается, что обе октябрьские демонстрации в Москве были якобы «организованы самими властями». Замечу, что на той же 105-й странице Ж. Медведев заявляет уже, что «эти совершенно необычные для советской действительности манифестации были **спровоцированы** (выделение мос. — С.К.) самими властями»...

Организовать что-то и спровоцировать что-то — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Но и сами «аргументы» Ж. Медведева никакой критики не выдержива-

ют: мол, для Сталина и Молотова манифестации были неожиданны, поскольку МВД им о них не доложило — ни в Сочи Сталину, ни в Москве Молотову.

Каким образом «агенты Кремля» «организовывали» израильскую и просионистскую истерию в Москве, Жорес Медведев умалчивает, да и что тут можно изобрести? Сказать, что офицеры МГБ ходили по квартирам евреев и зазывали их на встречу с Меир? Ну, это было бы чересчур даже для Жореса Медведева!

Нет, если акции 5 и 13 октября кто-то и организовывал, то отнюдь не по указанию Сталина, якобы желавшего таким образом получить основания для закрытия ЕАК. Все объяснялось проще — Израилю нужны были новые избалованные граждане, новые рабочие руки и... И — новое пушечное мясо, потому что Израиль уже вел войну с Арабской лигой.

Провокации Меир пробуждали у советских евреев радужные надежды, связанные с эмиграцией в Израиль, и побуждали их добиваться этой эмиграции. Ведь евреи всего мира ожидали, что благожелательная тогда по отношению к Израилю советская внешнеполитическая линия будет вскоре дополнена официальным разрешением на выезд евреев из СССР в Израиль.

«На следующий год — в Иерусалиме» — это были не только слова традиционной иудаистской молитвы, но и прямой политический лозунг для советских евреев. Те, кто 5 и 13 октября 1948 года приветствовали Меир в Москве, психологически уже покинули землю, где они родились, и мыслями пребывали уже на той «исторической родине», которую ни они, ни их отцы, ни деды и прадеды никогда и одним глазом не видели!

При этом в самом Израиле его «руководство» вело себя по отношению к СССР просто пагло. Вот наглядное тому подтверждение...

Советский Союз стал первым государством мира, которое официально признало Израиль де-юре (Америка признала его вначале лишь де-факто, установив с ним дипломатические отношения лишь в 1949 году). Уже 9 августа 1948 года советская дипломатическая миссия прибыла в Тель-Авив. А далее произошло вот что... 21 августа в тель-

авивском театре «Габима» шла опера «Таис», на которой присутствовали и советские дипломаты. Перед спектаклем оркестр исполнил вначале израильский национальный гимн, а затем... американский — в честь находившегося в зале «особого представителя президента США» Дж.К. Макдональда.

Поскольку советский гимн не прозвучал, наши дипломаты немедленно покинули зал театра.

ДУМАЮ, это стало для Сталина «первым звонком» в процессе переоценки им своей позиции по Израилю, которая была, как уже сказано, неоднозначной. Известный «демократ» Жорес Медведев (и не он, конечно, один) утверждает даже, что Сталин «проявил себя активным сторонником создания государства Израиль».

«Можно сказать больше, — продолжает Ж. Медведев, — без поддержки Сталиным проекта создания еврейского государства на территории Палестины это государство в 1948 году не могло бы быть создано, — и резюмирует: — Поскольку реально Израиль мог появиться лишь в 1948 году, так как именно в это время заканчивалось действие британского мандата на управление этой территорией, то решение Сталина, направленное против Великобритании и *ее арабских союзников* (выделение мое. — С.К.), имело историческое значение».

Медведсвы не были бы Медведевыми, если бы постоянно не передергивали. Сталин имел в виду образовать два равноправных государства и не был враждебен арабам. Однако он, пожалуй, действительно вначале рассчитывал, что сможет использовать ситуацию в интересах России. Имеется, например, свидетельство генерала НКВД-МГБ Павла Судоплатова — не очень-то, правда, достоверное — о том, что Сталин якобы предлагал коллегам по Политбюро согласиться с образованием отдельного еврейского государства, которое будет-де «как шило в заднице для арабских государств и заставит их повернуться спиной к Британии».

Возможно, смысл в том был, хотя такая позиция поворачивала арабов спиной и к России, а полностью отвер-

нуться от Англии они не могли по причине сильной от нее экономической, да и политической, зависимости.

С другой стороны, создание Израиля могло выглядеть привлекательным для Сталина и потому, что вбивало в перспективе клин также между арабами и Америкой. Не в последнюю очередь поэтому США вначале не признавали Израиль де-юре и вводили формальное эмбарго на поставку оружия в регион.

Сталин мог рассуждать и так... Создание Израиля так или иначе предопределено — этого хотели слишком могучие мировые силы. Если СССР с самого начала официального обсуждения этого вопроса в ООН займет позицию несогласия и прибегнет к праву «вето» как постоянный член Совета Безопасности ООН, то это не изменит ход процесса по существу, но сильно повредит СССР по причинам, достаточно очевидным.

Так не лучше ли занять позицию, внешне лояльную по отношению и к арабам, и к евреям, то есть — выдвигать идею двух государств? А поскольку арабы находились тогда под всецело английским контролем, быстро трансформирующимся в англо-американский контроль при верховенстве США, то можно и нужно косвенным образом поддержать Израиль. Таким путем можно обрести какое-то реальное влияние там если не в сионистском руководстве, то в израильской массе, просоветские настроения которой будут влиять на израильские «верхи».

Логика в такой позиции была... И СССР Израиль действительно поддержал, хотя и не так безоглядно, как об этом сегодня рассказывают «продвинутые» историки. Скажем, в различных источниках сообщается о том, что первые шесть недель после начала первой арабо-израильской войны Израиль якобы выручал советские поставки всех видов оружия, включая истребители, шедшие из Чехословакии и Румынии транзитом через Югославию и другие балканские страны. Англия-де вооружала арабов, а США с началом войны, как уже сказано, объявили эмбарго на поставки оружия в ближневосточный регион.

Военная организация палестинских евреев «Хагана» («Защита») действительно закупила оружие у чехов и румын, однако надо учитывать, что в обеих странах, особенно

в Румынии, всегда было сильно еврейское лобби, а позиции СССР в них были тогда уже сильны, но еще не абсолютны. Так что оружие из Европы «Хагана» могла получить и без нас, что не исключало на первых порах какие-то опосредованные поставки из СССР. Но вообще-то перевозки оружия из Чехословакии в Израиль осуществляла группа американских пилотов и техников — якобы помимо воли властей США. Так что надо говорить скорее об «американском», а не «советском» следе в этой истории с оружием.

Пишут и о том, что якобы в Израиль направлялись чуть ли не наши военные советники. Точных данных на сей счет встречать не приходилось, но бывшие советские офицеры в израильских вооруженных силах были — за счет имевшей место быть «ползучей» эмиграции. Кто-то мог быть направлен под видом того же эмигранта и в спецкомандировку — спецслужбы мира всегда имеют много различных вариантов проникновения в интересующие их страны.

Но достоверно можно говорить лишь о политической поддержке Израйля Советским Союзом — на первых, опять-таки, порах истории этого «государства». В целом же там с самого начала доминировали США. За 1920—1939 годы США инвестировали в Палестину 4 миллиона фунтов стерлингов, за 1939—1947 годы — уже 7 миллионов фунтов стерлингов, а с мая 1948 года до конца 1949 года — 54 миллиона фунтов стерлингов. Таким вот было американское «эмбарго». Лишь за первый квартал 1949 года США поставили в Израиль товаров на сумму в 3 577 767 фунтов, в то время как из СССР было получено товаров всего на 231 831 фунт.

В 1948 году американский журналист Бенцион Гольдберг, побывавший в 1946 году в СССР, писал из Нью-Йорка Ицику Феферу:

«У сионистской публики (а в настоящее время все евреи почти всюду «сионистская публика») престиж Советского Союза чрезвычайно возрос. Этот престиж так высок, что сионистские руководители даже побаиваются признать этот факт ...потому

что Америка может запретить сбор денег... А без американских долларов Государство Израиль — не государство, и страна не страна... Государство Израиль еще долгое (Гольдберг мог быть и точнее: «неопределенно долгое». — С.К.) время будет на хлебах у американского еврейства...»

Одной этой откровенной цитаты достаточно для того, чтобы понять, кто создал «Государство Израиль» и в чьих интересах оно было создано. Вряд ли Сталин с самого начала питал на сей счет особые иллюзии, но некоторые иллюзии он, как можно предполагать, вначале питал. Но уже в октябре 1948 года по разведывательным каналам он мог получить сообщение (и наверняка его получил) о том, например, что побывавший в Израиле известный сионист, финансист, советник американских президентов и директор «Джойнта» Генри Моргентау-младший по возвращении заявил, что государство Израиль «будет единственным... в средиземноморском бассейне, на которое мы сможем рассчитывать как на прочный пункт обороны против коммунизма».

А директор Американско-еврейской лиги борьбы с коммунизмом бригадный генерал Дж. Клайн, выступая в мае 1949 года по случаю второй годовщины образования лиги, заявлял:

«...Говорят, что Россия поддерживала Израиль в ООН. Однако в самый разгар так называемой поддержки Израиля Россией сионизм являлся преступлением в России. Он и до сих пор является там преступлением».

Все якобы «непризнания» Израиля Соединенными Штатами и вся «борьба» за «признание» были лишь не очень-то и тщательно поставленной дымовой завесой для все более активного проникновения США на Ближний Восток и создания там опорной базы не только и не столько для «обороны против коммунизма», сколько для перспективного контроля над местной нефтью.

Понимая это, Сталин быстро и окончательно пересмотрел свое отношение к проблеме Израиля. Хотя...

Хотя стратегически он и ранее всё понимал верно. Ста-

рый товарищ Сталина по революционной и государственной работе, Александра Михайловна Коллонтай, в ноябре 1939 года была советским послом в Швеции и во время поездки в Москву два раза беседовала со Сталиным в его кабинете в Кремле. Она и оставила нам дневниковую запись (сейчас ее дневники хранятся в Архиве МИД РФ) о некоем прогнозе Сталина, который ошеломил ее тогда и который сегодня не может не ошеломлять нас.

Полностью это ее свидетельство я приведу в конце этой книги, а в этой главе дам лишь часть записи Коллонтай — ту, где она приводит следующие слова Сталина:

«Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний... Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться...»

Это было сказано в 1939 году, а менее чем через десять лет этот общий прогноз стал конкретизироваться... Во внешнеполитическом аспекте — в фултонской речи Уинстона Черчилля, в идее «отбрасывания коммунизма», открыто высказанной Джорджем Кеннаном в печати США, а во внутривластном аспекте — во все более националистическом, просионистском и проамериканском характере деятельности ЕАК и тех кругов элитного советского еврейства, которые ЕАК спланировал отнюдь не в целях укрепления Советской власти и Великой Руси, сплотившей вокруг себя остальные союзные республики СССР.

Теперь Сталин, имея перед собой полную картину ситуации в мире и в стране, рассмотренную через призму проблемы сионизма, мог предпринимать и внешнеполитические, и внутривластные действия по организации собственной обороны от него. И в этой своей деятельности он тоже наживал себе новых смертельных врагов среди всей той «сионистской публики», о которой писал Фефери Бенцион Гольдберг.

Израиль же все более оказывался «островом» в море

арабского гнева, и этот «остров» для СССР не был «островом сокровищ». Дружить надо было с арабами, которые действительно отворачивались от Англии и Запада и не очень-то стремились попасть в зависимость от США.

В Египте уже к началу 50-х годов буржуазная партия «Хизб-аль-Вафд» («Партия делегаций») начинала пока несмело требовать ликвидации неравноправных договоренностей с Англией и т.п. В конце января 1952 года в Египте, правда, был совершен переворот — проанглийский и еще более проамериканский. Однако 23 июля того же года власть в Египте захватила политическая организация «Свободные офицеры» во главе с генералом Нагибом. Король Фарук был низложен, и новым королем был провозглашен его семимесячный сын. Регентский совет и правительство перешли под контроль Нагиба, который 7 сентября 1952 года стал премьер-министром и военным генерал-губернатором.

С 1949 года Исполнительный комитет «Свободных офицеров» возглавлял тогда 31-летний офицер Гамаль Абдель Насер — с 1952 года вице-премьер Египта (в 1954 году он стал премьером). «Свободные офицеры» относились к Сталину, к СССР и к коммунизму без любви (многие из них предпочитали иметь в качестве образца нацистов), но они же относились без любви и к Англии с Америкой, а значит, и к Израилю. И из всего этого выкристаллизовывалась политическая линия, приведшая вскоре к национализации Суэцкого канала и к переориентации на СССР.

26 января 1953 года на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС под председательством Сталина рассматривалось, как и ранее на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), много разных вопросов, и шестым пунктом повестки дня стояло «О платежном соглашении и товарообменной сделке с Египтом».

Вряд ли подобные тенденции радовали как США и Израиль, так и активных прихожан московской хоральной синагоги...

МЕЖДУ событиями конца 1948 года и январским заседанием Бюро Президиума ЦК пролегли четыре года, и они были наполнены для Сталина и его державы измене-

ниями во всех отношениях эпохальными. Россия восстала из развалин, она стала ядерной и успешно разворачивала «сталинские стройки коммунизма».

Если мы хотя бы бегло окинем взглядом только самые крупные созидательные заботы страны за один лишь послевоенный год — скажем, все тот же 1948-й, то они скажут о том времени многое. Вот лишь малая часть вопросов, рассматривавшихся в течение этого года на заседаниях только высшего оперативного органа исполнительной власти СССР — Бюро Совета Министров СССР и взятых из хроники этих заседаний:

- *О государственном бюджете СССР на 1948 год

- *О мерах по обеспечению выполнения плана розничного товарооборота на 1948 год

- *О ремонте ледокольного и транспортного флота Главсевморпути в 1948 году

- *О мероприятиях по ускорению строительства блюминга и рельсобалочного стана на металлургическом заводе Азовсталь Министерства черной металлургии

- *О мероприятиях по ускорению восстановления и строительства торфопредприятий Ленинградского треста Министерства электростанций

- *Об увеличении производства экскаваторов, канавокотателей, автосамосвалов, думпкаров, передвижных кранов, бульдозеров и скреперов

- *О землепользовании в Закарпатской области Украинской ССР

- *Об ускорении строительства Гюмушской электростанции в Армянской ССР

- *О геологоразведочных работах на нефть в Арктике

- *О плане распределения молодых рабочих, окончивших школы ФЗО (фабрично-заводского обучения. — С.К.), ремесленные и железнодорожные училища Министерства трудовых резервов

- *О мероприятиях по развитию культуры винограда в Московской области

- *О производстве легковых автомобилей среднего класса на Горьковском автомобильном заводе им. Молотова

- *Об экономии расхода олова в народном хозяйстве

- *О развитии точного машиностроения
- *О плохом устройстве и обеспечении корейских рабочих на предприятиях и стройках Дальнего Востока
- *О комплексном освоении нового сырьевого района Мурманских Кейв
- *О подготовке к заготовкам и переработке хлопка-сырца урожая 1948 года
- *О мероприятиях по улучшению эксплуатации жилого фонда в городах и рабочих поселках СССР

На этом фоне дело ЕАК и вся мышьяная возня вокруг московской хоральной синагоги выглядели мелкой досадной деталью. Однако из этой детали могли проистекать важнейшие последствия...

«Остров» Израиль был где-то далеко. Однако его жители — реальные и потенциальные, а также и его обожатели и покровители жили на одной планете со Сталиным.

И Сталин им очень на этой планете мешал.

Глава шестая

1949 ГОД.

ПОСЛЕДНИЙ ЮБИЛЕЙ ВОЖДЯ

Выставка «Сталин и люди Советской страны» должна послужить новым подтверждением важности темы отображения гениального вождя в искусстве.

*Из каталога выставки 1939 года
в Государственной Третьяковской галерее*

Вперед, к новым победам под руководством великого Сталина!

*Заключительные слова статьи Л.П. Берии
«Великий вдохновитель
и организатор побед коммунизма»,
опубликованной в «Правде» за 21.12.49 г.*

ПОСЛЕДНИМ юбилеем, который страна отметила при живом Сталине, оказалось его семидесятилетие, пришедшее на 21 декабря 1949 года.

Шестидесятилетний его юбилей пришелся на год 1939-й — предгрозовой, предвоенный для СССР и уже военный для Европы. Тогда Сталина поздравил германский рейхсканцлер Гитлер, но от «демократических» лидеров поздравлений не поступало, напротив, США, Англия и Франция были на грани разрыва дипломатических отношений с нами, западная пресса была вновь полна злобных антисоветских статей. Именно антисоветских, а не антикоммунистических — таких хватало всегда. И это вновь становилось привычным, потому что Запад не мог простить России: а) того, что в 1939 году она начала проводить внешнюю политику в собственных, а не Запада интересах и заключила с немцами пакт о ненападении; б) того, что

осенью 1939 года СССР вступил в войну с Финляндией, исчерпав все мирные возможности для решения давно назревшего пограничного вопроса.

До мая 1939 года во главе Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР стоял Максим Максимович Литвинов — бывший местечковый еврей из Белостока Макс Валлах. Он был старым революционером, в свое время — агентом «Искры», в эмиграции долго жил в Англии и даже нашел там жену — англичанку Айви, которая происходила, впрочем, из буржуазной семьи венгерских евреев, осевших на английском острове еще со времен Кошута. После революции Литвинов-Валлах пошел по дипломатической линии.

Сталин многие годы доверял Литвинову, и в 1930 году Литвинов сменил на посту наркома больного Чичерина. Потомственный дипломат и профессиональный революционер-ленинец, Георгий Васильевич был не только яркой личностью, но и верно смотрел на главный внешнеполитический приоритет России: независимо от различий государственного строя Россия должна иметь предельно тесные и мирные отношения с Германией. С *любой* Германией, потому что в этом была главная выгода России по двум причинам.

Первая: мир России с Германией — это мир в Европе. А мир в Европе — это широкие возможности для России отдать все силы своему внутреннему развитию, для России крайне необходимому уже потому, что оно сильно запоздало.

Второй же причиной были традиционно прочные и развитые экономические связи России и Германии. Никто из других народов не сделал так много для экономического развития России, как немцы. Они преследовали при этом свою выгоду, но и Россия при помощи немецкого капитала развивала собственную производящую промышленность — группы «А». Так было уже при царях, а уж когда начались первые пятилетки, мы закупали у немцев так много, что не будет большим преувеличением сказать, что основная промышленная база этих пятилеток оказалась по происхождению немецкой. В 1932 году мы вывозили из Германии почти все производимые там паровые и газовые турбины, почти все прессы, краны и локомобили, семьдесят процентов станков, шестьдесят — экскаваторов, динамо-машин и ме-

таллических ферм, половину пикеля, сортового железа, воздуходувок и вентиляторов...

При Ленине и Чичерине истина о необходимости дружбы с Германией нашла свое выражение в Рапалльском советско-германском договоре 1922 года, а уже при Сталине и Чичерине ее подтвердил Московский договор, подписанный 12 декабря 1925 года.

Сталин понимал важность хороших отношений с Германией и очень ценил Чичерина, но тот полностью выходил из строя. Литвинов же, став наркомом, пакостил советско-германским связям так, как только мог. Особенно его активность усилилась после прихода в Германии к власти нацистов, и он носился везде с глупейшей (потому что нежизнеспособной) идеей свроейской «коллективной безопасности», направленной против рейха. Эта линия была Западу выгодна — она ссорила русских и немцев, и СССР благосклонно приняла в Лигу Наций, с трибуны которой охотно витийствовал Макс «Литвинов». Для СССР это был тупик, если не сказать хуже.

В конце концов Сталин это понял, и в мае 1939 года ситуация изменилась быстро и круто: Литвинова в НКВД заменил Молотов, получив на подмогу в заместители «кадр» Берии — Владимира Декапозова. И вместо уже обрисовавшегося конфликта СССР и Германии стал — пока незаметно, в рамках тайного дипломатического зондажа, — обрисовываться взаимно мирный вариант.

Закончилось все, как известно, стремительным визитом в Москву рейхсминистра иностранных дел Риббентрона и заключением 23 августа 1939 года советско-германского пакта о ненападении.

В западных газетах тут же появились карикатуры, где Сталин и Гитлер, обнявшись, шагают вперед по лужам крови и т.п. И уже эти карикатуры доказывали, насколько раздражен Запад тем, что русских и немцев не удалось сравнить подобно тому, как это удалось сделать ровно четверть века назад — в 1914 году.

А ведь еще 28 апреля 1933 года в беседе с советским полпредом Львом Хинчуком Гитлер сказал: «Оба наших государства должны признать непоколебимость фактов взаимного существования на долгое время и исходить из

этого в своих действиях. Наши страны являются полными господами каждая у себя и обе не должны вмешиваться во внутреннюю жизнь друг друга»...

И ВОТ теперь это становилось фактом. И Запад тут же выставил это Сталину в общий счет ненависти к нему, и так уже немалой. Сталина объявили поджигателем войны, а уж когда вскоре в результате германо-польской войны рухнула прогнившая сверху донизу Польша, а СССР вернул себе отторгнутые Польшей в 1921 году западноукраинские и западнобелорусские земли, западная пресса вообще как сорвалась с цепи.

Впрочем, ее цени просто *спустили*...

А вскоре счет «демократического» Запада Сталину пополнился в 1939 году еще и финскими событиями. В свое время император Александр I, отвоевав в начале XIX века Финляндию у Швеции и дав финнам особые права, пересек границу России и Великого княжества Финляндского так, что она проходила — уже по меркам XX века — на расстоянии, позволяющем финнам обстреливать Ленинград дальнотойной артиллерией. Сталин предлагал финнам отодвинуть границу к Выборгу, да не тут-то было! Финны открыто мечтали о «великой Финляндии» чуть ли не до Урала и уперлись. Теперь приходилось вразумлять их силой, хотя вначале боевые действия шли для нас неудачно.

Рейх занял политически дружественную к СССР позицию, а западные страны посылали в Финляндию «добровольцев», оружие и снаряжение. Англо-французы, «воюющие» с немцами пока еще в режиме «странной войны», планировали воздушные бомбардировки Баку и Батуми, а Лига Наций исключила СССР из своего состава.

Так что поздравлять Сталина с 60-летним юбилеем Запада было не с руки, но вряд ли это Сталина особенно огорчало. Тем более что он относился к своим дням рождения спокойно.

Его приемный сын Артем Сергеев вспоминал, что больших празднований по поводу любых дней рождения в семье Сталина не было. Но подарки тому же Артему Сталин дарил, и, между прочим, эти подарки тоже характеризова-

ли Сталина вполне определенно. Когда Артему в 1928 году исполнилось 7 лет, приемный отец подарил ему «Робинзона Крузо» и сказал при этом:

— Ее написал Даниэль Дефо. Там говорится, как человек после кораблекрушения попал на необитаемый остров и жил один. Он был сильным, не пал духом, многому сам научился, потом научил другого. А если бы он пал духом, распустил юни, то погиб бы...

В 1930 году Сталин подарил Артему «Маугли», тоже кратко рассказав о мальчишке, который попал в лес к животным, ставшим его друзьями. Потом он прибавил:

— Друзья могут быть разные. Если ты их любишь и уважаешь, то они тебе всегда помогут, защитят. Если у тебя нет друзей, ты никого не любишь и тебя никто не любит, то ты погибнешь в трудную минуту...

К 1930 году у Сталина в жизни было немало трудных минут, и он знал, что говорил, потому что каждый раз он преодолевал трудности, не погибал. А, значит, у него были друзья, которые любили его и которых любил он сам.

Но это — дни рождения у приемного сына. А как отмечал Сталин собственные дни рождения? Артем Сергеев сказал и об этом:

«Все проходило обыденно, без торжественности. К этой обыденности что-то добавлялось, какая-то деталь, краска, и разговоры были иные. Но ничего особенного... И потому в памяти не сохранилось чего-то яркого — рядовой день. Много пели обычно... Даже в 1934 году, когда Сталину 55 лет исполнялось, не было особых приготовлений, не чувствовалось организованного праздника. Просто в Волинском (вторая, кроме Зубалово, государственная дача Сталина. — С.К.) собралось побольше людей... Много смеялись, пели, немного плясали. Там для пляски места не было, чтобы разойтись...»

Тогда пришел Буденный с баяном, и Сталин тоже немного плясал, за столом был общителен. Так оно и остава-

лось в дальнейшем. Приходили члены Политбюро, был стол. Подарков не было, так как все знали — Сталин личных подарков не любит, потому что считает: на подарок должен быть отдарок. Дарить и отдаривать надо от чистого сердца, а если тебе кто-то что-то дарит не от души? Как отдаривать такого?

Зато Сталин не забывал поздравить с днем рождения обслуживающих его людей, и вот им-то он подарки делал. А как-то к сталинскому дню рождения дети устроили небольшое представление: Светлана читала стишки, ребята в пемудрящих костюмах подыгрывали... Василий к дню рождения отца переплетал старые книги, и это тоже воспринималось как подарок.

Сталин работал без выходных, и в свой день рождения — тоже. Даже за праздничным столом разговоры были в основном деловыми — чуть ли не то же заседание Политбюро, но в более раскованной обстановке. Да оно и понятно — люди, преданные делу, и в застолье говорят о делах, тем более когда не так просто собраться всем вместе в неофициальном порядке.

Как вспоминал Артем Сергеев, когда за столом звучали тосты в адрес «новорожденного», Сталин воспринимал их с юмором, и если его начинали захваливать, над оратором беззлобно подтрунивал. Сам же отвечал на тост так, что для каждого находил особенное слово — не назидательное, а деловое, простое и приятное человеку.

ОДНАКО шестидесятилетний юбилей — это рубеж серьезный. И хотя сам Сталин его по-прежнему не выпячивал, в стране эту дату не могли не заметить, и она отмечалась вполне публично. Хотя порой и своеобразно.

Впрочем, такой «россиянский» историк как Геннадий Костырченко считает — уж не по себе ли равняя? — что Сталин всегда кривил душой. Мол, если он когда и проявлял «скромность», то — напускную. Костырченко пишет, что в 1934 году, «когда физическое устранение бывших лидеров оппозиции еще только предстояло, Сталин вынужден (?! — С.К.) был, намеренно демонстрируя личную скромность, настоять в политбюро (историк Костырченко так ненавидит все советское, что даже вполне историче-

ский орган — Политбюро всегда именует со строчной буквы, а не с прописной. — С.К.) на принятии следующего постановления...»

И далее идет фрагмент постановления:

«Уважить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря, в день пятидесятилетнего юбилея его рождения, никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или на собраниях не было допущено».

Костырченко «забывает» при этом напомнить читателю, что 21 декабря 1934 года не исполнилось и сорока дней со дня гибели близкого друга Сталина — Сергея Мироновича Кирова, погибшего 1 декабря 1934 года. Но и без этого Сталину помня нужна не была. Тем не менее в 1939 году — в год его второго «полного» юбилея, никакое постановление Политбюро от чествования Сталина страну не удержало бы. В 1934 году за Сталиным сознательно шли в основном энтузиасты — пусть их уже и были миллионы. Теперь же за ним шли, убедившись в его правоте, по крайней мере — десятки миллионов.

Праздновать было что и было кому. Но и тут Сталин излишние эмоции сдерживал. Так, в Государственной Третьяковской галерее в декабре 1939 года была открыта большая художественная выставка с показательным названием «Сталин и люди Советской страны в изобразительном искусстве». Станковая живопись, портреты, графика, скульптура — несколько сотен произведений. Были среди них и картины, посвященные лично Сталину, скажем, «Ленин и Сталин у карты ГОЭЛРО» Налбандяна, «Дом в Гори, где родился И.В. Сталин» Дм. Тархова, «Сталин с матерью» Кутателадзе, портреты Сталина работы Шегалы, Ряжского, А. Герасимова, Троицкого...

Тем не менее название выставки точно отражало ее содержание: на ней были представлены прежде всего люди Советской страны, и это хорошо видно из выпущенного в декабре 1939 года тиражом в 3000 экземпляров каталоге выставки. Вот наугад открытый разворот, страницы 18 и 19. Здесь указаны только портреты:

— заслуженной артистки РСФСР А. Орочко работы Марины Волковой;

— И.В. Сталина, «Героя Советского Союза, орденосца И.Д. Папанина, депутата Верховного Совета СССР» и «Народной артистки СССР орденосца А.К. Тарасовой», работы Александра Герасимова;

— Героев Советского Союза, орденосцев В.С. Гризодубовой, П.Д. Осипенко и М.М. Расковой работы Сергея Герасимова;

— майора Агеева, командира Н-ской эскадрильи, участника боев за освобождение народов Западной Украины, работы Михаила Гончарука;

— знатного доменщика Донбасса, орденосца И.Г. Коробова, депутата Верховного Совета СССР, работы Григория Гордона;

— заслуженного деятеля науки, академика Н.Д. Зелинского и академика А.Н. Баха, депутата Верховного Совета СССР, работы Игоря Грабаря.

И это было для выставки похвалой — она была посвящена в первую очередь не Сталину и не его юбилею, а Советской стране, отмечающей юбилей Сталина. Открывал каталог графический портрет Ленина работы П. Васильева, и лишь вторым шел портрет Сталина работы О. Верейского. Во вступительной же статье к каталогу, подписанной «И.С. Рабинович», имя Сталина встречалось часто, но о его юбилее не было сказано ни слова. И вряд ли это было упущением автора статьи — он-то на пьедестале не поспешил. Да, выставка была **приурочена** к сталинскому юбилею — на это он пойти мог, особенно с учетом того, что это была скорее демонстрация в живописи новых людей новой страны. Но **посвящать** выставку юбилею — это Сталин явно считал излишним.

Так отмечался последний довоенный юбилей вождя.

НАЧАЛАСЬ война, на время которой пришлось 65-летие Сталина. Но и оно отмечалось более чем скромно, хотя декабрь 1944 года был порой для громких празднований вполне уместной.

И вот теперь близился первый послевоенный его юбилей — уже 70-летний. Почти за два года до семидесятилетия Сталина — 23 февраля 1948 года в Большом театре торжественно отмечалось тридцатилетие Советской Армии. В президиуме сидел и Сталин. И многие выступавшие не столько говорили об армии, сколько приветствовали его. Сталин никого не перебивал, однако, выбрав небольшой перерыв между выступлениями, поднялся и сказал:

— Товарищи, мне кажется, что вы забыли, куда и зачем вы пришли. У меня сегодня нет юбилея. Вы пришли на юбилей Красной Армии. Так, пожалуйста, и говорите о Красной Армии. Я говорю это тем, кто перепутал, забыл, чей сегодня юбилей. Юбиляр сегодня Красная Армия, а не товарищ Сталин...

Но 21 декабря 1949 года наступил и юбилей самого товарища Сталина — последний при его жизни. Уже через десять лет, в 1959 году, восьмидесятилетие Сталина Хрущев и хрущевцы, по сути, замолчат. Пока же на дворе был конец 1949 года... И как же был отмечен в СССР юбилей Сталина на этот раз?

Знавший Сталина как близкого человека, как приемного отца, Артем Сергеев свидетельствовал:

«Он не упивался превозношением себя, а наоборот, принимал это как неизбежный ритуал, как вынужденное действие, не доставлявшее ему большого удовольствия. И ни в коем случае он не считал свой день рождения праздником даже и своим, а не то что страны»...

Однако 70-летие со дня рождения Генералиссимуса Советского Союза, Председателя Совета Министров СССР и Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина было не столько его личным праздником, сколько серьезным общественным событием. Причем событием в масштабе всей планеты. Ведь к своему 70-летию Сталин подошел как самый значительный из мировых лидеров, как один из «Большой тройки» времен войны, как глава великой дер-

жавы, победившей нацизм, освободившей Европу и в считанные годы сумевшей подняться из руин.

К 70-летию Сталина он был признанным лидером всех мировых левых сил и складывающейся мировой системы народной демократии и социализма.

Наконец, он был главой одной из двух ядерных держав и верховным руководителем наиболее мощной армии в мире. И при этом на территории Германии, Австрии, Польши, Венгрии, Румынии находились вооруженные силы, для которых приказ Сталина был приказом Родины.

Юбилей Сталина невозможно было не отмечать, а это означало, что отмечаться он будет планетарно.

Не понимать этого Сталин не мог... Если даже представить на минуту, что он директивным образом отказался бы от любого официального чествования себя — как это иногда и делают юбиляры, то этого бы никто не понял не то что в стране, но прежде всего во внешнем мире. Отсутствие в СССР торжеств, и торжеств пышных, в честь юбилея Сталина вызвало бы оживленные комментарии, догадки и т.п. Поэтому праздновать надо было.

И вот как все было организовано...

В номере 337 «Правды» за 3 декабря, среду, на первой полосе появилось сообщение «В Президиуме Верховного Совета СССР», где говорилось:

«21 декабря 1949 года исполняется 70 лет со дня рождения тов. И.В. Сталина. В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР образовал Комитет в следующем составе: т.т. Шверник Н.М. (председатель), Александров Г.В., Алексеев В.Н., Амосов В.М., Ангелина П.Н., ... (далее продолжался длинный список, заканчивающийся Шостаковичем Д.Д., Юсуповым У. и Ярыгиной Н.К. — С.К.)...

На Комитет возложена разработка и организация проведения мероприятий, связанных с семидесятилетием со дня рождения тов. И.В. Сталина».

Со следующего номера в «шапке» «Правды» кроме традиционного для конца года в СССР анонса раздела «Репорты товарищу И.В. Сталину» второй строкой появилось название нового раздела: «Ознаменуем 70-летие со дня ро-

ждения товарища И.В. Сталина новыми производственными успехами». Ниже шло: «Социалистические обязательства шахты комбината «Тулауголь» в честь 70-летия со дня рождения тов. И.В. Сталина (1 стр.); Развертывается социалистическое соревнование в честь 70-летия со дня рождения тов. И.В. Сталина (1 стр.)...».

С этого дня в каждом номере «Правды» до 21 декабря 1949 года публиковались материалы, тон которым задавал 339-й номер, где сообщалось:

«Со всех сторон нашей необъятной Родины поступают сведения о небывалом подъёме социалистического соревнования в честь семидесятилетия со дня рождения тов. И.В. Сталина.

Нынешний год ознаменован многими новыми проявлениями замечательной патриотической инициативы масс. Но никогда ещё волна социалистического соревнования и стахановского движения не поднималась так высоко, как в эти дни, когда Советская страна готовится встретить... семидесятилетие со дня рождения великого вождя народов, любимого учителя и друга всего трудящегося человечества товарища И.В. Сталина...»

Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина, Горьковский автозавод им. В.М. Молотова, Балахнинский целлюлозно-бумажный комбинат им. Дзержинского, медеплавильщики Урала, Ленинградский гидролизный завод им. С.М. Кирова, Московский автозавод им. Сталина, Томская железная дорога, хлопководы Таджикистана и цитрусоводы Абхазии — всё как положено: «От Москвы до самых до окраин...», из номера в номер.

Появился в «Правде» и постоянный — до 21 декабря 1949 года — раздел «Трудящиеся всего мира выражают свою любовь и благодарность великому вождю и учителю И.В. Сталину».

Польша, Чехословакия, Венгрия. Франция, Бельгия, Италия и т.д. Образовывались национальные комитеты по празднованию, готовились подарки. Вот лишь одно сообщение в «Правде» №342 от 8 декабря:

«Скульптор из города Ревел (департамент Верхняя Гаронна) Жорж Курду посылает товарищу Сталину скульптуру рабочего Франции с надписью «Скромный подарок тому, кто указывает миру путь к миру, хлебу и свободе»...

В том же номере в хронике подготовки к юбилею Сталина можно было прочесть:

«ПРАГА. 8 дек. (ТАСС). Как сообщает агентство Телепресс из Брюсселя, Центральный Комитет Бельгийской коммунистической партии преподнесет И.В. Сталину ко дню его 70-летия неопубликованное письмо Карла Маркса, написанное Марксом 90 лет тому назад. Письмо прекрасно сохранилось. Оно было послано Марксом из Манчестера председателю Демократической ассоциации Брюсселя Люсьену Жотрану».

Всего десять лет назад такое не могло происходить в Европе так открыто, почти официально! Шестидесятилетие Сталина отмечалось как достаточно локальное событие. Семидесятилетие превращалось в событие мирового уровня.

Могло ли всё это правиться «сливкам» Запада, Золотой Элите капиталистического мира? Сталин и страна Сталина — и это приходилось признавать — становились всё более привлекательными для широких масс по всей планете. Сегодня «продвинутые» «историки» и телекомментаторы представляют дело так, как будто после того, как Красная Армия пришла в Европу, наши солдаты и офицеры лишь слюни пускали, глядя на европейский «шик»... Но, во-первых, умный человек в таких случаях не разевает рот от удивления, а сжимает зубы, думая: «Поскорее бы добраться до дома да засучить рукава, чтобы и у нас было так же...»

Во-вторых, «шик»-то был папусным, ибо выражал основной принцип капитализма: «Меньшинству — густо, большинству — пусто». СССР пока не производил холодильников, но зато сын советского рабочего мог стать студентом МГУ, а для сына английского рабочего Оксфордский университет был невозможен, как и Гарвардский университет для сына американского рабочего.

Француз или итальянец мог, идя по своей стране, нагнуться на колючую проволоку с табличкой «PRIVAT», а советский человек проходил необъятной Родиной своей как хозяин, свободно, — от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей...

Когда-то это ценилось.

Придя в Европу, русские не всегда создавали о себе представление у европейцев для России благоприятное — ведь в Европу пришла очень разная Россия!

Во-первых, это была все еще Россия с «родимыми пятнами» не столько даже капитализма, сколько феодализма. Всего двадцать восемь лет отделяли Россию-победительницу от дореволюционной «шатушей» России, описанной Максимом Волошиным в 1923 году.

Во-вторых, в Европу пришла Россия с душой, уязвленной великими утратами, общественными и личными. Что чувствовал запорожец, оставивший за спиной освобожденный родной город со взорванным Днепрогэсом, когда он входил в ухоженный германский городок? А что чувствовал отец, потерявший из-за германо-итало-венгеро-румынской агрессии против СССР детей? А сыновья, потерявшие из-за войны родителей?

Поэтому имели место и гнусные истории, и кровавые эксцессы...

Однако в Европу пришла не только волошинская «Рассея», но и Советская Россия, обладающая сдержанным достоинством. Её облик не мог не привлекать, не удивлять и не наводить простых европейцев на серьезные раздумья.

Вот почему энтузиазм в мире по поводу предстоящего юбилея Сталина был неподдельным, а Сталин действительно имел право именоваться (хотя сам этого никогда не подчеркивал) великим вождем и учителем трудящихся всего мира.

Говоря коротко, Сталин оказывался таким личностным центром притяжения для всех подлинно прогрессивных и здоровых сил планеты, замены и аналога которому эти силы иметь не могли. И он же оказывался безальтернативной, незаменимой никем фигурой в мировом противостоянии здоровых мировых сил силам реакционным, движимым лишь своекорыстием.

Даже Ленин не обладал таким реальным идейным и моральным влиянием на будущее мира, какое обрел Сталин к началу 50-х годов. И уж ни в какое сравнение не шли материальные и военные возможности страны Ленина и страны Сталина.

И эта страна имела теперь опорные военные базы в центре Европы. Причем имела их в результате не завоевательной, а освободительной войны, то есть по праву не просто победителя, но по праву победившей жертвы агрессии.

А во Франции, в Италии, в Бельгии, в Австрии возрастали авторитет и влияние коммунистов, не говоря уже об Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и Восточной Германии. С трудом удалось подавить англичанам и янки левое восстание в Греции, и хотя с Югославией у Сталина отношения испортились вдрызг, югославы все же в массе своей желали социализма.

Тут было над чем подумать и, говоря языком казенным, «правлящим кругам капиталистических стран», и мировым финансистам, и мультимиллионерам, и монархам, премьерам, главам спецслужб...

И вообще всей Золотой Элите Запада.

ЧЕМ БЛИЖЕ к дню 21 декабря, тем больше своих материалов «Правда» посвящала предстоящему событию. Борис Полевой публиковал статью о «тех залах Музея Революции, где выставлены подарки трудящихся Иосифу Виссарионовичу Сталину»... Да, Сталин отрицал подарки, чтобы исключить возможность получить подарок неискренний. Но с какого-то момента поток подарков Сталину не от лиц, лично его окружавших, а от простых людей возник и потек стихийно. И остановить его было уже нельзя, хотя в этот естественный поток со временем стали вливаться и организованные подхалимами ручьи большей или меньшей казенщины...

Полевой рассказывал о подаренной Сталину деревянной трубке, вырезанной из обломка немецкого самолета матросами из бригады морской пехоты, защищавшей Сталинград... О плексигласовой коробочке для табака, сделан-

ной для Сталина гвардии старшиной Игорем Никольским тоже из остатков сбитого самолета люфтваффе. Своё письмо Сталину старшина закончил так: «...Писал, как думал. Делал, как мог».

Главной убор индейского вождя для почетного вождя индейских племен Сталина... Его вышитый русской женщиной портрет... Подарки занимали несколько залов... Сталин вряд ли большинство из них даже видел — это было физически невозможно. Но подарки шли и шли...

Алексей Сурков в «Правде» писал:

Любовь и нежность матери-отчизны
Сегодня Вам несут её сыны.
Ведь семь десятилетий Вашей жизни
Столетиям в истории равны...

И такое писалось, в общем-то, искренне. Даже -- профессиональными поэтами. Хотя хватало и искусственного пафоса... Так, 12 декабря «Правда» публиковала среди других «народных» песен о Сталине и «белорусскую народную» несию:

Светлую дороженьку
Ленин проложил,
Ленина дороженьку
Сталин завершил...

Не думаю, что Сталина очень радовало это «народное» «творчество».

А день 21 декабря приближался. 12 декабря в Москву прибыла китайская делегация во главе с Мао Цзэдуном. В тот же день его принял Сталин. Потом делегации пошли потоком: болгарская во главе с секретарем ЦК БКП Вилко Червенковым, германская — с Вальтером Ульбрихтом, румынская — с Георгиу-Дежем и Анной Паукер, монгольская — с Цеденбалом, венгерская — с Матиасом Ракоши...

В день юбилея «Правда» вышла с огромным портретом юбиляра. Публиковались указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Ленина и об учреждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Присуждение премий долж-

но было производиться 21 декабря каждого года, начиная с 1950-го.

Этот номер «Правды» вышел на 12 полосах, и почти весь он был отведен под огромные статьи, первой из которых шла полосная статья Молотова «Сталин и сталинское руководство», а второй — тоже полосная статья Берии «Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма».

Далее шли полосные статьи Ворошилова, Микояна, Кагановича и Булганина, а затем — по две на полосе — статьи Андреева, Хрущева, Косыгина, Шверника, Шкирятова. Завершающей была статья Поскребышева «любимый отец и великий учитель», занявшая правую половину 11-й полосы и левую половину 12-й.

Большинство из этих статей было, надо сказать, вполне читаемо, несмотря на официально юбилейный характер.

Вечером 21 декабря в Большом театре вступительной речью Председателя Верховного Совета СССР Шверника открылось торжественное заседание. В глубине сцены помещался огромный портрет Сталина, изображенного с одной-единственной наградой, которую он носил и в жизни, — Золотой Звездой «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

На фотографии, появившейся в «Правде» 22 декабря, президиум собрания размещался (слева направо) так: Пальмиро Тольятти, Косыгин, Каганович, Мао Цзэдун, Булганин, Сталин, Вальтер Ульбрихт, Юмжагийн Цеденбал, Хрущев, Иоганн Коплениг из Австрии, Долорес Ибаррури, Георгиу-Деж, Суслов, Шверник, Вылко Червешков, Маленков, В. Широкий (член Президиума ЦК Компартии Чехословакии), Берия (он сидел в первом ряду между Маленковым и Ворошиловым), Ворошилов, Молотов, Микоян, Матиас Ракоши.

После Шверника выступали многие, но — весьма кратко, что было вполне объяснимо: всего в тот вечер выступило тридцать пять человек.

22 декабря в Кремле был правительственный прием. И затем гости начали разъезжаться по домам. А в «Правде» несколько номеров подряд публиковались поздравления от всей страны и от всего мира.

Сдержанно, сквозь зубы Сталина поздравляли офици-

альные руководители западных стран: французы Венсан Ориоль и Жорж Бидо, англичанин Эттли, итальянец де Гаспари, австриец Карл Реннер... Поздравил Сталина и премьер Израиля Давид Бен Гурион. Официально поздравляли Норвегия, Исландия, Бельгия, Иран, Индия, Финляндия, Афганистан и т.д.

И лишь президент США Трумэн не нашел в себе сил поздравить мирового лидера №1 хотя бы парой строк.

И это было, конечно, показательно.

ГОД последнего прижизненного юбилея Сталина был для Запада и особенно для США не очень удачным во всех отношениях.

Главным ударом стало, конечно, августовское испытание Советским Союзом ядерного оружия. Такого быстрого успеха в США не ожидали.

Не радовало и то, что в Китае окончательно победил Мао Цзэдун. Первого октября на площади Тяньаньмынь он провозгласил Китайскую Народную Республику. Теперь в распоряжении США оставалась лишь одна база в Китае — Тайвань Чай Канши, а СССР получал хотя и не беспроblemного, однако мощного союзника. Если бы ось «Москва — Пекин» укреплялась, это было в перспективе для Запада более чем опасно.

Были, конечно, у США и успехи. 4 апреля в Вашингтоне Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США и Франция подписали Североатлантический договор, образовав НАТО. Но этот успех был омрачен для Запада созданием в январе Совета экономической взаимопомощи. В СЭВ вошли Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия.

24 мая США завершили процесс раскола Германии — в этот день была образована ФРГ и ее первым канцлером стал Конрад Аденауэр. Но и этот успех в немалой мере обесценивался провозглашением 7 октября ГДР.

Безусловным успехом можно было назвать лишь победу монархистов в Греции — 9 октября закончилась Гражданская война между коммунистической Национально-освободительной армией и армией короля Павла, фактиче-

ской марионетки США и Англии. И особенно отрадно было то, что победа пришла потому, что маршал Тито, порвав с СССР, прекратил поставки оружия греческим «левым».

В целом же общая мировая ситуация из-под контроля США и Золотого Интернационала все более ускользала.

ВПРОЧЕМ, и Сталин в год своего семидесятилетия не имел оснований быть особенно довольным. Фактор раскручивающегося «ленинградского дела», «дела ЕАК» и прочих «дел» не мог не омрачать раздумий Сталина «о времени и о себе»...

4 марта 1949 года пришлось заменить Молотова на посту министра иностранных дел Вышинским, и хотя Молотов оставался заместителем Председателя СМ СССР и членом руководящей «пятерки» Политбюро, полагаться на него так, как раньше, Сталин уже не мог.

Да и только ли о Молотове можно было так сказать? Уже накануне юбилея, 12 декабря 1949 года за «зажим критики, отсутствие самокритики и неправильное отношение к кадрам» пришлось расстаться с 43-летним первым секретарем Московского горкома партии и одновременно секретарем ЦК ВКП(б).

История с Поповым началась 20 октября 1949 года, когда на имя Сталина поступило письмо, подписанное: «Инженеры коммунисты завода имени Сталина Марецкий, Соколова, Клименко». 29 октября Сталин переправил его Маленкову вместе с собственной большой запиской, начинавшейся так:

«Тов. Маленкову.

На днях получил письмо, подписанное инженерами коммунистами завода имени Сталина Марецким, Соколовой, Клименко о недостатках в работе секретаря МК т. Попова.

Я не знаю подписавших письмо товарищей. Возможно, что эти фамилии являются вымышленными (это нужно проверить) (Сталин предположил верно. — С.К.). Но не в том дело. Дело в том, что упомянутые в письме факты мне хорошо извест-

ны, о них я получал несколько писем от отдельных товарищей Московской организации. Возможно, что я виноват в том, что не обращал должного внимания на эти сигналы. Не обращал должного внимания, так как верил тов. Попову. Но теперь...»

Теперь Сталин предлагал назначить комиссию Политбюро для разбирательства. А разбирать было что... Авторы письма Сталину рисовали картину невеселую, но — увы, в отличие от их фамилий — не вымышленную:

«Тов. Сталину и членам Политбюро ЦК ВКП(б).
Большевики Московской организации вполголоса заговорили, пока в кулуарах, о том, не пришел ли момент своевременного вскрытия давно назреваемого гнойника в головке нашей организации. Речь идет о весьма подозрительной политике, проводимой секретарем МК ВКП(б) т. Поповым.
<...>.

Сталинский лозунг о самокритике, невзирая на лица, трансформирован школой Попова так — критике подлежат только подчиненные. Основные партийные массы устранены из жизни партии. <...>

Нам кажется, что на нашем здоровом теле, в Москве развился чир не меньше Ленинградского. Действия Попова прямо-таки сомнительны. Попов самый молодой из секретарей ЦК. Будучи одержим...манией вождизма, его одолевает мысль в будущем стать лидером нашей партии и народа.
<...>

На банкете по случаю 800-летия Москвы один из подхалимов поднял тост «За будущего вождя нашей партии Георгия Максимовича». Присутствовавший Попов пропустил мимо ушей и будто согласился с прогнозом. Тогда как нужно было одернуть дурака или после обсудить о его партийности...»

Стиль письма был резок и колоритен, а суть его — конкретной и доказательной. И несмотря на то, что формально оно было анонимным, фактически это был документ, выпол-

не заслуживающий самого высокого в стране внимания — сталинского. В письме — явно не инспирированном в «аппарате» — не было стремления опорочить молодого руководителя, а было ясно заявленное намерение его разоблачить, ибо «художеств» Попов натворил немало.

Авторы сообщали:

Всех работников МК и Моссовета, выдвинутых т. Щербаковым, Попов разогнал до единого и выдвинул своих... Что же это за кадры? Попов носился как с писаной торбой с секретарем райкома Жариковым, оказавшимся после изменником Родины — комиссаром армии Власова. Фаворитка врага народа Пригульского (бывшего директора завода имени Ильича) — Козлова Олимпиада, работая секретарем Замоскворецкого райкома партии, обставила себе квартиру немецкими трофеями, которые доставлял Пригульский из Германии. На райконференции Козлову разоблачили, с треском выпроводили. Попов же ее подобрал и выдвинул в секретари МК... Кстати, ввел ее в свой гарем. Молодой карьерист комсомолец Красавченко попал на фронт, оказался в плену... неизвестно где дел партийный билет. Неизвестными путями выбрался из тыла врага. Ему бы место в лагерях. Но Попов выдал ему повый партбилет. ...домогался избрания Красавченко на последнем съезде комсомола секретарем ЦК ВЛКСМ. Но даже молодежь раскусила, что за фрукт Красавченко, и провалила его...

Тупица из тупиц Царегородцев... выдвинут Поповым на пост руководителя политорганами Министерства путей сообщения. Политически безграмотный человек Фирюбин, лизавший пятки Попову, был выдвинут на пост секретаря городского Комитета партии. Славивший Попова в московской печати редактор «Московского Большевика» Губин посажен редактором «Известий». В Армению послан подхалим Попова Погосов, в Калугу Панов и так далее.

Словом, Попов расставляет свои кадры везде, где

может, с тем чтобы в удобный момент взять баранку руля страны в свои руки.

Таким образом, Попов соревновался с ленинградцами в расстановке «своих» людей. Шла подготовка к захвату лидерства...

В кругах МК открыто говорят, что за плечами Попова тов. Сталин и что пост великого вождя перейдет Попову...»

Пожалуй, это описание личности Попова и атмосферы вокруг него лучше любых признаний Вознесенского (старше Попова на три года) и Кузнецова (старше Попова на год) подтверждало вину двух последних. Все трое были из одного поколения — они не сидели в царских тюрьмах, не ходили под пулями в Гражданскую и Великую Отечественную — даже для ленинградца Кузнецова личный риск в блокаду был не выше, чем у сотен тысяч жителей Ленинграда...

На всех троих очень надеялся Сталин. И все трое его надежд не оправдали. А ведь надежды Сталина были надеждами Родины...

Попов сменил в мае 1945 года умершего А.С. Щербакова и до какого-то момента был, похоже, деятелен, исполнителен и Сталина устраивал. Но то же можно было сказать и о Вознесенском... И о Кузнецове... И вот теперь после них надо было что-то делать уже с Поповым.

Заканчивая письмо, московские коммунисты писали:

«Неужели Политбюро не займется проверкой деятельности Попова. Хотя бы проверили указываемые нами факты. Неужели сигналы масс не нужны в проверке. Мы не клеветники. <...>

Мы считаем, что если Политбюро ЦК не прислушается к голосу низов в деле Попова, то люди, знающие дела Попова, потеряют веру в существование партийной истины».

И Сталин прислушался, да и могло ли быть иначе! К тому же он уже и сам не раз строго говорил с Поповым. Была назначена комиссия Политбюро в составе Маленкова, Берии, Кагановича и Сулова, и в результате ее работы Попов был снят с партийных постов и назначен министром

специально созданного «под него» Министерства городского строительства СССР. С марта по декабрь 1951 года он был министром сельскохозяйственного машиностроения, позднее — директором авиационного завода в Куйбышеве, послом в Польше...

В постановлении Политбюро об освобождении Попова было сказано, что обвинения анонимных авторов письма в адрес Попова в части «разгона проверенных кадров МК и Моссовета и в насаждении... на ответственные участки в партии своих людей» не подтвердились, но вряд ли это было так. Во всяком случае никто из упоминавшихся в письме как креатуры Попова, славы себе впоследствии не добыл, а кое-кто «проявил» себя скорее недостойно.

Но Сталин до последнего верил в лучшее в людях, однажды вошедших в круг его сотрудников. К тому же в «деятельности» возмнившего о себе Попова не было политического аспекта — в отличие от деятельности «ленинградцев», что Сталин, конечно, учел. Однако Попов уже не выправился, хотя работал на различных должностях до 1965 года, в котором вышел на пенсию (в 1968 году, 62 лет от роду, он умер).

Секретарем же ЦК вместо Попова 13 декабря 1949 года был назначен Хрущев, отозванный из Киева. Вряд ли в этой дате со стороны Сталина или кого-то еще был какой-то намек... Но дата оказалась, как сейчас говорится, «знаковой»... Хрущев рядом со Сталиным стал для ничего не подозревающего о том Сталина в обозримой перспективе смертельно опасным.

Небезынтересно, как через много лет после смерти и Сталина, и своего отца Никиты Хрущева дело с Поповым представил в своих «воспоминаниях» сын Хрущева Сергей. В его описании выходило, что Сталину-де доложили о существовании «московского» заговора, аналогичного «ленинградскому», во главе с Поповым. Сталин срочно вызвал Хрущева и «вручил ему кипу документов», якобы обвиняющих в антисоветской деятельности чуть ли не все московское руководство...

И Хрущев-де занялся расследованием, а когда Сталин через несколько недель поинтересовался результатами,

Хрущев-старший «постарался убедить его, что донос липовый». Далее Хрущев-младший сообщал, что Попова-де «назначили директором завода, там он в глазах Сталина не представлял угрозы», и резюмировал: «...а следовательно, жизнь его (Попова. — С.К.) находилась в безопасности»...

Цену «свидетельствам» сына Хрущева читатель, знакомый с положением дел по документам, может определить и сам.

ЮБИЛЕЙНЫЙ для Сталина год заканчивался. И он был, как и все остальные годы его жизни, полон больших и малых проблем... Были среди них порой и проблемы «юбилейные», однако речь — не о сталинском юбилее. Десятого октября из Киева в Москву по «ВЧ» позвонил Хрущев — насчет празднования 10-летия присоединения Западной Украины. Он предлагал провести демонстрации и военные парады в Киеве, Львове и Ужгороде, заложить монументы, выпустить документальный фильм и... переименовать город Станислав в город Сталинокарпатск.

Телефонограмму передали Сталину на юг, где он с 5 сентября до 7 декабря был в отпуске, и Сталин все одобрил, кроме идеи переименования (лишь в 1962 году Станислав переименовали в Ивано-Франковск).

Туда же, на юг, Поскребышев переправлял и бумаги, подобные письму главного редактора журнала «Огонек» Алексея Суркова, где тот 18 ноября 1949 года просил санкции на публикацию в 50-м номере журнала статьи кинооператора М. Ошуркова «Незабываемые встречи» — о кино съемках Сталина.

Статья была написана в откровенно слащавой манере, и судьба ее оказалась той же, что и у хрущевской идеи со Сталинокарпатском.

Так что «отпуск» был для Сталина понятием весьма условным — и в «отпуску» дела большие и малые от себя не отпускали... Скажем, в Военно-Воздушных Силах и в Гражданском воздушном флоте участились катастрофы... И уже в «отпуску» Сталин думает о какой-то замене Вершинину в ВВС и Байдукову в ГВФ и 12 сентября 1949 года пишет Маленкову, что «Байдуков — хороший летчик, но

как руководитель очень слаб» и что Вершинина можно бы заменить на Жигарева... И уже в сентябре 1949 года бывший второй пилот Чкалова 42-летний Георгий Байдуков отправляется — нет, не в ГУЛАГ, а на учебу в Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова, по окончании которой получит в 1952 году пост заместителя начальника Главного штаба войск ПВО страны по специальной технике.

Приходилось Сталину задумываться и о вещах, еще менее приятных, чем замена слабых руководителей... Так, в 1949 году встал вопрос о восстановлении отмененной 26 мая 1947 года смертной казни. В 1950 году она была восстановлена для «шпионов, изменников и диверсантов», и это было необходимостью — США все чаще забрасывали на территорию СССР именно диверсантов и все активнее разворачивали разведку против нас, пользуясь, в том числе, кадрами германских спецслужб — абвера и СД, а также резервами из «перемещенных лиц». Да и внутренние причины для ужесточения высшей меры наказания имелись.

В связи с последним замечу: Советский Союз времен позднего Сталина (не говоря уже о СССР конца 30-х годов) «продвинутые» «историки» подают как чуть ли не сплошной ГУЛАГ. В опровержение этого можно привести немало личных воспоминаний все еще живущих современников той эпохи. Скажем, мой отец в ответ на вопрос: «Вы что, чувствовали себя рабами?» лишь рассмеялся. К слову, как раз в 1949 году, в двадцать пять лет, он, молодой дежурный по горке станции Нижнеднепровск-Узел, вступил в ряды ВКП(б).

Можно в опровержение лжи о «ГУЛАГовском» образе жизни в послевоенном СССР привести и документы — сегодня в принципе доступные. Однако я познакомлю читателя всего лишь с одной дневниковой записью писателя Михаила Пришвина. Это был чисто личный дневник, в нем практически нет записей о политике, событиях в обществе и т.п. К тому же Пришвин не был очень уж взыскан тогда официальным вниманием и лаской. И это обстоятельство — если верить «историкам»-«демократам» — само по себе могло обеспечить ему внимание со стороны «органов». Так вот, 17 июля 1952 года Пришвин записал:

«Вчера поднимался молодой человек в гору с ведрами, увидел меня, поставил ведра на землю и пошел.

— Здравствуйте, Михаил Михайлович, я читал вашу книгу «Наша страна».

— Ну и что?

— Оказалось, вы и в Сибири были.

После того вышла заминка.

— А вы что делаете? — спросил я читателя.

— Я старший инспектор МВД.

— МВД, — сказал я, — это московская... а как дальше?

— Что вы, — отвечает, — какое московская, это на всю страну: Министерство внутренних дел.

Так мы и встретились и разошлись с моим читателем...»

Вот так «полицейская» держава, в которой образованный, развитый и несколько даже опальный (в те годы) гражданин не знаком с аббревиатурой, за которой скрывается главное «полицейское» ведомство!

Нет, по мере того как страна освобождалась от тяжести развалин, она дышала все более полной грудью, потому что становилась год от года богаче, образованней, мощнее, а значит — и свободнее.

Сам же Сталин старел и слабел...

В 1945 году в ответ на предложение поставить в берлинском Трептов-парке его исполинскую статую он отверг идею в весьма иронической манере. И кончилось тем, что в Берлине на пьедестал Победы встал советский солдат-освободитель со спасенной им немецкой девочкой на руках и с мечом в правой руке. Причем скульптор Вучетич вспоминал, что на макете памятника у солдата в руке был автомат, но именно Сталин предложил заменить его на меч, в очередной раз выказав точный художественный вкус и политическую мудрость.

К началу 50-х годов он уже не возражал, например, против разработки в 1949 году проектов монумента себе для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки или против установки на входе в Волго-Донской канал в Сталинграде огромной его бронзовой статуи.

Впрочем, вряд ли это можно было расценивать как признак личностного одряхления Сталина. Он до конца оставался Сталиным и к бронзе был, как я понимаю, достаточно равнодушен. Однако Волго-Дон, начинающийся в городе, не просто носящем его имя, но ставшем символом непобеждаемого народа, должен был стать одним из символов эпохи.

А это была эпоха — как ни крути — Сталина! Это была эпоха и Ленина, и воздать должное Ленину были обязаны и страна, им начатая, и сам Сталин — как единственный выдающийся ученик Ленина. Но ведь это и делалось на том же Волго-Доне — на одном берегу в его устье должен был встать огромный бронзовый Ленин.

Однако страна была обязана воздать должное и самому Сталину. Ленин на одном берегу входа в Волго-Дон — это логично. Но даже для архитектурной симметрии (не говоря уже о «симметрии» исторической) на другом берегу должен был встать Сталин.

Это понимали все, понимал и Сталин.

К тому же ему уже пошел восьмой десяток — возраст немалый в любом столетии человеческой истории. Бронзовый Сталин на входе в Волго-Дон мог уже в ближайшие годы стать посмертным памятником.

Нет, я не усматриваю в согласии Сталина на собственные монументы чего-то малодостойного. Он ведь оставлял согражданам страну, которую «от Москвы до самых до окраин» покрывали строительные леса. Зрелая сталинская эпоха была воистину эпохой великих строек!

И этого Сталину тоже не могли простить многие.

Глава седьмая

1950—1951 ГОДЫ.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО И НАСТУПЛЕНИЕ СТАРОГО

Ушли ли мы вперед, или они,
Иль этот мир остался неизменным...

Из 59-го сонета Шекспира

Вокруг меня идут люди, бросившие все свое лучшее в
общий костер, чтобы он горел для всех...

*Запись в дневнике М.М. Пришвина
от 15 февраля 1951 года*

Сразу же после окончания войны перед народами СССР встала задача, какой нигде и никогда ни перед одним народом не вставало.

С одной стороны, надо было восстановить беспрецедентно разрушенную страну и ее экономику, и восстановить в кратчайшие сроки.

С другой стороны, надо было одновременно в кратчайшие же сроки обеспечить стране защиту от американского атомного оружия, создав свое такое оружие, а также и средства его доставки на территорию США.

А кроме восстановления разрушенного, надо было создавать новое — и в материальной сфере, и в духовной. И все это — в стране, где чуть ли не у каждого был повод опустить руки: у кого — от вида развалин, у кого — от невозвратимых утрат.

Впрочем, у страны уже был накоплен огромный опыт той работы сообща, без которой не было возможности вос-

становливать и строить новое. И работы на всех «фронтах» сразу.

С августа 1945 года пошла всерьез атомная проблема, к руководству которой Сталин подключил Берия. Начало советских ядерных оружейных усилий относилось еще к концу 1941 года, но теперь все убыстрялось. Широко разворачивались и работы по баллистическим ракетам, по реактивной авиации.

А вместе со всем этим шло, если можно так сказать, восстановление того нового, что Россия успела наработать за десять предвоенных лет бурного социалистического строительства. В ходе войны это новое, возникшее в камне новостроек и в душах людей, понесло немалый урон, и теперь его надо было восполнять. Но не все здесь было так просто...

В 1924 году Россия еще была нэповской. В 1929 году она начала всерьез становиться социалистической, и всего за десять лет совершила бурный и успешный рывок к всестороннему прогрессу. Война внесла в этот процесс неоднозначные коррективы. Она разрушала индустриальные гиганты первых пятилеток, но в тылу, в ранее медвежьих углах, возникали новые заводы. Война разрушала результаты культурной революции, а на оккупированных территориях возрождала старые общественные отношения. И она же создавала в пределах сохранившегося СССР более крепкие и совершенные отношения людей друг к другу, к государству, к Отечеству.

Непростые проблемы породила война, хотя проблемы, рожденные войной, всегда, увы, непросты. 31 декабря 1946 года Берия направил Сталину записку № ЛБ-298, которая была, по сути, сопроводительным письмом к записке министра ГБ Абакумова «о продовольственных затруднениях в некоторых районах Молдавской ССР, Измаильской области УССР», о жалобах на голод в Воронежской и Сталинградской областях, выявленных «в результате негласного контроля» Министерством ГБ СССР писем, в основном направляемых родственниками военнослужащим в армию.

Даже выборочно цитировать этот документ тяжело, и я могу понять Абакумова, который, похоже, не рискнул направить его прямо Сталину, а обратился вначале к Берии, а

уж тот — к его чести — переправить «бумагу» Сталину не побоялся.

Для верного понимания того, что он прочтет ниже, молодому сегодняшнему читателю надо, пожалуй, пояснить, что та страшная реальность, которая возникала из строк этих писем — тоже документов эпохи, не определяла характер времени. Так, как описывали свою жизнь авторы перлюстрированных писем, жили далеко не все из десятков миллионов простых людей в СССР, хотя безбедно и беспроблемно тогда жили только негодяи. Но и в упомянутых письмах горькая правда была.

Из десятков выдержек из «воронежских» и «сталинградских» писем (всего их было просмотрено особистами около 8 тысяч) я приведу три:

15.XI-46 г. «...Надвигающийся голод страшит, моральное состояние подавленное. Дети наши живут зверской жизнью — вечно злы и голодны...»

(Ефремова М.С., Воронежская обл., ст. Бутурлиновка, Главмука, — Ефремовой Н.А., ПП (полевая почта. — С.К.) 39273)

24.XI-46 г. «...Мы погибам от голода. Хлеба нет, ничего нет, есть нечего. Жить осталось считаные дни, ведь питаюсь водой, можно прожить только неделю...»

(Бобровских А.С., Воронежская обл., с. Бегрибанова, ул. Трудовая, д. 40 — Бобровскому И.В., ПП 8948)

24.XI-46 г. «...Мать от голода распухла, поддержать ее нечем... Я кончу жизнь самоубийством, чтобы не видеть этих мук...»

(Шамыгина, Комсомольский р-н, х. Сенной, — Шамыгину, ПП82116)

Приводились в справке МГБ также выдержки из писем рабочих завода №402 из Архангельской области, рабочих, мобилизованных на работу в угольной промышленности Сталинской (позднее — Донецкой) области УССР. Так, Н.Д. Коваль писал из Донбасса П.Г. Горелому на Черниговщину: «...Кормят нас здесь, как собак: на утро пол-литра баланды, на обед то же и ложка каши. Баланду варят из му-

ки. Заработок очень плохой — 300 рублей в месяц, а на питание нужно 600 рублей... Я до весны не выдержу. Многие отсюда сбежали...»

А некто Мурнило из Сталинграда писал Л. Александровой в псковскую деревню Мерзляки вот что: «Я продал все, чтобы спасти жизнь... Я уже начинаю пухнуть. Мне не страшна тюрьма, ибо там я могу получить кусок хлеба...»

Так что Сталин знал, как живет народ. Но, даже не зная, знает ли об этом Сталин, простые люди понимали: чтобы жить лучше, надо много и упорно работать.

И страна, даже голодая, работала.

В ноябре 1945 года Совнарком СССР принял постановление о восстановлении 15 старейших городов СССР, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками.

В июле 1946 года открылась навигация на восстановленном Беломорско-Балтийском канале, а в конце года пущена первая очередь Владимирского тракторного завода. Это была лишь одна из послевоенных новостроек, но пока страна в основном сосредотачивалась и собирала вновь не ею разбросанные камни. Восстанавливались Днепродзержинский азотно-туковый, Макеевский труболитейный, Рижский электромашиностроительный, Минский станкостроительный заводы.

18 марта 1947 года Верховный Совет СССР принял закон «О пятилетнем плане восстановления народного хозяйства СССР на 1946—1951 годы». Сосредоточение закончилось. Начинались труды, которые были сродни битвам.

3 марта 1947 года дал ток первый агрегат восстановленного Днепрогэса имени В.И. Ленина.

16 августа окончилось строительство газопровода Саратов — Москва.

4 ноября 1947 года закончилось восстановление первой очереди Ростсельмаша. А под конец года — 14 декабря вышло постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

1948 год был отмечен разработкой «Сталинского плана преобразования природы», предусматривающего создание сети искусственных морей, строительство гигантских ГЭС,

насаждение лесозащитных полос. А в июле этого же года по предложению Сталина принимается решение разместить новое здание МГУ на Ленинских горах в центре излучины Москвы-реки и строить его как высотное.

29 августа был полностью восстановлен Харьковский тракторный завод. 6 ноября строители сдали новые газопроводы Кохтла-Ярве — Ленинград и Дашава — Киев. Были введены в эксплуатацию Фархадская и Сухумская ГЭС.

После ряда голодных лет улучшалась ситуация в сельском хозяйстве, хотя о благополучном положении здесь говорить не приходилось. Мы это еще увидим.

В целом же работа за три-четыре послевоенных года была проделана огромная. И все это — в условиях все более усиливающегося давления Запада, создания вокруг СССР кольца баз США и разработки планов прямой ядерной агрессии против России.

В марте 1946 года в университете американского города Фултона Черчилль призвал к объединению Запада против СССР, а 4 апреля 1949 года в Вашингтоне было провозглашено создание НАТО.

Советский Союз инициировал в 1949 году создание Совета экономической взаимопомощи, СЭВ. В том же году вступил в эксплуатацию Минский тракторный завод, была полностью восстановлена «Запорожсталь» имени Г.К. Орджоникидзе, а Совет Министров СССР принял постановления о строительстве Куйбышевской ГЭС, Сталинградской ГЭС, Каховской ГЭС; об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма, засушливых земель в Ростовской и Сталинградской областях.

В 1950 году в числе других был введен в эксплуатацию Закавказский металлургический завод в Рустави, 27 июля 1952 года открылся Волго-Донской судоходный канал им. В.И. Ленина, и в том же году была открыта Цимлянская ГЭС, сданы в эксплуатацию железнодорожные линии Чарджоу — Ургенч и Барнаул — Арышта на Южно-Сибирской магистрали. А на ленинградском заводе «Электросила» построен турбогенератор на 150 тыс. кВт с водородным охлаждением.

Турбогенератор «Электросилы» был достижением мирового класса, но дело было не только в этом. На мощности

«Электросилы» в свои первые годы ориентировался наш Атомный проект, и то, что теперь ленинградцы переклещались на выдающуюся мирную продукцию, было знаменательно — атомная монополия США была ликвидирована, на подходе была водородная бомба, и дышать теперь стране было легче.

12 марта 1950 года прошли выборы в новый Верховный Совет СССР. При этом авторитет коммунистов в стране был реально огромным. Французскую коммунистическую партию, главную силу французского Сопротивления в годы войны, называли «партией расстрелянных». Но если к кому и подходило это определение в первую очередь, так это к Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. За годы войны на фронтах погибло три миллиона коммунистов. И все же к концу войны в Действующей Армии было три целых три десятых миллиона коммунистов — 60 процентов состава ДА. И эту армию партии на фронте подкрепляли миллионы коммунистов в тылу.

Теперь эта многомиллионная «армия», бойцы которой привыкли — хочешь не хочешь, а надо — идти впереди, опять шла в авангарде жизни. Причем такой жизни, суть которой определяли соображения не выгоды, а долга.

В официальных речах, в газетных статьях и в частных разговорах возникало слово «коммунизм».

15 июля 1951 года Михаил Пришвин записал в дневнике:

«Хорошо бы переделать «Государеву дорогу» (роман-сказка, опубликованный в 1957 году. — С.К.), вернее, осуществить замысел самый первоначальный: изобразить рождение коммуниста в мальчике Зуйке на фоне крушения старого мира и борьбы и восхождения нового. Мудрость автора должна сказаться в том, чтобы дать картину возможного коммунизма, в который все мы верим, который должен победить, и отделить его от картины провалов на пути к цели...

Надо сделать так, чтобы эта работа была независимая ...неспешная и современная, то есть в самый серьез собирала и выводила современность в ее высшем смысле».

Это было написано **для себя** человеком, которому в 1951 году исполнилось уже 78 лет и жить которому оставалось еще три года, человеком беспартийным и достаточно аполитичным.

И высший смысл современности он искренне видел — как ни будет неприятно это узнать «продвинутым» клеветникам на эпоху Сталина — в борьбе за коммунизм.

В биографической справке о Михаиле Михайловиче, помещенной в изданном в 2003 году издательством «Большая Российская Энциклопедия» «Иллюстрированном энциклопедическом словаре» (составитель А.П. Горкин), сказано: «В дневниках (Пришвина. — С.К.) запечатлены жизнь России с 1910-х гг., социально-правств. трагедия народа в эпоху тоталитаризма...» и т.д.

О пришвинской мечте и вере в коммунизм «энциклопедисты» не сообщили ни слова. Да и чему тут удивляться — в доме повешенного не говорят о веревке.

Но если уж идеей практического построения коммунизма — не как неиссякаемой кормушки, а как свободного, сознательного сообщества образованных и всесторонне развитых, а значит, свободных людей — был увлечен заканчивавший свой жизненный путь Пришвин, то как же этой идеей были увлечены в СССР Сталина десятки миллионов тех, кто был «в самый серьез» занят претворением этой идеи в дела, в новые заводы, города, сорта пшеницы и новые научные исследовательские установки!

И в той же стране жили, увы, миллионы тех, кому эти идеи были не то чтобы враждебны, но безразличны.

А были и те — их, конечно, было меньшинство — кому эти идеи были неудобны, чужды или даже ненавистны. Таких было немного, но они, во-первых, были. Во-вторых же, они отнюдь не всегда ограничивались ворчанием или бездеятельной ненавистью. Порой они даже имели вполне реальные возможности серьезно пакостить и вносить ферменты духовного разложения во все еще здоровый в своей основе общественный организм.

Я напомним читателю, что в июне 1949 года троцкистка Сломницкая заявляла, что в СССР нет социализма, что в стране господствуют произвол и несправедливость. Но вот обложка журнала ЦК ВЛКСМ «Техника — молодежи» за июль

1951 года. Журнал тогда и многие годы после пользовался у советской молодежи огромной популярностью — он будил фантазию и мечту, но подводил под них научную, инженерную, реальную основу, показывал перспективу развития науки, техники, жизни. И на обложке июльского номера было изображено главное здание МГУ — тогда еще лишь строящееся, а на обложке уже сияющее стеклами окон, стройное, новенькое...

На его фоне шагали уверенные в себе и в стране, подтянутые молодые парни и девушки с лицами, освещенными изнутри светом ума и души. Они были одеты не роскошно, но привлекательно и со вкусом. Художник изображал не утопию, а завтрашний день. И открытые, гордые, исполненные красоты и достоинства лица тоже не были пропагандистской лакировкой некоей неприглядной действительности. Художник видел эти лица вокруг себя, и поэтому ему было нетрудно изобразить их правдиво и без приукрашивания.

Это было послевоенное сталинское поколение молодых строителей. Они жили, чтобы строить, и строили, чтобы жить. И в СССР Сталина имели к тому все возможности, хотя свое будущее они могли обеспечить лишь напряженным трудом, далеко не всегда сразу дающим свои плоды. Но это было не так уж тогда и важно. Важно было то, что люди в запово восстановленной стране видели перед собой вполне реальную оптимистическую перспективу.

Только в одном номере «ТМ» за 1951 год были помещены материалы «Сегодня и завтра землеройных машин», «Скреперы», «Землекоп-гигант», «Командиры экскаваторов», «Землесос «Сормовский-1», «Машины роют канал», «Советская наука о грунтах», «Взрыв-строитель», «Шагающий экскаватор»...

В апрельском номере за 1946 год академик-химик, Герой Социалистического Труда Н.Д. Зелинский публиковал в «ТМ» статью «К пределам сжатия», в сдвоенном августовско-сентябрьском номере журнала за тот же год А. Георгиев писал о недавно открытом новом физическом эффекте — «свечении Черенкова», а заслуженный деятель науки и техники В. Охотников — об удивительной землеройной «подземной лодке» советского инженера А.И. Тре-

белёва, сконструированной по законам тогда еще не существовавшей бионики — с учетом того, как роет землю крот. Требелёв начал заниматься этим удивительным проектом в 1937 году, который для единомышленников троцкистки Сломницкой был лишь «годом репрессий и ГУЛАГа»...

В 1953 году в «ТМ» публикуется статья А. Штернфельда «Накануне космического полета»...

Однако в те же годы получали оформление и развитие процессы и фигуры, для социализма потенциально разрушительные, созиданию враждебные.

ДА, НА РУБЕЖЕ 40-х и 50-х годов в стране шли очень разные процессы.

Кто-то упорно и сознательно трудился, обустривая в первую голову державу, а уж потом — по мере того как держава крепла и богатела — обустривая и свою житейскую жизнь.

А кто-то стремился «урвать» свое и пускался для этого во все тяжкие...

Кто-то заботливо лелеял свое ущемленное самолюбие, а кто-то и озлоблялся из-за той бедности, которая все еще выглядела из многих углов. И озлоблялся сразу на социализм, на Сталина.

Кто-то не мог забыть того недостатка, который увидел в даже разрушенной Германии, не понимая при этом, что этот недостаток был достигнут в результате такого тщательного труда, к которому в России массового вкуса всегда не хватало.

Война, с одной стороны, лишила страну миллионов прекрасных людей, увлеченно занятых социалистическим созиданием науки, индустрии, сельского хозяйства, культуры и вообще новой жизни — новой в большом и малом.

С другой стороны, война вынесла в жизнь немало муты... Не развивая эту мысль, я приведу несколько документов, и тогда, возможно, читателю станет понятнее, что автор имеет в виду.

Скажем, еще 27 сентября 1944 года нарком внутренних дел Берия подписал совершенно секретное спецсообщение №1030/б. Я привожу его полностью:

«ГОКО — товарищу СТАЛИНУ И.В.
СНК СССР — товарищу МОЛОТОВУ В.М.».
ЦК ВКП — товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

С 25 августа по 4 сентября с.г. в районы Минска, Борисова, Орши, Барановичи и Невеля и на территорию Смоленской области были выброшены группы немецких парашютистов-диверсантов, состоящие из подростков в возрасте от 8 (восьми. — С.К.) до 15 лет.

Из числа выброшенных задержано 22 человека.

По показаниям задержанных, в 1943 году в гор. Конино (Польша) и в гор. Гамбурге немцы организовали диверсионные школы для подростков, взятых из детских домов гг. Орша, Минска, Ярцево и Орел.

В школе преподавались топография, подрывное дело и тактика перехода через линию фронта.

После окончания школы подростки были брошены в наш тыл с задачей подрыва паровозов.

У задержанных изъяты брикеты взрывчатки, имеющие форму и цвет каменного угля, выданные им для подбрасывания в тендеры.

Розыск остальных парашютистов продолжается.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия».

Не знаю, как читателя, а меня этот документ ошеломил. Но по здравом размышлении я не мог не отдать должное изобретательности и сметке абвера. Идея была явно неплоха. Попавшихся сопляков никто, конечно, не расстреливал. Кто-то был направлен в детские дома, кто-то — в лагеря. В 1950 году старшим из них уже исполнялось двадцать лет, младшим — четырнадцать. Даже у младших возраст — комсомольский. Но что было в душе у этих граждан Советского Союза?

К слову, уже в путинской «России» широким экраном прошел фильм «Сволочи», где ситуация была перевернута с точностью «до наоборот». Мол, это «иезуиты»-де Берии готовили в лагерях и засылали в немецкий тыл мальчишек-диверсантов. Я не знаю биографий авторов этого

фильма, но не исключая, что кто-то из них или входил в число тех, о ком Берия сообщал Сталину в 1944 году, или находится с ними в родстве, во всяком случае — духовном.

Вот еще документ — спецсообщение начальника ГУ контрразведки «Смерш» В.С. Абакумова Сталину № 551/А. Оно датировано 5 октября 1944 года и приводится здесь частично:

«...представляю протокол допроса арестованного ТИМОШЕНКО Афанасия Прокофьевича, являющегося племянником Маршала Советского Союза С.К. ТИМОШЕНКО.

ТИМОШЕНКО Афанасий сознался, что, проживая на оккупированной противником территории Одесской области, он некоторое время являлся пачальником районной полиции, а затем был завербован шефом румынской жандармерии ШТЕФАНЕСКУ, по заданию которого выявлял партизан, коммунистов и лиц, враждебно настроенных против оккупантов.

Незадолго до освобождения Одесской области... с ТИМОШЕНКО А.П. дважды встречался приезжавший из Бухареста офицер сигуранцы ДРАГУЛЕСКУ.

<...>

Кроме того, ТИМОШЕНКО А.П. рассказал, что вместе с ним на оккупированной противником территории находилась сестра Маршала ТИМОШЕНКО — КУЗЮМА А.К., которая... не подвергалась репрессиям со стороны оккупационных властей...

<...>

Характерно, что в мае с.г.... КУЗЮМА А.К. приезжала в Москву к С.К. ТИМОШЕНКО и гостила у него на даче. В период пребывания на даче С.К. ТИМОШЕНКО и КУЗЮМА вели между собой продолжительные беседы, специально выходя для этого из помещения, вследствие чего зафиксировать их разговоры оперативной техникой не удалось...»

Что мог после этого думать Сталин? Ведь Семен Константинович Тимошенко не повинился ему — вот, мол, товарищ Сталин, какая незадача с сестрой и племянником вышла... Подвели, мол, меня, но давайте уж не будем сечь повинную голову ...

5 января 1950 года тот же Абакумов, уже в качестве министра ГБ СССР, в спецсообщении № 6328/а спрашивает у Сталина разрешения арестовать двух Героев Советского Союза:

28-летний бывший военный комендант порта Сулин на Дунае, член партии, старший лейтенант М.А. Сысоев после увольнения из армии стал начальником отдела кадров Курского областного треста местной промышленности. И вот теперь изобличался как шпион.

Абакумов докладывал:

«Арестованный МГБ СССР и разоблаченный агент американской разведки ПЕТРОВ, бывш. командир батальона 7-й гвардейской армии Центральной группы войск, на допросе показал, что будучи связан по шпионской деятельности с американским разведчиком ФОКЛЕРОМ Альфредом, он с ведома последнего в 1947 году завербовал...СЫСОЕВА, с которым находился в близких отношениях и знал о его антисоветских настроениях.

Показания ПЕТРОВА... подтвердил арестованный... ФОКЛЕР.

Из показаний ПЕТРОВА и ФОКЛЕРА устанавливается, что СЫСОЕВ передал для американской разведки... сведения о дислокации на территории Венгрии ряда штабов, соединений и частей Советской Армии, а также Дунайской военной флотилии ... добыл и передал... документы с оттисками печати и штампа запасного полка Центральной группы войск...» и т.д.

Между прочим, Сысоев, как докладывал Абакумов, «будучи уволен из Советской Армии в запас и получив направление в Курскую область, пытался уклониться от выезда в СССР». И этот факт высвечивает Сысоева дополнительно. Не старше 23 лет он получает звезду Героя и

остается служить за границей — в Венгрии, в Румынии. Это тебе не разоренная Курская область. Но и дома здоровый парень предпочел канцелярский стол, явно получив сего за счет высокого звания — на кадровиков со «Звездочкой» тогда была своего рода мода.

Вторым в сообщении Абакумова фигурировал 57-летний член ВКП(б), генерал-майор танковых войск, бывший командующий бронетанковыми и механизированными войсками 3-й ударной армии Группы советских оккупационных войск в Германии Ф.Н. Рудкин. Этот «просто» держал камень за пазухой и против Сталина, и против социализма, в 1938 году исключался из партии за содействие в устройстве на работу брата жены, перебежчику из-за границы, позднее разоблаченному как шпион и расстрелянному.

Вообще-то белорус Филипп Рудкин, 1893 года рождения, уроженец деревни Черная Сосна Мстиславского района Могилевской области, имел богатую боевую биографию — с ней можно познакомиться в томе 2-м военного биографического словаря «Комкоры», изданного издательством «Кучково поле» в 2006 году.

С 1915 года Филипп служил рядовым в царской армии. В 1917 году выборный командир-комиссар 138-й пехотной дивизии; в Гражданскую комиссар отряда ВЧК, командир бригады ВЧК; с ноября 1926 года — начальник особой части ОГПУ в Москве, с ноября 1937 года начальник отдела вооружения войск НКВД Украины и Крыма.

Очевидно, история со свояком послужила причиной увольнения Рудкина на пенсию, но — по выслуге лет в РККА и органах ВЧК, ОГПУ, НКВД. С 1940 года он опять, впрочем, в кадрах НКВД, а затем — РККА, и с августа 1942 года командует 215-й и 179-й танковыми бригадами, став весной 1943 года Героем. С 11 июня 1943 года — командир 15-го танкового корпуса, вскоре преобразованного в 7-й гвардейский танковый корпус.

И вот тут произошел сбой: 6 августа 1943 года по ходатайству Военного совета 3-й гвардейской танковой армии Рудкина освобождают от должности «как не справляющегося с работой, не могущего руководить боем корпуса» и отправляют в Тамбов командовать танковым учебным лагерем. Похоже, хороший командир бригады оказался слаб как ком-

кор. Что ж, бывает... Тем более что с 11 января 1944 года Рудкин становится командиром 11 танкового корпуса, а заканчивает войну заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками 3-го Белорусского фронта.

Но «обида» не забылась, а травила душу. И отравила ее.

Не знаю, как там было с Сысоевым, а Рудкина всего лишь перевели из Германии в Южно-Уральский военный округ и в 1952 году отправили в отставку. Якобы «кровожадный» Сталин и здесь проявил к провинившемуся максимально возможную терпимость.

Увы, генерал Рудкин был одним из не таких уж немногих. Созданные и поднятые Советской властью, окрепшей под руководством не кого-то вообще, а именно Сталина, эти люди теперь ворчали на Советскую власть и кусали Сталина, а фактически — кусали руки Родины-матери. Продукт новой, величественной в своих дерзаниях эпохи, они жили внутренней своей жизнью по старым, мещанским законам. Внешне благополучные и преуспевающие, внутренне они были уже гнилы.

Они тоже не любили Сталина и тоже были бы рады его смерти. Открывающей для них, как им казалось, новые жизненные и карьерные горизонты.

Вот генерал-лейтенант Осликовский... 10 апреля 1951 года министр ГБ Абакумов направляет Сталину совершенно секретную записку №7710/а об этом генерале, где предлагает перевести его с должности начальника Высшей кавалерийской школы «в один из внутренних военных округов, где за ним будет установлено чекистское наблюдение».

Увы, основания к тому были, что ясно следовало из прилагасмых к записке материалов. Я, уважаемый читатель, приведу из них обширную цитату, ибо одной ее, если вдуматься, достаточно, чтобы после здравых размышлений на вопрос: «Был ли возможен *многослойный* гнусный заговор против Сталина к началу 50-х годов?» ответить утвердительно и на том книгу закончить.

Абакумов докладывал:

«...генерал-лейтенант ОСЛИКОВСКИЙ Н.С. — разложившийся в моральном отношении человек и проявляет враждебные партии и Советскому правительству настрояния.

МГБ СССР в последнее время за антисоветскую деятельность арестован ряд лиц еврейской национальности, которые были тесно связаны с ОСЛИКОВСКИМ, в частности АМСТИСЛАВСКИЙ М.А. — бывш. заместитель директора 1-го Московского медицинского института по административно-хозяйственной части и его двоюродные братья: АМСТИСЛАВСКИЙ Ф.С. — бывш. заместитель председателя Всероссийского товарищества художников-графиков и АМСТИСЛАВСКИЙ А.С. — бывш. заместитель директора института эпидемиологии и микробиологии по административно-хозяйственной части.

АМСТИСЛАВСКИЙ М.А., с которым ОСЛИКОВСКИЙ был особенно близок, показал на допросе, что ОСЛИКОВСКИЙ часто посещал его квартиру, являющуюся местом сборищ враждебно настроенных и морально разложившихся лиц, и участвовал в происходивших там пьянках и оргиях... В указанных сборищах принимали участие и писатели братья ТУР (ТУБЕЛЬСКИЙ Л.Д. и РЫЖЕЙ П.Л.), которые близко связаны с ОСЛИКОВСКИМ еще с периода Отечественной войны. ...ОСЛИКОВСКИЙ, используя свои права командира корпуса, данные ему во время войны, награждал братьев ТУР орденами Красной Звезды.

Касаясь своих отношений с братьями ТУР, ОСЛИКОВСКИЙ говорил АМСТИСЛАВСКОМУ: «В их кругу я чувствую себя свободно, тем более что вино и женщины стали теперь целью моей жизни»...»

Николаю Сергеевичу Осликовскому в тот год исполнилось пятьдесят один — видный мужчина во цвете лет, боевой (да еще какой боевой!) генерал, лихой конник с Гражданской войны, командир кавалерийского корпуса в Отечественную, с 29 мая 1945 года — Герой Советского Союза. С июля 1947 года — начальник Высшей Краснознаменной офицерской кавалерийской школы им. С.М. Буденного.

По национальности украинец — из еврейского местечка Летичев на Украине, он в Гражданскую организовал Летичевский партизанский конный отряд, да так и поехал на боевом коне в громкую боевую биографию. Но был рубака горяч, срывался, да и «радостей жизни» был не чужд. В июне 1938 года его уволили из РККА в запас по статье 43, пункт «б», а если конкретнее — за растрату государственных средств в сумме 70-тысяч рублей. Всего лишь уволили, в 1938 (тридцать восьмом) году! Но с началом войны он вернулся в строй, славно воевал. А в августе 1946 года его отстранили от должности командира 3-го гвардейского кавалерийского корпуса за сокрытие и присвоение трофейного имущества, и парткомиссия Прикарпатского военного округа исключила Осликовского из партии как перерожденца. Впрочем, он был направлен в распоряжение Главнокомандующего Сухопутными войсками, в 1947 году решением Партийной комиссии Главного Политуправления Советской Армии был восстановлен в партии с объявлением строгого выговора и получил назначение в Высшую кавшколу. Хорошие у него были, похоже, покровители.

Вообще-то натура генерала из уже сказанного выше для любого умудренного (но — умудренного, а не просто отягощенного) житейским опытом человека должна быть ясна. Однако я приведу, для полной ясности, и еще кое-что из записки Абакумова:

«Характерно, что ОСЛИКОВСКИЙ с удовольствием показывал АМСТИСЛАВСКОМУ и другим своим близким связям имеющиеся у него с периода Отечественной войны фотографии, где он снят в обществе американских и английских генералов, причем ОСЛИКОВСКИЙ заявлял, что эти фотоснимки напоминают ему счастливые минуты в жизни. Особенно с большим восторгом ОСЛИКОВСКИЙ в беседе с АМСТИСЛАВСКИМ вспоминал о том, как в 1945 году в Германии в бытность его командиром 3-го гвардейского кавалерийского корпуса ему был вручен английский орден фельдмаршала МОНТГОМЕРИ, которого он всячески восхвалял и восторгался его полководческими талантами...»

Зачем «братья» Тур и братья Амстиславские поили, кормили и ублажали Осликовского — сказать трудно. Может, просто были рады, что имеют своего «свадебного генерала»... Но, скорее всего, они имели на него и более серьезные виды... И явно не только они.

Во всяком случае, при Осликовском — с его полного одобрения и при его участии поносили и Сталина (куда ему до Монтгомери!), и Советскую власть, и партию, и ловко выуживали из него вполне закрытую (да еще какую закрытую!) информацию...

А Осликовский все им жаловался, что «его, как военного специалиста затирают и замалчивают его заслуги». И, как было сказано в записке Абакумова, «в связи с этим... выражал свое озлобление...». Причем Абакумов же сообщал, что Осликовский проходил «по показаниям осужденного к расстрелу в 1938 году участника антисоветской военной организации ШЕЙДЕМАНА Е.С. — бывш. начальника Тамбовского кавалерийского училища, как его сообщник по вражеской деятельности»...

Решение Сталина по записке Абакумова мне неизвестно. Известно мне лишь то, что Осликовский не арестовывался, а с апреля 1953 года числился в запасе. Умер в 1971 году.

Да, война подняла много мути, и часть ее после войны так и не была отфильтрована. Напротив — деятельная ее часть так и осталась «на плаву» и процветала. Вот пример навскидку — данные Управления МГБ Крымской области о ряде арестованных в Крыму на рубеже 40-х и 50-х годов (из спецсообщения Сталину от 17 декабря 1949 года №6288/а):

«Агент американской разведки КАРПЕНКО В.А., 1925 года рождения, до ареста заведующая магазином в гор. Севастополе. В период Отечественной войны... являлась немецкой пособницей, ... бежала в Австрию, где впоследствии была завербована американской разведкой... и под видом репатриантки прибыла в Советский Союз.

Автор и распространитель антисоветских анонимных писем РУБЛЕВСКИЙ В.М., 1908 года рождения, член ВКП(б), до ареста начальник Севастопольской конторы связи...

Троцкист ШАГИН А.А., 1901 года рождения, член ВКП(б), до ареста преподаватель кафедры истории СССР Крымского пединститута...

Работавшие в немецком лагере смерти «Равенсбрюк», умерщвлявшие советских граждан путем впрыскивания ядовитых препаратов — ЧЕЧКО В.К., 1910 года рождения, врач симферопольской поликлиники, ФЕДЧЕНКО А.В., 1913 года рождения, врач областной тропической станции, КЛУГМАН М.А., 1907 года рождения, начальник медчасти туберкулезного госпиталя...

Изменник родине, комендант немецкого лагеря для советских граждан КАФАНОВ С.Е., 1906 года рождения, до ареста завхоз красневедческого музея...

Немецкий каратель ГЛУЩЕНКО Н.М., 1894 года рождения, до ареста зав. Бахчисарайской автостанцией...»

Фигуры типа Осликовского, братьев Тур и Амстиславских в Москве, фигуры типа троцкиста Шагина и карателя Глущенко в Крыму — вот каким был спектр системного заговора против Сталина и державы Сталина к началу 50-х годов. Он не был оформлен организационно, но он — был.

Осликовский и Глущенко никогда не знали друг друга, и во время войны первый без колебаний расстрелял бы второго вполне по внутреннему убеждению. Но скованы они были одной цепью — шкурной, антисталинской, а значит, и антисоветской.

А ВРЕМЕНА были вновь тревожными. 25 июня 1950 года началась война в Корее и вся внешнеполитическая обстановка очень быстро обострилась. Фактически впервые в истории Россия и США (не считая участия США в интервенции в Гражданскую войну) две державы вступили друг с другом в прямой военный, хотя юридически и не существовавший, конфликт.

На корейской войне нам, уважаемый читатель, пожалуй, стоит немного остановиться.

В августе 1945 года войска императорской Японии, на-

ходящиеся на территории Корейского полуострова к северу от 38-й параллели, сдались советским войскам, а находящиеся к югу — американским. Мы из Кореи ушли, США — нет. И в августе 1948 года Ли Сынман от имени 21 миллиона «южнокорейцев» провозгласил Республику Корея со столицей в Сеуле. И тогда в сентябре Ким Ир Сен объявил о создании девятимиллионной Корейской народной-демократической республики со столицей в Пхеньяне.

Кто начал наступление 25 июня 1950 года первым, сказать и сегодня сложно. Возможно, это была и Корейская Народная Армия — она явно превосходила южнокорейскую прежде всего по своему моральному духу, ибо Ли Сынман был, конечно же, марионеткой, а его режим, соответственно, — марионеточным. Однако не исключена и инициатива с Юга.

Так или иначе, сеульский режим рухнул мгновенно — 27 июня северяне вошли в Сеул. Но тут в дело вступил «Большой босс». Пользуясь послушным большинством в ООН, США еще 25 июня добились принятия резолюции с «осуждением агрессии». Теперь они провели новую нужную им резолюцию, и 7 июля генерал Дуглас Макартур был назначен командующим «войсками ООН» в Корее.

4 июля заместитель министра иностранных дел СССР Андрей Громыко заявил, что «корейцы имеют такое же право устроить по своему усмотрению свои внутренние национальные дела в области объединения Юга и Севера в единое национальное государство, какое имели и осуществили североамериканцы в 60-х годах прошлого века. Когда они объединили Север и Юг в единое государство». И подмечено тут все было верно — тогда ведь у янки тоже не обошлось без грома пушек.

Надо заметить, что летом 1950 года в составе Корейской Народной Армии не было ни китайских «добровольцев» в кавычках из КНР, ни «китайских» «добровольцев» в дважды кавычках из СССР. Тогда в КНДР были лишь немногие наши военные советники. И в итоге 19 октября янки вступили в Пхеньян, почти полностью оккупировав Корейский полуостров и выйдя к концу октября в ряде мест на корейско-китайскую границу.

Вот тут-то и пришла пора «добровольцев» обоих видов.

Вступил в стратегическое руководство той далекой войной и Сталин. Вступил как полководец. А полководцем он был гениальным.

После сокрушительных ударов янки в Корее Сталин направил 27 сентября 1950 года директиву Главному военному советнику при Главнокомандующем КНА генерал-лейтенанту В.Н. Разуваеву (с 29 ноября 1950 года он стал и послом СССР в КНДР) и тогдашнему послу генерал-полковнику Т.Ф. Штыкову. Эту обширную, точную и блестящую во всех отношениях директиву я могу привести, к сожалению, лишь частично — очень уж она велика. Но часть ее я приведу:

«ПХЕНЬЯН

МАТВЕЕВУ (псевдоним В.Н. Разуваева. — С.К.)

ШТЫКОВУ

Серьезная обстановка, сложившаяся в последние дни на фронте Корейской Народной Армии как в районе Сеула, так и на юго-востоке, в значительной степени является следствием допущенных крупных ошибок со стороны командования фронтом, командования армейских групп и войсковых соединений как в вопросах управления войсками, так и особенно в вопросах тактики их боевого применения.

В этих ошибках еще более повинны наши военные советники. Наши военные советники не добились точного и своевременного выполнения приказа Главкома о выводе с основного фронта в район Сеула четырех дивизий, тогда как полная возможность к этому в момент принятия решения была, ввиду этого было потеряно семь дней, что и принесло американцам под Сеулом большую тактическую выгоду...

<...>

Обращает на себя серьезное внимание неправильная и совершенно недопустимая тактика использования в бою танков. Танки в последнее время используются у вас в бою без предварительных

артиллерийских ударов с целью очистки поля боя для танков, ввиду чего наши танки очень легко сжигаются противником...

Обращает на себя внимание стратегическая малограмотность наших советников, а также их слепота в деле разведки. Они не поняли стратегического значения высадки противника в Чемульпо... Эта слепота и отсутствие стратегического опыта привели к тому, что необходимость переброски войск с юга в район Сеула была подвергнута сомнению, сама переброска растянута и замедлена... Исключительно слаба помощь наших военных советников корейскому командованию и в таких важнейших вопросах, как вопросы связи, управления войсками, организации разведки и ведения боя...»

Кто-то может сказать, что для Сталина Корейский театр военных действий после его руководства огромной войной был чем-то вроде детской песочницы. Но война есть война, тем более что в Корее шла серьезная и очень кровавая война. И Сталин изучал ход ее, судя по всему, не менее внимательно и тщательно, чем во время Великой Отечественной войны. И поэтому рекомендующая часть директивы была конкретна и обдуманна:

...В условиях создавшейся обстановки... нашим советникам необходимо добиваться:

1. Отвод главных сил производить под прикрытием сильных арьергардов, выделяемых из дивизий, ...во главе арьергардов поставить опытных боевых командиров, арьергарды усиливать войсковой и прежде всего противотанковой артиллерией, саперными войсками. А где имеется возможность, и танками.

2. Арьергарды обязаны вести бой от рубежа к рубежу, ...используя для этого мины и подручные средства.

3. Главные силы дивизий по возможности вести не разрозненными группами, а компактно, в готовности пробивать себе дорогу боем.

4. Танки использовать только совместно с пехотой и после предварительных артиллерийских ударов.

5. Теснины, мосты. Переправы, перевалы через

хребты и важные узлы дорог на пути движения главных сил следует стремиться занимать и удерживать их до прохода главных сил высылаемыми вперед отрядами.

<...>

7. При организации обороны на рубежах следует избегать растягивания всех сил по фронту, а прочно прикрывать основные направления и создавать сильные резервы для активных действий.

<...>

О принятых мерах донести.

ФЫН СИ.»

«Фын Си» было условной подписью, «корейским» псевдонимом Сталина. И этот главный «китайский доброволец» Советского Союза ориентировал далеких товарищей по оружию на жесткое, умелое сопротивление и на такой отход, который стоил бы врагу не меньше, чем наше наступление.

1 октября он направляет нашему послу в Пекин шифровку за подписью «Филиппов» — «для немедленной передачи МАО ЦЗЭДУНУ или ЧЖОУ ЭНЬЛАЮ».

В ней Сталин писал, что «по поступившим ко мне сегодня сведениям... я вижу, что положение у корейских товарищей становится отчаянным». Сталин просил оказать корейцам помощь, «немедля двинуть к 38-й параллели хотя бы пять-шесть дивизий...». При этом он замечал, что «китайские дивизии могли бы фигурировать как добровольные, конечно, с китайским командованием во главе».

2 октября Мао Цзэдун ответил уклончиво, предлагая «перетерпеть, войска не выдвигать, активно готовить силы». А Корея, мол, «временно перенесла поражение, изменит форму борьбы на партизанскую войну».

Однако вскоре стало ясно, что если США прочно займут весь Корейский полуостров, то он быстро превратится в удобный плацдарм для дальнейшей агрессии «войск ООН» против КНР. Ведь законным главой Китая для янки и «голубых касок» был Чан Кайши на Тайване.

И 25 октября 1950 года китайские войска провели мощное контрнаступление, «голубые каски» были отброшены далеко назад. А в первый день 1951 года началось успешное

наступление уже северян. Сеул вновь был занят, но 15 марта вновь отвоеван Макартуром.

Так началась трехлетняя война, которую вели под флагом ООН янки, закамуфлированные «для приличия» англичанами, австралийцами, канадцами, французами, тайландцами, голландцами, турками, греками, колумбийцами, бельгийцами, датчанами, норвежцами, филиппинцами и даже люксембуржцами и эфиопами. Впрочем, самое убойное «пушечное мясо» — сухопутные войска — было американским лишь наполовину. Основная нагрузка здесь легла на плечи самих корейцев-южан.

Советский Союз поставлял в КНР и КНДР военную технику и многое из того, что требуется для ведения современной войны, но непосредственно в боевых действиях участвовали только летчики 4-го истребительного авиационного корпуса. Подчеркну — истребительного! Мы не бомбили даже Южную Корею, мы защищали Китай и Северную Корею от американских бомбежек.

Собственно, первый самолет США — В-25 был сбит советскими летчиками над Черным морем в районе Одессы еще осенью 1949 года. А 8 апреля 1950 года недалеко от военно-морской базы Лиеная был сбит разведчик РВ4У «Прайветир» морской авиации США. Сбивали наши летчики американские самолеты до Корейской войны и над Китаем — там дислоцировались советские 351-й и 29-й гвардейский авиаполки, воевавшие против сил Чан Кайши.

А в Корейской войне первый F-51 сбил 1 ноября 1950 года лейтенант Чиж из 72-го гвардейского авиаполка. Всего же таких побед на счету двадцати семи советских авиаполков, воевавших в Корее, было более тысячи — около 1100.

Николай Сутягин имел двадцать одну победу, Евгений Пепеляев — двадцать, а Александр Сморгчов, Серафим Субботин и Лев Щукин — по пятнадцать. Все они стали Героями Советского Союза.

Суммарные боевые наши потери составили 299 человек (138 офицеров и 161 сержантов и рядовых). Из них — 120 летчиков.

Американцев же было убито 54 246 и ранено 103 284 человек. И уже из сопоставления цифр потерь ясно, что двигателем этой войны были именно США. Не добившись ре-

шительной победы, не сумев уничтожить КНДР и погрозив применением атомного оружия, они все же добились сохранения разделенной Кореи.

Причем это была со стороны янки зверская война. Вот ее частичная статистика: суммарные потери китайцев — около миллиона человек, корейцев — 9 (девять) миллионов человек, из них 84% — мирные жители.

Как видим, ради «отбрасывания коммунизма» Вашингтон без колебаний пошел на геноцид, оставляющий в относительном исчислении далеко позади нацистский.

И уж пойти — ради того же «отбрасывания» — на убийство одного человека элита США была готова тем более. Вот только добраться до него — я имею в виду, конечно, Сталина, было крайне сложно. Но добраться, безусловно, хотелось. Ведь Сталин руководил той главной страной, которая уже на всей планете противодействовала соединенной силе Золотого Интернационала и «голубых касок».

ВОЙНА в Корее при жизни Сталина так и не закончилась. Но здесь, в России, уже семь лет как царил мир — лишь по глухим лесам и в подполье еще сжимали в руках автоматы и топоры националисты: бандеровцы, литовские «лесные братья»...

Шел уже 1952 год, страна продолжала строить себя заново. И даже недавнее прошлое уже отходило на второй план. Сегодня в общественный оборот, среди множества других инсинуаций о тех годах, запущена и ложь о якобы отмене Сталиным празднования Дня Победы. Мол, он-де заявил, что нечего праздновать, надо работать...

Но вот передо мной старый номер «Литературной газеты» от четверга 8 мая 1952 года. На первой полосе помещена статья секретаря Московской писательской организации генерал-лейтенанта Московского «Праздник Победы». Тут же — статья М. Семенова «Героика народной борьбы» и начинается она так: «Завтра у нашего народа большой праздник — день Победы»...

Да, День Победы оставался великим праздником. Однако Победа 45-го уже действительно становилась историей.

И думать надо было о будущем.

Глава восьмая

ВЕСНА 1952 ГОДА.

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА»...

Полный мир героев вместо
целого мира глупцов,
в котором ни один доблестный король
не может царствовать, —
вот чего мы добиваемся!..
Отбросим всё низкое и лживое.
Тогда мы будем надеяться,
что нами будет управлять
благородство и правда...

Томас Карлейль,
английский философ

В 1950 ГОДУ американского художника Рокуэлла Кента, который приехал в Париж на очередную встречу сторонников движения за мир, неожиданно для него пригласили в Москву. В своей автобиографической книге «Это я, Господи!» он пишет об этом так:

«...Москва! Эта сказочная столица запретной страны! ...И если мы хотим мира, то где нам еще его отстаивать, как не в главной цитадели его врагов, каковым будто бы является этот город? Итак, мы летим в Москву...

Москва предстала предо мной великим городом, полным людей, людей хорошо одетых и активно участвующих в общенародной борьбе за мир. Я увидел самый чистый город в мире, даже более чистый, чем Стокгольм и Копенгаген...

Каждый вечер нас водили в оперу, балет, в театр или кино. В залах было многолюдно. Никто из публики не выделялся настолько, чтобы его можно было назвать богатым или бедным...»

«Записной» «демократ» презрительно сморщит нос: «Лакировка! Да от него агенты НКВД не отходили». Но я должен его разочаровать, потому что далее Кент написал вот что:

«Однажды ночью, возвращаясь домой, я заблудился. В поисках милиционера, который указал бы мне дорогу, я прошел бесчисленное множество московских кварталов. Так и не встретив ни одного милиционера, я вынужден был обратиться к прохожему, оказавшемуся весьма дружелюбным»...

Это — свидетельство о России начала 50-х годов с Запада, принадлежащее человеку, который приехал в послевоенную Россию, считая ее своим врагом, но уехал из России ее другом.

А вот свидетельство с Запада, принадлежащее человеку, который прислуживал в России во время войны на танке и который так и остался ее врагом. Я имею в виду генерал-майора вермахта Фридриха Вильгельма фон Меллентина, книга которого «Panzer battles 1939—1945» («Танковые сражения 1939—1945 гг. ») вышла в свет в Лондоне в 1956 году и в 1957 году была издана у нас:

«...Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского все больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растет...»

Фон Меллентин умел анализировать, и поэтому он ухватил ключевую черту в облике новой России — постоянно растущий уровень образования самых широких масс. Этот уровень поражал немцев в русских уже во время войны, и уже во время войны он был хорош настолько, что, сталкиваясь на оккупированных территориях или в самой Германии с советскими рабочими, немцы лишь удивлялись их умению — в отличие от самих немцев — мыслить широко.

Был, впрочем, и в России человек, который лучше многих других понимал, как важно обеспечить не просто неплохое образование для молодых поколений в Советском Союзе, но привить им дух той единственно прочной свобо-

ды, которую может обрести лишь всесторонне развитая личность.

Человеком этим, остро понимающим суть эпохи и улавливающим ее «нерв», был, конечно, Сталин. Причем свои мысли на сей счет он изложил вполне определенно, внятно и публично. А было это так...

Накануне открытия первого послевоенного съезда ВКП(б) — XIX, разговор о котором у нас еще будет, в №278 (12480) «Правды» за 4 октября 1952 года на двух с половиной полосах, начиная со второй, были впервые опубликованы знаменитые сталинские «Экономические проблемы социализма». И в том же номере «Правды» на первой полосе в передовице «За новые победы коммунизма!» говорилось о «новом классическом труде товарища И.В. Сталина».

Эта небольшая по объему работа оказалась действительно классической во многих отношениях, в том числе и потому, что была в СССР «классически» проигнорирована почти сразу же после смерти Сталина. А ведь в этой работе были скрыты как возможный триумф социализма, так и его возможный крах.

Триумф — в том случае, если бы идеи Сталина стали для страны рабочими, действующими. Крах — если бы потенциал этих идей потихоньку «спустили на тормозах». Произошло второе, в силу чего крах социализма стал возможным, а потом и реализовался.

Формально это были ответы участникам дискуссии по экономическим вопросам, начатой в апреле 1950 года в связи с разработкой проекта учебника политической экономии. Причем сам факт такой дискуссии и ее тон опровергают миф об СССР как об интеллектуальной пустыне, где одно светило — Сталин. Участники дискуссии — она была закрытой, по многим принципиальным вопросам высказывали несогласие со Сталиным, хотя последующая история страны доказала их неправоту. Однако значение «Экономических проблем социализма» вышло далеко за рамки текущей дискуссии — по сути, они стали политическим завещанием Сталина потомкам. Так, увы, и не понятым...

Полный, развернутый анализ этой последней сталинской работы в мои задачи сейчас, конечно, не входит. Но остановиться на ней я останавлиюсь...

ЗАДАЧУ написания популярного учебника политэкономии поставил сам Сталин, и необходимость его он объяснял так:

«Дело в том, что к нам, как руководящему ядру, каждый год подходят тысячи молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточного марксистского образования и... вынуждены блуждать в потемках. Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя, и они начинают воображать, что Советская власть «все может», что ей «все нипочем», что она... может сформировать новые законы (имелись в виду экономические законы. — С.К.)... Я думаю, что систематическое повторение так называемых «общеизвестных» истин, терпеливое их разъяснение является одним из лучших средств марксистского воспитания...

<...>

Нужен учебник, который мог бы служить настольной книгой революционной молодежи не только внутри страны, но и за рубежом».

Итак, работа вождя СССР была прямо обращена прежде всего к молодым. И если говорить о ее главной, магистральной идее, то она заключалась в том, что основные экономические проблемы социализма не являются чисто экономическими, потому что лежат в сфере не столько производства, сколько в сфере нравственной, мировоззренческой.

Сталин раз за разом проводил мысль, что для того, чтобы решить основные экономические проблемы социализма и построить развитое социалистическое, а затем и коммунистическое общество, советской молодежи необходимо, используя уже мощную материальную базу реального социализма, построить себя как новую общность развитых и образованных людей. А уж эта мощная молодая сила, которой не будет преград на море и на суше, сможет стать примером для молодежи всего мира.

Я еще проиллюстрирую сказанное примерами из работы Сталина, а пока скажу, что она состояла из четырех частей, датированных 1 февраля, 21 апреля, 22 мая и 28 сентября 1952 года: «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года», «Ответ т-щу Ноткину Александру Ильичу», «Об ошибках т. Ярошенко Л.Д.» и «Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.».

Можно предполагать, что окончательно Сталин утвердился в том, о чем писал в «Экономических проблемах», к осени 1952 года — что и подтверждается временем их опубликования накануне XIX съезда. Вряд ли он стал бы затягивать с публикацией этой работы, если бы она была готова значительно раньше. Датировка же первой части позволяет думать, что итоги ноябрьской дискуссии Сталин начал изучать еще в «отпуске», который длился в 1951 году с 10 августа по 22 декабря.

После отпуска появились вначале «Замечания...», а затем — когда с ними ознакомились участники дискуссии и высказали свои (!) замечания на «Замечания...» Сталина, последний написал и три остальные части. При этом то, что формально они адресовались конкретным людям, ничего не значило. Вряд ли вопросы Ноткина, жалобы Ярошенко на то, что его «затирают», статьи Саниной и Венжера были для Сталина истинной отправной точкой для его размышлений. Он просто воспользовался формой, удобной во всех отношениях. К тому же формой тактичной — он не громил, а вел разговор в стиле публичной научной дискуссии, приглашая к ней тем самым и всех остальных.

Пожалуй, одной из главных мыслей Сталина, которую умные политики-марксисты, то есть — большевики, должны были взять за основу дальнейшей практической работы по строительству державы, была мысль о том, что экономические общественные законы в те периоды, пока они действуют, так же незыблемы, как законы природы! А незыблемы они потому, что отражают объективные процессы, происходящие независимо от воли людей в обществе, так же как законы природы отражают объективные процессы, происходящие независимо от воли людей в природе. Особенность же законов политической экономии состоит в том, писал Сталин, что «ее законы, в отличие от зако-

нов естествознания, недолговечны», что они «действуют в течение определенного исторического периода, после чего... уступают место новым законам».

Но пока они действуют, их не обойдешь и не отменишь — как это можно делать с законами юридическими, преждем Сталин.

Сталин, между прочим, сформулировал (абсолютно точно!) основной экономический закон как капитализма, так и социализма:

«Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом (заметим, насколько Сталин аккуратен в формулировании мысли, что характерно лишь для истинных ученых. — С.К.): обеспечение максимальной капиталистической **прибыли** (выделение здесь и далее везде мое. — С.К.) путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления **и систематического ограбления** народов других стран, особенно отсталых, наконец, путем войн и **милитаризации народного хозяйства**, используемых для обеспечения паивысших прибылей.

<...>

Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и **культурных** потребностей всего общества путем **непрерывного** роста и совершенствования социалистического производства **на базе высшей техники**».

И вот тут я попрошу читателя потрудиться немного больше, чем до этого, потому что какое-то время ему придется иметь дело в основном не с фактами, сообщаемыми автором, а с его аргументами — надеюсь, в той или иной мере убедительными. И уважаемому читателю придется вместе с автором порассуждать...

Итак...

Сталин в основных идеях своей последней работы был гениально точен, и лично я понял это полностью, лишь работая над данной главой своей книги! Повторю еще раз: он четко заявил, что законы общества так же пезыблемы — пока действуют, как и законы природы. Но что из этого следует?

А то, что при их игнорировании общественные экономические законы мстят их нарушителям так же жестоко, как и законы природы. Можно игнорировать закон всемирного тяготения и бездумно шагнуть в пропасть. Но итог будет однозначным.

Что ж, посмотрим на основные законы капитализма и социализма — по Сталину...

На чем — по Сталину — базируется основной закон капитализма? На потребности производить прибыль. И — ничего более. Иными словами, капитализм базируется на жадности, на принципе: «глаза завидующие, руки загребущие!» Удачливые капиталисты не раз в минуты откровенности признавались, что они и сами не знают, зачем множат капитал, и объясняли свое поведение тем, что капитал не может не производить капитал.

То есть не производство счастья для населения Планеты, а производство капитала ради капитала — вот основной экономический закон капитализма. Это, между прочим, подтвердил однажды и один из президентов фирмы «Дженерал Моторс», заявив, что заблуждение-де считать, что его фирма производит автомобили, она производит **прибыль**.

Это было сказано уже после смерти Сталина. Так же, как уже после смерти Сталина президент США Эйзенхауэр публично предупредил об опасности милитаризованной экономики в США и ввел в оборот общеупотребительное понятие «военно-промышленный комплекс». Однако впервые о ВПК как угрозе для человечества сказал, как видим, Сталин!

До тех пор, пока существует капитализм, действует и его основной экономический закон. Его нельзя отменить, как нельзя отменить закон всемирного тяготения или законы Ома. И пока он действует, двигателем капиталистической экономики является **жадность**! Можно утверждать и

обратное: пока обществом правит жадность, это общество может быть лишь капиталистическим!

Свойственна ли жадность человеку изначально? В определенной мере — да. В какой же? Да в той, в какой в человеке присутствует зверь. И частнособственническое общество еще на стадии Древнего Рима провозгласило: «*Homo homini lupus est*» — «Человек человеку волк». Правда, эти слова принадлежали знаменитому древнеримскому поэту-комедиографу Титу Макцию Плавту, но мир нормативной жадности возвел их в свой принцип всерьез.

Хищный зверь может быть в какие-то моменты ласковым, благодушным и чуть ли не великодушным. Однако он не может, в конечном счете, не убивать — иначе он не сможет жить. Капитализм может иметь в каких-то своих чертах вполне человеческое лицо. Однако он не может, в конечном счете, не основываться на жадности — иначе он тоже не сможет жить, существовать.

То есть капитализм не может не низводить человека — в конечном счете — до уровня зверя. Ничего другого капитализм предложить человечеству не может — в соответствии со своим основным экономическим законом, который до тех пор, пока существует капитализм, незыблем в капиталистическом обществе так же, как незыблемы в мире законы Ньютона.

Два слова насчет обнищания... Один из идеологов глобализации, нобелевский лауреат 2001 года по экономике Джозеф Штиглиц, давно признал, что по мере роста глобализации основная масса населения Земли не богатеет, а нищает все больше и живет на сумму менее двух долларов в день. Причем эта доля нищающих по мере усиления глобализации увеличивается.

Как «честный» классический буржуазный либерал, Штиглиц, бывший вице-президент Всемирного банка, в своей книге «Глобализация. Тревожные тенденции» пытается найти человеческий вариант глобализации, но марксист Сталин уже в 1952 году внятно разъяснил, что это невозможно в принципе, потому что это противоречит основному экономическому закону капитализма, который невозможно отменить или изменить, пока существует капитализм.

Но существуют ли в человеке силы более мощные, чем жадность? Да, существуют — в той мере, в какой человек преодолел в себе зверя и воспитал в себе человека. Однако капитализм не может воспитывать людей, он воспитывает — в конечном счете — зверей в человеческом облике.

А КАК там с социализмом, с его основным экономическим законом? Напомню, что по Сталину он состоит в обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и **культурных** потребностей всего общества путем **непрерывного** роста и совершенствования социалистического производства **на базе высшей техники**.

Это ведь тоже не чье-то желание или прихоть — это объективный закон, который невозможно обойти до тех пор, пока существует социализм. И пока этот закон действует, социалистическое общество — в полном соответствии с ним — развивается как социалистическое общество. То есть в нем увеличивается недостаток для всего общества — пусть не для всех сразуnamного, но **непрерывно и для всех**, кто трудится. Причем увеличивается не на базе ограбления кого-то (например, на базе сырьевого ограбления собственных внуков и правнуков, как это происходит сейчас в «России»), а на базе непрерывного роста и совершенствования **производства**. И в таком обществе увеличивается число развитых его членов, которые все более успешно используют «высшую технику».

По крайней мере, со второй половины тридцатых годов до конца пятидесятых годов в СССР так и было. Было так какое-то время и позднее — по инерции.

В конечном счете, в соответствии со своим основным экономическим законом, социализм производит счастье — для всех. Точнее — для всех, кто трудится или потрудился. И основной закон социализма — пока существует социализм, нельзя ни отменить, ни изменить!

А что можно?

Можно его игнорировать, но лишь так, как слепец, идя к пропасти, не принимает в расчет закон тяготения. Подобными слепцами и глупцами и оказались референты и «ученые» времен Хрущева, Брежнева, Горбачева, не говоря уже о самих Хрущеве, Брежнев и Горбачеве и их «политбюрах»...

Под референтами я здесь имею в виду не тех, кого надо числить по ведомству «агентов влияния», а тех недоучек, которые в молодости втихомолку посмеивались на занятиях по изучению «Экономических проблем», а после смерти Сталина тут же высокомерно от них отвернулись.

«Агенты влияния» — а их, как читатель, надеюсь, уже понял, даже в СССР Сталина хватало, — лишь подталкивали этих невежд и их «шефов» в нужном направлении, к пропасти. И эти невежды почти сразу после 1953 года стали все более пагло и глупо игнорировать основной экономический закон социализма, начиная с авантюры целины, с передачи сельскохозяйственной техники колхозам — что Сталин считал гибельным для развития сельского хозяйства, и продолжая формальным отношением к всестороннему образованию молодежи и к внедрению в нашу жизнь «высшей техники». Я еще об этом скажу позднее...

Если капитализм будет игнорировать свой основной закон и прекратит ставить во главу угла прибыль, он не сможет существовать как капитализм и превратится в свою противоположность — в социализм. Но и социализм, если будет игнорировать свой основной закон и прекратит ставить во главу угла потребности всесторонне развитого человека, тоже не сможет существовать, как социализм, и превратится в свою противоположность — в капитализм.

Вот один из главных выводов, к которому подводит вдумчивый анализ последней сталинской работы и который полностью подтвержден процессами в СССР, начавшимися почти сразу после смерти Сталина.

Но это еще не всё...

КАПИТАЛИЗМ невозможен без того, чтобы поощрять в человеке зверя. Но так же и социализм невозможен без непрерывного, постоянного поощрения и воспитания в человеке человека.

Ленин в первые же годы Советской власти, обращаясь к молодежи, предупредил ее, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Сталин же, как истинный ученик Ленина, развил эту мысль в «Экономических проблемах социализма» так:

«Необходимо добиться такого культурного роста общества, который обеспечил бы всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития...

Итак, образование народных масс виделось Сталину не просто средством обеспечения экономического процветания, а прежде всего средством создания интеллектуально и социально активного общества, которое было бы кошмарным для любого бюрократа, начальственного самодура и тирана!

Сказал Сталин и так:

Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день, по крайней мере, до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далес, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, — как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления».

То есть Сталин был **единственным** в мировой истории главой государства, который **практически** ставил грандиозные социальные задачи, условием (а не следствием) выполнения которых был пяти(!)часовой рабочий день!

Причем он прекрасно понимал, что реальная жизнь

полна противоречий, но сам же убеждал страну, что «при правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность», а затем, будучи главой государства, уже прямо указывал:

«...Нужно пройти ряд этапов экономического **и культурного перевоспитания** (не принуждения, а перевоспитания! — С.К.) общества, в течение которых труд из средства только поддержания жизни будет превращен **в глазах общества** в первую жизненную потребность, а общественная собственность — **в незыблемую и неприкосновенную основу существования** общества...»

...Задача руководящих органов состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и **вовремя** принять меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил...»

«Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму, — заключал Сталин. — Только после выполнения **всех** (выделение Сталина. — С.К.) этих предварительных условий, вместе взятых, можно будет надеяться, что труд будет превращен в глазах общества из обузы «в первую жизненную потребность» (Маркс), что «труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (Энгельс)...»

«Но ведь социализм рухнул», — возразит мне читатель.

«Да, — отвечаю я, — рухнул. Потому что он не мог не рухнуть в условиях, когда все советское общество упорно, десятилетиями, начиная особенно с середины шестидесятых годов, игнорировало основной **экономический** закон социализма, сформулированный Сталиным». Если вспомнить бессмертную «Кавказскую пленницу», то можно сказать, что «диагноз товарища Саахова» в данном конкретном районе не мог не подтвердиться, если товарищ Саахов руководил данным конкретным районом. Так и во всей стране — если ею руководили люди, пренебрегающие основным экономическим законом страны, а народные массы им не препятствовали, то могла ли эта страна не рухнуть в прощальную?

Вот она в пропасть и рухнула и пока еще не достигла ее дна.

А будет ведь больно.

Сразу замечу, что возможность не разбиться у нас есть — надо срочно выдернуть кольцо «парашюта», которым в России может быть лишь восстановленный в своих правах тот экономический общественный закон, действие которого воспитывает в человеке не зверя, а человека.

А все кажущиеся успехи современного капитализма? Что ж, они у всех на глазах, но многие из них можно увидеть лишь на экранах телевизоров. Недаром после краха ГДР кое-кто в Западной Германии признавался, что в ГДР победил не более совершенный общественный строй, а более совершенные телевизионные программы Запада. Ну, пускать пыль в глаза капитал учился не одну тысячу лет. И, надо признать, научился. А втихомолку он всю пользуется одним из наиболее впечатляющих достижений социализма, обеспеченных политикой Ленина и Сталина, той массой образованных, культурных специалистов, которых подготовила для капитализма лучшая в мире система высшего образования — советская...

Впрочем, в двух сферах она толковых специалистов уже давно не готовила: я имею в виду экономистов и историков. Лишний раз это можно понять, знакомясь с оценками «Экономических проблем», данными в 2005 году историком Юрием Жуковым. Касаясь этой сталинской работы, он пишет, что летом 1952 года, когда «узкое»-де руководство якобы «сотрясала борьба за лидерство», Сталин-де «неожиданно занялся сугубо теоретическими, чисто абстрактными вопросами...».

Итак, даже после всех бед, обрушенных на наши головы нашей собственной социальной глупостью и гражданской леностью, Юрий Жуков отзывается о работе Сталина фактически снисходительно. А ведь Жуков являет собой не только не худший, но один из самых лучших примеров современного профессионального историка! Он не понял многого в описываемой им эпохе Сталина, но он старается писать о ней честно и ввел в научный оборот немало интересных фактов и аргументов!

Но знание не всегда, увы, означает понимание.

А ВЕДЬ прежде всего своими «Экономическими проблемами» Сталин показал, насколько его волнует и беспокоит будущее социалистической России как общности людей, созидających людей, достойных ими называться.

И именно своими «Экономическими проблемами» Сталин показал, как чуждо ему самодовольство тирана.

Чего более всего боится тиран, деспот? Тут не может быть двух ответов — он более всего боится свободолюбивых людей. Тем более ему должна быть страшна свободолубивая масса. А массовое свободолюбие невозможно без массового фундаментального образования, к обеспечению которого — как к залогоу построения нового общества призывал Россию Сталин. Напомню, что он писал: «...нужно...ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии».

Вот это и есть суть подлинного Сталина.

А между тем и при его жизни, и сразу после его смерти, и уж тем более — в последние «россиянские» годы о Сталине часто писали как о «царе»... Намекали на его самоотжествление с Иваном Грозным, проводили и другие аналогии...

Этот подход к Сталину свойственен даже некоторым очень неплохим и неглупым книгам о Сталине... Так, во многих отношениях просто блестящие книги «сталинского» цикла Александра Бушкова называются «Ледяной трон», «Красный монарх».

Есть ли в том резон?

Казалось бы, да — есть... Вот, пожалуйста, цитата из статьи не раз поминавшегося мной Максимилиана Волошина «Россия распятая»:

«Социализм... сгущенно государственен по своему существу. Он неизбежной логикой вещей будет приведен к тому, что станет искать ее (точку опоры. — С.К.) в диктатуре, а после в цезаризме... Монархия с социальной программой не есть абсурд. Это политика Цезаря и Наполеона III... Все очень широкие демократические движения, ведущиеся в имперском и мировом масштабе, неизбежно ведут

к цезаризму... Я думаю, что тяжелая и кровавая судьба России на путях к Граду Невидимому проведет ее еще и сквозь социал-монархизм, который и станет ключом свода, возводимого теперешней Гражданской войной».

Это было написано в Крыму, в Коктебеле, 17 мая 1920 года. И кто-то, прочтя эти строки и помня книги того же Бушкова, может воскликнуть: «Надо же! Ну и Макс Волошин! Как в воду смотрел!»...

Но все это, уважаемый читатель, чепуха!

Сталин и цезаризм — это из «радзинской» области глубокой «философии» на мелком месте. Надеюсь, я сказал уже достаточно, чтобы читатель со мной согласился. И если уж сравнивать Сталина с кем-то из русских царей, то можно вспомнить Петра Великого с его державной мечтой образовать Россию, с его стремлением приобщить дворянских недорослей, да и вообще всех толковых русских людей к знанию.

Умница Петр понимал, что новой, мощной России без нового человека не построишь — даже царской, самодержавной. И это же — но неизмеримо более остро и глубоко — понимал Сталин, потому что он ставил задачу создания не просто новой могучей России, но такой России, в которой невозможен никакой деспотизм!

Впрочем, аналогия с Грозным тоже допустима, но не в том смысле, как это обычно делается — с намеком на большое внимание, уделенное Сталиным фильму «Иван Грозный». Этот фильм неумные люди рассматривают как заказанную Эйзенштейну самим Сталиным апологию тирании и террора, но так может понимать идею фильма лишь глупец или подлец. 26 февраля 1947 года Сталин в беседе с режиссером Сергеем Эйзенштейном и актером Николаем Черкасовым прямо пояснил: «Царь Иван был великий и мудрый правитель... Мудрость Ивана состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения... Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, допустив онемечивание России...»

«Иван Грозный» — это прежде всего фильм о том, как были заложены прочные основы национального государства. То есть государства, ставящего во главу жизни — на уровне эпохи — интересы деятельной части национального

общества, а не интересы космополитической по своей психологии знати, элиты, как вышло в загнившей со временем Польше. Но это так — к слову...

ВОЗВРАЩАЯСЬ же к раздумьям и тревогам Сталина в начале 50-х годов, надо сказать, что хотя после войны его волновало многое, в том числе и чисто экономические проблемы социализма, более всего его волновали нравственные проблемы социализма, этические проблемы социализма, цивилизационные его проблемы, наконец!

Он прекрасно понимал, что капитализм еще силен и что силен он не столько экономически — недостаток в умном обществе дело наживное, сколько силен тем, что апеллирует в человеке к зверю. А ломать — не строить... Провести оглушительный вечер в толпе под блики лазерных проекторов проще, чем увидеть в тиши библиотечного зала вдруг блеснувший для тебя луч знания и понимания.

В беседе с Александрой Коллонтай в 1939 году он предвидел, что в будущем «развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми»... Он это понимал и тревожился — кто победит в нарастающем столкновении старого и нового? Что победит?

О мире, наполненном героями вместо глупцов, о мире, в котором ни один — даже самый доблестный и справедливый — король не сможет царствовать, о мире, где людьми будут управлять благородство и правда, мечтали многие и до Сталина — тот же Карлейль. Но только Сталин и его страна, продолжая дело Ленина, подвели под эту мечту и реальную, созидательную идейную базу, и реальную материальную базу.

Да, база к началу 50-х годов была, и у нее были отличные перспективы развития. И тем не менее, а возможно, как раз поэтому Сталин тревожился. 10 ноября 1947 года в беседе с Юрием Ждановым он сказал: «Мало у нас в руководстве беспокойных... Есть такие люди: если им хорошо, то они думают, что и всем хорошо...»

Как же его уже за эти слова, за эти мысли и за дела, такими мыслями пробуждаемые, должны были ненавидеть все те, кому уже сейчас было хорошо — хоть в Москве, хоть

в Вашингтоне и Лондоне, хоть в уютной квартирке парижского раптье...

И как его должны были возненавидеть еще больше все умные враги России и социализма за его потенциально гибельную для врагов России и социализма работу, представленную для всеобщего ознакомления осенью 1952 года.

А Сталин старел. Накапливалась усталость — не только физическая, но, что было еще опаснее, психологическая. Физической смерти Сталин не мог страшиться так, как ее страшится обычный человек. Он ведь знал, что независимо от того, сбудется его прогноз развития ситуации, который он сделал в беседе с Коллонтай, или не сбудется, лично он давно обессмертил себя.

Но смог ли он гарантировать бессмертие и тому делу Ленина, продолжателем которого он стал? Обеспечена ли устойчивая историческая перспектива той державе, которая выросла на его глазах при его повседневном деятельнейшем участии и руководстве?

И есть ли кто-то, на кого можно положиться персонально? Сформировались ли тот узкий слой в высшем управлении и тот мощный пласт в народной толще, наличие которых только и способно развить социализм, демократию и все производительные силы России?

На кого положиться конкретно? Как заранее угадать — нет ли в человеке червоточины? Вот генерал Осликовский... Из бедняков, в Гражданскую — командир партизанских отрядов в Летичеве и Проскурове, командир эскадрона, храбро воевал с Деникиным и Врангелем... А потом — срыв... И вновь война, бои, храбрость... А после войны — вновь срыв. Испытание смертью человек выдержал не раз. Испытание жизнью — нет.

Михаил Ромм — облевившийся после войны «мэтр». Но он ведь когда-то в скудных условиях снял по Мопассану «Пышку», наизусть — кадр за кадром — выучивал «Бронспосец «Потемкин», «Мать», «Парижанку» Чаплина, списывал заметками сотни страниц, работал по пятнадцать часов, спал по пять... Снял «Тринадцать», снял «Ленин в Октябре» и много других отличных фильмов...

«Ленинградец» Алексей Кузнецов был сыном рабочего и сам в 1922 году, в семнадцать лет, начал как рабочий.

В девятнадцать стал секретарем Ореховского волостного комитета комсомола, а там пошло-поехало: инструктор укома, секретарь окружкома, райкома, с 1932 года — в двадцать семь лет, инструктор Ленинградского горкома партии, а в тридцать четыре года — уже член Центрального Комитета ВКП(б)!

Активная советская биография, и — тоже срыв!

А «ленинградец» Николай Вознесенский? Тоже блестящее начало и еще более блестящее продолжение, а потом — нарастающее чванство, самодовольство, и как итог — срыв.

Таковыми были не все, но таких было все же удручающе много... Это был результат не неких врожденных системных пороков социализма и не просчетов Сталина, а результат той многовековой азиатчины, которая за столетия самодержавия вьелась в душу народа слишком глубоко и сильно.

На кого же можно было надеяться без сомнений? Сталин не мог над этим не задумываться все чаще. И вывод был очевиден: на новую, образованную и свободную от «родимых пятен» капитализма советскую молодежь.

Это был, так сказать, общий вывод. Но из него могли последовать уже конкретные действия Сталина по изменению основного принципа формирования власти в стране. Я имею в виду советскую выборную систему.

В ДЕКАБРЕ 1936 года была принята новая Конституция СССР, а через год прошли первые выборы в Верховный Совет СССР. Это известно всем. Но по сей день мало кто знает, что опи, по замыслу Сталина, должны были стать альтернативными, что уже были подготовлены образцы избирательных бюллетеней, где стояло несколько фамилий. Между прочим, обнародованием этого факта мы обязаны как раз Юрию Николаевичу Жукову.

В предоставлении гражданам возможности выбора из нескольких кандидатур, выдвинутых различными общественными организациями, Сталин видел противовес усиливающейся «партоплазме» — партийной и беспартийной. Однако в 1937 году сопротивление разложившейся части партийно-государственного и хозяйственного руководства проявилось так явно, эта «элита» обнаружила свое подлин-

ное лицо так очевидно, что в том же 1937 году Сталину и сталинскому «ядру» партии пришлось прибегнуть к масштабным чисткам.

Я пишу книгу не о 1937—1938 годах, и поэтому ограничусь здесь лишь этим интегральным выводом, сказав далее, что хронологически чистки в партийно-государственном руководстве совпали с чистками в армии, вызванными заговором Тухачевского, а также с масштабными превентивными мерами против потенциальной «пятой колонны», в том числе — в народных «низах». Но при несомненной системной связи этих трех репрессивных чисток друг с другом лишь чистка «элиты» была связана с неудавшейся идеей Сталина об альтернативности выборов в органы Советской власти.

Я убежден, что Сталин был твердо намерен вернуться к этой идее перед следующими выборами — в декабре 1941 года. Однако в том декабре было не до выборов, как и в целой веренице последующих декаблей.

Первые послевоенные выборы в Верховный Совет прошли в 1946 году, следующие — 12 марта 1950 года. И они были тоже безальтернативными. В бюллетенях стояла фамилия лишь одного кандидата, и весь выбор избирателей заключался в том, оставить ли ее в бюллетене или вычеркнуть ее.

По тому времени отказ от альтернативности выборов был вполне разумным решением. С одной стороны, страна напрягала все силы для того, чтобы поскорее преодолеть разруху, и надо было обеспечивать максимальное единение всех. С другой стороны, жилось многим тяжело, не все понимали, что впереди не худшее, а лучшее, мало кто знал о вынужденно больших расходах на такие оборонные проекты, как атомный, ракетный, на создание реактивной авиации и новой электроники... И это недовольство могло сказаться на результатах выборов так, что вместо единения в обществе мог получиться «раздрай».

Однако в марте 1955 года предстояли новые выборы. И к ним должна была подойти страна, качественно отличающаяся от страны в 1950 году! Причем впервые к урнам должны были прийти молодые избиратели рождения 1937 года. Они, их старшие товарищи, их повзрослевшие отцы-победители уже могли вполне осознанно выбирать из песколь-

ких кандидатур, выдвигая во власть действительно наиболее достойного.

В «безальтернативном» бюллетене прибегать к ручке было необязательно — если ты голосовал «за», то было достаточно просто опустить бюллетень в урну.

При «альтернативном» варианте использование ручки было обязательным — так или иначе надо было кого-то вычеркивать.

И это сразу исключало автоматическое избрание в депутаты Верховного Совета высоких партийных, советских и хозяйственных руководителей. Их могли избрать — если они имели не дутый, а настоящий, заработанный ими авторитет в массах, а могли и не избрать.

Но если бы первый секретарь райкома или обкома партии или председатель райисполкома или облисполкома оказался бы забаллотированным, то уж это-то автоматически означало бы их изгнание из власти. Да и хозяйственным руководителям, баллотировавшимся в Верховный Совет СССР, в этом случае тоже жить стало бы неуютно.

Пока на дворе был 1952 год, до выборов было далеко, и трудно было сказать наверняка — какую позицию займет Сталин в отношении их возможной альтернативности. А вот предполагать кое-что на сей счет «партоплазма» могла.

И вряд ли ее эти предположения радовали.

А СТАЛИН старел... До дряхлости было, впрочем, еще далеко, да такие люди, как Сталин, и не дряхлеют в буквальном смысле этого слова — они обычно и в глубокой старости сохраняют ясность мысли, если только их очень уж не подводят сосуды головного мозга — как это вышло у Ленина.

Однако Сталин уставал, уставал всё более, и все в руководящей Москве это знали и понимали. И поэтому вопрос о преемнике не возникать так или иначе не мог. Уже скоро в самые партийные «верхи» должен был прийти целый отряд вполне молодых — для такого уровня — руководителей, новых секретарей ЦК. Но в реальном масштабе времени все они были фигурами второго плана. Лишь с течением времени кто-то из них мог обрести пужные качества главы государства, к тому же определенный срок был необходим для того, чтобы умножилась и окрепла новая молодая по-

росль энтузиастов социализма, которая могла бы молодого лидера государства подкрепить и поддержать. При наличии в обществе такого массового слоя и требования к лидеру могли бы быть не такими высокими, какие их предъявила эпоха к самому Сталину.

Для всех, кто владел информацией и был знаком с ситуацией в «верхах», это было достаточно очевидно. Что не было очевидным — так это кандидатура преемника.

Стандартным тезисом «россиянских» историков — заимствованным, впрочем, у западных советологов — стал тезис о якобы ожесточенной борьбе за власть среди «узкого» руководства, особенно якобы усилившейся в последние годы жизни Сталина. Так, в предисловии к научному изданию «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953» (тираж 1500 экз.) его составители этот тезис активно проводят, и даже не стесняются прямо ссылаться на первоисточники своих «прозрений», сообщая, например, о том, что еще 3 марта 1957 года историк-эмигрант Б.И. Николаевский в письме к издателю Б.К. Суварину писал: «Вы слишком упрощаете все, утверждая, что был только Сталин. Дело много сложнее. Чтобы диктаторствовать (н-да! — С.К.), Сталин допускал развиваться под его надзором конфликтам (? — С.К.) в Политбюро и решение принимал не в начале спора, а лишь когда выяснялась обстановка...»

«Россиянские» «историки» — как, впрочем, и «историки»-эмигранты — вряд ли когда-либо держали в руках что-то более тяжелое, чем серебряная ложка или хрустальная рюмка богемского стекла. И вряд ли эти «историки» принимали решения более важные чем: «Бросать черный или белый шар на защите диссертации имярек?» Возможно, поэтому им невдомек, что описанная Николаевским процедура принятия решения является нормативной для любого **компетентного** руководителя, действующего в **любой** сфере управления.

Им — наблюдающим ныне грызню политических шакалов в овечьих и медвежьих шкурах — также невдомек, что можно спорить и ссориться по вопросам не шкурным, а деловым, и они клеветают на Сталина, да и на его коллег, утверждая, что «сам Сталин поощрял соперничество в Политбюро», по что «в основе этого соперничества и конфликтов

лежали не столкновения принципиальных позиций, а борьба за максимальную приближенность к Сталину».

Низводить Клима Ворошилова или «железного наркома» Лазаря Кагановича до уровня современных политиков? И о какой такой еще более «максимальной приближенности к Сталину» речь? Сталин и его сотрудники были «красными», а не «голубыми», их взаимоотношения не имели характера отношений царя и царедворцев! Да и что бы дала эта «максимальная приближенность к Сталину» любому из членов Политбюро? Место главы «РАО ЕЭС» или «представителя» «Россиянии» в НАТО? Чем ближе — товарищеским, деловым образом — был человек к Сталину, тем больше на него (этого человека) валилось дел и тем большей была его ответственность как перед Сталиным, так и перед делом, ему доверенным!

При этом даже Николаевский признавал, что «члены Политбюро вовсе не были безликими», что «ряд из них к Сталину пришел со своими идеями, за которые Сталин и взял их в свои ближайшие сотрудники»...

Тут спорить не с чем — Сталина окружали коллеги, каждый из которых имел свое лицо. И, как каждый человек, знающий себе цену, они не могли не оценивать свои возможности как преемника Сталина. Однако это необязательно подталкивало к интригам как против Сталина, так и друг против друга.

Задумываться же задумывались. Так над этим почти открыто задумывался и сам Сталин...

ОН ПОКА занимал два из трех высших постов в стране: был Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) и Председателем Совета Министров СССР. Третий высший пост — Председателя Президиума Верховного Совета СССР — занимал с 1946 года, после смерти Калинина, Шверник, и он был, конечно, лишь номинальным «главой» государства.

Однако Сталин уже склонялся к тому, чтобы отойти от оперативного руководства как партией, так и народным хозяйством, тем более что это по факту все чаще и происходило. Уже скоро — на XIX съезде партии пост Генерального секретаря ЦК будет упразднен, и Сталин будет избран «просто» секретарем ЦК. Это вполне отвечало его курсу на

изменение роли партии в советском обществе. Из руководящей, фактически государственной силы она должна была становиться силой, направляющей общество за счет идейного, нравственного и интеллектуального лидерства ее руководства и ее членов.

Что же до Совета Министров СССР, то и после XIX съезда Сталин остался Председателем Совмина без четко выраженного первого заместителя, хотя по факту их было три — Берия, Маленков и Булганин.

Но ведь Сталин мог — поближе к выборам в Верховный Совет — оставить и этот пост. И тогда у него осталась бы единственная государственная должность — «просто» депутат Верховного Совета СССР.

Можно ли было сомневаться, что в этом случае на ближайшей же сессии — скорее всего, внеочередной — Верховного Совета все остальные депутаты единогласно избрали бы депутата Сталина своим Председателем? Это произошло бы даже без нажима Сталина, а само собой, по причине очевидной естественности такого шага. Иного варианта депутаты не могли бы себе и представить — и даже не из-за такой уж всеобщей любви к Сталину... Иного варианта не допустил бы сам народ!

И вот уж тогда пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР стал бы не номинально, а фактически первым! И вся полнота реальной власти переместилась бы туда, где она теоретически всегда и сосредотачивалась, то есть — в Верховный Совет!

Власть окончательно стала бы Советской!

А главой ее был бы Сталин.

Так что принципиально весьма вероятная и, возможно, достаточно близкая по времени широкая социалистическая демократизация советского общества, желаемая Сталиным, была еще одним дополнительным фактором, который заставлял антисталинские силы торопиться с его устранением.

Все вышесказанное я не могу подтвердить документами, да вряд ли они сегодня где-либо и отыщутся! Если что-то на сей счет в архивах и было, то всё было уничтожено если не при Хрущеве, так уж при Горбачеве точно. Однако всё вышесказанное было вполне возможным, и ничто из

того, что мы сегодня знаем о тех годах, такой версии не противоречит!

Но и в этом случае оставался открытым вопрос о преемнике Сталина на посту Председателя Совмина. При этом с годами по вполне понятной причине все острее возникал вопрос о «полном» преемнике Сталина.

Ясно было, что это не мог быть некий «серый кардинал». Сменять Сталина должна была фигура известная, крупная, авторитетная и достаточно популярная. Но кто из таких фигур мог воплотить идеи Сталина в реальное дело?

В 1953 году Сталину шел 74-й год, Ворошилову — 72-й, Молотову — 63-й, Кагановичу — 60-й... Микоян и Булганин были 1895 года рождения, им в 1953 году исполнялось, следовательно, по 58 лет.

Так что по возрасту среди высшего руководства в 1953 году в «полные» преемники Сталина наиболее подходили Маленков — 1901 года рождения, Пономаренко — 1902 года рождения, Сабуров — 1900 года рождения, Первухин — 1904 года рождения и Берия — 1899 года рождения.

Это — по возрасту, по стажу нахождения на высших постах...

А по деловым качествам?

А по способности форсировать себя?

А по близости к тем сталинским идеям о сути общественного развития, которые были заложены в «Экономические проблемы»? В частности — кто из всех был особо чуток к вопросам образования молодежи? Кто имел наибольшую склонность к смелому выдвижению кадров?

ПОЖАЛУЙ, никто из высшего руководства, кроме, естественно, самого Сталина, здесь с Берией сравниться не мог.

Во-первых, Берия самым страстным образом, настойчиво, неоднократно просил дать ему возможность самому получить высшее образование. Просил азербайджанский ЦК в Баку в 1920 году, просил грузинский ЦК в Тифлисе в 1922 году, просил и позднее — Орджоникидзе в начале 30-х годов... И это тогда, когда Берия уже занимал весьма высокие должности в ЧК, имел прекрасные руководящие перспективы!

Быть готовым поменять кабинет начальника Секретно-политического отдела ГрузЧК и положение, занимаемое хозяином этого кабинета, на студенческий билет и скромные студенческие харчи? Нет, для этого надо было действительно очень любить знание как таковое. И Берия его любил. А Сталин это знал.

Главное же — Берия, как и Сталин, стремился, чтобы вокруг него жили и работали люди образованные, в чем он, как и Сталин, видел залог успешного развития страны.

Причем Берия не просто предавался прекраснотушным мечтаниям — он всегда активно действовал, и не случайным, а абсолютно закономерным было то, что именно при Берии Тбилиси стал одним из ведущих центров высшего образования в СССР, что именно при Берии грузинская наука начала мощно развиваться в своих наиболее серьезных отраслях, в том числе и в математической.

С Берией была связана и одна история, о которой сам Сталин знал вряд ли, но не исключено что и знал. Это — малоизвестная история молодого физика Олега Лаврентьева. Начало его судьбы оказалось блестящим, потому что она начиналась в СССР Сталина и Берии. Дальнейшая же его судьба — уже в СССР Хрущева и Брежнева — была весьма грустной, хотя и не совсем неблагоприятной с формальной точки зрения. Так или иначе, знать историю Олега Лаврентьева нам будет полезно.

Полезно потому, что в ней, как в капле воды, отразился тот подход Берии к молодым кадрам, который был конкретным воплощением общего подхода к воспитанию молодых поколений советских людей, предлагаемого Сталиным в его «Экономических проблемах»...

В 18 лет Лаврентьев ушел на фронт, воевал, а после войны его направили дослуживать в Сахалинский военный округ в 221-й зенитно-артиллерийский дивизион — радиотелеграфистом. Физика была его страстью, и на советском Сахалине, от которого в царское время у Антона Чехова остались удручающие впечатления, сержант Лаврентьев мог через Посылторг выписывать книги по физике и даже научный журнал «Успехи физических наук», учась при этом в вечерней средней школе.

Тогда все газеты писали о том, что президент Трумэн ставит перед американскими физиками задачу создать

«сверхбомбу» — так называемую «водородную». «Обычная» атомная бомба служила бы ей «запалом», создающим «звездные» температуры, необходимые для реакции синтеза гелия из тяжелых изотопов водорода H^2 — дейтерия, и H^3 — трития. Сам физический принцип сверхбомбы секретом не был — о нем писал, например, том 3-й 2-го издания Большой Советской Энциклопедии, подписанный в печать 17 мая 1950 года. Там же, на странице 434, сообщалось, что: «Американские поджигатели войны пытаются угрожать СССР и странам народной демократии этой водородной бомбой еще до ее осуществления...».

Сложность была в том, что водород и его изотопы — газы с ничтожной плотностью, которая становится приемлемой лишь в жидком водороде. А жидкий водород — это температура почти абсолютного нуля, это космический холод, который на Земле так просто не обеспечишь.

Над термоядерной бомбой активно работали не только в США, но и — без огласки — в СССР. И вот сержант Лаврентьев в 1949 году пишет письмо на имя Сталина, где заявляет, что знает, как сделать водородную бомбу. Сегодня это выглядит невероятным, но после того, как с соображениями сержанта ознакомился специально присланный в его часть подполковник инженерной службы Юрганов, Лаврентьева направили в Москву — сдавать экзамены на физический факультет МГУ. Его принимали в ЦК, им интересовались всерьез, и сержант того стоил!

Чтобы читатель понял, что это было действительно так, я сообщу следующее... В основу первой советской водородной бомбы РДС-6с, испытанной 12 августа 1953 года, было заложено три основополагающие идеи, две из которых принадлежат А.Д. Сахарову, а третья выдвинута В.Л. Гинзбургом. И за свое предложение использовать в качестве термоядерного горючего твердый дейтерид лития-6 Гинзбург после испытания РДС-6с получил орден Ленина.

Но эту же идею, которую лучшие умы советской физики резонно ставили себе в великую заслугу, совершенно независимо от всех — пусть и позднее, чем «корифеи», — высказал юный Олег Лаврентьев! И он же впервые сформулировал одну из ключевых идей, касающихся управляемого термоядерного синтеза!

Так вот, Берия сразу заинтересовался бывшим сержан-

том, ожидал от молодого студента-физика многого, заботился о его быте и профессиональном росте, лично встречался с ним.

К слову, и молодой Андрей Сахаров вышел на широкую дорогу не без внимательного и чуткого к себе отношения Берии — впервые в его кабинете он оказался как раз вместе с Лаврентьевым.

Чтобы закончить историю Лаврентьева, скажу, что московский клан «элитных» физиков увидел в перспективном юноше будущего опасного конкурента, и как только Берия был устранен, физика Лаврентьева быстро спроводили в Харьков, в Украинский физико-технический институт, где он стал-таки доктором наук и сделал в области управляемого синтеза немало. Но и сегодня научные заслуги бывшего протеже Берии более признаны на Западе, чем у нас.

ДА, БЕРИЯ, с его чутьем на новое, с его интересом и тягой к знаниям, с его интересом к талантливейшей молодежи, мог лучше кого-либо другого воспринять идеи Сталина о новом всеобщем образованном гражданине как главной гарантии крепости и исторических перспектив нового общества.

И если бы Сталин решил оставить еще и пост Председателя Совмина СССР, то наиболее удачной заменой ему мог бы стать именно Берия. В том числе и поэтому именно о Берии после смерти Сталина и смерти самого Берии было написано особенно много гнусных, лживых мерзостей. Как, впрочем, и о самом Сталине.

Был бы неплох Берия и как полный сменщик Сталина — в случае смерти Сталина. Но особенно эффективной могла бы стать связка: «Сталин — Председатель Президиума Верховного Совета СССР, и Берия — Председатель Совета Министров СССР».

«Партийной» же «пристяжной» мог бы стать Маленков.

Осенью 1952 года Сталин — как я понимаю — не был еще готов к такому развитию ситуации и преемника в Берии не видел. Но это не значило, что он с какого-то момента не пришел бы к такой мысли. Более того, он мог прийти к ней достаточно скоро. А это само по себе было бы смертельно опасно для всех тех внешних и внутренних сил, которым Сталин и социализм были костью в горле. И принци-

пиально не исключенный вариант высшей связки «Сталин—Берия» также заставлял антисталинские и антисоциалистические силы торопиться.

При всем при том именно на Берию уже давно взваливают тяжкое обвинение в умысле против Сталина, и сегодня эти нелепые обвинения получили новый импульс в книге Николая Добрухи «Как убивали Сталина». Они, эти обвинения, действительно нелепы — как ни посмотри, о чем еще будет сказано.

Да, тема «Сталин и Берия» в своей основе драматична, однако она лишена нечистых страстей и мелочных расчетов. Их отношения носили характер постоянно развивающегося процесса, и хотя в дружественные они не переросли, да и перерасти не могли — Берия был ровно на двадцать лет моложе Сталина, с годами их отношения все более напоминали отношения учителя и ученика в той фазе, когда талантливый ученик уже перерос учителя в оперативно-тактическом, так сказать, смысле, но все еще уступает ему в стратегической мудрости и умении верно увидеть историческую перспективу...

Причем отношения Сталина и Берии не получили ведь своего логического завершения.

С одной стороны, этому помешали, как я догадываюсь, закулисные интриги против Берии, питаемые, пожалуй, не столько кем-то из высшего сталинского окружения, сколько незаметными *человечками* из сталинского окружения, для которых окончательное сближение Сталина и Берии было нежелательно. Нежелательно по разным причинам — кому из чисто шкурных соображений, а кому и в силу положения этих «человечков» как агентов внешних враждебных России сил. Сталин старел, и его желчь в последние годы растравить было не так уж и сложно, хотя все рассказы о его недоверии к Берии немногого стоят, и я это позднее докажу.

С другой стороны, логическому завершению отношений Сталина и Берии помешала насильственная смерть обоих.

А жаль...

Ведь связка Сталин—Берия всегда обладала огромным, уникальным созидательным потенциалом.

Глава девятая

СТАЛИН И БЕРИЯ

В 1953 ГОДУ произошло два политических убийства, факт которых влияет на ход мировой истории по сей день. Вначале — на границе между зимой и весной 1953 года — был убит Сталин. А не позднее, скорее всего, начала августа 1953 года был убит и Берия.

Эти два имени «продвинутые» «историки» соединяют так: «Берия — убийца Сталина...» Но, конечно же, это, как уже сказано, ложь. Да еще и ложь очень давнего и не отечественного происхождения... Еще в 1976 году западный советолог чечено-гитлеровско-заокеанского происхождения Абдурахман Авторханов издал во Франкфурте-на-Майне книгу под названием «Загадка смерти Сталина».

Тогда и об этой книге и об ее авторе знали в России немногие... Аппарат Лубянки и ЦК, обществоведческий «бомонд», деятели «самиздата» да завсегдатаи некоторых интеллигентских кухонных «междусобойчиков» — вот, пожалуй, и все, кто как-то был об Авторханове наслышан.

Однако с января 1991 года, с началом публикации в академическом журнале «Вопросы истории» авторхановской книги «Технология власти», имя бывшего довоенного директора Чеченского отделения Партиздата стало официально разрешенным. В мае 1991 года эстафету Академии наук СССР подхватил Союз писателей СССР, и в №5 журнала «Новый мир» опубликовал без каких-либо комментариев главы из давней книги Авторханова о смерти Сталина...

С того и пошло-поехало, и теперь имя Авторханова, ранее запретное, в нынешней «России» известно весьма широко.

О книге Авторханова и о нем самом разговор нам еще предстоит — в свое время. А сейчас я просто приведу первые строки его книги «Загадка смерти Сталина»:

«На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев — для Сталина и Берии. Рано или поздно один должен был уступить другому или оба погибнуть во взаимной борьбе».

По своей антиисторичности и лживости приведенная выше цитата может считаться классической. Но особенно провокационной, провокационной — с учетом времени написания — «на вырост», делает эту цитату, во-первых, противопоставление Берии Сталину, а во-вторых, попытка представить их равнозначными фигурами.

В действительности же Лаврентий Павлович Берия никогда себя Сталину не противопоставлял и никогда — наверняка даже в мыслях — с ним не равнялся. Хотя вряд ли их отношения были всегда безоблачными. К тому же — я в этом уверен — были и желающие Сталина с Берией ссорить, подставлять второго перед первым. Возможностей к тому было много, ибо не совершает ошибок лишь тот, кто ничего не делает. Берия, хотя всегда выполнял огромный объем работы и большую часть его проблем на него взваливал сам Сталин, ошибок почти не совершал. Но — всяко ведь бывает...

О Сталине и о Берии в книге, касающейся смерти Сталина, надо сказать отдельно уже потому, что смерть Сталина Авторханов и прочие радзинские именно на Берию и взваливают — мол, убил, палач, и всё тут.

Ничего такого в действительности, конечно, не было — я об этом уже говорил и еще скажу. И какое-либо — самое косвенное, самое опосредованное, участие Берии в каких-либо антисталинских акциях было невозможно с любой точки зрения. Прежде всего — с психологической точки зрения. Берия если и бывал недоволен Сталиным, то лишь так, как бывает недоволен учителем талантливый и давно оперившийся ученик, которого учитель все еще не считает полностью взрослым. Сама горячность, проявляемая Берией в такой своей обиде, свидетельствует в пользу Берии...

Типичный пример поклена на Берию. В книге Николая Добрюхи «Как убивали Сталина» ее автор сообщает, что при его встрече с сыном Чкалова тот безапелляционно заявил: гибель Чкалова — на совести Сталина и Берии...

Но даже Добрюха, сам возведший на Берию много напраслины, возражает сыну Чкалова и пишет, что теперь не по слухам, а по рассекреченным документам можно буквально по минутам проследить, как прежде всего Берия, Ворошилов и Сталин пытались спасти Чкалова и 12 декабря спасли.

Это именно так, потому что тогда Берия самым жестким образом запретил вылет Чкалова, а через три дня руководители опытного завода и сам Чкалов этим запретом пренебрегли. Но, поди ж ты, о том, что Берия, опасаясь-де Чкалова как конкурента, «убрал» его, не писал из «демократов» только ленивый.

И ведь многие верят в это до сих пор!

ВО ВРЕМЕНА, когда Берия вошел в ближайший круг делового общения Сталина, то есть — к началу 1939 года, этот круг был весьма узок. Кто же в него входил?

Во-первых, Молотов, Микоян и Ворошилов... Это были профессиональные революционеры-большевики с дореволюционным стажем, члены еще ленинской гвардии, для которых Сталин оставался в подходящую минуту по-прежнему Кобой. Лишь с ними тремя Сталин был на «ты» в личных разговорах и личной переписке. И лишь они трое естественным образом позволяли себе обращаться на «ты» к Сталину.

Далее шел Лазарь Каганович — примыкая к первой тройке, однако не пахотясь к Сталину так близко, как она. А за ним — без особых личных приоритетов — Сталина окружали Жданов, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев, Щербаков, Вознесенский, Андреев. Причем для всех них Сталин был безусловно «товарищем Сталиным», и в любом случае дистанция сохранялась.

Внутри же этой тесной компании личные связи имели разный характер, но ни одна не была окрашена особой теплотой — с молодых ногтей никто друг с другом знаком не был, а на нормальную человеческую дружбу ни у кого из них и времени, собственно, не было. Есть хорошие рабочие контакты — и ладно!

Как я догадываюсь, имело место и вот что... Поскольку для всех скрытых врагов страны и шкурников наиболее опасен был Берия — как наиболее мощный управленец, именно против Берии, как правило, и плелись закулисные

интриги. Думаю, что инициировали их и вели их не непосредственно соратники Сталина (думаю, даже Хрущев при живом Сталине этим не грешил), а кое-кто из окружения соратников Сталина. Но порой могли быть грешны и сами «олимпийцы». Они ведь тоже были людьми, и, как показала жизнь уже после Сталина, скрытыми страстишками обладали.

Здесь, пожалуй, показателен конфликт, описанный Главным маршалом авиации Головановым. Однажды, в период подготовки к Тегеранской конференции, он, войдя в прихожую на даче Сталина, услышал громкий голос Верховного: «Сволочь! Подлец!»... Не желая быть невольным свидетелем «разноса», Голованов хотел уйти, однако Сталин уже заметил его и пригласил: «Входите!»

В небольшой комнатке на подоконнике полусидел Молотов, а напротив Сталина спиной стоял Берия, которого Голованов сразу не узнал.

«Посмотри на эту сволочь», — резко сказал Сталин и приказал Берии повернуться. А когда тот повернулся с видом растерянным, Сталин приказал ему снять очки. Берия снял пенсне, и Сталин воскликнул: «Видишь, змея... Носит очки, хотя зрение полторы единицы. Вячеслав носит очки по нужде, он близорук, а этот маскируется».

Наступила тишина. Затем Сталин, уже спокойно, пожелал всем всего хорошего, и Голованов, Берия и Молотов вышли, причем Берия что-то горячо доказывал Молотову, который был невозмутим, молчал и на объяснение Берии никак не реагировал.

Голованов так и не понял, чему был свидетелем. А свидетелем он был одного из тех случаев, когда Берия кто-то — не исключая, что и Молотов — «подставил». Между прочим, Берия был близорук, как и Молотов, и пенсне носил не для маскировки. Но кто-то же уверил Сталина в обратном. И кто-то же вызвал гнев Сталина по отношению к Берии... Если бы этот гнев был вызван каким-то «ляпом» самого Лаврентия Павловича, то он вряд ли был бы растерян. Его растерянность явно была связана с тем, что он не ожидал какого-то поклепа на себя и был выбит из колеи резкой реакцией Сталина — почему и пытался объяснить что-то хотя бы Молотову.

Молотов не любил Берию — тут двух мнений быть не может. Да и остальные его, похоже, не очень-то жаловали, кроме разве что Кагановича и в той или иной мере Маленкова и Жданова.

Возможно, шло это от того, что с самого начала войны Берия оказался чуть ли не единственным из высших управленцев, помогавших непосредственно Сталину, кто практически не имел в то тяжелое время сбоев. А самокритика как естественное состояние личности была свойственна в этом кругу лишь самому Сталину, да и то не всегда.

Интересно, что Главному маршалу авиации Голованову, по отношению ко всем, о ком он вспоминает, вполне объективному, эта объективность изменяет в двух случаях — когда он пишет о Василии Сталине и о Берии. Так, Голованов, сравнивая Берию и Маленкова, заявляет, что второй-де выгодно отличался от первого пезаурядными якобы организаторскими способностями и умением мобилизовать людей на дело. Более того, Александр Евгеньевич считает, что Маленков был лучшим помощником Сталина по военным делам и военной промышленности. Но любой, кто знаком с распределением обязанностей во время войны и тем, кто как с ними справлялся, поймет, что Голованов мягко говоря, заблуждался. Занятый делами с авиацией дальнего действия, он просто не мог оценить масштаба и характера усилий Берии по организации оборонного производства.

Голованов же пишет, что Берия был заядлым, грубым матерщинником. И вот тут я ему верю, хотя в мемуарах различных людей мы находим свидетельства и обратного... Однако в ситуации, когда из всего высшего руководства лишь Берии — кроме, конечно, самого Сталина — приходилось ежедневно изображать из себя Фигаро не на сцене, а в жизни, такой эмоциональный выход по отношению к людям, близко стоявшим к Лаврентию Павловичу по статусу, был вполне объясним. Конечно, у Берии был перед глазами пример неизменной вежливости Сталина. Но он-то Сталиным не был, и ему для того, чтобы не срывать многочисленные и разнообразные поручения Сталина, приходилось иногда срывать самому. При этом Голованов и Берия были все же людьми очень разного типа. Да и, надо заметить, разного калибра.

Для Берии главным было содержание, а не форма. Он мог быть щеголеватым, а мог выглядеть порой чуть ли не затрапезно — все определялось конкретной ситуацией. Голованов же относился к постоянно внутренне подтянутым людям. Но ведь и сделать он успевал намного меньше «заядлого матерщинника». Не тот, повторяю, был у Александра Евгеньевича государственный «калибр».

Кроме того, Берия мог подспудно раздражать как Голованова, так и, особенно, старших своих коллег тем, что в любой момент имел вид очень уверенный, который у другого можно было бы счесть самоуверенным и самодовольным. У Берии же таким образом выражались его выдающиеся деловые активность и потенциал. Он сам находился в постоянной готовности к действию и был готов побуждать к действию других. Здесь с ним до какой-то степени мог сравниться разве что Лазарь Каганович, но он-то как раз к Берии относился более лояльно, чем другие.

ЧТО ЖЕ до Сталина, то он, как я понимаю, Берию не то чтобы недооценивал — если было бы так, то Сталин не поручал бы ему серьезнейшие дела. А ведь масштаб и круг задач Берии, которые ставил перед ним Сталин, постоянно расширялись, вплоть до того, что в завершающей, наиболее важной в некотором смысле фазе войны Сталин сделал Берию даже формально человеком № 2 в СССР, назначив его вместо Молотова заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны — ГКО. Да и после войны системное положение Берии в экономике то и дело было ведущим — после Сталина.

Однако Сталин, увы, не оценивал Берию так, как последний того заслуживал. Иными словами, Сталин не видел в нем своего естественного (естественного в силу универсализма) преемника на посту лидера государства. Сам же Берия — по позднейшему свидетельству его вдовы — считал, что в случае смерти Сталина или его отхода от дел, претендовать на первую роль в СССР ему, еще одному «нацмену», вряд ли будет разумным. Этому можно поверить — Берия был готов стать «рабочей лошадью» при

формально первом Маленкове, как оно, собственно, на первых порах после смерти Сталина и произошло.

Но Берия был готов, пожалуй, и к первой роли — позднее я об этом еще скажу. И если бы его выдвигал на потенциально первую роль сам Сталин, то...

Не так уж были Маленков, или Булганин, или Пономаренко, или даже Ворошилов и Каганович популярны в стране настолько, чтобы широкие массы были просто-таки возмущены, если бы преемником Сталина оказался кто-то не из их числа.

Даже Молотов в этом смысле для масс не был бесспорен. С другой стороны, не так уж непопулярен был Лаврентий Павлович — особенно если иметь в виду не просто массу, не просто «низы», а массу тех «низовых» специалистов, профессионалов, которые определяли облик новой страны. Здесь Берия был даже, пожалуй, беспрецедентно популярен. Причем не только среди атомщиков, ракетчиков или цитрусоводов. Имеется любопытнейший документ, который и сегодня мало доступен, поскольку опубликован в капитальном, но малотиражном (1 000 экз.) сборнике «Кремлевский кинотеатр. 1928—1953...», изданном издательством «Росспэн» в 2005 году. Документ этот — письмо от 8 мая 1951 года, направленное Берии выдающимся киноактером Николаем Черкасовым:

«Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

После долгих размышлений решаюсь беспокоить Вас по следующему вопросу. В моих творческих планах последних лет первое место занимала и продолжает занимать мечта — воплотить в кино образ лучшего талантливейшего поэта нашей советской эпохи Владимира Маяковского.

Сценарий, написанный тов. Б.А. Катаняном, сосредоточивает все внимание зрителя на Маяковском... не в семейно-бытовом плане и не в узко-литературной среде, а в связях поэта со своими читателями, с народом. Такой образ Маяковского, исторически глубоко правдивый, очень увлек меня. Я сжился с ним и уже работаю над ним...

Два года тому назад сценарий этот был принят

студией Ленфильм, но затем движение его по инстанциям приостановилось.

Если так будет продолжаться, то я, вероятно, лишен буду возможности воплотить этот замечательный образ на экране по очень простой причине — я старею ...а Маяковского надо играть молодым.

Мое горячее желание работать над этой достойной самого вдохновенного труда ролью и заставляет меня беспокоить Вас просьбой помочь мне в этом деле»...

Почему же Черкасов обратился именно к Берии? Вопросами культуры и идеологии занимались Маленков, Ворошилов, Суслов, Фадеев, наконец — министр кинематографии Большаков... В те же дни — 12 мая 1951 года режиссер Михаил Ильич Ромм хлопотал за оператора Бориса Израилевича Волчека через «дорогого Георгия Максимилиановича» Маленкова.

А Черкасов писал Берии.

Почему?

Ответ мы находим у самого Черкасова:

«Я набрался храбрости написать Вам это письмо и послать Вам сценарий, потому что в моей памяти свежа встреча с Вами и Ваше удивительное внимание.

С глубоким уважением.

Преданный вам Н. Черкасов
8 мая 1951 г.».

Однако Лаврентий Павлович не имел никакого реального отношения к «культуре», и все, что он мог сделать, — это переправить письмо в ЦК Маленкову с резолюцией: «В ЦК ВКП(б). Маленкову Г.М. Прошу Вас заинтересоваться. Л. Берия. 14.V.». Маленков же адресовал просьбу Черкасова в секретариат Суслову, на чем дело вновь и заглохло. Не нужен был «агитатор, горлан и главарь» с его «ста томами партийных книжек» банде «поэтических рвачей и выжиг».

И непоэтических — тоже.

Что же до Берии, то, как видим, он в среде подлинно творческих русских интеллигентов-интеллектуалов был

ценим и уважаем — как и сам Сталин. Впрочем, Берия ценил и простой народ, и тому тоже отыскиваются свидетельства в архивах. Так, 9 июня 1950 года секретарю ЦК М.А. Суслову была направлена записка Отдела агитации и пропаганды ЦК, где были приведены выдержки из писем, пришедших в «Правду» после выхода на экраны фильма «Падение Берлина». Фильм критиковали обычные, нечиновные советские люди, и вот как, в частности, критиковали:

«...Тов. Вагин (Москва):

«...Члены Политбюро настолько искажены, что прямо неудобно за постановщиков. Нельзя же, прикрываясь хорошим замыслом и содержанием, показывать уродливо руководителей. Товарищей Ворошилова, Молотова, Микояна, Берия и других членов Политбюро народ любит, и показывать их надо такими, какими их знает народ».

Тов. Семенов (подполковник):

«Мне, участнику нескольких парадов в Москве, довелось видеть товарищей Молотова, Ворошилова, Маленкова, Булганина, Берия и др. на трибуне. Они не произносили в это время речей, но это — энергичные, волевые люди. Не уносишь этого впечатления после просмотра фильма «Падение Берлина», здесь они показаны пассивными, я бы сказал, карикатурными»...»

Обращаю внимание читателя на тон писем — в нем нет и тени той якобы рабской психологии, которую приписывают советской массе нынешние «продвинутые» «историки», «мастера слова», «политологи».

Так, инспектор районного отдела народного образования из Кронштадта Данилова, мастер Московского завода шлифовальных станков Дроздов, учитель из Красногорска Иванов, слесарь из Ростова Ярославской области Буревой, Титов и Белканов из Риги, Коваленко из Мурманска, Мехоношин из Ярославля, Осминкин из Ленинграда, не сговариваясь, жестко осудили введение в картину некоего ставлара «Алексея Иванова», представленного в фильме «передовым стахановцем», встретившимся со Сталиным...

«Зритель испытывает неловкость и даже стыд за... парня... Совершенно неуместно и никому не пужно было показывать зпатного молодого человека в роли придурковатого Ивапушки...»... «Почему Алексей по желанию сценариста остался каким-то недоразвитым простачком, ограниченным, примитивным человеком?»... «Образ сталевара в мирных условиях и на войне — неотесанный, необразованный, невоспитанный парень! Это не реальный облик передового советского человека... Даже наши умные советские дети с возмущением следят за Алексеем Ивановым и бросают самые нелестные реплики о нем...»... «Кто он — ...советский рабочий, выросший в коллективе, любящий товарища Сталина с детства, или мужичок дореволюционного времени из медвежьего угла...»

Это все — «непричесанные» «рядовые» мнения. И это — мнения людей, ощущающих себя хозяевами страны и жизни и не склонных к тому, чтобы их оглуляли...

Но еще более важны для нас сейчас оценки, данные этими людьми Берии. Они ведь тоже искренни и показывают, что Берия в народе не имел репутации «палача». Лишний раз в этом можно убедиться при знакомстве с историей, связанной с именем кинорежиссера Александра Довженко...

В январе 1944 года Сталин жестко, но, увы, справедливо раскритиковал довженковский сценарий «Украина в огне». Надо сказать, что его выступление можно считать образцом умной и политически точной чисто профессиональной критики. Сталин назвал Довженко украинским националистом, но это не было приговором — Довженко снимал документальные фильмы, в 1948 году поставил художественный фильм «Мичурин» и получил за него Сталинскую премию. Третировали режиссера коллеги-кинematографисты: задвигали, отлучили от преподавания во ВГИКе, меньше, чем другим, платили... И вот жена Довженко — актриса Юлия Солнцева 20 августа 1951 года написала Берии:

«Многоуважаемый Лаврентий Павлович!

Обращаюсь к Вам с просьбой принять и выслушать меня. Я хочу с Вами говорить о Довженко. Создавшаяся ситуация вокруг этого человека, не дающая возможности работать, ухудшается с каждым днем. У него был второй инфаркт и жить ос-

талось, очевидно, считаное время (Довженко умер 25.11.56 г. — С.К.). Сейчас Довженко находится на трассе Запорожье — Каховка. Работает над сценарием.

Прошу простить меня за беспокойство. Хочу заверить Вас в крайней необходимости этого письма.

Ю. Солнцева
20-го августа 51 г.
телеф. Г1-18-39».

У заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Специального Комитета Л.П. Берии тогда (как, впрочем, и всю его послевоенную жизнь) хватало хлопот с крупными народнохозяйственными проблемами, с «атомными» и ракетными делами... В разгаре были работы по системе ПВО Москвы «Беркут»... Так что лично встречаться с женой Довженко у него времени не было, да и что лично Берия мог? Однако то, что он мог, он сделал: через своего помощника по Совету Министров Б. Людвигова переслал 27 августа 1951 года письмо Солнцевой заведующему Отделом художественной литературы и искусства ЦК В.С. Кружкову и поручил Людвигову договориться о приеме Солнцевой в ЦК.

В своей «епархии» Берия имел обыкновение назначать точные контрольные сроки, но в ЦК он не распоряжался, и «бумага» двигалась неспешно. Письмо Солнцевой было зарегистрировано в Техническом секретариате Оргбюро ЦК 28 августа 1951 года, однако автора выслушали только в октябре.

24 октября 1951 года В.С. Кружков докладывал об этом Суслову, ссылаясь на договоренность «с секретариатом тов. Берия». Кружков также сообщал, что министр кинематографии Большаков «имеет в виду вызвать т. Довженко на беседу, проявить большое внимание к его творческой работе (через два месяца после мольбы жены! — С.К.) и постараться рассеять представления о какой-либо его дискриминации»...

Примеры Черкасова и Солнцевой вряд ли были единственными — просто их сегодня рассекретили хотя бы в малотиражных сборниках документов. Но уже эти примеры поражают! Ведь Черкасов и Солнцева почти одновременно обратились к Берии независимо друг от друга, *не сговари-*

ваясь! Выходит, именно у Берии была репутация человека внимательного, обязательного, чуткого и справедливого? И что тогда остается от образа «монстра» и «палача»?

Но, не создав такой образ, сложно записать Берия в отравители Сталина. А не свалив смерть Сталина на Берия, не уйдешь от скользкого вопроса: «А кто же тогда, если это — не Берия? И зачем?»

Так что и этой, вполне рациональной — *кое для кого* — причиной объясняется тщательное распространение всяческих гнусностей о Берии в течение десятилетий.

А реальный Берия даже драповый отрез, выданный ему на наркомовскую шинель, за вычетом той материи, которая нужна была для пошива одной шинели, отдавал коллегам.

ВРЯД ЛИ Сталин был об этой стороне натуры Берии хорошо осведомлен — каждый день у обоих был настолько загружен, что основным был вопрос работоспособности и компетентности, а не гуманизма, чисто деловых, а не личностных, качеств. Сам же Берия выглядеть перед Сталиным лучше, чем он есть, явно не пытался — вопреки заявлениям его хулителей.

В этом смысле показательно и интересно, какую статью дал Берия в «Правду» к 70-летию Сталина. Напомню, что 21 декабря 1949 года «Правда» опубликовала посвященные Сталину статьи Молотова, Берии, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Булганина, Андреева, Хрущева, Косыгина, Шверника, Шкирятова и Поскребышева.

Так вот, любопытная деталь... Несмотря на то, что Ленин во всех статьях упоминался, естественно, не раз, лишь Берия, которого «продвинутые» «историки» представляют пресмыкающимся перед Сталиным, ясно провел в своей статье мысль о приоритете Ленина, справедливо отводя Сталину роль великого продолжателя дела Ленина. Об этом Берия заявил сразу, начав статью так:

«После великого Ленина в мире не было и нет имени, столь близкого сердцам миллионов трудящихся, как имя великого вождя Сталина... <...> Из всех современников Ленина никто не смог полно, как Сталин, понять и оценить величие Ленина...»

Эта же мысль — проходящая, повторяю, через всю статью красной нитью — присутствовала и в конце:

«Вся жизнь и деятельность товарища Сталина является великим вдохновляющим примером верности ленинизму и безграничной любви к Ленину, примером самоотверженного служения рабочему классу и всему трудовому народу, делу освобождения человечества от гнета и эксплуатации...»

Берия был также единственным, кто часть своей статьи посвятил значению самокритики. Он прямо и обширно цитировал Сталина и писал: «Самокритика — это постоянно действующее оружие большевизма, неразрывно связана с его природой и революционным духом». Собственно, и это было, по сути, раскавыченной цитатой из сталинской статьи «Против опошления лозунга самокритики», опубликованной в «Правде» 26 июня 1928 года.

Берия был единственным, кто особо подчеркнул в своей статье величие русского народа и его особую роль как руководящей силы Советского Союза. А в IV разделе статьи он написал так:

«В годы суровых военных испытаний... советские люди еще яснее и отчетливее увидели в товарище Сталине черты его великого учителя Ленина. Они увидели, что нашу армию и народ на борьбу с озверелым врагом ведет испытанный вожь, как Ленин, бесстрашный в бою и беспощадный к врагам народа, как Ленин, свободный от всякого подобия паники, как Ленин, мудрый и смелый при решении сложных вопросов, как Ленин, ясный и определенный, правдивый и честный, любящий свой народ так, как любил его Ленин...»

Воля ваша, но желание подольститься к Сталину здесь может усмотреть только очень уж откровенный ненавистник Берии.

Причем, хотите верьте, хотите — нет, но Берия же оказался единственным из всех авторов статей, помещенных в №555 «Правды» за 21 декабря 1949 года, который не аттестовал Сталина как «гениального вождя». В статье, скажем, Хрущева, объемом ровно в половину меньшей, чем бе-

риевская, эта формула была употреблена три раза. В статье Берии — ни разу.

Это не значило, конечно, что Берия отказывал несомненно гениальному Сталину в гениальности. Но саму формулу «гениальный вождь», употребляемую «доброхотами» Сталина, Берия не использовал. Он писал о гениальности Сталина не в казенной манере, а — тут это слово вполне уместно — творчески, осмысляя суть Сталина умно, в духе диалектики! Берия констатировал, что «...имя товарища Сталина стоит в ряду имен величайших гениев человечества — Маркса, Энгельса, Ленина...», а описывая военные годы, отметил:

«Вся деятельность нашей партии и Советского государства направлялась товарищем Сталиным. Его гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать смысл надвигающихся событий, особенности каждого этапа войны, его умение нацелить и направить силы партии и народа на выполнение главных и решающих задач, его несокрушимая воля, твердость и настойчивость в проведении принятых решений — обеспечили нашему государству победу над врагом».

Но ведь это так и было! И кому, как не товарищу Л.П. Берии, заместителю Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И.В. Сталина, было это знать в полной мере? Причем Берии тем проще было отыскать в своей душе такие слова в адрес Сталина и положить их на бумагу, что эти слова могли быть отнесены — за исключением эпитета «гениальный» — и к самому Берии. Он ведь уже более десяти лет проходил непрерывное «очное обучение» в школе высшего государственного управления, руководимой Сталиным, да плюс около десяти предыдущих лет имел возможность получать уроки в этой «школе» периодически.

А учеником Берия был способным — это признавал даже такой нелояльный к нему человек, как академик Капица, да не где-нибудь, а в письме на имя Сталина.

В заключительной части юбилейной статьи Берия коснулся темы о гениальности Сталина еще раз — но опять-таки без захваливания, а объективно, сказав:

«Гениальность нашего вождя сочетается с его простотой и скромностью, с исключительной личной обаятельностью, непримиримостью к врагам коммунизма с чуткостью и отеческой заботой о людях. Ему присущи предельная ясность мысли, спокойное величие характера, презрение и нетерпимость ко всякой шумихе и внешнему эффекту».

Наконец, последнее о юбилейной статье Берии о Сталине. Все остальные статьи в юбилейном номере заканчивались здравицами в честь лично Сталина в той или иной форме. И лишь Берия закончил свою статью четким призывом: «Вперед к новым победам под руководством великого Сталина!» Лишь Каганович после пожелания Сталину долгих лет жизни закончил схоже: «Под водительством великого Сталина вперед к победе коммунизма!»

ДА, КАК и Сталин, Берия не был способен стоять на месте и слово «вперед» его вполне характеризовало и как государственного деятеля, и как личность. Думаю, в том числе и поэтому можно говорить о беспрецедентной эффективности управленческой связки Сталин — Берия.

Впервые в явном виде она, как уже было сказано, образовалась в годы войны и ближе к концу ее получила даже формальное оформление после назначения Берии в 1944 году заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны, то есть — официально вторым после Сталина человеком в системе государственной власти военного времени. Тогда же Сталин провел Берию на пост председателя Оперативного бюро ГКО, которое рассматривало все текущие вопросы.

На вопрос «Кто вытянул страну во время войны в первую голову?» есть лишь один ответ: «Сталин!» Но среди тех, кто ему в этом помог, первенство по справедливости надо отдать Берии. Это лучше слов доказывало и то, что когда война закончилась и ГКО был упразднен, 6 сентября 1945 года решением Политбюро было образовано Оперативное бюро СНК СССР в составе: Л.П. Берия (председатель), Г.М. Маленков (заместитель председателя), А.И. Микоян, Л.М. Каганович, Н.А. Вознесенский и А.Н. Косыгин. Это Бюро ведало вопросами работы промышленных пред-

приятый и железнодорожного транспорта, то есть всеми ключевыми вопросами экономики страны. А это означало, что и после войны связка Сталин—Берия не распалась.

Вскоре она еще более окрепла ввиду того, что Берия стал фигурой №2 в советском Атомном проекте. Это был тогда высший «атомный» рейтинг, если учесть, что фигурой №1 был сам Сталин.

В то же время уже перед войной их управленческая «связка» работала неплохо — особенно после того, как 3 февраля 1941 года Берия был назначен одним из заместителей Председателя Совнаркома СССР Сталина и сразу же расширил объемы своих государственных инициатив.

Характерный момент: 8 марта 1941 года Берия направляет Сталину проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях выполнения плана лесоповала в навигации 1941 года по Наркомлесу и Управлению лагерей лесной промышленности». За день до этого Маленков и Берия докладывали тогдашнему Предсовнаркома Молотову (с мая его сменил сам Сталин) о необходимости замены наркома лесной промышленности, причем предлагали «назначить руководителем Наркомлеса работника, хотя и не знающего лесного дела, но способного организовать и перестроить работу».

Последняя формулировка выдает авторство именно Берии — это был его стиль: уметь хорошо организовать то, с чем до этого сталкиваться не приходилось. И организовать не за счет начальственной брани, а за счет ускоренного самообразования в требуемых (но — не более того!) пределах, работоспособности, въедливости и верного подбора специалистов.

Впрочем, Сталин и Берия хорошо понимали друг друга еще в те времена, когда первый был в Москве, а второй — в Тбилиси. Имеются интереснейшие записи председателя Кинокомитета Бориса Шумяцкого о просмотрах Сталиным (для Шумяцкого — Кобы) фильмов в Кремле. 9 декабря 1934 года, после просмотра фильмов «Чапаев» и «Последний маскарад», Шумяцкий занисал, в частности:

«КОБА, обращаясь к т. Берия (он был на просмотре с Микояном, Кагановичем, Ждановым и Орджоникидзе. — С.К.)... сделал ряд шутливых замеча-

ний... Шутил... что этой фильмой т. Берия хорошо достигает только одну цель — показать, насколько г. Тифлис нуждается во вложениях по ремонту и переустройству...»

Фильм «Последний маскарад» производства Госкинопрома Грузии, вышедший на экраны 25 октября 1934 года, снимал, конечно, не Берия, а режиссер М.Э. Чиауреди. Однако в каждой шутке есть, как говорят, доля шутки. Доля же истины в шутке Сталина заключалась в том, что архитектор по образованию и призванию Берия в социалистическую реконструкцию Тбилиси вкладывал много сил организатора, да и таланта архитектора. Сталин это знал и поддерживал — позднее именно Берии будет поручено курировать проекты «сталинских» высотных зданий в Москве. И вот нашел повод над Берией подтрунить.

Еще один штрих из деловых отношений Берии и Сталина... Не успел Берия стать наркомом внутренних дел, сменив Ежова, как 7 декабря 1938 года обратился к Сталину и Молотову с возражениями против передачи в НКВД Интуриста — организации по обслуживанию иностранных гостей, которая до этого находилась под неформальной опекой «органов». Берия убеждал:

«Факт перехода Интуриста в ведение НКВД безусловно станет известен за границей. Капиталистические туристические фирмы и враждебная нам печать постараются использовать для разворачивания травли вокруг представительств Интуриста, будут называть их филиалами НКВД и тем самым затруднят их нормальную работу, а также своей провокацией будут отпугивать лиц из мелкой буржуазии и интеллигенции от поездок в СССР. Исходя из указанных соображений считаю целесообразным Интурист изъять из ведения НКВД».

На этой записке Сталин написал: «т. Молотову, Микояну. Кажется, т. Берия прав. Можно бы передать Интурист Наркомвнешторгу. И. Сталин. 10.1.39».

И этот режим: «инициатива Берии — поддержка Сталина» сохранялся и в дальнейшем, потому что Берия был компетентен, а Сталин всегда поощрял компетентных оп-

понентов. Собственно, он поощрял активность Берии еще с тех времен, когда последний руководил Закавказьем, и поощрял наиболее радостным для человека дела образом — принимая предложения Берии к исполнению.

Было высокоэффективным и «атомное» сотрудничество Сталина и Берии. На вопрос «Кто сыграл наиболее важную роль в ликвидации атомной монополии США и устранении атомной угрозы для СССР?» есть тоже лишь один ответ: «Сталин!» Но среди тех, кто ему в этом помог, первенство по справедливости надо отдать опять-таки Берии — как и в деле обеспечения Победы 1945 года.

В своей книге «Берия: лучший менеджер XX века» я писал, что «атомный» Берия сегодня «документирован» наиболее полно, поэтому при изучении многотомного собрания документов «Советский атомный проект» хорошо выявляется роль как Сталина, так и Берии в этом проекте. Почти неизменная подпись Сталина под важнейшими документами, касающимися Специального Комитета и Первого Главного управления при Совете Министров СССР, доказывает, что Сталин годами не упускал из поля своего зрения ничего существенного, относящегося к Атомному проекту. Берия же не упускал здесь вообще ничего — мимо него не проходили мало-мальски важные бумаги. Причем это не было мелочностью. Это было тщательностью — как врожденной, так и обусловленной высокой личной ответственностью Берии за успех дела.

И все же в отношениях Сталина и Берии были приливы и отливы. Имеются в виду личные отношения — от повседневных и первостепенных деловых услуг такого выдающегося сотрудника, как Берия, Сталин отказаться не мог даже на самое короткое время. Но теснейшие деловые повседневные контакты не означали человеческой близости.

В деловом же, в государственном масштабе Берия был неизменно на первых ролях, и это хорошо показал конец 1951 года.

ОЧЕРЕДНЫЕ годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в сталинской Москве отмечали торжественным заседанием Московского Совета в Большом театре. Не была нарушена эта традиция и 6 нояб-

ря 1951 года — в год празднования 34-й годовщины Октября. На сцене, в президиуме, сидели Маленков, Берия, Ворошилов, Микоян, Булганин, Каганович, Андреев, Хрущев, Шверник, Суслов, Пономаренко, Шкирятов, члены правительства, депутаты Моссовета.

Сталина среди них не было. Не было его на следующий день и на Красной площади — на военном параде. Сталина тогда вообще не было в Москве — с 10 августа по 22 декабря 1951 года он находился в отпуске, и участники заседания приняли приветствие ему, где он был назван «гениальным вождем и учителем советского народа, великим знаменосцем мира».

Спорить тут было не с чем — при всей заезженности формулировок они отражали действительность. Дважды два всегда равняется четырем, а Сталин был десятилетия назад и оставался к началу 50-х годов не только вождем, но и учителем народов. Тем не менее в зале его не было, а доклад кто-то должен был делать. В отчете о торжественном заседании, помещенном в «Правде» 7 ноября, Маленков в списке президиума торжественного заседания стоял первым. Однако с докладом на заседании Моссовета выступил Берия.

Собственно, практика поочередного выступления членов Политбюро с докладами на торжественных заседаниях Моссовета была введена с 1945 года, но какой-то установленной очереди здесь, естественно, не было. В тексте состоявшегося выступления Поскребышева на «антибериевском» Пленуме ЦК в июле 1953 года бывший секретарь Сталина утверждал, что «посылая свой доклад тов. Сталину на просмотр, Берия заявил хвастливо, что его доклад по содержанию превосходит все предыдущие доклады членов Политбюро...» Но, мол, «тов. Сталин, ознакомившись с докладом, отметил неправильность ряда положений, выдвинутых в разделе доклада о международном положении, внеся в этот раздел серьезные поправки принципиального характера»...

«Ну и что?!» — скажу я на это. Ну и похвалился Берия, так что с того! Во-первых, это было сказано ближайшему сотруднику Сталина с глазу на глаз — к слову. А почему бы человеку и не выразить таким образом удовлетворение от хорошо сделанной им работы?

Во-вторых, ну и внес Сталин поправки! Так он ведь и в собственные тексты в ходе работы над ними вносил поправки — подобные документы в один присест не делаются. И надо ли было удивляться, что Сталин читал проект доклада с карандашом в руке и что-то в нем поправил?

В-третьих же, у Берии были все основания для высокой оценки собственного доклада, особенно с учетом того, что он похвалил тем самым не только себя, но и своих помощников по подготовке текста. Язык доклада, хотя и не был чужд казенных оборотов, оказался достаточно живым, деловым и внятным. Читая его, я предположил, что какие-то блоки доклада Берия предварительно диктовал стенографистке — в те годы он так иногда поступал. Во всяком случае читался доклад легко.

В «Правде» он занял три полосы (с фото Берии и общим фото президиума с Берией на трибуне) и говорилось в нем обо всем понемногу, хотя кое на чем докладчик останавливался основательнее, например на проблемах нефтяников и шахтеров. При этом общие положения излагались не тяжеловесно, а конкретные цифры были весомы и убедительны.

Основное внимание уделялось успехам. О недостатках тоже говорилось, но вскользь, в чем особого криминала не было — внутривластный раздел доклада так и назывался: «Новые успехи мирного строительства в СССР».

В 1950 году закончилась первая пятилетка, а в 1951 году промышленная продукция в два раза превысила продукцию 1940 года. Здесь было чем гордиться — еще пять лет назад в некоторых районах СССР порой ели крыс, потому что чуть ли не вся Европейская часть страны лежала в развалинах. Теперь же первый восстановительный период заканчивался, и Берия с вполне обоснованной гордостью сообщал, что по сравнению с прошлым годом производство тканей выросло на 24%, мяса и мясных продуктов — на 20%, масла растительного — на 35%, велосипедов — в 2 раза, фотоаппаратов — на 39%. Берия говорил:

«Наша промышленность уже начинает выпускать в массовом порядке телевизоры, комнатные холодильники, стиральные и другие машины для домашнего обихода».

Второй раздел доклада был озаглавлен «Советский Союз в борьбе за мир» и уже в самом начале его докладчик привел мощную по своей убедительности цитату из Сталина, сказав так:

«Огромный размах мирного строительства в нашей стране красноречиво говорит о мирном характере внешней политики Советского Союза и изобличает клеветников, разглагольствующих об агрессивных намерениях нашего правительства.

«Не может ни одно государство, — говорит товарищ Сталин, — в том числе и Советское государство, развертывать во-всю (так в тексте доклада. — С.К.) гражданскую промышленность, начать великие стройки вроде гидростанций на Волге, Днепре, Аму-Дарье, требующие десятков миллиардов бюджетных расходов, продолжать политику систематического снижения цен на товары массового потребления, тоже требующего десятков миллиардов бюджетных расходов, вкладывать сотни миллиардов в дело восстановления разрушенного немецкими оккупантами народного хозяйства и вместе с тем, одновременно с этим, умножать свои Вооруженные Силы, развернуть военную промышленность. Не трудно понять, что такая безрассудная политика привела бы к банкротству государства»...»

Это говорил не просто заместитель Председателя Совета Министров СССР и член Политбюро ЦК ВКП(б), но и председатель Специального комитета, курировавшего атомную и ракетную проблему, один из создателей атомной и ракетной отраслей в СССР. Однако, говоря так, он не лукавил, как не лукавил и сам Сталин, произнося те слова, которые цитировал Берия. Вопрос ликвидации атомной монополии США в кратчайшие сроки был для России тогда вопросом жизни, защищенной русской Бомбой, или вопросом смерти по «хиросимско-нагасакскому» варианту, а также — и по варианту «дрезденско-гамбургскому», когда англосаксы зажгли над Германией первые в мировой истории рукотворные огненные смерчи.

Атомную проблему под руководством Сталина и Берии Россия решила, и теперь подобные «испепеляющие» варианты с ней «не проходили». Ровно за месяц до доклада Берии, 6 октября 1951 года, в субботнем номере «Правды» был опубликован обширный «Ответ товарища И.В. Сталина корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия».

Шумных комментариев после этого было в мире много, и наилучшее, пожалуй, резюме сделал один из рупоров американских «ястребов» — еженедельник «News Week», опубликовав статью под названием «Равновесие атомных сил»...

Правда, до равновесия тогда было еще далеко, но дышать нам стало, безусловно, легче. Янки хотя и разрабатывали новые планы атомных бомбардировок СССР, однако уже боялись сами на этом обжечься.

Думаю, для сегодняшнего читателя будет интересно познакомиться и еще с одним блоком из внешнеполитического раздела доклада Берии:

«...деятели Соединенных Штатов не перестают болтать о своих будто бы мирных намерениях. Они, видите ли, не прочь «сохранить» мир, но на «условиях», которые будут продиктованы Соединенными Штатами. А каковы эти «условия»? Народы мира должны стать на колени перед американским капиталом, отказаться от своей национальной независимости, принять ту форму правления, какую навяжут американские «советники», ввести у себя «американский образ жизни», **развивать лишь те отрасли хозяйства и лишь в тех размерах, какие угодны и выгодны американским монополистам** (выделение мое. — С.К.)... Словом, народы должны... стать подданными новоиспеченной американской империи.

У каждого честного человека возникает законный вопрос: на каком основании претендуют США на исключительное положение среди других стран? Может быть, на основании того, что у них имеется много золота, нажитого на крови и страданиях миллионов и пригодного для подкупа? Но народы не торгуют свободой...»

В ТО ВРЕМЯ когда один из наиболее ярких соратников Сталина произносил эти слова, ни он, ни Сталин еще не знали, что хотя народы и не торгуют свободой, в России вскоре родятся те, кто, став взрослыми, будут направо и налево торговать свободой народов, предавая историческую будущность и своего собственного, и других народов мира.

И при этом — сохранять в России лишь те отрасли хозяйства и лишь в тех размерах, какие угодны и выгодны американским и международным монополистам.

Возвращаясь же в 1951 год, можно сказать, что акции Берии у Сталина — и так высокие — повышались. Но повторю: доверяя Берии такие важные дела, как предоктябрьский доклад в свое отсутствие, Сталин не видел в нем своего преемника. Нынешние «историки» много развели сплетен о том, что под конец жизни Сталин якобы вообще не доверял Берии, что раздутое этими «историками» так называемое «мингрельское дело» имело своей целью отставку и арест Берии, и т.д. Всё это, конечно, чепуха!

Но в то, что Сталина настраивали против Берии, я верю. Нет, Сталин не лишал Лаврентия Павловича своего доверия и даже напротив, облакал его еще большим своим доверием — о чем я в своем месте скажу. Однако основания для искренней обиды на Сталина у Берии иногда имелись.

Он, как и Сталин, был силен как государственный деятель разносторонним образом. Был он силен и тем, что лишь он один из всех сталинских соратников имел полноценный опыт крупной самостоятельной государственной деятельности в качестве первого лица. Он приобрел его в те годы, когда стоял во главе Закавказского крайкома ВКП(б), ЦК Компартии Грузии и, одновременно, Тифлисского горкома. За те годы, пока он был руководителем Закавказья, Берия сделал для Кавказского региона и прежде всего для Грузии и Тбилиси так много, как никто не делал ни до него, ни после него за всю историю этих благодатных, но очень, увы, непростых мест.

Ни Маленков, ни Молотов, ни Жданов, ни Микоян, ни Ворошилов с Булганиным никогда *самостоятельно* не руководили *странами*. Из высших политических лидеров СССР подобный опыт, кроме Берии, был лишь у Кагановича и Хрущева, в разное время занимавших пост первого

секретаря ЦК КП(б)У, но Украина была особым случаем. На Украине ее высшего руководителя всегда подпирал крепкий и многочисленный актив, Украина всегда была наиболее развитой в индустриальном отношении частью России. Там требовалась крепкая рука, но не требовалась та **личностная** самостоятельность, которая была обязательной для успеха в Закавказье. Так что и в этом отношении Берия лучше других помощников Сталина был подготовлен для руководства всем СССР.

Да, Берия ощущал себя преемником Сталина и вслух обижался и выражал недовольство, когда Сталин предпочитал других. В помянутом выше непроизнесенном «выступлении» Поскребышев — сам того не поняв — свидетельствовал в пользу Берии, когда писал:

«Берия добивался... занять при жизни тов. Сталина место первого заместителя тов. Сталина по Совмину, считая, что только он один является действительным преемником тов. Сталина.

Когда же последовало решение утвердить тов. Булганина первым заместителем тов. Сталина по Совмину, то Берия был недоволен этим решением, характеризуя т.Булганина как слабо подготовленного и неспособного справиться с этой работой».

Итак, даже после ареста Берии Поскребышев признавал, что Берия не закулисно, не держа против Сталина фигу в кармане, а открыто, публично, не опасаясь, что это дойдет до Сталина, считал себя его преемником.

Спрашивается, во-первых, если человек лелеет против своего вождя некий злой умысел и готовит его тайное умерщвление, будет он «во всю Ивановскую» трубить о том, что он-то и должен стать новым вождем? Во-вторых, будет ли он открыто обижаться на вождя за критику, заявляя — как сообщал Поскребышев — что он не понимает, «почему его так критикует т. Сталин, ведь он является верным учеником т. Сталина...»?

Главное же, Берия был абсолютно прав в оценке Булганина, да еще — в сравнении с Берией! Булганин ведь и действительно был слабо подготовлен. И оказался не способен полноценно справляться с работой первого зама Сталина.

Для того, чтобы убедиться в этом, не надо особого труда — достаточно немногих фактов.

Дело было так... 7 апреля 1950 года Политбюро утвердило образование Бюро Президиума Совета Министров СССР, «поручив ему рассмотрение срочных вопросов текущего характера, а также вопросов секретных», и по прямому предложению Сталина назначило Булганина первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Состав Бюро был утвержден следующим: Председатель Совета Министров СССР И.В. Сталин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганин, заместители Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.М. Молотов (15 апреля 1950 года в Бюро был введен Г.М. Маленков, а 30 августа 1952 года — еще и М.Г. Первухин).

Председательствовать на заседаниях Бюро и Президиума Совмина в случае отсутствия Сталина должен был единолично Булганин. Но уже 16 февраля 1951 года пришлось еще одним постановлением Политбюро возложить председательствование в таких случаях поочередно на Булганина, Берию и Маленкова. Причем еще до этого, — формально «не легитимным» образом, с 6 декабря 1950 года заседания Бюро почти постоянно начал вести Берия. Он вел их 9, 12, 16, 18, 21, 26, 30 декабря 1950 года и затем 6, 13, 20 января 1951 года, и лишь 30 января 1951 года его «не легитимно» же сменил Маленков, а уж 8 и 21 февраля — Булганин. Впрочем, 27 февраля председательствовал — впервые «законно» — опять Берия, а потом пошло «вперемешку»: Маленков, Булганин, Берия...

И я не исключаю, что Сталин тогда осознал свою ошибку. Возможно, именно поэтому он предоктябрьский доклад 1951 года и поручил сделать не кому-то еще, а Берии.

До весны 1953 года тогда оставалось еще почти полтора года.

В НАЧАЛЕ этой главы я цитировал книгу антисоветчика Авторханова «Загадка смерти Сталина». Напомню, что он начал ее так:

«На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев — для Сталина и Бери. Рано или поздно один

должен был уступить другому или оба погибнуть во взаимной борьбе».

Станным образом это утверждение оказалось схожим по своему «посылу» и конструкции с позднейшим заявлением бывшего крупного советского партийного деятеля Дмитрия Шенилова. Оно было приведено в сборнике о нем со слов внука Шенилова — Дмитрия Косырева:

«За трон Сталина схватились два самых кровавых сталинских палача — Берия и Хрущев. Победил тот, кто успел выстрелить первым»...

Вопреки заявлению «примкнувшего к ним» Шенилова, Берия — в отличие от Хрущева — не имел «палаческих» склонностей. Будучи, к слову, неплохим стрелком, Берия особой страсти к охоте и стрельбе не имел. А вот Хрущев, стреляя отменно, просто обожал сделать точный выстрел. Однажды правительственный кинооператор удачно подловил момент, когда Хрущев — уже Первый секретарь ЦК, на глазах у «соратников» стреляет по воздушной цели... Прицеливаясь, Хрущев не был похож на себя обычного — куда девались наигранное добродушие и благодушие! Лицо «Никиты» было жестким, жестоким и беспощадным, и это было его подлинное, хотя и тщательно скрываемое им лицо.

Что же до второго утверждения Шенилова, то и оно лживо и антиисторично. Берия не собирался стрелять ни в кого, и в Хрущева тоже. Если бы он, к слову, это замышлял, то с его-то опытом оперативной чекистской работы еще в бурные закавказские годы и позднее, с его-то хваткой и организационным талантом, с МВД наконец, имевшимся в его распоряжении, Берия уж с кем с кем, а с Хрущевым разобрался бы шутя! Ведь Хрущев популярностью и особым авторитетом ни у кого из высшего руководства не пользовался.

«Выстрелил» Хрущев. Но еще до того, как он «выстрелил» по Берии, он «выстрелил» по Сталину. Впрочем, не сделав первого «выстрела», нельзя было сделать и второго.

И время этой злобной «пальбы» уже приближалось.

Глава десятая

ОСЕНЬ И ЗИМА 1952 ГОДА. XIX СЪЕЗД И ДАЛЕЕ...

1952 ГОД стал годом проведения давно ожидаемого съезда партии — первого послевоенного. Между прошлым XVIII и предстоящим XIX съездом пролегло тринадцать лет, но каких лет! Съезд партии не созывался долго, однако так ли уж было необходимо собирать его в соответствии с формальными уставными требованиями в тот момент, когда очередные задачи партии были предельно ясными: вначале победить в войне, затем восстановить разрушенное?

Теперь же проблем для обсуждения накопилось достаточно, и в среду 20 августа 1952 года номер «Правды» 235-й вышел с шапкой в правом углу:

«Центральный Комитет ВКП(б) постановил созвать 5 октября 1952 года очередной XIX съезд ВКП(б)».

Ниже шло:

«К сведению всех организаций ВКП(б). На днях состоялся в Москве Пленум ЦК ВКП(б). Центральный Комитет ВКП(б) постановил созвать 5 октября 1952 года очередной XIX съезд ВКП(б)». Порядок дня XIX съезда:

1. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) — докладчик Секретарь ЦК тов. Маленков Г.М.

2. Отчетный доклад Центральной Ревизионной комиссии — докладчик Председатель Ревизионной комиссии тов. Москатов П.Г.

3. Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 го-

ды — докладчик Председатель Госплана СССР тов. Сабуров М.З.

4. Изменения в Уставе ВКП(б) — докладчик Секретарь ЦК тов. Хрущев Н.С.

5. Выборы центральных органов партии.

<...>

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин»

Итак, *событие* было анонсировано, и началась подготовка к нему.

Сталин заканчивал свои «Экономические проблемы» и контролировал подготовку отчетного доклада ЦК.

Готовились к докладам на съезде национальные республики, министерства, а также и отдельные делегаты.

В Совете Министров и Госплане СССР окончательно сшивались контрольные цифры уже начавшейся пятилетки... Впрочем, эта-то работа была бесконечной — уже в ходе работы съезда делегаты из разных союзных республик предлагали — кто малые, а кто и не очень малые — коррективы по приоритетам, по объемам финансирования, по размещению производственной инфраструктуры и т.д. и т.п. Задачи решались грандиозные — один план «Великих строек коммунизма» чего стоил! — и увязать всё раз и на всю пятилетку было просто невозможно. Причем впервые в истории СССР предусматривались почти равные темпы производства средств производства (группа А) — 13 %, и производства предметов потребления (группа Б) — 11%. Здесь всё было логично — создав базу роста благосостояния, надо было это благосостояние создавать. Было необходимо определить и перспективы развития страны в целом.

Так что работы хватало всем.

Накануне 5 октября вся эта организационная предсъездовская махина была готова к действию, и на следующий день утром в Большом Кремлёвском дворце открылось первое заседание съезда. Новое положение СССР в мире выразилось и в том, что в зале открыто сидели делегации коммунистов из европейских стран народной демократии, из Китая, Кореи, Вьетнама, Монголии... Было много делегаций Компартий из больших и малых капиталистических стран.

Выступили с отчетными докладами Маленков и Моска- тов...

Доклад председателя Центральной ревизионной комиссии Москатова был «техническим», программным же был, естественно, доклад Маленкова.

Многие историки в один голос утверждают, что само выступление Маленкова вместо Сталина «делало его при живом Сталине новым первым секретарем, а может быть, и единоличным лидером в узком руководстве» (Ю. Жуков), было «очевидным свидетельством того, что именно Маленков является формальным преемником Сталина в ВКП(б)» (Ж. Медведев), и т.п.

Но эти толкования не стоят, пожалуй, и выведенного яйца, потому что всё было очевидным. Отчетный доклад ЦК — это отчетный доклад не Генерального секретаря ЦК, а доклад ЦК. Даже тринадцать лет назад Сталин, делая этот доклад лично, зачитывал не только лично свой текст. Также и теперь Маленков зачитывал текст, над которым работало много людей, включая и Сталина, который и был окончательным редактором доклада. И секрета тут ни для кого никакого не было.

Стоять же несколько часов на трибуне и говорить Сталин уже не мог, да в том и не было сейчас нужды. Так кому же было зачитывать доклад вместо него, как не Маленкову, который был наиболее крупной фигурой в чисто партийном руководстве? Не Хрущеву же! Соответственно, роль Маленкова здесь была не «знаковой», как это пытаются сегодня представить «историки», а чисто технической. И, например, слова доклада о том, что «мирное сосуществование капитализма и коммунизма и сотрудничество вполне возможны», принадлежали, безусловно, Сталину.

Доклад ЦК был традиционно разделен на три части: международное положение, внутреннее положение и вопросы партийной жизни. Причем в каждой из частей чувствовалось не просто присутствие Сталина, а его концептуальное главенство.

В докладе говорилось:

«Позиция СССР в отношении США, Англии, Франции и других буржуазных государств ясна... СССР и сейчас готов к сотрудничеству с этими государствами, имея в виду соблюдение мирных международных норм и обеспечение длительного и

прочного мира... Советская политика мира и безопасности народов исходит из того, что мирное сосуществование капитализма и коммунизма и сотрудничество вполне возможны...

Уже сейчас более трезвые и прогрессивные политики...не ослепленные антисоветской враждой, отчетливо видят, в какую бездну тащат их зарвавшиеся американские авантюристы, и начинают выступать против войны... Встав на этот новый путь, европейские и другие страны встретят полное понимание со стороны всех миролюбивых стран...»

В докладе ЦК говорилось и о том, что экономика США и других стран Запада находится в застое... В то же время во «внутреннем» разделе было сказано о бурном развитии экономики СССР. Историк Ю.Жуков по этому поводу иронизирует, но так ведь *тогда* и было. Даже США, во второй раз насосавшись золота, крови и пота народов за счет организованной Золотой Элитой мировой войны, не были способны поддерживать относительно высокие стандарты массового потребления без милитаризации экономики и без постоянной подпитки извне, обеспеченной системной эксплуатацией остального мира.

А СССР за семь послевоенных лет преобразился — уже не развалины определяли облик его городов и сел на бывших оккупированных территориях. Ушли в прошлое первые послевоенные голодные годы. Бурно росло население, а детей в атмосфере социальной неуверенности и пессимизма охотно не заводят. Вузы выпускали до 200 тысяч выпускников в год, к которым прибавлялось примерно 300 тысяч новых выпускников техникумов.

Не была, конечно, инициативой Маленкова и его открытая атака на коррупцию. В качестве примера была приведена Ульяновская партийная организация, где — как сообщал доклад ЦК: «часть хозяйственных, советских и партийных работников из руководящей верхушки областной организации морально разложилась, встала на путь казнокрадства растаскивания и разворовывания государственного добра».

Доклад констатировал:

«Создалась известная опасность отрыва партийных органов от масс и превращения их из органов политического руководства... в своеобразные ад-

министративно-распорядительные учреждения... <...> Партии нужны не заскорузлые и равнодушные чиновники, предпочитающие личное спокойствие интересам дела, а неутомимые и самоотверженные борцы за выполнение директив партии и правительства, ставящие государственные интересы превыше всего...»

И далее Маленков заявлял: «У руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знатоки своего дела».

Такие мотивы не могли правиться «партоплазме» — поскольку предвещали ей лихие дни. Не могли они нравиться и нашим внешним врагам — поскольку предвещали лихие дни той «партоплазме», на наличии которой в СССР внешние враги строили далеко идущие расчеты.

Не могли эти мотивы радовать и Хрущева. Хотя в докладе Маленкова не было камешка в «огород» единолично Хрущева, тезис доклада о необходимости умного руководства изрядно ущемлял гипертрофированное самолюбие Хрущева. И ущемлял не только потому, что с культурой у Никиты Сергеевича было слабовато, а еще и потому, что весной 1951 года секретарь ЦК и первый секретарь Московского обкома Хрущев серьезно оплошал. 4 марта 1951 года он опубликовал в «Правде», а также в газетах «Московская правда» и «Социалистическое земледелие» статью «О строительстве и благоустройстве в колхозах», где предлагал массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки типа «агрогородов» и рассматривал это как «важнейшую задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов».

Можно с уверенностью утверждать, что статью писал не Хрущев. Можно предполагать и то, зачем она была Хрущеву кем-то подсунута. С одной стороны это был, говоря языком современным, «популистский» шаг, рассчитанный на «набор» Хрущевым «очков» прежде всего у подмосковных колхозников — им ведь обещали городскую жизнь на селе. С другой стороны, подлинным инициаторам такой статьи заранее было ясно, что Сталин Хрущева крепко взгреет за, мягко говоря, несвоевременное прожектерство.

Сталин Хрущева и взгрел — правда, не публично. 2 ап-

реля 1951 года было принято соответствующее Постановление Политбюро. Хрущев оправдывался, но — зная его мстительность, те, кто его подзудил, могли быть уверены, что дополнительный «зуб» у Хрущева на Сталина появился. А это было для кое-кого моментом положительным, обнадеживающим.

После Маленкова выступил с программным докладом по пятилетнему плану Сабуров. Зачтение проекта директив по пятилетнему плану было длительным, потому что план не просто впечатлял. Контрольные цифры рисовали качественно иную страну.

Затем начались прения по отчетному докладу ЦК и докладу Председателя Госплана СССР.

Когда-то партийные съезды шли в атмосфере, порой весьма накаленной и жесткой, что было объяснимо. Троцкисты, «левые» зиновьевцы, «правые» бухаринцы, «рабочая оппозиция», «новая оппозиция», «сталинское ядро ЦК» — когда-то всё это и определяло жесткость противостояния чуть ли не до драк. Теперь всё это было в прошлом, и тон рядовых докладов уже не был задиристым.

Внешне все выглядело благопристойно: выступали секретари республиканских ЦК и обкомов, председатели республиканских Совминов и союзные министры... Выступали украинский секретарь Мельников, азербайджанский Багиров, литовский Снечкус, молдавский Брежнев, Андрианов из Ленинграда... Выступали «нефтяной» министр Байбаков, министр черной металлургии Тевосян и министр судостроения Малышев, маршал Василевский и писатель Корнейчук... С обширной речью — по сути, с программой в сфере продовольственной политики, пищевой и легкой промышленности — выступил Микоян.

Выступал и Берия — 7 октября. Я не буду останавливаться на его речи подробно, ограничившись несколькими замечаниями. Скажем, уже известный нам Абдурахман Авторханов пишет, что Берия-де произнес не только самую большую на съезде речь, но и что она была единственной живой речью, наполненной, впрочем, «славословиями Сталину». Но это было не совсем так, ибо как раз в речи Берии славословий не было, зато много говорилось об успехах национальных республик.

Также известный нам историк Юрий Жуков усмотрел в докладе Маленкова и речи Берии некую скрытую борьбу между «ястребом» Берисей и чуть ли не «голубем» Маленковым. Однако и это, конечно, не так! Да, Берия сказал, что США «боятся мира больше, чем войны, хотя нет никакого сомнения в том, что, развязав войну, они только ускорят свой крах и свою гибель». Но из чьих же уст, если не из уст главы советского Атомного проекта Америка должна была услышать вполне уместное предупреждение относительно неуместности силовых авантюр против СССР?

Речь Берии была велика. Однако и доклад Микояна был огромен. Причем при всей его загроможденности цифрами, он и сегодня читается как поэма — так соблазнительно выглядели в нем перспективы, открывающиеся в СССР не только для рядовых едоков, но и для привередливых лакомок.

Объем доклада Булганина (к слову, весьма пресного) тоже был вряд ли меньшим, чем у Берии. Да и по живости речь Берии была отнюдь не исключением. Екатерина Фурцева — тогда секретарь Московского горкома партии, выступала весьма ярко и говорила, например, так:

«О какой критике и самокритике может идти речь, скажем, в Физическом институте Академии наук СССР, где 102 работника состоят в родственных отношениях, причем часть из них находится в непосредственном подчинении друг у друга?»

Фурцева же рассказала о таком случае... 31 мая 1952 года в Министерство речного флота СССР поступило письмо из Госснаба СССР с просьбой о продвижении важного груза. 5 июня соответствующий главк подготовил ответ и передал его на подпись заместителю министра Вахтурову. Через шесть дней ответ вернулся в главк с визой Вахтурова «Освежите»...

Под смех зала Фурцева рассказывала:

— Письмо «освежили», поставили 4 новые визы и вновь направили к замминистра...

Однако Вахтуров вновь вернул его, теперь уже через восемь дней, с припиской: «Написано слабо».

— Письмо «усилили», — продолжала рассказ Фурце-

ва, — поставили 5 новых виз, но через пять дней письмо вернулось пересеченным.

А 30 июня на новом варианте появилась виза Бахтурова: «Заместителю начальника главка т. Соловьеву. Мною сообщено о принятых мерах в Госснаб по телефону и письмом посылать не будем».

— Таким образом, — резюмировала Фурцева, — понадобилось тридцать дней бесплодной переписки, в то время как вопрос можно было решить в течение нескольких минут...

ОСОБО же я останавлиюсь на первой из произнесенных на съезде речей Сталина. Нет-нет, «продвинутые» «россиянские» «историки» могут не волноваться — я не зарепортовался. Формально Сталин на съезде выступил один раз — 14 октября. Однако съезд еще до этого услышал фактически сталинскую речь в исполнении его многолетнего помощника и секретаря А.Н. Поскребышева.

На первый взгляд, речь Поскребышева была посвящена хотя и важному, но частному вопросу — необходимости укрепления партийной и государственной дисциплины. Но пусть читатель сам судит, только ли об этом говорил заведующий особым сектором ЦК ВКП(б)... И говорил ли он это сам, от себя, или его устами говорил Сталин.

Итак:

«Есть у нас, к сожалению, среди партийных и советских работников (заметим, что хозяйственные работники здесь не упомянуты. — С.К.) такие, которые почему-то уверены в том, что законы обязаны исполнять не они, а кто-то другой, а что они сами могут обходить законы, нарушать или применять их по своему усмотрению по принципу: «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло». От такого весьма странного понимания законов всего один шаг к... преступлению. .. Иные руководители почему-то считают, что критиковать дозволено только своих подчиненных, а подчиненные, видите ли, не вправе критиковать свое начальство. Это... ничего общего не имеет с партийностью. Руководитель... ограждающий себя от критики, заведомо роет пропасть между собой и массами <...>».

Критика и самокритика — это мощная сила, спо-

собная делать чудеса, если сую умело пользоваться, если она применяется честно, открыто, по-большевистски. <...>.

Критику и самокритику не уважают лишь люди с нечистой совестью, это либо нарушители партийной и государственной дисциплины, либо презренные трусы, либо жалкие обыватели, недостойные посить высокое звание члена партии...»

Конечно же, сам Поскребышев ничего подобного по своей инициативе сказать не смог бы! Он ведь выступал не на районном или областном партийном активе, а на долгожданном высшем партийном собрании всего Советского Союза, перед всей коммунистической «головкой» планеты, в присутствии самого Сталина!

Поскребышев никогда и ни в чем не мог проявлять сколько-нибудь серьезной инициативы даже не в силу каких-то своих личностных качеств. Поскребышев никогда и ни в чем не мог проявлять сколько-нибудь серьезной инициативы просто потому, что если бы он однажды на это и отважился, то всё равно все сочли бы, что инициатива исходит от товарища Сталина, а Поскребышев — не более чем исполнитель.

Так что это говорил, конечно же Сталин. Но если бы это сказал он сам, то эффект был бы не только оглушающим, но и не тем, которого Сталин добивался. Ведь это было еще не всё, что сказал он устами Поскребышева, ведь дальше следовали еще более грозные, весомые и значительные слова:

«Имеются... случаи, когда некоторые вельможные чиновники, злоупотребляя своей властью, учиняют расправу за критику, прямо или косвенно подвергают подчиненных репрессиям и преследованиям (далее выделение мое. — С.К). **Но всем известно, как строго карает таких вельмож наша партия и ее Центральный Комитет, не считаясь при этом ни с чинами, ни со званиями, ни с прошлыми заслугами...**»

Мог ли это сказать Поскребышев — всегда подчеркнуто скромный, подчеркнуто незаметный и подчеркнуто несамостоятельный человек — в публичной обстановке в зале,

где во всем блеске и великолении чинов, мундиров и паград был собран весь партийный цвет страны?

Нет, конечно! Говорил это Сталин. Но говорил так, чтобы при всей грозности и серьезности предупреждения оно не было воспринято как предвестие новых крупных чисток в партийно-государственном руководстве и аппарате.

Устами Поскребышева Сталин не угрожал, не пугал. Он предупреждал. Но предупреждал всерьез и, как всегда, по-сталински. То есть, во-первых, предельно сдержанно — потому он и поручил сказать то, что было сказано, другому. Во-вторых, весомо.

И можно было не сомневаться, что вся шкурная «партоплазма» — и сидящая в зале, и орудующая вне его стен — поняла Сталина верно.

ДА И КАК она могла его не понять, если Сталин говорил на эту тему уже не в первый раз. И даже не во второй... Так, 13 апреля 1928 года на совещании актива московской организации ВКП(б) он отдельный раздел доклада посвятил самокритике, сказав, в частности, вот что:

«Я знаю, что в рядах партии имеются люди, недолюбливающие критику вообще, самокритику в особенности. Эти люди... ворчат: ...дескать, ...пелызя ли дать нам пожить спокойно?<...> Я думаю, товарищи, что самокритика нужна нам как воздух, как вода... <...>

Лозунг самокритики получил особо сильное развитие после XV съезда партии. Почему? Потому, что после XV съезда, ликвидировавшего оппозицию, ...в партии может создаться опасность почить на лаврах... А что значит почить на лаврах? Это значит поставить крест над нашим движением вперед. А для того, чтобы этого не случилось, нам нужна самокритика ...честная, открытая, большевистская...»

Впрочем, это были пока что общие слова... Но Сталин далее сказал и кое-что более конкретное:

«...Наконец, есть еще одно обстоятельство, толкающее нас к самокритике. Я имею в виду вопрос о массах и вождях. ... Конечно, тот факт, что у нас

создалась группа руководителей, поднявшихся слишком высоко и имеющих большой авторитет, — этот факт является сам по себе большим достижением нашей партии. Ясно, что без наличия такой авторитетной группы руководителей руководить большой страной невозможно. Но тот факт, что вожди, идя вверх, отдаляются от масс... не может не создавать известной опасности отрыва вождей от масс и отдаления масс от вождей. Опасность эта может привести к тому, что вожди могут зазнаться и признать себя непогрешимыми...»

И вот уж это вряд ли гарантировало спокойную жизнь многим из «вождей», желающих почивать не только на лаврах, но и на мягких кроватях. Хотя тогда Сталин подчеркивал, что речь идет не о смене вождей, а о том, чтобы сохранить их, «организовав постоянный и нерушимый контакт между ними и массами».

Прошло шесть лет, и 26 января 1934 года в отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) Генеральный секретарь ЦК был уже более жестким, начав тему так:

«По части подбора людей и смещения тех, которые не оправдали себя, я хотел бы сказать несколько слов.

Помимо неисправимых бюрократов и канцеляристов, насчет устранения которых у нас нет никаких разногласий, есть у нас еще два типа работников, которые тормозят нашу работу, мешают нашей работе...»

О первом типе Сталин сказал так:

«Один тип работников — это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что Совет-

ская власть не решится их тронуть из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы... Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом... Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место...»

А дальше Сталин сказал и о втором типе негодных работников, которых он называл «честными болтунами», и с чисто сталинским юмором сетовал:

«И когда снимаешь с постов таких болтунов ...они разводят руками и недоумевают: «За что же нас снимают? Разве мы не сделали всего того, что необходимо для дела, разве мы не собрали слет ударников, разве мы не провозгласили на конференции ударников лозунгов партии и правительства. Разве мы не избрали весь состав Политбюро ЦК в почетный президиум, разве не послали приветствие товарищу Сталину, — чего же вы еще хотите от нас?»

Этих Сталин рекомендовал тоже снимать с руководящих постов — в 1934 году. Через три года, в 1937 году, лишь снятием с постов ограничиваться удавалось уже не всегда...

Возможно, читатель уже заметил несомненное текстуальное сходство речей Сталина в 1934 году и Поскребышева в году 1952-м, а возможно — и нет. Но что касается «партоплазматических» «вождей» образца 1952 года, то уж они-то его заметили.

А если кто даже и не заметил бы, то референты сразу же на это сходство внимание «шефа» обратили бы. Вот, мол, что сказано Александром Николаевичем Поскребышевым, а вот что сказано на страницах 369—372 тринадцатого тома Сочинений товарища Сталина, изданного год назад.

А если бы что-то просмотрели и референты, то уж те изменения в руководстве партией, которые произошли после съезда, навели бы на серьезные раздумья даже не очень далеких людей. Но об этом — чуть позже.

ХІХ СЪЕЗД ВКП(б) закончился 14 октября 1952 года. По докладу председателя Госплана Сабурова он принял директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы, а по докладу Хрущева об изменениях в Уставе ВКП(б) было, в частности, принято решение переименовать Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков) в Коммунистическую партию Советского Союза. Кто-то из современных исследователей, например Рудольф Баландин, усматривает в этом решении некое желание Сталина приизить статус партии, пизведя ее таким названием до уровня чуть ли не союзного министерства. Однако объяснялось всё явно тем, чем оно и было объяснено на съезде. Присутствие в названии буквы «б» в скобках стало все же анахронизмом, что и вызвало необходимость переименования. И новое название партии оказалось даже более весомым — если уж говорить о внешнем впечатлении.

Сталин выступил на съезде в самом его конце — 14 октября, с заключительным словом. При этом он «не угодил», например, историку Ю.Н. Жукову тем, что вместо того, чтобы «подвести, — как пишет Ю. Жуков, — итог неявной, скрытой дискуссии», он произнес краткую речь, которую все тот же Жуков оценил как «далекую от насущных забот, от реального положения страны, от борьбы в узком руководстве»... Далась же нынешним историкам эта «борьба в узком руководстве»! Ну ради чего было вести эту «борьбу»? Рабочий день у каждого члена «узкого руководства» был и так наполнен всегда «под завязку». Лишней государственной дачи не давали. И если бы кто-то «выиграл» в «борьбе за власть», то получение под свою руку двух-трех лишних отраслей экономики не означало приобретения контрольных пакетов акций, женитьбы на супермоделях и плавания в волнах Средиземного моря. А всё необходимое для нормальной жизни и работы «узкое руководство» и так имело. Грызния была, но — на уровне окружения «узкого руководства».

Что же до речи Сталина на съезде, то она была произнесена не только с учетом нового, вполне реального положения СССР, но и стала подчеркнутой демонстрацией этого нового положения. Уже говоря о праздновании 70-летнего юбилея Сталина, я писал, что оно не могло не быть событием международного значения. Состоявшийся через три го-

да XIX съезд советских коммунистов тем более не мог не быть важнейшим событием для всех левых сил на планете.

Сталин и подчеркнул это новое положение КПСС и СССР, выступив в том духе, что все передовые люди в мире могут рассматривать КПСС и СССР как свою «передовую бригаду», идущую в авангарде движения к справедливому и гуманному устройству жизни.

На съезде была образована комиссия по переработке программы партии. В нее вошли: И.В. Сталин — председатель, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, О.В. Куусинен, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, П.Н. Поспелов, А.М. Румянцев, М.З. Сабуров, Д.И. Чесноков, П.Ф. Юдин.

Как видим, в комиссии был Берия, повседневно идеологическими вопросами не занятый, зато отсутствовал «чистый» партийный деятель Хрущев. Вряд ли это было случайным, и вряд ли это радовало Хрущева и хрущевцев. Но дело было не в закулисных интригах, а в том, что Сталин постепенно ставил Никиту Сергеевича на его «законное» место оперативного сотрудника, который еще может достаточно энергично заниматься текущими делами, но — не более того. То есть относительно деловых качеств Хрущева Сталин уже не заблуждался. Однако он, увы, трагически заблуждался относительно личностных качеств Хрущева.

Но положение Хрущева не представлялось такой уж важной проблемой. Главными оказались кадровые результаты съезда — после него руководящее ядро КПСС помолодело и расширилось.

Прошедший 16 октября 1952 года Пленум ЦК избрал вместо старого Политбюро ЦК ВКП(б) новый Президиум ЦК КПСС в таком небывало многочисленном составе: В.М. Андрианов, А.Б. Аристов, Л.П. Берия, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, С.Д. Игнатьев, Л.М. Каганович, Д.С. Коротченко, В.В. Кузнецов, О.В. Куусинен, Г.М. Маленков, В.А. Малышев, Л.Г. Мельников, А.И. Микоян, Н.А. Михайлов, В.М. Молотов, М.Г. Первухин, П.К. Пономаренко, М.З. Сабуров, И.В. Сталин, М.А. Суслов, Н.С. Хрущев, Д.И. Чесноков, Н.М. Шверник, М.Ф. Шкирятов.

Кандидатами в члены Президиума стали: Л.И. Брежнев, А.Я. Вышинский, А.Г. Зверев, Н.Г. Игнатов, И.Г. Кабанов,

А.Н. Косыгин, Н.С. Патоличев, Н.М. Пегов, А.М. Пузанов, И.Т. Тевосян, П.Ф. Юдин.

Вместе с кандидатами в члены Президиум ЦК был расширен до 36 человек, причем предложил такой состав Сталин. Одновременно по предложению Сталина для оперативного решения вопросов было создано не предусмотренное Уставом Бюро Президиума ЦК КПСС: Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Сталин и Хрущев.

Секретариат ЦК, предложенный опять-таки Сталиным, выглядел так: Аристов, Брежнев, Игнатов, Маленков, Михайлов, Пегов, Пономаренко, Сталин, Суслов, Хрущев.

О ТОМ, ЧТО читатель прочел только что, сегодня можно узнать из многих, в том числе и вполне доступных, источников. А вот то, что ему сейчас предстоит прочесть, «россиянские» «историки» до сведения читателя не доводят. Дело в том, что *почему-то* в архивах отсутствует стенограмма октябрьского 1952 года Пленума ЦК КПСС, на котором прошли все вышеприведенные кадровые назначения. Лично я уверен, что ее просто уничтожили после двойного убийства Сталина и Берии, и теперь «историки» имеют возможность злобно перевирать атмосферу того пленума, утверждая, в частности, что Сталин якобы живого места не оставил от Молотова и Микояна, после чего последовала-де, их окончательная опала.

К счастью, делегат XIX съезда, 40-летний тогда член ЦК КПСС Леонид Николаевич Ефремов сделал запись выступления Сталина на пленуме, которая была впервые опубликована в 1998 году в книге Ефремова «Дорогами борьбы и труда». 16 ноября 2005 года она была уточнена с автором и опубликована в 18-м томе Собрания сочинений И.В. Сталина, издаваемом видным ученым-марксистом Ричардом Ивановичем Косолаповым.

Я приведу эту запись выступления Сталина в наиболее существенных ее фрагментах:

«Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого

единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят: для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто понесет ее вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого пужны большие усилия. Потребуется десять лет, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах...»

По сути, Сталин здесь продолжал те мысли, которые были высказаны им в «Экономических проблемах», по дальше он сказал еще интереснее:

«Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от записанных постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полные сил и энергии...

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями...»

А далее Сталин сказал о Молотове и Микояне. Из политических деятелей первого ряда лишь они не вошли в Бюро Президиума ЦК КПСС — Сталин на пленуме 16 октября их

серьезно критиковал. Но это отнюдь не означало для них — как утверждают «демократические» «исследователи» — полного надения и близких репрессий чуть ли не до расстрела.

По некоторым воспоминаниям, речь Сталина — свободная и откровенная, длилась полтора часа без перерыва. Вряд ли это было так на самом деле, и причина была не в проблемах со здоровьем — оно у Сталина было далеко не безупречным, но и не из рук вон плохим. Просто сам строй и смысл выступления Сталина на пленуме не предполагал очень уж долгого говорения. Но смысл сказанного им был так серьезен и весом, что для его аудитории время спрессовалось, и она уже не замечала его хода. Лишним подтверждением такого моего заявления могут быть воспоминания, записанные участником съезда и пленума писателем Константином Симоновым через 27 лет. Симонов вспоминал: «И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело сидевших к какому-то оцепенению».

Симонов, хотя впоследствии не раз судил Сталина (и, к слову — Берию), имел личностный масштаб неизмеримо меньший, чем те, кого он с кондачка осуждал. И в описании атмосферы пленума он — как «мастер пера» — краски сгустил. Но Сталин и впрямь говорил жестко, особенно тогда, когда «перешел на личности»:

«Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков...»

Сталин ставил в вину Молотову три вполне реальных его прегрешения: поддержка претензий советских евреев на Крым, утечку важных государственных тайн на Запад через жену Молотова и благосклонное отношение Молотова к предложению английского посла «издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы»...

Первые два греха были давними и относились к 1944-му

и 1949 году. Третий — более свежий, имел предысторию, относившуюся к 1945 году.

Тогда Молотов тоже неосторожно намекнул корреспонденту из США, что Советский Союз мог бы ослабить цензурный режим «на условиях взаимности», и Сталин был просто-таки разгневан. 5 декабря 1945 года он направил с юга шифровку вначале Молотову, Берии, Микояну и Маленкову, а 6 декабря — уже только Маленкову, Берии и Микояну, где выговаривал всем трем за «наивность», критиковал Молотова и писал:

«Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только Вам трем. Я ее не послал Молотову, так как я **не верю в добросовестность некоторых близких ему людей** (выделение мое. — С.К.). Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать».

Теперь история повторялась, но все было сложнее — Молотов выбивался из «железной» рабочей «обоймы» и, что называется, «плыл». Недаром еще в 1945 году Сталин сомневался в его окружении. К тому же жена Молотова Полина Жемчужина — до мая 1948 года начальник Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Минлегпрома РСФСР, в январе 1949 года была арестована и в декабре 1949 года осуждена на пять лет ссылки, причем — за дело. В итоге быт Молотова был неустроен, и оптимизма ему это не прибавляло. С другой же стороны, он часто и много бывал за границей, в США, и невольно подпадал под «скромное обаяние буржуазии». Ведь по трущобам западных городов Вячеслава Михайловича не возили — даром что и вообще все пишие регионы планеты тогда уже можно было считать «задним двором» Запада и США.

Имелись проблемы и с Микояном — тоже не чуждым скепсиса по отношению к перспективам СССР в сравне-

нии с витринами центральных авеню Нью-Йорка. Поэтому Сталин не забыл помянуть недобрым словом персонально и Анастаса Ивановича, старого, но очень уж изворотливого своего соратника.

Однако и после критики Сталина Микоян и Молотов остались «при деле». 27 октября 1952 года Постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС на Молотова было возложено «наблюдение за работой всех видов транспорта, Министерства связи и Комиссии ЦК по связям с иностранными компартиями», а на Микояна — «руководство работой всех видов министерств: пищевой промышленности, мясо-молочной промышленности и рыбной промышленности». Это было не так уж и мало — при желании работать всерьез.

Не выпал из высшей руководящей «обоймы» и Климент Ефремович Ворошилов.

В ЗАПИСИ Л.Н. Ефремова есть описание и того знаменитого сейчас момента, когда Сталин, после предложения с места избрать его вновь Генеральным секретарем ЦК, весьма настойчиво — дважды — попросил освободить его и от обязанностей Генерального секретаря ЦК, и от обязанностей Председателя Совета Министров СССР, сказав: «Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря».

Исходной точкой извращенного описания этого эмоционально действительно насыщенного момента у различных авторов типа Радзинского стало, скорее всего, «художественное» описание его Константином Симоновым. Он картинно расписал и «выразительно вздымные руки» возражающего Маленкова, и «ужасное выражение» его якобы смертельно испуганного лица, но вряд ли был в своих «воспоминаниях» точен.

Так или иначе, после протестов Маленкова, Берии и маршала Тимошенко, резонно заявившего, что «народ не поймет этого», Сталин уже не просился в отставку, долго стоял, глядя на аплодирующий ему зал, потом махнул рукой и сел.

А еще до этого он по бумажке, вынутой из кармана френча, зачитал те предложения по расширенному составу Президиума ЦК и по Секретариату ЦК, которые были Пленумом приняты и которые я уже привел выше.

После зачитания их Сталин заметил, что в списке находятся все члены Политбюро старого состава, кроме Андреева, и прибавил: «Относительно уважаемого товарища Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится».

Андреев, впрочем, прожил до 1971 года, скончавшись 76 лет от роду.

Попытку Сталина уйти от формального руководства сегодня представляют — не без влияния позднейших «воспоминаний» Симонова — как некий «иезуитский» ход по зондажу истинного положения вещей и настроений в «верхах». Но Сталин — вне сомнения — был искренен. Он ведь все равно остался бы Сталиным и продолжал бы быть окончательным арбитром во всех спорах, а к тому же...

К тому же таким образом он почти автоматически обеспечивал бы себе вариант скорого «ухода в Советскую власть» путем перехода в юридические главы государства.

Но и Семен Константинович Тимошенко был прав — народ бы этого не понял. Надо было некоторое время подождать — хотя бы до очередной сессии Верховного Совета.

Наводят тень на ясный день и в вопросе о расширенном списке Президиума ЦК, предложенном Сталиным. В «воспоминаниях» Хрущева прямо заявлено, что Сталин якобы не мог знать большинство из тех, кого он предлагал избрать, и что этих никому якобы неизвестных «новичков» Сталину не рекомендовали ни Хрущев, ни — по словам Хрущева — Маленков и Берия.

Мемуары — вообще редко достоверный источник, хотя изучать их приходится. Но что касается «мемуаров» Хрущева, то как однозначно низкий культурный уровень их номинального «автора», так и сам характер этих «мемуаров» лично меня убеждают в почти полной их фальсификации. «Мемуары» Хрущева, на мой взгляд, являются неглубоко сконструированным элементом психологической войны против социализма. Это не всегда просто доказуемо, но в данном случае ложь Хрущева и его «соавторов» устанавливается на редкость легко — простым поименным анализом общественного положения на осень 1952 года всех, кого рекомендовал Сталин. Все они — без исключения —

так или иначе не могли не находиться в поле прямого зрения Сталина.

Но это была, так сказать, руководящая «массовка». Не менее важным обстоятельством после съезда стало то, что Пленум ЦК сформировал «руководящую пятерку»: Берия, Булганин, Маленков, Сталин, Хрущев.

Берия стоял здесь на первом месте, Хрущев — на последнем. Но объяснялось это всего лишь порядком букв алфавита, с которых начинались их фамилии.

А В САМОМ конце 1952 года, 30 декабря, исполнилось 30 лет со дня образования СССР. Но особых торжеств по этому поводу не было, лишь в «Правде» была опубликована статья Поскребышева «Великое многопациональное государство».

Впрочем, вдруг стало не до юбилеев — события начали убыстряться. Внутриполитическая ситуация завязывалась в странный, но тугой узел. В книге уже упоминавшегося мной ранее Р.К. Баландина «Маленков» совершенно верно подмечено, что доклад Маленкова (точнее будет сказать: доклад Сталина, Маленкова, а также — в той или иной мере — остальных членов Политбюро и ряда работников аппарата ЦК) должен был усилить потаенные антисталинские настроения среди партийной номенклатуры, поскольку Сталин пресекал коррупционные тенденции и вынуждал руководителей всех уровней много работать при сравнительно небольших льготах.

Это было действительно так — Р.К. Баландин лишь забыл прибавить, что речь Поскребышева оказалась в этом отношении еще более «знаковой». И поскольку «вечный» бой, данный в очередной раз «шартоплазме» на съезде и пленуме, Сталин был склонен развернуть в серьезную политическую битву, потаенные антисталинские настроения среди партийной номенклатуры должны были не просто усилиться, а обрести особый накал. Накопившиеся страсти и амбиции — злобные, мелочные, мещанские, потребительские должны были найти свой логический выход.

А логическим выходом была смерть Сталина.

Глава одиннадцатая
ЗИМА 1952/53 ГОДА...
ЧЕГО БОЯЛИСЬ «ВЕРХИ»
СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА...

И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех
продающих и покупающих в храме,
и опрокинул столы меновщиков...

Евангелие от Матфея, гл.21, стих 12

На это Иудей сказали Ему в ответ:
каким знамением докажешь Ты нам,
что **имеешь власть** так поступать?

...
И не имел нужды, чтобы кто
засвидетельствовал о человеке,
ибо Сам знал, что **в человеке**.

Евангелие от Иоанна, гл. 3, стихи 18 и 25

У МЕНЯ нет, к сожалению, возможности привести полный текст специального сообщения министра государственной безопасности С.Д. Игнатьева, которое помещено в сборнике документов «Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953», изданном тиражом в 2000 экземпляров в 2007 году. Это спецсообщение №1880/и от 5 января 1952 года о завершении следствия по делу антисоветской террористической организации, состоящей из еврейской молодежи, занимает в сборнике 14 страниц плотного текста. Впрочем, одну выдержку из этого доклада Игнатьева я приведу в главе «13-й отдел ГРУ». Сейчас же просто скажу, что у того, что было названо «борьбой с космополитизмом» имелись глубокие объективные основания. Не чуждая, увы, перегибов, фактически эта борьба стала борьбой с внутренним еврейским национализмом, после образова-

ния Израиля все более сближающимся с американским и израильским сионизмом.

Предлагаю всем, желающим размышлять честно, задуматься над хотя бы такими тремя судьбами.

Член Еврейского Антифашистского комитета Вольф Виленский родился в 1919 году в Ковно (Каунасе). Был в Литве членом левосионистской молодежной организации «Га-Шомер Га-Цаир». С 1940 года служил в РККА, воевал в составе Литовской стрелковой дивизии, был командиром батальона. 24 мая 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны окончил с отличием академию им. Фрунзе.

А далее? А далее автор книги «Сталин и евреи» Арно Люстигер сообщает, что когда в сентябре 1983 года самолет компании «Эль-Аль» с Виленским на борту приземлился в Тель-Авиве, многие его товарищи по оружию (!), надев на штатские пиджаки ордена, приветствовали своего бывшего командира. И несколько лет спустя Виленский умер, будучи генералом запаса израильской армии.

Полина Гельман родилась в 1919 году в Бердичеве. Училась в Гомеле, закончила аэроклуб, училась в МГУ. Воевала в знаменитом 46-м гвардейском Таманском женском полку ночных бомбардировщиков, с 15 мая 1946 года — Герой Советского Союза.

В 1976 году бывший профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС Гельман впервые приехала в Израиль, где встречалась с боевыми (!) товарищами. Когда в марте 1998 года она посетила Израиль в качестве почетного гостя, командующий израильскими ВВС генерал Эйтан Бен-Элияху показал ей новейшие самолеты.

Евсей Вайнруб родился в 1909 году в Белоруссии, в Новом Борисове. Служил кадровым командиром в РККА, воевал, стал генералом танковых войск, Героем Советского Союза. В 1995 году уехал в Израиль, где встретил многих своих бывших однополчан (!). Есть фото, где он снят вместе с министром абсорбции Израиля Яиrom Цабаном.

И это ведь — лишь наиболее поразительные и поражающие примеры, уважаемый мой читатель. Люди родились на земле, на которой родились их отцы, деды, прадеды и пра-

щур. Они на этой земле росли, выросли, выучились... Эта земля подняла их до немалых высот. Да, они имели перед ней заслуги. Но всем ли верным своим сынам Родина воздаст по ним? И вот с какого-то момента эти люди покидают — физически, юридически и духовно свою Родину и припадают к стопам некоей другой «родины» — «духовной».

Что ж, допустим, это их право — пусть для многих и сомнительное. Но может ли их настоящая — как бы они ни отряхивали ее прах со своих подошв — Родина считать их благонадежными своими гражданами, доверять им? Доверять не то чтобы нечто серьезное, но вообще *что-либо*?

Причем такие ренегаты предают ведь не только свою Родину! Они фактически предают и своих единоплеменников, которые остаются своей подлинной Родине верны! Генерал-полковник танковых войск, дважды Герой Советского Союза Давид Драгунский родился в 1910 году в Брянске. В двадцать лет он стал большевиком, в 23 года — командиром РККА, в 1938 году воевал на Хасане, а потом доблестно отвоевал войну, 15 лет командовал Высшими командными курсами «Выстрел». Он был верным сыном Родины, но чужая измена косвенно — без его вины — марила ведь и его. Он имел две Золотые Звезды Героя, но у Виленского, Гельмана и Евсея Вайнруба вместе взятых их было три.

Да, эмигрируют на чужбину отщепенцы и других национальностей, но они при этом, как правило, не считают новое место жительства *Родиной*.

Я НЕ НАМЕРЕН развивать свою мысль дальше и ограничусь простой констатацией: у Сталина на рубеже 1952/1953 годов накопилось достаточно конкретной информации для того, чтобы предпринять против именно еврейского национализма — как наиболее опасного во всех отношениях — жесткие превентивные меры.

При этом не могло быть и речи о каких-то массовых депортациях, о создании особых концентрационных лагерей для советских евреев, слухами о которых полны «труды» «демократических» «исследователей», никогда не оперирующих ничем, кроме этих слухов, и никогда не предъявляющих на сей счет никаких, даже самых сомнительных

документов. Даже такой энергичный в обличении «сталинского антисемитизма» автор, как Арно Люстигер, не смог привести в подтверждение этих слухов ничего, кроме «исповеди работника ЦК Н. Полякова» из книги Зиновия Шейниса, изданной в Москве в 1992 году.

Не могло быть речи и о неких массовых «кадровых репрессиях». Если еврей был просто инженером, то он и оставался бы просто инженером. Главный же инженер завода еврей при внимательном подходе к кадровой политике оставался бы на своем посту тогда, когда являлся действительно лучшим организатором инженерной работы на своем предприятии. Ведь ситуация складывалась так, что «процентные нормы» действительно было необходимо менять. Скажем, осенью 1948 года положение с преподавательским составом на кафедрах общественных наук в вузах СССР было примерно следующим.

Кафедры	Процент по национальности			
	русские	украинцы	евреи	другие
философии	43,6	13,6	22,2	20,6
марксизма-ленинизма	50,6	10,5	19,8	19,1
истории СССР	48,0	11,0	13,0	28,0

А, например, в Институте экономики АН СССР из 83 старших научных сотрудников было: 44 русских, 34 еврея, 5 — других национальностей.

Но любые «процентные» меры затронули бы не более чем один-два процента этой национальной группы, не составляющей и одного процента от общей численности населения страны.

К слову, Москва на рубеже 40-х и 50-х годов и в начале 50-х годов жестко пресекала все виды *деятельного* национализма, прежде всего — украинского и литовского, заливавших родные земли кровью. Однако деятельный еврейский национализм был особо опасен.

Во-первых, социальный состав этого рода националистов и их общественный статус был, как правило, неизмеримо выше статуса украинских «Грицьков» и литовских «Гедиминасов». При этом надо было учитывать не только

непосредственно руководящие кадры, но и кадры советников, референтов, помощников, консультантов и т.д.

Во-вторых, эти националисты рассматривали как свою родную не ту землю, на которой действовали, а землю далекой жаркой страны, полностью привязанной всеми своими интересами к наиболее мощному врагу России — американскому капиталу.

Объективная информация советских спецслужб однозначно свидетельствовала о тотальном нарастании всех видов подрывной и разведывательной работы Запада и прежде всего США против СССР. А наиболее перспективными и влиятельными каналами для проведения такой работы были еврейские.

Речь, конечно, не обо всех советских евреях. Хотя к Израилю в той или иной мере душой тянулись многие евреи — граждане Советского Союза, деятельным национализмом произраильского (то есть так или иначе — и проамериканского) толка было поражено все же меньшинство их. Поэтому действия Сталина в начале 50-х годов могли страшить и страшили прежде всего «верхи» советского еврейства.

Причем здесь задевались интересы сразу двух, если не трех или четырех, могучих сил.

Во-первых, больно задевались интересы самих упомянутых выше «верхов» и их не менее влиятельного окружения. Несмотря на чистки 30-х годов, даже в начале 50-х годов достаточно было посмотреть на пофамильные списки советских «верхов» и их окружения в науке, в управлении — государственном и хозяйственном — и особенно в сфере формирования общественной атмосферы, то есть в литературном «цехе», в печати, кинематографе, на эстраде, чтобы понять, насколько было велико влияние евреев в советском обществе. В том не было бы, может быть, ничего дурного, если бы не несомненные, пусть внешне и не проявляющиеся, симпатии к Западу, к Израилю, к США. Например, демобилизовавшийся поэт-переводчик М.Д. Зисман из Киева в узком кругу говорил:

«Советский Союз — это изолгавшаяся страна, страна мрака и ужаса. В СССР все находятся в рабстве. Господствует крепостное право. Людям

нашим живется хуже, чем крепостным. Коммунистическая партия — это партия шкурников... хотел, чтобы прилетели американские «летающие крепости» и английские «ланкастеры» и смели с лица земли украинско-антисемитское гнездо — Киев».

Подобные слова, произнесенные *тогда* в большинстве застольных компаний в СССР, стоили бы Зисману даже не вызова в местное управление МГБ, а в кровь разбитой физиономии. Однако во вполне определенной среде они встречали сочувствие. При этом у многих влиятельных советских евреев были за границей влиятельные же родственники. Да, родственников за границей имели не только евреи, но и латыши, литовцы, армяне... Однако представители этих и других народов СССР и близко не имели того влияния на жизнь огромной страны, которым обладала советская еврейская элита. Так что не «кровавые чистки», но некие кадровые чистки в виде направления в запас, в отставку, на пенсию, вывода из режимных организаций, перевода на «низовую» работу были, увы, необходимы.

Однако все эти меры задевали также интересы могучих внешних сил, начиная с Золотой Элиты мира и заканчивая спецслужбами Запада. Они лишались в СССР каналов информации и каналов влияния. При этом советские еврейские «верхи» по сути предавали, как это уже было сказано, «низы» советских евреев. Действия и симпатии «верхов» набрасывали тень на «низы».

Узел к началу 1953 года завязался туго и его надо было развязывать. Так что отнюдь не случайно в конце января 1953 года жена Молотова Полина Жемчужина, чья фамилия была русифицированной версией ее еврейской фамилии Перл, была вновь арестована в ссылке и этапирована в Москву.

С одной стороны, Жемчужина-Перл обладала несомненными запасами советского патриотизма и антисталинисткой не была. — напротив, ее поведение уже после 1953 года (умерла она в 1970 году) доказывает обратное.

С другой стороны, она знала многое — достаточно сказать, что во время пребывания Голды Меир в Москве обе женщины нередко встречались и вели долгие беседы на

идиш. А арестованные по «делу врачей» евреи-врачи показывали на Жемчужину как на еврейскую националистку.

Тем не менее было весьма вероятным, что в ситуации, когда надо будет выбирать между верностью «крови» и верностью Советскому Союзу и партии, Жемчужина выбрала бы второе. А тогда многие, еще неясные, «цепочки» могли быть продолжены далее и далее. И кусочки «мозаики» могли бы начать складываться для МГБ и Сталина в некую цельную картину.

Эта возможная перспектива ситуацию также обостряла и динамизировала.

«ДЕЛО врачей» выводило на Жемчужину, однако вполне не исключенные искренние признания Жемчужиной могли повести дальше не только «дело врачей», хотя оно и само по себе говорило о многом.

Предельно коротко это «дело» — в его «демократической» версии — можно изложить так. В недрах МГБ СССР возникла мысль сфальсифицировать некий заговор группы ведущих советских медиков, отвечающих за состояние здоровья руководителей государства, и сделать их ответственными за смерть А.С. Щербакова и А.А. Жданова, якобы умышленно умерщвленных путем заведомо неправильного лечения. «Маниакальный параноик» (или «параноидальный маньяк»?) Сталин ухватился за эту выдумку. И — в результате, не только доброе имя, но и жизнь ни в чем-де не повинных людей оказалась висящей на волоске. Сталин-де всеми силами ускорял «следствие» по этому полностью вымышленному «делу» и установил жесткие сроки: суд над врачами 5—7 марта, казнь (по версии ранее упоминавшегося «работника ЦК Н. Полякова» — на Лобном месте) 11—12 марта.

Арно же Люстигер, например, описывая якобы истоки «дела врачей», сообщает, что в начале 1952 года врач Сталина В.Н. Виноградов «впал в немилость, так как рекомендовал диктатору полностью устраниться от политической деятельности, чтобы побереечь сильно подорванное здоровье». И «параноик Сталин истолковал это как попытку лишить его власти и пригрозил министру госбезопасности

С.Д. Игнатьеву, что и его постигнет судьба В.С. Абакумова, если он не разоблачит закулисных руководителей заговора врачей». С того, мол, и началось... Да еще и донос М.Д. Рюмина на Абакумова, где шла речь о признаниях умершего в ходе следствия врача Этингера, тоже-де пригодился...

К сожалению, о «деле врачей» не написано ни одной честной книги, хотя только за период с недоброй памяти 1991 года было опубликовано, причем «демократическими» историками, много документов, заставляющих как минимум усомниться в истинности изложенных выше версий.

Не имея намерений подобную книгу писать, я ниже приведу лишь некоторые факты, относящиеся к этому «делу», источниками которых будут труды или сборники документов, авторы или составители которых исключительно лояльны по отношению к «жертвам Сталина» и полностью нелояльны по отношению к самому Сталину.

В качестве же своего рода эпиграфа к этому «делу» я приведу резолюцию Сталина на записке заместителя председателя СНК СССР А.Я. Вышинского о смерти народного артиста СССР Бориса Щукина, скончавшегося в ночь с 6 на 7 октября 1939 года и об организации государственных его похорон.

Щукин был выдающимся актером, блестяще сыграл роль Ленина, и Сталин на записке Вышинского написал:

«Голосую за, но я хотел бы знать, кто лечил Щукина, почему не сообщили нам о его болезни, о характере болезни и т.п.? Предлагаю расследовать это дело *без шума*, поручив расследование лично Вышинскому и Берия. И. Сталин».

Провели тогда такое расследование или нет, я не знаю. Но сам факт того, что Сталин в чисто деловом, не предназначенном для чужих глаз, документе высказал подобное сомнение, кое о чем говорит. Не так ли? Причем в ходе работы над этой книгой я отыскал в воспоминаниях Михаила Ромма, снявшего два наиболее значительных фильма о Ленине — «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» (оба названия принадлежат, к слову, Сталину), любопытную дополнительную информацию. Ромм пишет:

«Уже на картине «Ленин в Октябре» Щукин часто жаловался на здоровье. На «Ленине в 1918 году» ему стало еще хуже. У Щукина постоянно болела печень... Он все время жаловался на сердце, а его считали мнительным; врачи полагали, что сердце тут ни при чем, а лечили печень. Впоследствии оказалось, что Щукин был прав — у него действительно был какой-то дефект сердечной деятельности, результатом чего явился отек печени. Лечить-то надо было сердце, а не печень...»

Надеюсь, все значение этого свидетельства читатель оценит чуть позже — когда познакомится с тем, как кое-кто «лечил» кое-кого в Москве уже позднее. Преждевременную смерть Щукина можно было бы отнести к разряду нелепых случайностей... Но вспомним, что в ответ на сетования Буденного по поводу «нелепой» гибели Артема (Сергеева) Сталин заметил: «Если случайность имеет политические последствия, то к такой случайности нужно присмотреться».

А ведь «неожиданная» смерть Щукина имела тоже немалые политические последствия, ибо Щукин был тогда больше, чем просто великий актер, что видно из следующего места воспоминаний М.И. Ромма:

«Через два месяца после нашего разговора Б.В. Щукин, мой любимый актер ...чудесный, глубокий человек, настоящий великий русский талант ...внезапно умер.

...Смерть Щукина положила конец моим работам над ленинской серией... были задуманы еще ленинские картины... До смерти Щукина я мечтал сделать биографию Ленина в 5—6 картинах. Но никакого другого актера в роли Ленина я не мог себе представить...»

Щукин действительно вник в образ Ленина так, что, например, хорошо знавший и отлично копировавший Ленина — к удовольствию самого Ленина — Мануильский, впервые услышав «ленинский» смех Щукина, изменился в лице. Выдавшая всякие виды и привычная ко всему «мосфильмовская» массовка при первом входе Щукина-«Ленина» в «зал заседаний II Съезда Советов» устроила ему ог-

лушительную овацию, прекрасно зная, что камера не включена. Ромм волосы на себе потом рвал — снятый дубль был лишь слабой копией первого порыва. Так что смерть Щукина имела серьезное политическое значение — «ленинские» фильмы не просто имели огромный зрительский успех, они были мощным средством политического воспитания.

Теперь же — о самом «деле врачей»...

О нем написано много и многими. Скажем, в монографии Геннадия Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» этому делу посвящена отдельная глава. При этом, как уже было сказано, «дело врачей» составляют сегодня исключительно «фальсификацией Сталина и его подручных»... Но не все так просто! Скажем, в капитальной монографии Г. Костырченко не нашлось места для имени Иммануэля Давиашвили, раввина Тифлиса, уроженца Ахалциха, которому в 1953 году исполнилось 45 лет. А ведь этот раввин был арестован тогда в связи с «делом врачей» (в 1973 году он выехал в Израиль, где благополучно и скончался в 1985 году).

Не так просто добраться и до того факта, что один из главных «фигурантов» «дела врачей» Мирон Вовси, занимавший в кругу кремлевских врачей ведущее положение, был двоюродным братом Соломона Михоэлса (настоящая фамилия Михоэлса и была Вовси, а «Михоэлс», что означало «сын Михаила», был его сценическим псевдонимом, взятым еще в молодости). Так что, кроме многих других — холодных и циничных соображений, Мироном Вовси могло дополнительно двигать желание отомстить за Соломона Вовси.

И так же мог быть значимым фактор мести за, например, расстрелянных в 1938 году за антисоветскую религиозную деятельность отца и сына Медалье из рода любавичских хасидов. Отец, Шмарьягу-Йегуда-Лейб Медалье, родился в 1876 году, в 1933—1938 годах был раввином Москвы — я о нем уже однажды упоминал. Его сын Мойше был раввином в Туле и Ростове-на-Дону. А второй сын — Гилель, родившийся в 1916 году в Витебске, стал, к слову, одним из руководителей сионистского движения «Мизрахи» и доктором философии в Великобритании.

Однако главными мотивами, которые могли побуждать (и, судя по всему, — *побудили*) ряд ведущих советских врачей к действиям по скрытому умерщвлению неудобных для верхов советского еврейства лидеров, были мотивы вполне рациональные, к эмоциям отношения не имеющие.

ВОТ, скажем, Александр Сергеевич Щербаков... Очень трудолюбивый, скромный, 1901 года рождения. Родился в семье рабочего в подмосковной Рузе, работать начал рано — в Рыбинске учеником в типографии. В 1917 году вступил в Красную Гвардию, участвовал в подавлении кулацких мятежей на Ярославщине, с 1918 года — член РКП(б). В том же 1918 году начинает работать в комсомольских и партийных органах и становится кадровым «аппаратчиком». Москва, Туркестан, Горький, Балахна, Муром, Ленинград, Иркутск, Сталино (Донецк)... Такая «география» его биографии доказывает, что он был постоянно востребован, а пиком стало назначение Щербакова в 1938 году первым секретарем Московских городского и областного комитетов ВКП(б). С 1941 года он становится параллельно секретарем ЦК по идеологии и кандидатом в члены Политбюро. С 1942 года — начальник Главного политического управления РККА, с сентября 1943 года — генерал-полковник.

Щербаков умер 10 мая 1945 года, причем Хрущев в своих «воспоминаниях» сообщает, что Щербаков-де и сам «глушил крепкие напитки и других втягивал в пьянство в угоду Сталину»... Хрущеву же принадлежит заявление о том, что «Берия... правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер. Сталин, правда, говорил другое: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой...»

Здесь опорочены сразу четыре человека: Сталин, Берия, Щербаков и жена Щербакова, которая якобы похотливо не могла удержаться от того, чтобы не принять только-только встающего на ноги мужа. Но чего еще можно ожидать от Хрущева! К тому же именно Щербаков сменил Хрущева на посту первого секретаря в Москве, а Хрущев был мстите-

лен, и тех, кто переходил ему — по его мнению — дорогу, не забывал никогда.

Однако Щербаков никак не был пьяницей. Во-первых, это просто факт. Во-вторых, алкоголизм был абсолютно несовместим с объемом обязанностей и повседневной деловой загрузкой Щербакова. В-третьих же, он не мог быть пьяницей уже потому, что в таком случае никогда не рос бы в должностях так быстро и успешно, как он рос. Тем более что Сталин пьяниц не терпел и в своем ближайшем окружении их не имел — даже любивший выпить Хрущев пороком алкоголизма не страдал.

Зато у Щербакова были другие «пороки», о которых Арно Люстигер сообщает так: «Любимец Сталина и чистой воды антисемит, не зная заграницы и занимая позиции великорусского шовинизма...», и т.д. Ну, еще бы! Еще 5 января 1926 года в редактируемой им газете «Нижегородская коммуна» Щербаков опубликовал статью на смерть Есенина, проникнутую симпатией к поэту. Ничего не скажешь — преступление перед поклонниками поэта Бялика было действительно немалым.

Щербаков был, конечно же, не антисемитом, не юдофобом — развитой человек им быть не может по определению, как не может он быть англофобом, японофобом или любым другим «...фобом». Однако гипертрофированно непропорциональный процент евреев во всех важнейших сферах деятельности советского общества и прежде всего в сфере культуры, образования и науки Щербакова не мог не тревожить — положение ведь было действительно ненормальным, если не объяснять его человеконенавистнической расистской теорией о евреях как о представителях высшей расы «черноволосых бестий», сверхчеловеков!

К тому же Щербаков имел вполне прочные жизненные устои, а при этом имел в победном для России 1945 году всего лишь 44 года от роду и хорошие перспективы дальнейшего роста. По официальной версии он умер вследствие того, что 8 и 9 мая дважды совершил длительные и утомительные поездки из подмосковного правительственного санатория «Барвиха» в Москву, где любовался иллюминацией и праздновал День Победы.

Но совершал-то он их с согласия заместителя директо-

ра санатория по медицинской части Р.И. Рыжикова и врача Г.А. Каджардузова, уверенный ими в том, что такая поездка выздоровлению не повредит! Арестованный же в феврале 1952 года Рыжиков сознался на Лубянке в умышленном сокращении жизни Щербакова. Сегодня пишут, что Рыжикова-де припугнули арестом жены и детей, но лишь кретин будет сознаваться в несовершенном им тяжчайшем преступлении, заботясь о благополучии родных, автоматически попадающих в результате самооговора мужа и отца в категорию «члены семей изменников Родины». Причем не после их ареста, что его как-то извиняло бы, а всего лишь под якобы угрозой применения такой меры.

Нет, Александр Сергеевич Щербаков умер не опившись, и не от сексуальных излишеств, а потому, что мешал сразу многим в столичных «верхах» и стоял на пути реализации вождельний «партоплазмы» и прочей «элиты» по обеспечению личного безбедного существования.

Причем Щербакова сменил тот самый Попов, историю которого читатель уже знает.

НАЧАЛОСЬ, впрочем, это «дело» с расследования обстоятельств смерти не Щербакова, а Жданова. И всерьез к нему приступили в 1952 году, когда подняли письмо Лидии Федосеевны Тимашук (1898—1983) в ЦК, написанное и переданное ей в МГБ еще в 1948 году.

«Демократы» часто представляют Тимашук как «медсестру», однако она с 1926 года, после окончания медицинского института, работала в ЛСУК — лечебно-санитарном управлении Кремля, а с 1948 года заведовала кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы.

28 августа 1948 года, снимая кардиограмму Андрею Андреевичу Жданову, она, опытный практический специалист, поставила ему диагноз «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но профессора В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко П.И. Егоров и лечащий врач Г.И. Майоров заявили, что ничего серьезного не произошло.

Тимашук оказалась на Валдае, где в санатории «Долгие броды» лечился Жданов, почти случайно. Ее прихватили с собой вместо врача-диагноста С.Е. Карнай, которая тогда

находилась в отпуске, летевшие к Жданову Егоров, Виноградов и Василенко. Карпай же была до 1950 года заведующей кабинетом функциональной диагностики Кремлевской больницы и в 1944—1945 годах регулярно снимала кардиограммы и у Жданова, и у... Щербакова.

С Карпай проблем никогда не было, а вот Тимашук сразу же диагностировала у Жданова инфаркт. Тем не менее три «кремлевских» медицинских светила заставили ее переписать заключение в соответствии с их диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». И начальник ЛСУК профессор П.И. Егоров 28 августа 1948 года записал в истории болезни Жданова: *«Рекомендовано... увеличить движение, с 1 сентября разрешить поездки на машине, 9 сентября решить вопрос о поездке в Москву»*.

Но Жданова увезли в Москву раньше — 31 августа 1948 года он скончался. Говорят, преступники не меняют свой преступный почерк. Что ж, смерть Жданова была «предписана» ему тем же почерком, что и смерть Щербакова.

Спору нет, ошибиться может любой врач... Однако на инфаркт кардиограмма всегда указывает уверенно! И допустимо ли было пренебречь заключением опытного профессионала Тимашук, которая не занимала, как Виноградов и иже с ним вереницы прибыльных должностей, зато всю жизнь занималась своим прямым делом — лечила людей?!

События того лета развивались так...

Жданов был серьезно болен — у него был атеросклероз. Болезнь обострилась летом 1948 года, и кончилось тем, что Жданов в середине июля оказался на Валдае. Самочувствие его улучшалось, но 23 июля ему вдруг позвонил из Москвы Шепилов и после продолжительного разговора с ним у Жданова ночью случился сердечный приступ. 25 июля из Москвы прилетели все те же Виноградов, Василенко и Егоров — в тот раз с Карпай, и после обследования заявили, что у больного имел место острый приступ сердечной астмы.

После этого местные врачи Ждановым какое-то время занимались, но уже через неделю его стали «лечить» так, что «лечение» само по себе было преступлением. С 7 авгу-

ста, хотя состояние Жданова требовало постоянного контроля, у Жданова не снимались кардиограммы. Лечащий врач Майоров (выходец из помещичьей среды, к слову) вместо организации правильного ухода и лечения Жданова передоверил все медсестре, а сам уходил на долгие часы ловить рыбу.

27 августа Жданову вновь стало плохо, и на следующий день на Валдае опять вылетела профессорская далеко не святая «троица», взяв с собой — на свою голову — Тимашук.

Как читателю уже известно, профессор Егоров рекомендовал Жданову «увеличить движение», что Жданов и сделал: гулял по парку, смотрел кино — дополнительно эмоционально нагружаясь. Хотя на самом деле ему в эти дни был необходим строжайший постельный режим. Результат «рекомендаций» не замедлил сказаться — 29 августа у Жданова вновь случился сердечный приступ и через два дня он умер.

Далее события разворачивались тоже интересно...

Вместо того, чтобы распорядиться срочно доставить тело покойного члена Политбюро, тело Жданова (!) на вскрытие в Москву, к телу вылетели начальник ЛСУК профессор Егоров, патологоанатом Кремлевской больницы А.Н. Федоров, а также... секретарь ЦК Кузнецов-«ленинградский», член Политбюро Н.А. Вознесенский и первый «ленинградский» партийный секретарь П.С. Попков.

Историк Г. Костырченко, приводя эти сведения, почему-то считает, что последняя «троица» — тоже не святая, но уже не медицинско-номенклатурная, а партийно-номенклатурная — собралась на Валдае, «инстинктивно почувствовав, что, потеряв влиятельного покровителя, необходимо сплотиться». Г. Костырченко при этом не понимает, во-первых, что вряд ли «ленинградской» «троице» надо было «спланиваться» настолько мгновенно и демонстративно, а во-вторых, — что описанная выше ее реакция на смерть Жданова скорее напоминает действия тех, у кого, говоря попросту, «рыло в пуху»...

Причем «сплочение» выглядело тем более подозрительным, что наиболее разумным со стороны Кузнецова и Вознесенского было бы потребовать обложить тело льдом да и

отправить в Москву самолетом. Но они *почему-то* настойчивости не проявили. А ведь обязаны были это сделать, коль уж были на месте события — даже Попков, которому на Валдае ни по чину, ни по обязанностям находиться не требовалось. Обязаны были потому, что смерть такой крупнейшей политической фигуры, как Жданов, могла ведь оказаться и не естественной! Жданова вполне могли ведь и отравить. С учетом всех возможных причин патологоанатомическое исследование должно было быть вообще-то комплексным и очень тщательным!

Так что, говоря откровенно, срочный и не вызванный обстоятельствами прилет к телу Жданова Кузнецова и Вознесенского и их присутствие на Валдае представляется мне *сознательным прикрытием* того преступного действия под названием «вскрытие тела», которое тут предстояло разыграть «врачам». Присутствие же Попкова в этом случае было прикрытием уже для Кузнецова и Вознесенского — мол, все три наиболее близких ученика прибыли к еще не остывшему телу учителя, чтобы немедленно-де почтить его память.

И, при странном попустительстве «соратников» покойного, действие состоялось: якобы под нажимом профессора Егорова профессор Федоров произвел вскрытие в непригодном для этого помещении полутемной ванной комнаты одной из санаторных дач. Егоров заставил, а Федоров *почему-то* согласился.

Федоров обнаружил на сердце Жданова свежие и застарелые (!) рубцы, доказывающие, что Жданов перенес *уже несколько* инфарктов, благополучно «не обнаруженных» Карпай и прочими «диагностами». Однако Егоров потребовал, чтобы результаты вскрытия соответствовали ранее поставленному им лживому клиническому диагнозу. А Федоров *почему-то* и на это согласился, и в его описании инфаркты были заменены «некротическими очажками», «очагами миомаляции» и «фокусами некроза»... Причем эти «фокусы» продолжились и в Москве, где «консилиум» в составе профессоров В.Н. Виноградова, В.Ф. Зеленина, А.М. Маркова, В.Е. Незлина, Я.Г. Эттингера, П.И. Егорова, ознакомившись с анатомическим препаратом сердца по-

койного, доставленным — вместо самого тела покойного — с Валдая на самолете, тоже ничего «не заметили».

Когда Жданов умер, Тимашук написала письмо начальнику Главного управления охраны МГБ Власику. Началось расследование, и 6 сентября 1948 года профессор Егоров собрал в своем кабинете совещание, где заклеил Лидию Федосеевну как невежественного врача и «чуждого, опасного» человека.

Тимашук действительно была опасна своим профессионализмом и честностью. Поэтому Егорова поддерживали Виноградов, Майоров, патологоанатом Кремлевской больницы Федоров и профессор Василенко.

Виноградов тогда еще пользовался полным доверием Сталина (он «лечил» и его, и других членов Политбюро, сопровождал Сталина в 1943 году в Тегеран), и письмо Тимашук тогда удалось замять. Виноградов заявил министру здравоохранения СССР Е.И.Смирнову: «Или я буду работать в кремлевской больнице, или она». Оставили профессора Виноградова, а врача Тимашук перевели в один из филиалов «Кремлёвки».

Что же до Виноградова, то мог ли этот Главный терапевт Лечебно-санитарного управления Кремля качественно заботиться о здоровье руководства страны, если он параллельно заведовал кафедрой в 1-м Московском медицинском институте, был главным редактором журнала «Терапевтический архив», заведующим электрографическим отделением Института терапии АМН СССР и занимал ряд других должностей, не связанных с практической медициной? При этом даже автор монографии «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» Г. Костырченко признает: «В знаменитой «Кремлевке»... витал мертвый дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки».

С чьей же, спрашивается, «подачи»? И только ли в корпоративности было дело?

Наконец, последнее, что я должен сказать здесь о Жданове... После ареста профессор Василенко 15 ноября 1952 года показал:

«Судебный процесс по делу Плетнева (профессор, обвиненный в умерщвлении Куйбышева и Горького, получивший 25 лет тюрьмы и расстрелян-

ный 11.09.41 года в Орловской тюрьме перед вступлением в город немцев. — С.К.), открыл передо мной технику умерщвления путем заведомо неправильного лечения больного. Из материалов дела я понял, что врач может не только навредить больному, но и коварным способом довести его до смерти. К этой мысли я в последующие годы возвращался не раз, вспоминая Плетнева, которого я знал лично. Когда в июле 1948 года я оказался у кровати больного Жданова, я невольно опять вспомнил о Плетневе... И я решился пойти на умерщвление Жданова...»

Эти показания сегодня считают «выбитыми» из Василенко, но они намного более похожат на искреннее признание — в пользу последнего варианта говорит весь психологический строй выше приведенного отрывка.

Василенко, Егоров, Виноградов, Вовси и многие другие крупные медики, имевшие отношение к обеспечению здоровья лидеров СССР, были людьми вполне определенных взглядов на жизнь. Когда 4 ноября 1952 года оперативники МГБ пришли за Виноградовым, их поразило богатое убранство его квартиры, которую можно было спутать со средней руки музеем. Виноградов происходил из семьи мелкого харьковского служащего, но еще до революции успел стать состоятельным человеком, держал собственных призовых лошадей на ипподроме, коллекционировал живопись, антиквариат.

Чекисты описывали картины Репина, Шишкина, Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности и солидная сумма в американской валюте.

Забегая вперед, сообщу, что когда «врачей» после смерти Сталина «реабилитировали», то никто почему-то не вспомнил, что Виноградов-то был однозначно виновен в ряде вульгарных уголовно наказуемых деяний, тайно храня золото, драгоценности, валюту. Никто не задался и другим резонным вопросом: зачем профессор Виноградов тайно хранил «камешки» и доллары? Не прятал ли он их до

лучших времен, надеясь на такие перемены в СССР, которые стали возможными лишь после 1991 года?

На последний вопрос можно, пожалуй, дать вполне утвердительный ответ. Но коль так, то не пытались ли Виноградов и его коллеги сделать такие перемены реальными намного раньше?

КАК «лечили» Жданова, читатель знает.

А вот как «лечили» Калинина... О его «лечении» рассказала на следствии по «делу врачей» лечащий врач Калинина с января 1940 по июнь 1942 года... С.Е. Карпай. Рассказала Карпай о пикантных деталях «лечения» с перепугу, но испугалась она и развязала язык не потому, что ей в МГБ выбивали зубы (хотя «россиянские» «историки» утверждают обратное), а потому, что обвинение в умерщвлении Калинина предъявили вначале ей.

И тогда Карпай, «отмываясь», сообщила занятные факты.

В июне 1942 года она предложила провести тщательное обследование Калинина, жаловавшегося на боли в кишечнике. А главный терапевт Лечсанупра профессор Виноградов ограничился назначением клизмы, дисты в сочетании с медикаментозным лечением и **заменял Калинину лечащего врача.**

Лишь 10 июня 1944 года профессор А.Д. Очкин сделал Калинину операцию, выявившую рак желудка в очень запущенном состоянии. Очкин старался как мог, но лишь отсрочил неизбежное — в июне 1946 года Калинин умер.

Можно вспомнить и то, что залечивший Щербакова доктор Рыжиков, признавшись в этом после ареста, заодно покаялся и в намеренно запоздалом диагностировании рака желудка у старого большевика Емельяна Ярославского (Губельмана), умершего в декабре 1943 года. Почерк, как видим, и тут был схож.

Что же до достоверности признания Рыжикова относительно Ярославского, то с чего бы нам брать эту достоверность под сомнение, если Рыжиков, явно так же с перепугу, как и Карпай, признавался в давнем и не расследовавшемся случае. И признавался по своей инициативе — расспрашивали-то его о Щербакове.

Стоит ли после этого удивляться, что еще в закрытом

письме ЦК от 13 июля 1951 года «О неблагополучном положении в МГБ СССР», где сообщалось о результатах работы комиссии Политбюро в составе Маленкова, Берии, Шкирятова и Игнатьева, говорилось и вот что:

«Среди врачей несомненно существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителям партии и правительства».

Может представлять интерес для нас и следующее письмо члена Политбюро ЦК ВКП(б), председателя КПК А.А. Андреева Маленкову, относящееся к началу 1949 года:

«Т. Маленков.

Вот уже месяц, как мне пришлось вновь оставить работу и заняться лечением, а дела у меня пока идут неважно. Несмотря на точное выполнение предписаний профессоров, головокружения повторяются почти через день .. У меня складывается впечатление, что с лечением происходит что-то неладное, или тут неправильно определен диагноз заболевания, или неправильно ведется лечение. Ведь в конце концов пошел второй год и пора бы иметь какие-то результаты, а я имею со стороны лечащих лишь все новые заверения, что мое заболевание не опасно и что оно преходяще и головокружения должны оборваться...»

Квалифицированнейшие, по своему официальному положению — лучшие в стране и обладавшие огромными возможностями медики «лечили» при этом страдавшего сильными головными болями и бессонницей Андреева... большими дозами снотворного в сочетании с кокаином.

Андреев после написания этого письма прожил еще восемнадцать лет, скончавшись в 1971 году на 76-м году жизни. Но не обязан ли он своим долгожительством последним строкам своего письма, в которых просил Маленкова «если можно, вмешаться в это дело»?

Щербаков, Жданов, Калинин доверяли своим врачам. И умерли от их заведомо не допустимых для профессионалов действий.

Андреев в своих врачах усомнился. Может быть, в этом и было его спасение? Ведь если суммировать все вышесказанное, то очень вероятной представляется картина такого сознательного заговора врачей, когда высокопоставленных больных медленно умерщвляют не ядами, а сознательно убийственной для них методикой лечения. Тут можно вспомнить, как уже в 80-е годы кремлевский медицинский академик Чазов «лечил» Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Черненко пребыванием в горах... После этого «лечения» астматик Черненко из достаточно крепкого старика на глазах превратился в развалину.

А могильщик СССР Михаил Горбачев уже был готов Черненко сменить.

И сменил.

ВПРОЧЕМ, в 1953 году до этого было еще далеко. Тимашук 21 января 1953 года была награждена орденом Ленина. Профессора Виноградов, Егоров, Василенко, Вовси, Коган, Гринштейн, Фельдман, Темкин к тому времени сидели на Лубянке...

И сидели не только они. Уже давно велись допросы, например, бывших ответственных работников МГБ СССР Якова Михайловича Бровермана, Леонида Федоровича (Элиазара Файтелеевича) Райхмана, Льва Леонидовича Шварцмана, Михаила Ильича (Моисея Эльевича) Белкина, Арона Моисеевича Палкина.

По показаниям Бровермана от 6 декабря 1952 года проходили тогда еще не арестованные Иосиф Яковлевич Лоркиш, бывший заместитель начальника Управления контрразведки Ленинградского, а затем Прикарпатского военного округа, бывший помощник начальника 3-го Главного управления МГБ СССР Григорий Самойлович Болотин-Балясный; бывший заместитель начальника Управления контрразведки МГБ войск Дальнего Востока Авраам Моисеевич Вул, бывший заместитель начальника 5-го Управления МГБ СССР Илья Израилевич Илюшин-Эдельман...

Это — по показаниям одного лишь Бровермана.

14 января 1953 года заместитель министра ГБ СССР Гоглидзе спецсообщением № 143/г докладывал Сталину об аресте проходивших по показаниям уже не Бровермана,

а Белкина как еврейские националисты бывшего заместителя начальника Управления контрразведки МГБ Центральной группы войск В.Я. Дубровинского, в последнее время являвшегося консультантом Краснопресненского райкома партии; начальника финансового отдела Министерства рыбной промышленности Латвийской ССР И.И. Факторовича; заместителя начальника отдела контрразведки МГБ 128-го стрелкового корпуса Белорусского военного округа пенсионера А.А. Бренденбургского, а также генерал-майора запаса МГБ И.Я. Лоркиша.

У того же Бровермана, у Белкина были десятки сослуживцев и знакомых, многие из которых были евреями, а многие ими и не были. Но в показаниях фигурировали вполне конкретные их «связи». Почему-то — именно эти, а не иные. А ведь предстояли очные ставки, где оговоры — если бы место имели они — могли и вскрыться. Так что вряд ли Броверман и Белкин кого-то оговаривали.

И это были показания всего лишь Белкина и Бровермана. В принципе же объем разоблачений — не дутых, а реальных мог быстро вырасти как снежный ком.

К тому же все это происходило на фоне процесса Сланского в Чехословакии, где тоже присутствовали такие детали, как злонамеренные врачи и сионистский «след»... Но об этом процессе, закончившемся в начале декабря 1952 года, позднее.

НАСТУПИЛ новый, 1953 год. В ушедшем году последнее заседание бюро Президиума ЦК КПСС прошло в полном составе — при Сталине, 29 декабря. Тогда рассматривались государственный план развития народного хозяйства СССР на 1953 год по военным и специальным отраслям промышленности, государственный бюджет, планы экспорта, импорта и накоплений материальных резервов, вопросы товарообмена с Норвегией и Францией, отмены государственного страхования животных в колхозах и у населения, «как не способствующего делу развития животноводства», и кое-что еще — «по мелочам».

Кроме членов Бюро Президиума ЦК КПСС, присутствовали секретари ЦК Аристов, Брежнев, Игнатов, Михай-

лов, Пегов, Пономаренко, Сулов и председатель Комитета партийного контроля Шкирятов.

Следующее, первое в 1953 году, заседание бюро Президиума ЦК было назначено на 9 января, и оно собралось в том же составе — не было только Сталина.

Кроме тех, кто был на заседании 29 декабря, в зале сидели также главный редактор «Правды» Шепилов и заместители министра госбезопасности Гоглидзе и Огольцов. Однако не было самого министра госбезопасности Игнатьева — что мы пока просто заметим для памяти.

Обсуждался проект адресованного всей стране сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей» и проект передовой статьи в «Правде» — «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», который отредактировал Сталин.

Дата опубликования Сообщения ТАСС была выбрана, как я предполагаю, тоже Сталиным и была, скорее всего, «знаковой» — 13 января 1953 года.

13 января «Правда» — отнюдь не на первой полосе — опубликовала в «Хронике ТАСС» сообщение о раскрытии и проведении следствия по делу «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе участников группы были названы профессора Вовси, Виноградов, Коган М.Б. и Коган Б.Б., Егоров П.И., Фельдман, Этингер, Гринштейн, Темкин и врач Майоров.

Сообщалось об их причастности к смертям Жданова и Щербакова, о связях большинства участников группы с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт» и меньшей — с английской разведкой.

Сообщение заканчивалось фразой: «Следствие будет закончено в ближайшие дни».

В передовице говорилось:

«...В СССР безраздельно господствуют социалистические отношения... На всех участках хозяйственного и культурного строительства мы имеем успехи. Из этих фактов люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, дивер-

сий, шпионажа, что заправили капиталистического мира могут отказаться от своих попыток вести подрывную деятельность против СССР.

Но так думать и рассуждать могут только... люди, стоящие на антимарксистской точке зрения «затухания» классовой борьбы. Они не понимают, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы. Чем успешнее будет наше движение вперед, тем острее будет борьба врагов народа...

Так учит бессмертный Ленин, так учит товарищ Сталин...

В СССР эксплуататорские классы давно разбиты и ликвидированы, но еще сохранились пережитки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали — сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди... Именно эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, будут вредить и впредь...»

Сталин знал больше, чем те, кто готовил проект передовицы, и два последних ее абзаца выглядели после правки Сталина так, что выявлялись не только «заокеанские» — как было первоначально в проекте, но и английские связи внутренних врагов СССР. Сталин же дописал и конец передовой. И она в окончательном виде заканчивалась следующими словами:

«Что касается вдохновителей этих наймитов и убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них, найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово.

Все это верно, конечно. Но верно и то, что, кроме этих врагов, есть еще у нас один враг — ротозейство наших людей. Можно не сомневаться, что пока есть у нас ротозейство, будет и вредительство. Следовательно, чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах».

Итак, Сталин предостерегал друзей, то есть советский народ, и предупреждал врагов — не только внутренних, но и внешних. Его слова о том, что возмездие не забудет о

вдохновителях наймитов и убийц и найдет дорогу к ним, можно было понимать по-всякому, но с учетом того, что они принадлежали Сталину, это была не пустая угроза.

После этого не приходится удивляться, что жить Сталину оставалось менее восьми недель.

ОДНАКО, если судить по дальнейшему ходу событий, раскрытие преступных действий и замыслов «кремлевских» врачей давало лишь часть общей картины и, пожалуй, не самую существенную. Ведь наиболее важным — не только для следствия, но и по сути, был вопрос о том, кто был вдохновителем врачей? Вряд ли они шли на такие серьезные прегрешения просто по своей инициативе.

То, что «верхушка» ЛСУК имела преступные задачи, вряд ли можно отрицать, подходя к ситуации объективно. Но кто эти задачи ей ставил? В передовице «Правды» были указаны лишь внешние вдохновители и «патроны»: американская и английская разведки, «Джойнт», «воротилы США» и их английские «младшие партнеры», «англо-американские поджигатели войны» и даже «рабовладельцы-людоеды из США и Англии». Последнее определение было прямо вписано Сталиным вместо первоначально бывшего в проекте статьи: «кровопийцы и человеконенавистники с Уолл-стрита». Сталин же после слов «...продавшихся за доллары» дополнительно вписал «и стерлинги». И эти настойчивые указания Сталина на англичан доказывали, что Сталин понимал: тайные связи из СССР тянутся не только на Уолл-стрит, к Рокфеллерам, но и в Лондон, в Сити, к Ротшильдам и другим давним «хозяевам мира», не склонным к рекламе и тем более к саморекламе.

Однако у «врачей» не могло не быть и внутренних вдохновителей, и вот это было, пожалуй, даже серьезнее. При чем важнейшим оказывался вопрос — мог ли находиться в их числе кто-то из давних и близких соратников Сталина?

Ученик профессора Плетнева В.Б. Егоров, бывший дворянин, а к началу 50-х годов профессор-консультант центральной клиники Лечсанупра Кремля, еще в конце 1949 года на одном из семейных торжеств заявил: «Вот скоро умрет Сталин, а все остальные руководители передерутся в борьбе за власть. Тогда вмешаются иностранцы, и мы с ва-

ми еще увидим на московском престоле царем Кирилла Владимировича Романова».

Еще ранее, держа в руках газету с отчетом о торжественном заседании в Большом театре по случаю 70-летнего юбилея Сталина, он посетовал: «Жаль, во время заседания не сбросили бомбу. Были бы уничтожены глава правительства и все правительство. Тогда жить стало бы легче».

Однако профессорское ли дело — бомбы кидать, если в мире существуют менее громкие и очевидные, но не менее, а даже более эффективные, чем бомбы, средства для устранения глав правительств?

К тому же, хотя арестованные «светила» Лечсанупра Кремля и были по уши в грязных действиях, не они ведь одни имели свободный доступ к главе правительства. Их арест кое-кому был даже удобен — он отвлекал внимание от других вариантов убийства Сталина и облегчал действия уже другим злоумышляющим против него.

Сталин уже не верил врачам, но это не значит, что он не верил уже вообще ни одному человеку. А ведь злоумышлять против Сталина было кому и кроме кремлевских врачей.

По самым разным причинам.

Глава двенадцатая

ЗИМА 1952/53 ГОДА... ЧЕГО БОЯЛСЯ ХРУЩЕВ...

...2. Как разъяснить рабочим,
чем вызвано повышение цен? (Тула)

...23. Почему на рынках
не вводятся твердые цены? (Рига)

...53. Будут ли сокращены штаты служащих,
желательно сократить на 40%? (Саратов)

...56. Как надо отвечать рабочим: если
спросят, почему помогаем хлебом
Франции, Польше и Финляндии,
а сами повышаем цены на хлеб?..

*Из сводки вопросов, задаваемых на собраниях
городских партийных активов в сентябре 1946 года
и направленных Сталину*

Даже из приведенных в эпиграфе к этой главе фрагментов сводки можно понять, что задавать острые вопросы властям в державе Сталина было не только возможно, но просто принято. Это было в порядке вещей! Между прочим, всего в цитированной выше сводке имелся 61 вопрос. На молчание якобы «рабов» «сталинского ГУЛАГа» это походит мало.

Причем в начале 50-х годов тенденция к тому, чтобы голос народа звучал все громче и доходил до руководства страны, не ослабла — чуть ниже я это проиллюстрирую на примере простого ветеринара Холодова. И эта растущая активность «низов» тоже должна была подталкивать «партоплазматические» «верхи» к уже их собственной активности, имеющей целью нейтрализовать активность «низов».

Прошедший XIX съезд партии и расширение руководящего ядра объективно усиливали активность масс и от того, станет ли такая активность действительно массовой, за-

висело немало. В народе обсуждали итоги съезда, а Сталин наращивал очередной сталинский удар по бездарностям и тем «немогузнайкам», которых так не терпел еще Александр Васильевич Суворов. Вечером 20 октября 1952 года Сталин собрал в своем кабинете Маленкова, Хрущева, Аристову, Брежнева, Игнатову, Михайлову, Пегова, Пономаренко, Суслова, Шепилова, Чеснокова, Румянцева и Юдина, то есть всех секретарей ЦК, плюс высшие идеологические кадры.

То, что он тогда говорил, частично записали Шепилов и Юдин. И благодаря им кое-что из сказанного тогда Сталиным могу привести и я:

«Наша пропаганда, — говорил Сталин, — ведется плохо, *кака* какая-то, а не пропаганда... Нет ни одного члена Политбюро (так в записи. — С.К.), который был бы доволен работой Отдела пропаганды. У наших кадров, особенно у молодежи, нет глубоких знаний марксизма... <...>

Надо контролировать кадры, изучать их и вовремя выдвигать молодежь на руководящую работу. У нас много способной молодежи, но мы плохо знаем молодые кадры. А ведь если выдвинули человека на какую-то работу и он просидит на этой работе 10 лет без дальнейшего продвижения, он перестает расти и пропадает как работник. Сколько загубили людей из-за того, что вовремя не выдвигали...».

Из всех присутствовавших только Хрущев достиг своего карьерного «потолка», все остальные еще при жизни Сталина имели те или иные перспективы роста. Так что идеи Сталина для них означали надежды на будущее, а для Хрущева — нечто прямо противоположное, потому что возраст у него был как раз предпенсионный.

Сталин же вел дальше:

«Надо также подумать о лучшем руководстве промышленностью... Плохо идут дела в сельском хозяйстве. Партийные работники не знают истории

сельского хозяйства в Европе, не знают, как ведет-
ся животноводство в США. Только бумаги подпи-
сывают и этим губят дело»...

А вот уж эти слова «крупный специалист в области сельского хозяйства» Хрущев мог отнести и на свой счет в полной мере. Причем уже скорое будущее подкинуло ему через Сталина очень неприятный для Никиты Сергеевича «сельскохозяйственный» казус.

Полезно — особенно для сегодняшнего дня — привести и такие сталинские слова:

«Американцы опровергают марксизм, клеветуют на нас, стараются развенчать нас. Мы должны разоблачать их. Надо знакомить людей с идеологией врагов, критиковать эту идеологию, и это будет вооружать наши кадры. Мы теперь ведем не только национальную политику, но ведем мировую политику. Американцы хотят все подчинить себе. Но Америку ни в одной столице не уважают».

Вскоре после этого — 27 октября 1952 года Сталин провел первое заседание уже не Политбюро ЦК, а Бюро Президиума ЦК, в котором приняли участие все члены Бюро, кроме Ворошилова (он впервые появился на заседании Бюро 29 декабря), то есть: Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров и Хрущев.

Сталин и далее лично вел все заседания Бюро Президиума ЦК вплоть до того последнего, седьмого заседания 26 января 1953 года, после которого Бюро собралось лишь 2 марта 1953 года — впервые без Сталина.

Всю же текущую работу по Совету Министров он переложил на своих заместителей по Совмину, первым из которых по значению был Берия. После XIX съезда он председательствовал на заседаниях Президиума и Бюро Президиума Совета Министров 8 раз, Сабуров — 6 раз, Первухин — 5 раз и один раз вел Бюро Маленков.

На заседаниях обоих Бюро — и Президиума ЦК и Президиума Совмина — почти постоянно присутствовало четыре человека: Сталин, Берия, Первухин и Сабуров. С первыми двумя все было ясно, что же до двух последних, то можно предполагать, что Сталин имел на них некие виды уже в ближайшем будущем.

Обращало на себя внимание и новое положение Маленкова. Постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС от 10 ноября 1952 года было определено, что он должен сосредоточиться на работе в ЦК КПСС. И действительно, после 10 ноября Маленков на заседаниях в Совмине уже не появлялся, зато был непременным участником заседаний в ЦК.

Возможно, кто-то из читателей усмотрит в этом некие тайные интриги Сталина и — как я понимаю — ошибется. Но вот некие замыслы, которые раньше времени он сообщать даже ближайшим сотрудникам не желал, у Сталина, пожалуй, возникли. В текущих хозяйственных делах он всецело полагался на Берия с «пристяжными» Первухиным и Сабуровым, а вот текущие политические дела не был склонен передоверить никому.

ОДНАКО время шло. Седьмого ноября 1952 года исполнилось 35 лет со дня Октябрьской революции, и, как всегда, в Большом театре 6 ноября проходило торжественное заседание Моссовета.

7 ноября «Правда» опубликовала отчет о нем с фото президиума на первой полосе, и я привожу его состав по подписи под этим фото. Итак, на сцене сидели Сабуров, Микоян, Первухин, Молотов, Пономаренко, Маленков, Суслов, Берия, Сталин, Шкирятов, Каганович, Булганин, Михайлов, Пегов, Хрущев, Аристов, Игнатов, Шверник, Яснов, В.В. Кузнецов, Капитонов, Фурцева, Миронова, В.В. Гришин, А.М. Пузанов...

Впрочем, сама подпись под фото не давала полного представления о положении дел — она перечисляла фамилии сидящих слева направо как в первом, так и во втором рядах. При взгляде же на само фото было видно, что в первом ряду рядом сидели — среди других — Маленков, Берия, Сталин, Каганович, Булганин...

Берия сидел по правую руку от Сталина, что вряд ли было случайным. Доклад же делал на этот раз Первухин. По сравнению с прошлогодним докладом Берии на таком же торжественном заседании Моссовета первухинский доклад был бесцветнее, хотя его и оживило такое вот сообщение:

«...многие американцы потеряли душевный покой. Они то и дело вглядываются в небо, и некоторым из них стали мерещиться... странные предметы, напоминающие огромные «летающие тарелки», «блюдца», «сковородки», «зеленые огненные шары»... Газеты и журналы утверждают, что они являются либо русскими таинственными снарядами, либо... — летательными аппаратами, посланными с какой-то другой планеты для наблюдения за тем, что делается в Америке»...

В зале смеялись, не подозревая, что придет время, и такая же волна окончательного оболванивания болванов докатится и до Москвы, откатываясь от нее до самых до окраин оболваниваемой страны.

Впрочем, черт с ними, с летающими сковородками! В докладе Первухина был некий блок, который имел принципиальный смысл и таил в себе весьма новые прозрачные и неприятные кое для кого намеки...

Нечто подобное — и, надо полагать, не только по своей инициативе — говорил ровно год назад в этом же зале Берия. Теперь же мысли, заявленные уже в докладе Берии, были оформлены в докладе Первухина — и тут уж точно не по его инициативе — намного более жестко. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить оба блока.

6 ноября 1951 года Берия говорил:

«Отдельные предприятия, выполняя и перевыполняя план по валовой продукции, не всегда выполняют план по производству важнейших видов изделий. Руководители этих предприятий хотят, видимо, облегчить себе работу и выпускают те изделия, которые требуют меньших усилий и хлопот. Пора бы им понять, что для государства нужно не всякое выполнение и перевыполнение плана, а только такое, которое обеспечит народное хозяйство нужной ему продукцией».

Первухин же 6 ноября 1952 года заявил вот что:

«Руководителям предприятий *и отраслей* (выделение здесь и ниже мое. — С.К.), которые не выполняют государственных планов и выпускают

продукцию невысокого качества, не мешает подумывать о том, что если они не выправят положение, то **им придется** посторопиться и **уступить свое место другим**, более энергичным и лучше знающим дело работникам».

Улавливаете разницу в тоне и смысле речей? Год назад Берия и, конечно, Сталин публично лишь пожурили «заедающихся» руководителей. И пожурили, в общем-то, мягко.

Теперь же Сталин устами Первухина уже бил их почти паотмашь. Не исключено, что и докладчиком-то Первухин был выбран как фигура «знаковая»... Относительно молод — 48 лет (Берии, впрочем, было всего 53 года), только что вошел в высшее партийное руководство, но уже давно заявил о себе как о крупном и толковом хозяйственном и государственном руководителе, один из заместителей Сталина по Совету Министров... Молодая поросль, так сказать...

Предложение «посторониться и уступить свое место», сделанное номенклатурной «партоплазме» такой фигурой, не могло эту «партоплазму» не взволновать и не встревожить до чрезвычайности. Если же вспомнить речь Поскребышева (читай, фактически Сталина) на XIX съезде, то заявление Первухина (читай, фактически Сталина) было способно ввергнуть всех бездарей и шкурников всесоюзного масштаба вообще в панику!

Сказав так, я не имею в виду, конечно, тех, кого историк Ю.Жуков называет «узким руководством», то есть действительно узкий круг несомненно выдающихся партийно-государственных деятелей, а именно: Берию, Булганина, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Микояна, Молотова, Первухина, Пономаренко, Сабурова и несколько более широкий, примыкающий к первому круг руководителей типа Косыгина, Тсвосяна, Малышева, Вышинского, как и многих других — относительно молодых и не очень молодых ответственных работников, которые работали много, честно, самоотверженно и, что, пожалуй, важнее всего, — компетентно, были на своем месте.

Я имею в виду, во-первых, тех, кто, занимая высокие посты, им не соответствовал. Во-вторых же, я имею в виду разного рода и калибра «прилипал» и «рефсередентов», кото-

рых в московской номенклатуре хватало и к которым как раз и относились слова Сталина, Берии, Первухина и Поскребышева. Вот уж эта чиновная «рать» имела все основания дрожать если не за свою шкуру, так уж за кресло — точно!

Как это понимать — уступить свое место другим? Это что — лишиться солидного кабинета, секретарей, свиты, персональной автомашины, государственной дачи, медицинского обслуживания в «кремлёвке»?

Для руководящей и околоруководящей «партоплазмы» единственно значащим было лишь это. Их уже не прельщала (если она их вообще когда-либо прельщала) возможность повседневно совершенствовать и развивать порученное дело, улучшать работу и вести ее на все более высоком научно-техническом, технологическом и организационном уровне. Они уже привыкли благодушествовать...

И вдруг — посторониться! Уступить место!

Да одним таким предложением Сталин был способен подписать себе смертный приговор! Ведь безудержно и сытно жрущая сволочь, когда ее оттаскивают от кормушки, способна на такую озлобленную реакцию, по сравнению с которой рыки львов и тигров будут выглядеть милым мурлыканьем домашней киски!

Думаю, Сталин это понимал. Потому и старался в динамично развивающейся ситуации держать ее под контролем. Забегая вперед, можно сказать, что под своим контролем ее не удалось удержать ни Сталину, ни Берии — удары пришли оттуда, откуда их никак не ожидали ни тот, ни другой.

Они пришли *от своих*. А точнее — от тех, кого Сталин и Берия считали своими товарищами и добрыми коллегами.

Разговор об этом нам с тобой, уважаемый читатель, еще предстоит, а сейчас пришла пора более подробно поговорить о Хрущеве...

ГЛУБОКОЙ осенью 1952 года в составе высшего партийно-государственного руководства была образована руководящая пятерка: Сталин, Берия, Булганин, Маленков, Хрущев.

Это был, как видим, очень «плотный» список. В него

было не просто попасть, но из него было не так уж и сложно выпасть. Впрочем, трем из этого списка место в нем было гарантировано прочно.

Во-первых, непременно членом высокого собрания был, естественно, Сталин.

Во-вторых, можно было считать прочно зарезервированными два следующих места: для Берии — как выдающегося менеджера и мастера на все руки и Маленкова — как «железобетонного» «второго номера» типа Молотова, но помоложе и пообразованней Вячеслава Михайловича.

Позиции Булганина были слабее, однако и он был в «пятерке» на своем месте как еще один надежный для Сталина «второй номер», но — в военном ведомстве.

Наиболее шатким было положение Хрущева. Он был и наименее образован (если к нему было вообще применимо слово «образован»), и наименее компетентен. Да и проходил по партийному «ведомству», роль и значение которого Сталин в перспективе сводил к идейному, а не административному руководству обществом. На образец же высокой морали и высокого ума Никита Сергеевич тянул слабо.

А у него образовались неприятности еще и с такой стороны, откуда он их не ожидал никак. Беда — для Хрущева и ему подобных — пришла с самых партийных и социальных низов.

И пришла так...

К осени 1952 года Сталину становилось ясно, что с животноводством в стране неладно — производство мяса не росло, да и вообще особых успехов в сельском хозяйстве не было... Причины назывались при этом разные. Вряд ли объяснения коллег удовлетворяли Сталина, однако узнать истинное положение дел главе государства всегда не просто. И тут Сталину помогли массы — 1 ноября 1952 года ветеринарный техник Н.И. Холодов из Орехово-Зуевского района Московской области написал ему письмо о положении в колхозах области.

Это вроде бы негромкое и почти неизвестное событие в нашей истории я склонен расценивать как одно из важнейших в конце 1952 года и в должной мере не оцененных. Бывает, гора рождает мышь. В данном случае можно было бы сказать, что наоборот — «мышь» родила «гору», если бы не

то обстоятельство, что автора письма Сталину, рядового коммуниста Холодова, с тихой мышкой сравнить нельзя было никак! Это был умный, честный, с развитым гражданским чувством человек, воспитанный советским строем.

5 ноября его письмо уже было в Особом секторе ЦК, и заведующий этим Сектором, секретарь Сталина Поскребышев положил его на стол Сталину. Факт между прочим, много говорящий и об атмосфере в стране, и о порядках в аппарате Сталина, и о самом Сталине.

10 ноября Сталин адресовал копию Маленкову и Хрущеву и 10-го же ноября Бюро президиума ЦК утвердило повестку очередного заседания Президиума, где третьим пунктом стояло «Записка т. Бенедиктова по вопросам животноводства (т. Бенедиктов)».

«Товарищ Бенедиктов» — это тогдашний министр сельского хозяйства СССР. Сложно сказать, была ли его записка «О сокращении поголовья крупного рогатого скота в 38 областях, краях и республиках» подготовлена по собственной Бенедиктова инициативе или она стала промежуточным результатом изучения Сталиным письма Холодова. Так или иначе, по времени эти два документа совпали очень удачно и друг друга дополняли.

Сталин, надо полагать, читал письмо ветеринарного техника из Орехово-Зуевской районной ветлечебницы внимательно — оно того стоило, а начиналось так:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Как член Коммунистической партии, желаю получить от Вас ответ на такие вопросы, которые волнуют, может быть, миллионы людей Советского Союза и о которых никто не осмеливается говорить открыто на собраниях, так как за подобную критику вы будете сильно наказаны.

Я хочу остановиться на вопросах, связанных с сельским хозяйством.

Согласно нашей прессе, в сельском хозяйстве мы имеем громадные достижения и ни в одной газете не увидите сигналов о недостатках. Вам докладывают секретари обкомов, им докладывают секретари райкомов, последним докладывают с низов.

По радио транслируют... Орехово-Зуевский район успешно завершил сельскохозяйственный год, досрочно рассчитался с государством.

Посмотрим же на самом деле, как обстоит дело в действительности...»

И далее Холодов описывал картину не то что невеселую, а... Впрочем, я лучше приведу пару-тройку прямых цитат:

«Вот объединенный колхоз «Красная Звезда — из 500 га (гектара. — С.К.) 200 га лучших заливных лугов остались некошеными, сейчас залиты водой. Картофель вроде убран, но что это за уборка? Его убирали мобилизованные рабочие с фабрик и заводов, у которых на этот период сохранялась зарплата на 50%, и они не старались собрать весь картофель... и собирали только то, что было наверху, и поэтому в земле осталось более половины картофеля. Смешно слышать, что собрано картофеля с га (то есть со ста соток. — С.К.) на некоторых полях всего одна тонна (то есть по 10 (десять) килограммов с сотки. — С.К.). Идешь бороздой, ногой расшвыриваешь землю и видишь опять картофель...»

Так заготавливали картофель в Московской области, где первым секретарем обкома был по совместительству секретарь ЦК КПСС т. Хрущев. К слову, после ареста Берии, на «антибериевском» пленуме ЦК в июле 1953 года, Хрущев, Микоян и прочие вменяли в вину плохое положение с картофелем в Москве в зиму 1952/53 годов не кому-нибудь, а Берии, который якобы ставил палки в колеса якобы прозорливым и настроенным по-деловому коллегам. Они там еще и на Сталина напраслину возвели — о чем я в свое время скажу!

Что же до письма Холодова, то были там и такие строчки:

«Вот поле гречихи — богатое поле... пущена жнейка — гречиха скошена; кое-как заскирдована, но молотить времени нет, нет людей. Ее начинают «молотить» свиньи, ...пасутся они без надзора и вот безжалостно «обмолачивают» гречу и рожь под навесом...»

И такие:

«...годовые удои молока из года в год не превышают 1200—1400 литров на фуражную корову. Это смешно — это дает средняя коза. <...>

Скот содержится в антисанитарном состоянии (в некоторых бригадах скот по живот стоит в навозе)...»

Подобных примеров, которые он видел «повседневно в действительности трезвыми глазами» в полеводстве и животноводстве, Холодов привел много и резюмировал:

«Сперва я думал, что такое положение вещей только в нескольких районах промышленного значения, а оказывается, нет — такая же картина, как я узнал, и в ряде районов Владимирской, Рязанской, Курской и Воронежской областей, не говоря уже о других, о которых я не знаю».

Впрочем, Холодов не отрицал, что «мы решили зерновую проблему», и основную часть письма посвятил животноводству, предложив много дельных вещей, в том числе и сдельную оплату труда колхозников. Причем писал вот что:

«Я работаю с 1935 года. Тогда колхозы были совсем другие. Тогда можно было требовать правил ветеринарно-зоотехнического порядка, и они выполнялись, так как тогда было за что спросить и с кого спросить. А теперь этого нет. Сколько бы ни писалось актов, докладных, но это все остается невыполненным, а если с трудом и выполняется, то как проформа. <...>

Посмотрим, как смотрит на это областное руководство.

Был у нас секретарь райкома т. Николаев, неплохой руководитель, но не справился с работой и с позором снят. Теперь поставлен т. Поликарпов, вроде надежный человек, так как, будучи директором Ликинского машиностроительного завода, работал довольно хорошо, а теперь у него картина хуже, чем у Николаева. Каков вывод? А вывод,

оказывается, такой, что и не в руководстве подчас причина...

Станным становится такой вопрос. Все члены партии между собой в узком кругу говорят о серьезных недостатках, но никто ничего не говорит на собрании, тем паче на обкоме КПСС. За это взгреют в хвост и в гриву...»

Итак, Холодов указывал на обком КПСС... А обком — это Хрущев. Так что вряд ли Никита Сергеевич в те дни чувствовал себя в своем седле, то бишь — в кресле, уверенно. Нелицеприятная правда Холодова могла обернуться для Хрущева и К^о серьезными неприятностями, а то и организационными выводами.

Могла разразиться и еще более серьезная гроза — жесткие и эффективные меры, инициированные Сталиным и направленные: а) против партийного, а не хозяйственного приоритета в руководстве экономикой; б) против практики жонглирования «палочками» трудодней с заменой ее на практику прямого материального стимулирования труда в сельском (а возможно, и не только в сельском, а вообще в народном) хозяйстве.

Ведь Холодов в своем письме обнаружил хорошее понимание назревших общегосударственных проблем, подкреплял свои выводы конкретными примерами или, напротив, из конкретных и показательных примеров делал верные глубокие выводы. В конце обширного своего послания коммунисту Сталину коммунист Холодов писал:

«В скором времени при существующих условиях оплаты труда колхозников мы можем столкнуться с таким фактом, что работать в колхозах будет некому — старики постареют, а молодежь вся в городах и на производстве.

Я считаю это положение вещей довольно ненормальным. При введении же предлагаемой оплаты экономика колхозов быстро возрастет и жизнь колхозников будет зажиточная и радостная...

Возможно, Вы скажете — это необоснованные выдумки, нет, это голос самих колхозников, голос народа. <...>

Может быть, я мыслю неверно, может быть, я крепко ошибаюсь, но мне кажется, как гражданину Советского Союза, как члену партии, существующее положение оплаты труда колхозников... является совершенно недостаточным, способствующее ухудшению... а не улучшению жизни колхозников, ...ухудшению их материального состояния, а вместе с тем и духовного облика (жутко слышать мат от женщины на колхозном дворе или где-либо в поле).

Надо бы остановиться о работе МТС, но всего не охватишь и в письме всего не напишешь.

На этом я кончаю, прошу прощения, если в чем я виноват.

С коммунистическим приветом

Веттехник
Орехово-Зуевской Районной
Ветлечебницы Холодов
г. Орехово-Зуево».

Нет, не только о сельском хозяйстве писал Холодов, но все же главной темой его письма было сельское хозяйство, и поэтому обсуждение письма Холодова в «верхах» проходило по сельскохозяйственному ведомству.

Министр Бенедиктов 11 ноября перед Бюро Президиума кое-как отчитался, и по его словам выходило, что виновны, мол, прежде всего сами колхозники — плохо ухаживают за скотом.

Сталин тогда заметил, что это означает, что колхозы не заинтересованы в общественном животноводстве экономически, что надо особое внимание обратить на повышение заинтересованности колхозников в развитии животноводства. И 2 декабря 1952 года было принято постановление Президиума ЦК КПСС, которое поручало Бюро Президиума выработать проект соответствующего постановления и внести его на рассмотрение Президиума, а 3 декабря Бюро Президиума ЦК поручило Хрущеву рассмотреть факты, изложенные в письме Холодова.

Далее события развивались так...

11 декабря 1952 года Хрущев в записке Сталину при-

знавал справедливость ряда положений письма Холодова, но утверждал, что Холодов-де пишет «только о плохих колхозах» и «не знает, как работают передовые хозяйства», хотя сам Холодов, адресуясь к Сталину, заявлял: «Может быть, Вы скажете, что не надо смотреть на отстающих, а надо равняться по передовым — это я понимаю. Но я не понимаю того, что из года в год эти отстающие, а их у нас большинство, не растут в экономическом отношении, а деградируют...»

Положительно письмо подмосковного веттехника выходило секретарю ЦК и первому секретарю Московского обкома Хрущеву боком. Это письмо, если вдуматься, было способно высветить Сталину всю сложившуюся после войны систему тонкого вредительства (другое слово подобрать сложно) в планировании экономики и взорвать ее. Причем один из конкретных «крайних» был очевиден — Хрущев, который однозначно обнаруживал управленческую некомпетентность.

Однако Сталин — вопреки злостным мифам о нем — держался за работника до последнего и карал его лишь тогда, когда убеждался в его полной неадекватности — деловой или политической. Держался он, увы, и за Хрущева, к которому благоволил. Поэтому когда 11-го же декабря Бюро Президиума ЦК приняло постановление «О составе комиссии для выработки коренных мер по обеспечению дальнейшего развития животноводства», возглавить эту комиссию поручалось все же Хрущеву.

В комиссию были включены также Бенедиктов, секретарь ЦК и одновременно министр заготовок СССР Попомаренко, заместитель Председателя Совмина СССР Микоян, министр совхозов СССР Скворцов и другие.

К 26 декабря 1952 года проект постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах» был готов, но он Сталина не удовлетворил, что было неудивительным.

Во-первых, из письма Холодова можно было понять, что корень зла — в неумном и безответственном «руководстве», а проект постановления, изобилуя не очень-то обя-

зательными таблицами и цифрами, этот скользкий момент обходил.

Во-вторых, хотя второй раздел проекта Постановления и был озаглавлен «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного животноводства», меры предлагались или формальные, или сомнительные. Так, Холодов предлагал выдавать дояркам за каждые 100 литров надоя 2 литра молока ежедневно, свинаркам — по одному поросенку в случае сохранения не менее 8 поросят от матки, работникам овцеводческих ферм по одному двухмесячному ягненку от 10 объегнившихся маток и т.д. В хрущевском проекте ничего этого не было — животноводов предполагалось «стимулировать» увеличенным количеством трудодней, то есть не литрами и килограммами, а всё теми же «палочками». Казалось бы, в сельском хозяйстве сделанная оплата «натурой» была наиболее естественной — тем более по тем временам — формой оплаты труда в животноводстве. Это на заводе при плане выпуска в тысячу двигателей нет нужды в трех тысячах колесных валов. А на ферме чем больше доярка надоит литров от одной коровы — тем лучше. Однако натуральную «сдельщину» комиссия Хрущева и Микояна почему-то не предлагала.

Зато закупочные цены на мясо в проекте постановления предлагалось повысить сразу почти в четыре раза! Например, цену на мясоразрубочных свиней комиссия Хрущева предлагала повысить с 72 копейки за килограмм до 3 рублей! Конкретные цифры исходили, конечно, от экспертов, и уж не знаю — было ли это с их стороны глупостью или тонкой провокацией. Лично я, с учетом дальнейшего развития событий в стране, склонен предполагать второе. Ведь такое «благоденствие» — не решая проблему кардинально, потому что не обеспечивало той заинтересованности колхозников, о которой писал Холодов и говорил Бенедиктову Сталин — или подняло бы розничные государственные цены в городах, или потребовало бы от государства больших дополнительных расходов, что, собственно, в проекте постановления и предусматривалось.

Холодов же предлагал иное... Если бы были приняты его предложения, то продуктивность животноводства мож-

но было быстро повысить вдвое, а то и втрое, и даже при повышении закупочных цен всего в полтора-два раза (на чем настаивал Сталин) достаток колхозников весомо увеличился бы в считанные год-два!

Но Хрущев и Микоян настаивали на «своем» (а фактически — на том, что им подсовывали референты), и «вопрос», что называется, завис... Коровы тем временем даже под Москвой утопали в навозе и под прохудившимися крышами ферм заболевали. И это положения Хрущева не упрочивало. Вероятность его исключения их высшей руководящей «пятерки» возрастала, он — надо полагать — всё более боялся из нее выпасть.

И боялся Хрущев не зря... В недрах сталинского мозга уже зарождалась идея особой и таинственной структуры власти, места в которой для Хрущёва не предусматривалось.

А что это был за орган, я сейчас скажу...

Глава тринадцатая

БЫЛЬ О «ТРОЙКЕ»

Тройка появилась не случайно,
И она придумана не зря.
Ведь не даром в каждой русской чайной
Есть картина «Три богатыря».

*Из русского бытового фольклора
второй половины XX века*

Сталин старел... Многими авторами приводились со ссылками на знаменитый уже «Журнал посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете» данные о том, что к 1952 году Сталин резко сократил прием посетителей в Кремле. Действительно, если в 1940 году в журнале было зафиксировано более двух тысяч посещений, то в 1950-м их было около семисот, а в 1951-м и 1952-м — менее пятисот, причем последний длительный перерыв составил более полугода — с 9 августа 1951 года по 12 февраля 1952 года.

Но еще более показательным и доказательным в этом смысле оказывается Постановление Бюро Президиума ЦК КПСС о работе Бюро Президиума ЦК КПСС и Бюро Президиума Совета Министров СССР от 10 ноября 1952 года.

Поскольку все его положения для дальнейшего повествования важны, мне придется его (и еще один, примыкающий к нему документ) привести полностью.

Итак:

«IV. О работе Бюро Президиума ЦК КПСС и Бюро Президиума Совмина СССР.

1. Признать необходимым, чтобы т. Маленков Г.М. сосредоточился на работе в ЦК КПСС и в Постоянной Комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС, освободив его в связи с этим от

обязанностей заместителя председателя Совмина СССР, члена Бюро Президиума и Президиума Совмина СССР.

2. Признать необходимым, чтобы т. Булганин Н.А. сосредоточился на работе в Постоянной Комиссии по вопросам обороны при Президиуме ЦК КПСС, освободив его в связи с этим от обязанностей члена Бюро Президиума и Президиума Совмина СССР.

3. Освободить секретаря ЦК КПСС т. Хрущева Н.С. от обязанностей члена Бюро Президиума Совмина СССР, обязав его сосредоточиться на работе в Московской партийной организации и в Бюро Президиума ЦК КПСС.

4. Председательствование на заседаниях Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС в случае отсутствия тов. Сталина возложить поочередно на тт. Маленкова, Хрущева, Булганина. Поручить им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления ЦК КПСС издавать за подписью Бюро Президиума ЦК КПСС.

5. Председательствование на заседаниях Бюро Президиума Совета Министров СССР и Президиума Совета Министров СССР в случае отсутствия тов. Сталина возложить поочередно на заместителей председателя Совета Министров СССР тт. Берия, Первухина и Сабурова. Поручить им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью председателя Совета Министров СССР тов. Сталина.

Протокол №2».

17-го же ноября 1952 года было принято еще и Постановление Бюро Президиума ЦК КПСС о работе Секретариата ЦК КПСС:

«74. — О работе Секретариата ЦК КПСС».

Принять следующее предложение Секретариата ЦК КПСС:

Заседания Секретариата ЦК КПСС созывать ре-

гулярно раз в неделю и по мере необходимости в зависимости от срочности вопросов.

Председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС в случае отсутствия тов. Сталина возложить поочередно на тт. Маленкова, Пегова и Сулова. Поручить им также рассмотрение и решение текущих вопросов.

Постановления Секретариата ЦК КПСС издавать за подписью Секретариат ЦК КПСС.

Протокол №3».

Как всё это надо было понимать?

На поверхности лежало очевидное — Сталин был уже не в состоянии оперативно рассматривать и решать все «текущие дела». А жизнь огромной державы ждать и замирать не могла.

Но у этого двойного решения Бюро Президиума ЦК, одна часть которого была отделена от другой интервалом всего в неделю, была, как я понимаю, и потаенная подкладка. Впрочем, для основных политических фигур в Кремле она, надо полагать, особой тайной не была и давала обильную информацию к размышлению всем.

Маленков и Булганин освобождались, по сути, от дел, связанных с Совмином, и теперь должны были заниматься работой лишь «по партийной линии». Относительно «штатного» партаппаратчика Маленкова это было еще более-менее объяснимо, но Булганин...

Николай Булганин никогда чистым партийным работником не был, начав свое восхождение в 1937 году — в 36 лет, с поста председателя исполкома Моссовета, а затем двигаясь по линии Совнаркома и Совмина. И его фактический «перевод» в ЦК при сохранении поста зампред Совмина мог означать лишь усиление «совминовского» начала в высшем руководстве партии. А «сосредоточение» на ЦК Маленкова объективно отодвигало на второй план Хрущева. Да и порядок председательствования в Бюро Президиума ЦК эту вторую (если не третью) роль Хрущева закреплял вполне определенно, а постановление о работе Секретариата ЦК от 17 ноября еще более выдвигало в

партийном отношении Маленкова и еще более «задвигало» Хрущева.

При этом Хрущев лишался своих позиций в Совмине СССР — то есть в высшем органе *исполнительной* власти. То есть Хрущеву и тем, кто «ставил» на Хрущева, здесь было над чем подумать. А тут еще не ко времени — для Хрущева — возник веттехник Холодов со своим колючим письмом.

Было похоже, что Хрущев постепенно лишается доверия Сталина — пока лишь в делах хозяйственных. Но ведь за этим могло последовать и политическое разочарование Сталина в нем — как это уже произошло в отношении Ворошилова и Молотова. Мог ли Хрущев и те, кто «ставил» на него или стоял за ним, допустить такой поворот ситуации?

Жорес Медведев в своей книге «Сталин и еврейская проблема. Новый анализ» пишет, что структура реальной власти в СССР Сталина достаточно хорошо отражалась объемом тех рапортов МВД и МГБ, которые направлялись тем или иным членам Политбюро. Он же сообщает, что из опубликованных в 90-е годы архивных документов видно следующее... После войны поток закрытой информации в «рассылке Сталина» был наиболее обильным, кроме Сталина, для Молотова, Берии и Жданова, а позднее — для Берии и Маленкова, затем — для Булганина, а по международным делам — для Вышинского.

Хрущев, как видим, по этому критерию не очень-то котировался. Он даже в ЦК — после «сосредоточения» там Маленкова — был, пожалуй, не первой фигурой, причем Хрущева явно теснил Сулов — даже без усилий со своей стороны, а за счет безусловно более высокого делового потенциала и уровня образования.

При всем при этом сдвоенное, по сути, решение Бюро Президиума ЦК о фактической передаче Сталиным своих текущих обязанностей другим, возвращало ситуацию в чем-то к тому моменту недавнего октябрьского Пленума ЦК, когда Сталин попросился в отставку. Теперь, после 10 и 17 ноября 1952 года, он мог править, но не управлять. Но поскольку Сталин ни с какой стороны не был схож с английским королем, такое положение вещей долго продол-

жаться не могло. Причем наиболее логичным вариантом стало бы избрание Сталина Председателем Президиума Верховного Совета СССР с последующей окончательной сдачей «оперативных» прерогатив преемникам.

26 ЯНВАРЯ 1953 года Бюро Президиума ЦК КПСС собралось на своё седьмое по общему счету заседание. На втором заседании, 10 ноября 1952 года, было решено проводить заседания Бюро еженедельно по понедельникам, но строго этого графика не придерживались, бывали разрывы в две недели, и вот в конце января подошел черед седьмого.

Если 9 января Сталина в зале не было, то теперь был в наличии «полный комплект»: все члены Бюро Президиума ЦК во главе со Сталиным, весь секретариат ЦК и председатель КПК Шкирятов.

Главным, что произошло между двумя соседними заседаниями 9 января 1953 года и 26 января 1953 года, было, безусловно, обнародование «дела врачей». Такой, например, историк-«демократ», как Г. Костырченко, утверждает, что все иностранные дипломаты называли «дело врачей» «сумасшедшей историей», однако сам же сообщает, что посланник Израиля в Москве Ш. Эльяшив грустно заявил: «Вся миссия очень опечалена... В случае войны (вот как! — С.К.) может быть решено всех евреев выслать в Сибирь»...

И — ни слова о сумасшествии в Кремле!

Известный же московский театральный администратор Нежный уверял всех, что «этим» воспользуются различные «погромщики», стоящие «у тех или иных рулей» и «поведут корабль к гибели...». Вряд ли Нежный имел в виду весь государственный «корабль».

Второй секретарь посольства Великобритании утверждал, что сообщение о врачах — продолжение линии антисемитизма, начатой на процессе Сланского. И вот тут он был не совсем не прав, если уточнить — линии не «антисемитизма», а антисиионизма и противодействия англосаксонскому империализму.

В конце 1952 года в Чехословакии действительно проходил процесс по делу бывшего Генерального секретаря ЦК Компартии Чехословакии Рудольфа Сланского. Он открылся 20 ноября 1952 года и среди четырнадцати обвиняе-

мых, бывших высокопоставленных чехословацких деятелей, одиннадцать были — как это было сказано в сообщении о начале процесса — «лицами еврейского происхождения». Причем на этом процессе прозвучали и такие слова:

«Всех этих предателей роднит друг с другом буржуазно-еврейское прошлое. Даже вступив в Чехословацкую коммунистическую партию и заняв высокие посты в ее руководстве, они всегда оставались буржуазными националистами, ...контактировали с сионистскими организациями и представителями израильского правительства, являющимися на деле агентами американского империализма»...

Процесс Сланского широко освещался в «Правде» — под его материалы отводились целые полосы, и длился он до начала декабря 1952 года. Одиннадцати из четырнадцати обвиняемым, включая Сланского, был вынесен смертный приговор, приведенный 3 декабря в исполнение.

В приговоре отмечалось, что Сланский «предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда», подобрав «для этого лечащих врачей из врачебной среды, с темным прошлым, установив с ними тесную связь и рассчитывая использовать их в своих вражеских планах».

Готвальд, выступая после процесса на общегосударственной конференции заявил:

«В ходе следствия и во время процесса антигосударственного заговорщического центра был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в Коммунистическую партию. Это — сионизм».

Что ж, это было правдой. Послевоенная ситуация в мире складывалась все более не в пользу США и Золотой Элиты, и надо было максимально ослаблять только формирующийся лагерь социализма и прежде всего — Советский Союз. Делать это надо было быстро и тотально. А объективно и в СССР, и в европейских странах народной демократии наиболее простым, дальновидным и надежным для США вариантом подрывных действий был вариант «пятой колонны» на базе прежде всего еврейских на-

ционалистических кругов. Хотя, естественно, не только еврейских...

Сталин понимал, что контрмеры могут быть эффективными лишь в том случае, если они окажутся тоже быстрыми и масштабными. Кроме того, необходимы были серьезные перемены вообще во всем государственном управлении — не столько в его структуре, сколько в части кадров.

Показательный пример: 14 мая 1951 года на дипломатическом приеме вдрызг пьяный генеральный консул СССР в Братиславе П.П. Разыграев, перемежая речь нецензурщиной, заявил министру иностранных дел Чехословакии Широкому: «Вилем, какой ты министр, ты доверенный Сталина»... Разыграева тут же отозвали в Москву, но подобных «кадров» в стране хватало, и разыгрывать «карты» таких разыграевых мог кто угодно. Соответственно, требовались серьезные кадровые чистки — на этот раз без массовых арестов и приговоров, а просто путем снятия с должностей, понижения в должности и т.д.

Между прочим, в этом был глубокий внутренний смысл. В первые годы строительства социализма враждебные слои были еще достаточно многочисленны в «верхах» и еще имели весьма массовую опору в «низах». И тогда чистки имели вынужденно массовый характер. Это была драма с элементами трагедии, усугубленной провокациями троцкистов и антисоветчиков. При этом Советской власти часто приходилось иметь дело с идейными врагами, обладающими пусть и чуждыми, но — убеждениями.

Теперь же Советской власти чаще всего приходилось иметь дело с безыдейными шкурниками-перерожденцами, с карьеристами или распустившимися разгильдяями типа подгулявшего экс-консула Разыграева. Причем массовой опоры в деятельной части народа они не имели. Поэтому чистки при любом уровне их «массовости» и по масштабам, и по мере наказания имели бы ограниченный характер, коснувшись лишь тех руководителей и их «референтов», которые оторвались от народа. Именно оторвались, потому что к началу 50-х годов основные слои руководителей в СССР почти поголовно состояли из выходцев из народа. И в большинстве случаев было достаточно просто «вернуть их в первобытное состояние» — полностью или

частично. Если уж продолжать драматургические аналогии, то на ум приходит скорее сатирическая комедия. Например — «Баня» Маяковского.

«Дело врачей» — даром что оно-то уж от комедии было очень далеко, оказывалось здесь и впрямь «знаковым», хотя и не в том смысле, в каком его трактуют «демократы». Оно не было сфальсифицировано МГБ, а стало результатом вполне реальных гнойниковых процессов в советском обществе — в целом тогда вполне здоровом. До какого-то момента скрытое от глаз общественности, но не скрытое, заметим, от высшего партийно-государственного руководства это «дело» на общественную ситуацию не влияло. Теперь, после своего обнародования, оно не могло не стать исходным пунктом для важнейших перемен.

Но кто персонально — кроме, естественно, Сталина, должен был возглавить эту новую обширную чистку кадров, в которой снижение статуса многих советских евреев оказалось бы лишь одной из сторон процесса, причем количественно, пожалуй, не самой масштабной?

Для широких масс этот вопрос не стоял — они о весьма скорых и весьма благотворных для положения масс переменах просто не знали.

Для служилых «номенклатурных» «масс» кое-что было ясно. И те из ее представителей, которые за неполные десятилетия послевоенных лет, что называется, *заелись*, не могли не тревожиться. Я об этом уже не раз говорил.

Но какого же тогда накала должна была достигать к концу января 1953 года тревога тех столичных кругов, которые не просто заелись, а так или иначе злоумышляли против Советской власти, против Сталина, в видах будущей благодарности от Запада ли, от преемников ли Сталина? Я имею в виду, конечно, не только еврейских националистов и не только националистов, но и вообще всех разноплеменных представителей советской «партоплазмы». Их тревога лишь усиливалась от того, что проявлялась тайно.

Тревога же и нервозность внешних «вдохновителей» — как их назвал Сталин — после 13 января 1953 года прорвалась на удивление открыто. Так, в Нью-Йорке прошли массовые демонстрации протеста евреев, а Альберт Эйн-

штейн направил нашему министру иностранных дел Вышинскому возмущенную телеграмму.

В Израиле министр иностранных дел М. Шарет заявил в кнессете, что правительство Бен-Гуриона «с глубоким сожалением и беспокойством наблюдает за официально развернутой в Советском Союзе антисемитской клеветнической кампанией». Заметим: здесь сразу отвергалась принципиальная возможность того, в чем обвинялись «кремлевские» врачи, но какие для этого у Тель-Авива были основания? Там что — знакомились с материалами следствия?

При этом ведь в передовице «Правды» не было ни одного *антисемитского* выпада, в ней говорилось, что «разоблачение шайки врачей-отравителей является ударом по международной еврейской *сионистской* организации».

Забегая немного вперед, сообщу, что в конце января и начале февраля 1953 года сам Бен-Гурион на страницах самой массовой израильской газеты «Давар» опубликовал под псевдонимом серию статей с резкими выпадами против СССР и лично Сталина. А 9 февраля на территорию миссии СССР в Тель-Авиве была брошена бомба, ранившая трех сотрудников, среди которых была и жена посланника Ершова. 13 февраля СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем.

И вся эта шумиха была саморазоблачительной. Ну, в самом-то деле! Некие репрессивные меры против ряда советских евреев предпринимались в послевоенном СССР давно. Хронологически их начало можно относить еще к январю 1949 года, когда разворачивалась борьба с «космополитизмом». В своей основе эта борьба была исторически и общественно необходима, но иногда с грязной водой в ее ходе выплескивали и «ребенка» — увольнялись порой не только профессора и директора-евреи, но и толковые специалисты. Однако никаких бомб, никаких «публицистических» упражнений израильского премьера по этому поводу до сих пор не наблюдалось. А тут...

Нервная реакция Запада на арест «кремлёвских» врачей лучше многого другого доказывала их виновность не просто в преступной халатности, а именно в связях с так дружно вставшими на их защиту сионистскими кругами Запада.

ВЕРНЕМСЯ, впрочем, в день 26 января 1953 года, в зал заседаний Бюро Президиума ЦК...

В повестке дня — вполне рутинной, стояли вопросы отчетности перед всесоюзным Центральным Комитетом региональных партийных и государственных органов, обсуждался проект ответной ноты правительству США по австрийскому вопросу.

Говорили о продаже зерна Пакистану и об обмене товарами с Египтом, дорабатывали директивы советским делегациям на заседание Исполкома Всемирной федерации профсоюзов и на сессию Совета Всемирной федерации демократической молодежи...

Вторым пунктом повестки дня стояло скромное: «Вопрос о наблюдении за специальными работами». А результатом рассмотрения стало Постановление Бюро Президиума ЦК КПСС об образовании некоей «Тройки»:

«214. — Вопрос о наблюдении за специальными работами.

Поручить тройке в составе тт. Берия (председатель), Маленкова, Булганина руководство работой специальных **органов** (здесь и далее все выделения мои. — С.К.) по особым **делам**.

Этот короткий документ опубликован сегодня в нескольких сборниках документов, и в примечании к нему в сборнике «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953» (М., «РОССПЭН, 2002 г.) сказано: «Судя по тому, что протоколы заседаний «тройки» сохранились среди материалов комиссии по вопросам обороны при Президиуме ЦК КПСС, «тройка» выполняла роль оперативного руководящего органа этой комиссии...»

Но так ли это? Во-первых, все оборонные специальные **работы** шли плановым образом и менять структуру руководства ими срочной нужды не было, да она и не менялась — в постановлениях Бюро Президиума ЦК от 12 и 22 ноября 1952 года были вполне четко определены структура и штаты аппарата постоянной Комиссии по вопросам обороны с количеством ответственных работников 18 человек и технических работников 31 человек. При этом два руководящих Комиссией освобожденных ее члена, в

постановлениях персонально не указанных, «в вопросах заработной платы и материально-бытового обеспечения» приравнивались «к Заведующим отделами ЦК КПСС», то есть были существенно ниже по статусу, чем даже секретари ЦК, не говоря уже о членах Бюро Президиума ЦК. Причем в сферу деятельности Комиссии входили прежде всего вопросы Военного, Военно-Морского Министерства и вопросы мобилизационного плана.

Так могла ли «Тройка» из трех ведущих членов Бюро Президиума ЦК быть оперативным руководящим органом Комиссии по обороне? И работой каких таких специальных **органов** и по каким таким особым **делам** (а не работам) должна была руководить эта «Тройка»?

Вроде бы ответ на этот вопрос дают четыре протокола заседаний (2, 9, 16 и 23 февраля) «Тройки», начиная с первого, состоявшегося 2 февраля 1953 года и определившего днем и часом заседаний Тройки (так в документах, с большой буквы) понедельник, 2 часа дня.

Скажем, 9 февраля на заседании Тройки были приняты решения по специальным **работам** по

- первому (атомному. — С.К.) разделу (т.т. Ванников, Ключков, Маленков, Берия);

- второму (добыча урана. — С.К.) разделу (т.т. Антропов, Ключков, Маленков, Берия);

- акционерному обществу «Висмут» (добыча урана в Германии. — С.К.) (т.т. Сергеев, Маленков, Берия);

- советско-румынскому горному обществу «Кварцит» (т.т. Сергеев, Берия);

- разделу «Б» (системы «Беркут» и «Комета». — С.К.) (т.т. Рябиков, Владимирский, Берия);

- изготовлению опытной партии изделий 32-Б (т.т. Берия С.Л., Владимирский, Маленков, Берия Л.И.);

- опытно-конструкторским и научно-исследовательским работам по изделиям «Р» (ракетная техника. — С.К.) (т.т. Устинов, Королев, Неделин, Василевский, Булганин, Маленков, Берия).

И тем не менее вряд ли подлинной целью создания «Тройки» были всего лишь оборонные работы... Уже после смерти Сталина, 16 марта 1953 года, было принято поста-

повление Совмина №687-355сс/ оп «О руководстве специальными **работами**», которым образовывался Специальный комитет при Совмине СССР в составе: Л.П. Берия (председатель); Б.Л. Ванников (первый заместитель председателя), заместители председателя И.М. Ключков, С.М. Владимирский, члены Н.А. Булганин, А.П. Завенягин, В.М. Рябиков, В.А. Махнев.

Вот на этот Спецкомитет, который был, по сути, воспроизведением прежнего Спецкомитета под руководством того же Берии, было возложено руководство всеми **специальными работами** — по атомной промышленности, по системам «Беркут» и «Комета», по ракетам дальнего действия, но — не **особыми делами**.

И уже различие в официальной терминологии (вещь, надо заметить, тонкая!) позволяет предполагать, что руководство «всеми **специальными работами**», предусмотренное Постановлением СМ СССР №687-355сс/оп. и руководство **«работой специальных органов по особым делам»**, предусмотренное пунктом 214 протокола №7 заседания Бюро Президиума ЦК КПСС, были вещами разными. Очень уж отличаются две формулировки как по форме, так и по смыслу.

Так как все это можно объяснить?

В поисках ответа на этот вопрос я обратил в конце концов внимание на то, что особая «Тройка» представляла собой вариант «руководящей пятерки»: Берия, Булганин, Маленков, Сталин, Хрущев, усеченной на Хрущева. Именно на Хрущева, потому что Сталин без особых оговорок подразумевался главой этой «Тройки».

Но зачем она была нужна Сталину?

И почему 9 января 1953 года на Бюро Президиума ЦК отсутствовал министр госбезопасности Игнатьев? Впрочем, об Игнатьеве — позже, пока попробуем разобраться с таинственной «Тройкой», образованной 26 января 1953 года на заседании Бюро с участием Сталина.

ФОРМАЛЬНО это был тот же Спецкомитет Берии с целями чисто «технократическими», но фактически главной системной чертой «Тройки» оказывалась та, что в рам-

ках ее деятельности вполне легально, не вызывая никаких подозрений, могли действовать и совещаться три человека: Берия, Маленков и Булганин. А о чем они совещались, знал только Сталин.

При этом Берия имел прочные связи и авторитет в МВД-МГБ и в системе народного хозяйства.

Маленков хорошо знал партийный аппарат и был опытен в вопросах идеологии и пропаганды.

Булганин, бывший Министр Вооруженных Сил СССР, был в наибольшей мере из всех других членов Бюро Президиума ЦК, кроме Сталина, связан с современной армией и знал ее.

Теперь, после 26 января 1953 года, Берия, Маленков и Булганин были тесно связаны друг с другом в рамках некоей легальной организационной структуры, «ключи» от которой были у Сталина, но в которую не был вхож ни Хрущев — из состава руководящей «пятерки», ни кто-либо другой из состава Бюро Президиума ЦК.

Все было логично... Молотов, Ворошилов и Микоян хотя и были преданы делу партии и народа, в рабочие «политические лошади» уже не годились. Причина была даже не в усталости, а в утрате верной исторической перспективы и социального оптимизма.

Каганович был опытен, энергичен и тоже предан делу СССР, но при этом слишком эмоционален и временами несдержан. Его можно было подключать к процессу после того, как процесс «пойдет».

Первухин и Сабуров были просто еще недостаточно сформированы как высшие государственные деятели, и их, как и Кагановича, можно было включать лишь в уже начавшийся процесс перемен.

Хрущев? Ну, Хрущев — как Хрущев...

В свете сказанного «Тройка» выглядела неким политическим суперорганом, способным мгновенно стать руководящим триумvirатом при высшем верховенстве Сталина. Фактически «Тройка» заменяла собой руководящую «пятерку» и вышвыривала Хрущева из доверенного руководства.

Причем председателем «Тройки» Сталин назначил Берия.

С одной стороны, это был знак высокого доверия. Сейчас много приходится читать о том, что Сталин-де «подозревал» Берию и «опасался» его, что, например, «мингрельское дело», затронувшее разложившуюся часть руководства Грузии, было задумано Сталиным как своего рода «охота» на «Большого Мингрела» Берию. Я не намерен подробно анализировать эту чушь, всего лишь сообщив читателю, что Постановление Политбюро от 27 марта 1952 года о положении дел в Компартии Грузии заканчивалось фразой: «Для участия в работе пленума ЦК КП(б) Грузии командировать члена Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Берия Л.П.».

Однако и без этого факта один факт назначения Берии в конце января 1953 года председателем сталинской «Тройки» опровергает все антибериевские инсинуации. С другой стороны, из всех членов «Тройки» Лаврентий Павлович был не просто формально первым. Из всех трех он единственный был настоящим человеком дела с быстрой реакцией. И все это сулило, пожалуй, действительно некие кардинальные перемены в жизни страны, задуманные Сталиным отнюдь не только в сфере оборонных проектов.

Из всех трех членов «Тройки» Берия оказывался, пожалуй, «на особицу» и в том смысле, что наименее был связан с Хрущевым. У Булганина, например, с Хрущевым были чуть ли не дружеские отношения еще с той поры 30-х годов, когда Хрущев возглавлял Московскую парторганизацию, а Булганин — Моссовет. Их тогда еще называли «отцами города».

Был неслужебным образом связан с Хрущевым и Маленков, после возвращения Хрущева в Москву бывал у него на даче по выходным.

Но тогда это вряд ли Сталиным бралось в расчет, да и вряд ли было действительно очень значимым *при живом Сталине*.

Да, на «тройке» с «коренником» Берией «кучер» Сталин мог бы повезти Россию в очень заманчивое будущее, где неведьды типа Хрущева, разгильдяи типа экс-консула Разыграева и хитрецы типа аппаратных «референтов» уже не могли бы занимать в обществе серьезных позиций!

Могло ли это не тревожить Хрущева — до паники?

Могло ли это не тревожить лукавое окружение Хрущева, которого именно у Хрущева не могло не быть уже потому, что Хрущевым — из всего ближайшего круга соратников Сталина — было проще всего манипулировать?

Причем, надеюсь, уважаемый читатель не забыл еще о «животноводческой» коллизии, возникшей в советских «верхах» после письма Сталину от ветеринарного техника Холодова... В предыдущей главе я уже говорил, что после того, как 11 декабря 1952 года была образована комиссия Хрущева по выработке мер для улучшения положения в сельском хозяйстве, дело двигалось плохо. Но более того, оно сознательно тормозилось! И я здесь ничего не придумываю. Во введении к такому солидному источнику, как сборник документов «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953», изданному издательством «Российская политическая энциклопедия» в 2002 году тиражом в полторы тысячи экземпляров и помянутому мной уже не раз, об этом сказано так:

«Типичным примером могут служить крайне осторожные действия руководящей группы Политбюро в подготовке (по поручению Сталина) проекта решения об изменении системы заготовок продукции животноводства. Осознавая необходимость существенных перемен (главное — повышения закупочных цен), **они просто тянули время** (выделение мое. — С.К.)...»

Надо сразу заметить, что составители сборника, «записные» «россиянские» историки во главе с О. Хлевнюком, допустили здесь ряд неточностей. Так, Политбюро было после XIX съезда заменено Бюро Президиума ЦК, а из состава Бюро в комиссии Хрущева было лишь два члена Бюро — сам Хрущев и Микоян, и говорить о некоей «руководящей группе Политбюро» применительно к комиссии Хрущева означало по меньшей мере преувеличивать.

Во-вторых, Холодов и Сталин, вообще-то, имели в виду изменения в системе не заготовок, а производства продукции животноводства.

Не знаю, случайно или намеренно составители сборника о письме Холодова не обмолвились во введении ни сло-

вом, как не знаю, случайно или намеренно они свели проблему к повышению закупочных цен, а не к необходимости введения в животноводстве натуральной «сдельщины».

Не знаю я и того, что они имели в виду, сообщая о том, что Хрущев просто *тянул время*. Но знать хотел бы... Ну, действительно — как это понимать? Тянуть время можно было лишь в расчете на какие-то принципиальные перемелы в положении Сталина, например в расчете на его смерть.

Не так ли?

Итак, по той или иной причине комиссия Хрущева «тянула резину», и в феврале 1953 года в эту комиссию были дополнительно введены... Берия и Маленков — два из трех членов «Тройки».

Решил так, конечно, Сталин, и я думаю, что он решил так не случайно. Думаю я также, что Хрущев тоже пришел к выводу, что Сталин так решил не случайно. А если бы этого не понял Хрущев, то ему подсказало бы его лукавое окружение.

То есть в феврале 1953 года положение Хрущева — и так уже сложное — осложнилось еще больше. И в феврале 1953 года субъективные, личные интересы Хрущева, которым вполне отвечала бы смерть Сталина, объективно совпадали с интересами тех, кому смерть Сталина была все нужнее и нужнее... Ведь русская «птица»-«тройка» вот-вот должна была начать свое движение к формированию подлинной социалистической демократии, смертельно опасной для внутренней чиновной бюрократии и внешней мировой плутократии.

И НАЧАТЬ его под руководством Сталина!

Да, у Сталина явно имелись грандиозные замыслы, причем мирового масштаба. Это были не идеи экспорта революций, а идеи такого антиимпериалистического объединения народов и стран, для которого СССР мог бы стать опорой — вначале политической и военно-политической, а затем — и экономической.

Когда-то Сталин говорил, что если бы Германия была «красной», то она могла бы взаимовыгодно поставить

«красной» России машины в обмен на продовольствие, а так надо делать машины самим.

Теперь Россия научилась делать машины и могла бы взаимовыгодно их поставлять в Азию, в Южную Америку в обмен на продовольствие. И тем самым разгружать советскую экономику от необходимости форсировать решение продовольственной проблемы.

7 февраля 1953 года Сталин принимал посла Аргентины Леопольда Браво, который вернулся в Москву после четырехлетнего перерыва. Вот часть записи этой интереснейшей 40-минутной беседы:

«Браво заявляет, что для него является огромной честью и огромным удовольствием посещение Генералиссимуса и что это посещение останется у него в памяти на всю жизнь.

Сталин отмечает, что прием послов является его долгом, его обязанностью... что СССР заинтересован в торговле с Аргентиной...

Браво сообщает, что... он...выражает свое восхищение огромным строительством, ведущимся в Советском Союзе...

Сталин говорит, что силой народ невозможно заставить строить, но советский народ сам хочет строить, это облегчает строительство.

Браво отмечает, что президент Аргентины Перон также начал движение за независимость страны.

Сталин спрашивает: разве Аргентина в настоящее время не является независимой страной?

Браво отвечает, что Аргентина — независимая страна, но что раньше в стране было много иностранных империалистических монополий... Президент Перон начал кампанию за национализацию... Заявляет, что без экономической независимости нет и свободы.

Сталин соглашается с этим...»

Эта беседа интересна всем. Скажем, раньше, до войны, Сталин очень редко принимал послов, тем более послов таких не ведущих в мире стран, как Аргентина. И эта новая

послевоенная роль Сталина тоже ведь увеличивала счет ненависти развитого Запада к нему.

Сталин говорил с Браво о вполне реальных сферах сотрудничества, включая поставки мяса из Аргентины в обмен на вагоны и машины, которые позволили бы Аргентине избавиться от зависимости от Англии. Сталин говорил и о том, что «латиноамериканским странам надо бы объединиться» и «образовать что-нибудь вроде Соединенных Штатов Южной Америки»...

Это ведь было прямое посягательство на одну из старших «священных коров» внешней политики США — на доктрину Монро, провозглашающую принцип «Америки для американцев». На словах имелась в виду вся Америка для всех американцев, на деле же — вся Америка для одних лишь **североамериканцев**.

А вот еще одна интересная — особенно в свете темы этой книги — часть беседы:

«Браво говорит, что он очень рад видеть Генералиссимуса Сталина в добром здравье, веселым и бодрым.

Сталин спрашивает, чем может быть вызвана такая радость, какую пользу он принес Аргентине?

Браво говорит, что Сталин — это человек, о котором думают люди всего мира, и не только коммунисты, человек, который всех интересует, о котором все спрашивают, книги которого читают и высказываниями которого руководствуются.

Сталин замечает, что посол, очевидно, преувеличивает.

Браво говорит, что его слова от чистого сердца...»

17 февраля Сталин принял уже индийского посла К. Менона и долго беседовал с ним. Причем, по словам Менона, Сталин, несмотря на свои семьдесят три года, выглядел совершенно здоровым человеком.

То есть два иностранца, не сговариваясь, отметили неплохой — скажем так — топус Сталина. Если бы это было иначе, они, надо полагать, просто дипломатично промолчали бы — это ведь они, будучи дипломатами, умели делать профессионально. Однако и Браво, и Менон сочли воз-

возможным отметить бодрый вид Сталина, что говорит, с учетом событий ближайших недель, о многом. Предполагать какую-то катастрофу оснований не было. Да, проблемы со здоровьем исчезнуть не могли — возраст есть возраст, да и прошлые сверхнагрузки сказывались. Но Сталин отдохнул и в начале 1953 года был, как видим, по возрасту в достаточной форме. Приближалось время действий.

Спору нет — здоровье у Сталина пошаливало, иначе он не просился бы в отставку с двух высших государственных постов сразу. Если уж работу министра он определил как «мужицкую» по своим нагрузкам, то как же надо было определять нагрузку Председателя Совета Министров?! Однако уход Сталина с постов Генсека и ПредСовмина отнюдь не означал бы его ухода на покой. Перейдя в положение официального главы государства, он оставил бы за собой стратегическое руководство, передав оперативно-тактическое другим, скорее всего — Берии и Маленкову.

ИТАК, «Тройка» была запряжена, «кучер» — умеренно бодр. И, как Сталин полагал, уже в скором будущем можно будет разобраться и с новой «пятой колонной», и с разыгравшимися разыграсвыми, и со странно вялыми действиями министра ГБ Игнатьева, и с переставшим «ловить мышей» Хрущевым, и много еще с чем и с кем.

Заканчивался февраль, заканчивалась зима. «На носу» была новая весна.

И Сталин рассчитывал, что это будет весна деятельная и удачная и для него, и для России...

Глава четырнадцатая

13-Й ОТДЕЛ ГРУ

Значение мистического числа 13,
которое часто появляется на
Великой Печати Соединенных Штатов,
не ограничено числом колоний,
из которых США были составлены.
Священная эмблема древних инициированных,
здесь состоящая из 13 звезд,
также появляется над головой «орла».
Девиз содержит 13 букв, как и надпись.
«Орел» держит в своей правой лапе ветвь
с 13 листьями и ягодами,
а в левой лапе связку из 13 стрел...

*Из книги 1928 года Мэнли Палмера Холла
«Энциклопедическое изложение масонской,
герметической, каббалистической и розенкрейцерской
символической философии».*

13 ЯНВАРЯ 1953 года было обнародовано «дело врачей».

26 января 1953 года была образована «Тройка» из Бери, Маленкова и Булганина.

А 27 января 1953 года писатель Илья Эренбург в числе других лауреатов за 1952 год получал Международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами», присужденную ему 20 декабря 1952 года — накануне дня рождения Сталина.

Присуждение премии мира Эренбургу, активному деятелю движения сторонников мира, было вполне логичным. Однако в том, что она была присуждена 20 декабря 1952 года самому известному советскому еврею в преддверии антиссионистской акции 13 января 1953 года, имелся, конечно, и «знаковый» намек на то, что политика руководства СССР не имеет пресловутого «антисемитского» оттенка.

Между прочим, хотя в ходе процесса Сланского аспект злопамеренных действий врачей и возникал, казнили не врачей, а их «заказчиков». И уже это позволяло предположить, что итогом несомненно близкого московского процесса пад «кремлевскими» врачами был бы минимум смертных приговоров. Они были неизбежны — по вине, но вынесли бы их, надо полагать, тем, кто был виновен наиболее явно, как, скажем, профессор Виноградов и пачальник ЛСУК Егоров. И еще большой вопрос, были бы эти приговоры приведены в исполнение.

Но близкий процесс по «делу врачей», скорее всего, стал бы предвестием уже другого процесса, аналогичного процессу Сланского. И кто знает — не был ли бы его главной фигурой Никита Сергеевич Хрущев вкупе с экс-министром ГБ Игнатьевым? Ведь недаром после «воцарения» Хрущева центральные архивы подверглись форменному погрому — в первый в истории СССР, но, увы, далеко не в последний раз.

Имеются не часто замечаемые многими обстоятельства...

Скажем, 21 августа Указом Президиума Верховного Совета СССР для сотрудников органов государственной безопасности были отменены общевойсковые звания и вместо них вновь вводились специальные звания — вместо воинского «лейтенант» — «лейтенант госбезопасности» и т.д., и новая форма одежды. При этом с офицеров ГБ сняли доплату за воинские звания и ряд льгот. В результате денежное содержание среднего курсанта, например, Высшей школы МГБ уменьшалось примерно на треть — с 1200 рублей до 800 рублей.

Чем это было вызвано? Возможно, Сталин видел необходимость в реорганизации и сокращении МГБ, но не исключено, что *кто-то* ловко устроил дело так, что в «органах» сразу резко выросло число недовольных. В той же Высшей школе МГБ дошло до чуть ли не волнений курсантов.

Заслуживает внимания и повестка двух заседаний Президиума ЦК КПСС — 1 и 4 декабря 1952 года. Повестка дня 1 декабря включала в себя следующие вопросы:

- а) О вредительстве в лечебном деле.
- б) Информация о положении в МГБ СССР.

4 декабря рассматривались тоже два вопроса:

Информация о снабжении городов и областей продовольственными товарами.

О положении в МГБ СССР и о вредительстве в лечебном деле.

Стенограммы этих заседаний — если они вообще сохранились — по сей день не опубликованы. Однако уже более десяти лет назад были опубликованы выдержки из дневника члена Президиума ЦК В.А. Малышева, законспектировавшего кое-что из сказанного Сталиным 1 декабря. Эти записи так существенны, что мне придется привести их полностью:

«Т. Сталин. 1.XII.

Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство.

Любой еврей — националист, это агент америк. разведки».

Тут надо сразу пояснить, что Сталин выступал перед очень высокостатусной аудиторией и понимал, что его поймут верно, то есть не в том смысле, что надо подозревать и «прижимать» любого еврея, а в том смысле, что именно от евреев спецслужбы Запада через сионистские связи наиболее просто могут получать информацию. И уже продолжение записей Малышева доказывает, что Сталин, конечно же, проводил границу между евреями и евреями-националистами:

«Евреи-нацисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т.д.). Они считают себя обязанными американцам.

Среди врачей много евреев-националистов...»

А вот что говорил Сталин далее о ведомстве Игнатьева:

«Неблагополучно в ГПУ. Притупилась бдительность.

Они сами признались, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ.

Министры должны быть политиками и разведчиками.

Т. Сталин.

ГПУ не свободно от опасности для всех организаций — самоуспокоение от успехов, головокружение.

Есть одно средство — контроль и критика. Тут, в ГПУ, прикрывались особой секретностью и этих средств не применяли. У самих чекистов тоже не было желания.

Надо создать некие формы контроля и проверки. Оживить первичн. партийные организации (ячейки).

Ячейки поют дифирамбы руководству МГБ. Всякая инициатива у ячеек отнята. Прав у них нет, сидят во главе ячеек подхалимы. С этим надо покончить. Надо дать право ей критиковать начальство, чтобы любой имел право критиковать (пределы критики).

Отчет областного руководства перед обкомами.

Контроль со стороны ЦК за работой МГБ.

Лень, разложение глубоко коснулись МГБ»...

Было тут над чем подумать и главе МГБ, и тем его сотрудникам, которых привел в МГБ Игнатьев и которые недостаток профессионализма искупали подхалимажем?

А тут еще Сталин «информации к размышлению» подбавил...

Я ИМЕЮ в виду создание в рамках МГБ СССР объединенного Главного Разведывательного Управления, которое было создано по инициативе Сталина и просуществовало, по сути, не более, чем до смерти Сталина. Его скоротечная история настолько мало известна, что при упоминании об *этом* ГРУ, подсознательно ассоциируешь его с армейским Главным Разведывательным Управлением Генштаба, хотя «чекистское» ГРУ к *тому* ГРУ никакого отношения не имело.

30 декабря 1952 года было принято постановление Бюро Президиума ЦК БП7/12-оп, на основании которого Игнатьев 5 января 1953 года издал приказ по МГБ № 006, гласивший:

«В соответствии с решением Инстанции от 30 декабря 1952 года

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать в МГБ СССР Главное Разведывательное Управление на базе слияния существующих 1-го (разведывательного. — С.К.) и 2-го (контрразведывательного. — С.К.) Главных Управлений, включив также в Главное Разведывательное Управление Бюро №1, Отдел радиоразведки, Отдел оперативной техники, отдел «Д» (изготовления и экспертизы оперативных документов. — С.К.), первый отдел 4-го управления (розыскной. — С.К.), первый отдел 5-го управления (секретно-политический. — С.К.), первый и третий отделы 7-го управления (наружное наблюдение).

2. Назначить:

Начальником Главного Разведывательного Управления МГБ СССР — первого заместителя министра государственной безопасности СССР т. Огольцова С.И.

Начальником Управления по разведке за границей — т. Питовранова Е.П.

Начальником Управления по контрразведке внутри страны — заместителя министра государственной безопасности СССР т. Рясного В.С.

Министр государственной безопасности Союза ССР С. Игнатьев».

Все три руководителя нового ГРУ были, в отличие от министра, профессиональными чекистами бериевского закала и, кроме того, тесно сотрудничали в свое время с арестованным в 1951 году бывшим министром ГБ Абакумовым.

53-летний Сергей Иванович Огольцов стал первым заместителем Игнатьева 20 ноября 1952 года по возвращении из Узбекистана, где он возглавлял республиканское МГБ.

38-летний Евгений Петрович Питовранов, пришедший в органы МГБ по мобилизации ВКП(б) в 1938 году, на посту заместителя министра, был в октябре 1951 года аресто-

ван по делу Абакумова и до ноября 1952 года находился под арестом.

49-летний Василий Степанович Рясной — в 1946—1952 годах первый заместитель министра ГБ Абакумова, и перед новым назначением был тем, кем был — начальником контрразведки МГБ и «просто» замминистра.

О дальнейшей судьбе Огольцова я сообщу чуть позднее, что же относительно двух последних, то их судьба была разной. Оба после ареста Берии вначале остались в МВД, но оба были понижены. Питовранова отправили в ГДР — «офицером связи» со «Штази», спецслужбой ГДР. В 1956 году он получил звание «генерал-лейтенант», но в 1966 году был уже из КГБ уволен на пенсию — в 51 год. Умер в 1999 году, успев, однако, в 70 — 80-е годы поруководить Торгово-промышленной палатой СССР.

Рясной с 28 мая 1953 года по 30 марта 1956 года был начальником УВД Москвы и Московской области, затем его сняли, перевели начальником строительства Волго-Балтийского канала, а через три месяца — 5 июля 1956 года, уволили из МВД «по фактам дискредитации». Умер Рясной в 1995 году.

В 1953 году до этих грустных перемен в судьбах руководителей нового ГРУ было еще далеко. Абакумов находился в тюрьме, но тот факт, что после создания по инициативе Сталина в МГБ нового главка влияние в МГБ бывших сотрудников Абакумова возрастает, морщин Игнатьеву, вне сомнений, прибавило. При этом созданием ГРУ МГБ Сталин фактически создавал между Игнатьевым и оперативной работой МГБ, при необходимости, два барьера под названием «Питовранов—Рясной» и «Огольцов». В то же время ГРУ МГБ СССР представляло собой, по сути, организацию в организации и, опять-таки при необходимости, могло на какой-то период выполнять все наиболее важные функции «большого» МГБ, заменяя его.

Так что 5 января 1953 года Игнатьев подписал приказ № 006, а уже 9 января 1953 года отсутствовал на «антисионистском» заседании Бюро Президиума ЦК в результате то ли действительно инфаркта, то ли — «дипломатического

инфаркта». Последнее тем более вероятно, что и 4 декабря 1952 года на заседании Президиума ЦК о состоянии дел в МГБ докладывал не Игнатьев, а тот же его заместитель Гоглидзе, который был и на заседании Бюро Президиума ЦК 9 января.

Чем-то Игнатьев, впрочем, заболел — хотя бы для виду, потому что 27 января 1953 года спецсообщением № 317/и он докладывал Сталину: «...после болезни я приступил к работе». Вообще-то после инфаркта так быстро в строй не входят, а если входят — долго не живут. Игнатьев же после 1953 года прожил ровно тридцать лет!

В своем докладе от 27 января Игнатьев сообщал Сталину, что «включился в работу коллектива по дальнейшему вскрытию и расследованию вражеской деятельности врачей-террористов и их преступных связей, по организации работы разведки согласно указаниям ЦК, ликвидации националистического подполья и его вооруженных банд в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтийских советских республиках, по подбору и более целесообразной расстановке кадров... освобождаясь одновременно от людей обленившихся, разложившихся и утративших чувство долга перед партией».

Но это были слова... Суть же подлинных дел Игнатьева весны 1952 по весну 1953 года лично мне неясна до сих пор.

ТАК или иначе, время наступало горячее...

Ниже я приведу лишь один, ранее уже мной обещанный, краткий фрагмент объемного спецсообщения №1880/и от 5 января 1952 года, где Игнатьев докладывал Сталину о завершении следствия по делу антисоветской террористической организации, состоящей из еврейской молодежи.

Речь шла о группе во главе с Борисом Слуцким, которая с августа 1950 года систематически собиралась на нелегальные собрания и готовилась к террористическим актам и т.д. Это были пока лишь разговоры, но в свое время разговоры эсеров закончились созданием весьма серьезного отряда боевиков и серией громких политических убийств.

Что же до характера намерений, он был виден хотя бы из такого места сообщения Игнатьева:

Говоря о положительном отношении обвиняемой ЭЛЬГИССЕР к тактике индивидуального террора, ФУРМАН на очной ставке с ней 4 декабря 1951 года показал:

«...ЭЛЬГИССЕР, вторя моим клеветническим измышлениям, заявила: «Да, так долго продолжаться не может, руководители партии и Советского правительства ...должны быть уничтожены»...»

<...>

...в августе 1950 года ГУРЕВИЧ в беседе со СЛУЦКИМ и ФУРМАНОМ, происходившей на квартире у СЛУЦКОГО, предложил им «в целях достижения наибольшего эффекта» организовать взрыв депо Московского метрополитена...»

Это не было выдумкой следователей — выдумать можно было что-то и поэффектнее, например, попытки установления контактов с сионистами из «Джойнт», с западными спецслужбами и т.п. Однако в обвинительном заключении ничего подобного шестнадцати молодым гражданам СССР — четырнадцати евреям и еврейкам и двум русским девушкам, не инкриминировалось. Среди них были дети репрессированных, но никто не был изгоем общества: двенадцать — студенты вузов Москвы, Ленинграда, Рязани, родом из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Астрахани и даже из Нью-Йорка. Плюс — четыре благополучные московские школьницы. Почти все — 1931—1933 года рождения... Поколение будущей хрущевской «оттепели».

Это были представители слоя немногочисленного, однако опасного. Если бы этих молодых потенциальных террористов вовремя не арестовали и если бы на них вышли люди постарше и поопытнее, то могло бы произойти всякое. И хотя группа Слуцкого не была чисто националистической, при своем логическом развитии она стала бы таковой наверняка.

Для иллюстрации возможного развития событий познакомлю читателя также с выдержками из спецсообщения Игнатьева № 5589/и от 9 апреля 1952 года, где министр сообщал Сталину о показаниях арестованного в Китайской Народной Республике белоэмигранта И.И. Варфоломеева,

японского, а потом «по наследству» — американского шпиона. Еще в Китае он был полностью изобличен вещественными уликами и материалами секретного прослушивания его бесед с резидентом Юй Цзунбином, которые, как писал Игнатъев, были получены МГБ от «китайских друзей».

Замечу, что, пользуясь лишь этим спецсообщением Игнатъева как основой, можно написать острый политический роман — вполне увлекательный и вполне реалистичный.

Варфоломеев, в частности, был связан в Китае со своим давним, еще со времен Гражданской войны, приятелем, американским разведчиком П.А. Рогальским. Рогальский, периодически появляясь в Китае, с 1940 года жил в Нью-Йорке, работал в одном из банков и был женат на дочери некоего Хартмана, занимавшего должность старшего секретаря у финансового магната Пьера Самуэля Дюпона.

Игнатъев докладывал:

«...РОГАЛЬСКИЙ рассказывал ВАРФОЛОМЕЕВУ, что вокруг финансового магната ДЮПОНА Пьера Самуэля группируются американские миллиардеры, которые составляют так называемый «финансовый центр», направляющий внешнюю и внутреннюю политику США. В состав этого «центра», по словам РОГАЛЬСКОГО, входят: брат ДЮПОНА П.С. — ДЮПОН Ламмот, являющийся почетным вице-президентом «Национальной ассоциации промышленников США», Оуэн ЯНГ — председатель правления «Дженерал электрик компани» и АБРАМС Д.В. — президент «Стандарт ойл компани оф Нью-Джерси».

РОГАЛЬСКИЙ также сообщил ВАРФОЛОМЕЕВУ, что он поддерживает дружеские отношения с полковником МАКФЕРСОНОМ и генералами ЛЕ МЕЕМ и ТВИНИНГОМ, занимающими влиятельное положение в Военном министерстве США. Дружба с указанными лицами, а также связь с ХАРТМАНОМ дали возможность РОГАЛЬСКОМУ получать от них информацию по ряду важных вопросов...»

Упоминался в показаниях Варфоломеева и разведчик Ватикана — глава французских миссионеров в Северном Китае кардинал де Вьен.

Всё это было интересно, но далее шло еще более интересное:

«...В частности от этих лиц РОГАЛЬСКОМУ будто бы стало известно о том, что в 1949 году американский военный атташе генерал О'ДАНИЭЛЬ направил в Военное министерство США так называемый план «внутреннего удара», предлагая обстрелять (в момент нападения на СССР. — С.К.) с помощью новых (бесшумных) выбрасывателей территорию Кремля бомбами большой разрушительной силы, развивающими при взрыве большую температуру.

В качестве приложения к своему «плану» О'ДАНИЭЛЬ якобы послал в Вашингтон детальный план Кремля с указанием расположения квартир членов Советского правительства, бомбоубежища и электростанции, полученных О'ДАНИЭЛЕМ агентурным путем...»

Со слов Рогальского, этот план имел мощных сторонников в «центре» Дюпона и в администрации США, включая президента Трумэна, однако наличествовал и ряд противников в госдепартаменте. Но первые были решительнее.

Впрочем, хотя О'Даниэль и выступал после возвращения в США в августе 1950 года в американской печати с антисоветскими статьями, «ястребы» США уже опасались «лобовых», «силовых» решений «русской» проблемы.

Зато Варфоломеев, со слов Рогальского, рассказал, что «в 1949 году американское посольство в Москве получило указание взять на особый учет всех более или менее видных партийных и советских работников, которым, по мнению американцев, со стороны Советского правительства нанесены «обиды» (снятие с ответственных постов, понижение по службе и т.п.) и изыскать возможности для привлечения их к работе в пользу США»...

Уже из всего этого можно было понять, что основные тенденции в политике Запада по отношению к СССР и со-

циалистическому лагерю определились — скрытая, но энергичная и, по возможности, тотальная подрывная работа и поиск «агентов влияния».

Сталин видел опасность подобных тенденций острее других, но как он был намерен противодействовать им в рамках деятельности советских спецслужб?

В ИЗВЕСТНЫХ «Протоколах советских мудрецов» известного ренегата Григория Климова фигурирует некий 13-й отдел КГБ. Но в реальном КГБ СССР такого отдела вроде бы никогда не было.

Зато он был образован, по утверждению некоторых историков, в структуре 2-го управления Главного Разведывательного Управления МГБ СССР. И задачей этого 13-го — «антисионистского» — отдела была якобы определена борьба с еврейской «пятой колонной» внутри страны.

Если это было так и на самом деле, то, судя по номеру отдела, Сталин хорошо разбирался в «играх» масонских «братьев в фартуках», на что номер отдела недвусмысленно и намекал.

Впрочем, один из компетентных историков советской разведки в разговоре со мной утверждал, что никакого 13-го отдела в ГРУ МГБ не было. Это, мол, «утка»...

Что ж, посмотрим на ситуацию, приняв поочередно за достоверное и одно, и другое утверждение.

Допустим, это действительно «утка». Но запускают ее в общественный оборот не желтые бульварные листки. Информация о 13-м отделе ГРУ МГБ исходит от серьезных историков-профессионалов.

Если 13-го отдела ГРУ в природе не существовало, то зачем историки, вполне лояльные к отечественным еврейским кругам, утверждают, что такой отдел был?

Владимир Маяковский верно заметил: «Если звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно...» Так кому пужно зажигать ложные маяки в море исторической информации, где таковых лжемаяков и так хватает? Зачем на высоком академическом уровне создаётся эта очередная «страшилка»?

Одно из двух...

Или 13-й отдел ГРУ, задачей которого была борьба с ев-

рейской «пятой колонной» внутри страны, был с санкции Сталина (иначе и быть не могло) в структуре ГРУ МГБ создан, хотя в приказе министра МГБ № 006 от 05.01.53 г. об этом ничего сказано не было.

И тогда тем более не приходится удивляться, что жить Сталину оставалось после этого менее восьми недель. Тогда мы имеем право, по крайней мере, как версию выдвинуть корректное предположение о причастности к смерти Сталина *в том числе* и еврейской «пятой колонны» внутри страны.

Второй вариант: 13-го отдела ГРУ, задачей которого была борьба с еврейской «пятой колонной» внутри страны, Сталин не создавал. Но тогда мы имеем право, по крайней мере, как версию выдвинуть корректное предположение о том, что *в том числе* и мифом о якобы зловещем 13-м «антисемитском» отделе кто-то хочет задним числом оправдать физическую ликвидацию Сталина.

Вот и Арно Люстигер уверенно заявляет, что «только смерть диктатора 5 марта 1953 года, об обстоятельствах которой существуют разные гипотезы, спасла много тысяч евреев и привела к освобождению врачей». Но ведь такое заявление почти тождественно признанию существования, по крайней мере, косвенного «еврейского» следа в обстоятельствах смерти Сталина.

Да, когда в дело вмешивается число «13», дело всегда оказывается темным.

ВОЗЬМЕМ, например, роль Берии в ликвидации «дела врачей». Какой она была здесь? Любой историк, отвечая на этот вопрос, тут же сошлется на записку министра внутренних дел Л.П. Берии от 1 апреля 1953 года в Президиум ЦК КПСС о реабилитации лиц, привлеченных по так называемому делу о врачах-вредителях, после которой последовало Постановление Президиума ЦК от 3 апреля, закрывшее это дело и полностью реабилитировавшее врачей и членов их семей «в количестве 37 человек».

Но странно получается — очень уж настойчивы «демократические» историки подают «кровавого» — во всех остальных случаях, кроме еще одного — «палача» Берию бла-

годетелем «невинных жертв» в белоснежных риза... пардон, в медицинских халатах.

С чего бы это?

И как понять странное несоответствие одного места в неправленной стенограмме выступления Хрущева на антибериевском пленуме ЦК в июле 1953 года (см. сборник документов «Лаврентий Берия. 1953» издания 1999 года, стр. 92) и в исправленном, предназначенном для типографского размножения, «стенографическом» отчете о пленуме (Ibidem, стр. 233)?

В неправленной стенограмме сказано:

«Интересная такая деталь, я обратил внимание. Я считаю, позорное дело с врачами, грузинское дело — это позор. **Мы, члены Президиума, между собой несколько раз говорили, я говорил Лаврентию** (выделение мое. — С.К.). Я получил письмо в ЦК, конечно, от генерал-полковника Крюкова, и Жуков получил это письмо. Я показал Президиуму ЦК, пужно рассмотреть...» и т.д.

В «стенографическом» же отчете это место выглядит так:

«Обратите внимание на такую деталь. После опубликования сообщений о позорном деле «врачей-вредителей», о таком же позорном грузинском деле мною было получено в ЦК письмо от осужденного на 25 лет генерал-полковника Крюкова. Такое же письмо получил и маршал Жуков. Я послал это письмо членам Президиума, в том числе и Берия...»

Сопоставление двух мест показывает, что из отчета выпала ключевая фраза «Мы, члены Президиума, между собой несколько раз говорили, **я говорил** Лаврентию».

Почему же эта важнейшая фраза была опущена?

Не потому ли, что Хрущев в ораторском пылу проговорился о том, что фактическая, а не официальная инициатива о прекращении «дела врачей» шла не от Берии, а от него — Хрущева?!

Но почему же кому-то с самого начала фальсификации смысла жизни и деятельности Берии, еще в 1953 году, бы-

до невыгодно связывать инициативу пересмотра «дела врачей» с именем Хрущева и выгодно — с именем Берии?

Почему такую выигрышную в глазах «демократов» инициативу они так охотно отдают «палачу» Берии — во всяком случае, охотно выдвигают его на первый план?

Не потому ли, что иначе для внимательного аналитика выплывала бы на свет Божий связь Хрущева и «врачей-отравителей»?

Что же до Берии, то ему, как я понимаю, просто пришлось уступить нажиму Хрущева и хрущевцев, уступить видимым образом, ибо сопротивление было тогда **смертельно** опасно. Смертельно в прямом смысле этого слова! Да и, рассуждая логически, кто должен был официально поставить вопрос о реабилитации, как не глава МВД? Ведь оперативная следственная информация имелаась лишь у него.

Берию можно понять. Странной смертью умер Сталин. В Лечсанупре Кремля явно что-то неладно. Кого-то арестовали, но кто-то мог и остаться. С Управлением охраны МВД тоже не все ладно... Что оставалось сделать Берии, как не продемонстрировать якобы лояльность и усыпить бдительность отравителей, «проявив» навязываемую ему «инициативу»? При этом, возможно, сама дата записки в Президиум ЦК — 1 апреля, была скрытым намском Берии на его подлинное к ней (записке) отношение. Самой же запиской «о врачах» Берия страховал себя и получал возможность отложить разбор этого дела на более спокойное время.

Причем надо не забывать, что даже через две, по крайней мере, недели после смерти Сталина следствие по «делу врачей», начатое в МГБ Игнатьева, в МВД-МГБ Берии свернуто не было и по-прежнему продолжалось. А вот антисионистская пропаганда, связанная с этим «делом», была прекращена сразу же после смерти Сталина, и это касалось прежде всего органа ЦК КПСС «Правды». ЦК — это Хрущев, «Правда» — еще не примкнувший к ним Шенилов. Берия же к пропаганде никогда отношения не имел, и сильных позиций у него в печати никогда не было.

Так спрашивается: Берия инициировал на высшем уровне пересмотр отношения к «делу врачей» или Хрущев и хрущевцы?

В развитие мысли дополнительно сообщу читателю, что в 1995 году генерал Михаил Степанович Докучаев, долгое время входивший в руководство 9-го Управления КГБ СССР, засвидетельствовал:

«После смерти Сталина, освободив из-под следствия врачей и объявив амнистию в основном уголовникам (Берия-то предлагал освобождать женщин, больных и стариков. — С.К.), Хрущев предстал перед всеми героем...»

Интересная трактовка роли Хрущева в «деле врачей», не так ли?

В том же, что **сегодня** «освободителем» врачей-отравителей «демократы» выставляют Берию, есть, повторю еще раз, глубокий смысл. Ведь врачи на самом деле были виновны как минимум в тяжелейших, уголовно непростительных врачебных ошибках. И тот, кто их освобождал, волей-неволей давал основания предполагать, что он может иметь отношение к смерти Сталина.

Убийцей Сталина «демократы» выставляют Берию. И для подтверждения этой гнусной и лживой «версии» они «обеляют» Берию в деле с врачами — «обеляют» для того, чтобы облить его черной краской в деле со смертью Сталина.

Причем «разоблачители» «палача», «садиста» и «монстра» Берии сделали ему в наши дни и еще один реабилитационный «реверанс», обнародовав записку министра внутренних дел СССР Л.П. Берии в Президиум ЦК от 2 апреля 1953 года о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С.М. Михоэлса и В.И. Голубова. И эта историческая «щедрость» «демократов» в адрес Берии тоже вызывает подозрения. Очень уж настойчиво ему приписывают славу «освободителя врачей» и «разоблачителя» «убийц Михоэлса». Это тем более странно, что не исключен вариант того, что записки о Михоэлсе Берия вообще не писал и она — позднейший хрущевский фальсификат.

В подтверждение последней версии кратко сообщу следующее.

В «записке Берии» в организации «убийства Михоэлса» со ссылками на прямые показания арестованных обви-

нялись министр ГБ СССР Абакумов, заместитель министра ГБ СССР Огольцов и работник МГБ СССР Шубняков, якобы ликвидировавшие Михоэлса и Голубова на загородной даче министра ГБ Белорусской ССР Цанавы.

Какова же судьба всех четырех?

А вот какова...

Абакумов Виктор Семенович, 1908 года рождения, в 1946—1951 годах министр ГБ СССР, в июле 1951 года арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 19 декабря 1954 года к высшей мере наказания. Расстрелян.

Сергей Иванович Огольцов, 1900 года рождения, активно разрабатывал «дело врачей», в апреле 1953 года был арестован по указанию Берии, в августе 1953 года, после ареста и убийства Берии, освобожден по решению Президиума ЦК КПСС. В январе 1954 года уволен из органов госбезопасности в запас и исключен из партии. В апреле 1959 года лишен воинского звания «генерал-лейтенант». Умер в 1977 году.

Лаврентий Фомич Цанава (Джанджава), 1900 года рождения, генерал-лейтенант, с октября 1951 года по февраль 1952 года заместитель министра ГБ СССР и одновременно — начальник Второго (контрразведывательного) главного управления МГБ СССР. 15 февраля 1952 года снят с должности. 4 апреля 1953 года арестован и в апреле 1955 года (по более точным данным 12.10.55 г.), находясь под следствием, покончил жизнь самоубийством в больнице Бутырской тюрьмы.

Ф.Г. Шубняков, 1916 года рождения, в 1951 году начальник Второго главного управления МГБ СССР, в 1951—1953 годах находился под арестом по делу Абакумова, в 1953—1954 годах заместитель начальника Первого главного управления МВД СССР, затем заместитель начальника Второго главного управления КГБ СССР. Дальнейшая судьба мне неизвестна. Умер в 1998 (!) году.

Не правда ли — неожиданные биографии для таких «главных убийц» Михоэлса, как Огольцов и Шубников?

Между прочим, выступая перед активом Ленинградской партийной организации в мае 1954 года, ни Генеральный прокурор СССР Руденко — 6 мая, ни первый секретарь ЦК Хрущев — 7 мая, подводя итоги «расследования» истории «ленинградского дела» и густо клеветца не столько на «организатора» этого дела Абакумова — тогда еще живого, сколько на Берию — тогда уже убитого, ни словом ни обмолвились о таком «преступлении» Абакумова, как организация убийства Михоэлса.

Так писал Берия записку по Михоэлсу или не писал? А если писал, то был ли сам уверен в том, что подписал? И не была ли эта записка — если Берия ее даже и подписывал, еще одним тактическим ходом с его стороны?

Наконец, нужны ли дальнейшие доказательства того, что Михоэлс-Вовси не был убит по указанию Сталина, а был вульгарно сбит грузовиком вместе с Голубовым, с которым, надо полагать, шел, тесно обнявшись — для взаимного поддержания равновесия — по темной безлюдной улице послевоенного Минска. Ведь если было бы иначе, почему ни Огольцов, ни Шубников не понесли наказания за тяжкое уголовное деяние, якобы ими совершенное?

Не знаю, был ли и впрямь создан в недолговечном ГРУ МГБ некий 13-й отдел, но думаю, что он был бы в МГБ не лишним.

Что же до самого ГРУ, то Берия, сменив министра государственной безопасности Игнатьева и министра внутренних дел Круглова и став во главе объединенного МВД-МГБ, свежееиспеченное ГРУ упразднил, вновь разъединив его на отдельные разведывательное и контрразведывательное управления. Но это было и понятно — Сталину ГРУ было необходимо как его опора в МГБ. Берия же именно в такой опоре не нуждался. Напротив — лишняя управленческая структура мешала ему в проведении оперативного контроля за работой чекистов.

А такой контроль был тем более необходим, что «наследство» после Игнатьева Берии досталось не лучшее, а роль Управления охраны в событиях вокруг смерти Сталина выглядела странной и подозрительной.

Глава пятнадцатая

КТО УСТОРОЖИТ СТОРОЖЕЙ САМИХ?

Quis custodiat ipsos custodes?
(Кто усторожит сторожей самих?)
(латинское изречение)

Эту главу я начну с фрагмента из спецсообщения министра ГБ Виктора Абакумова Сталину № 6523/а от 1 марта 1950 года:

«...прошу Вашего разрешения рассмотреть в Военной Коллегии Верховного суда СССР и приговорить к смертной казни ФЕДОСЕЕВА Ивана Ивановича — бывшего сотрудника Главного Управления Охраны МГБ СССР, обвиняемого по **подозрению** (выделение здесь и далее мос. — С.К.) в шпионской деятельности.

Следствием установлено, что ФЕДОСЕЕВ, находясь на особо важном объекте охраны, **на протяжении ряда лет** скрытно читал секретные документы государственного значения и их содержание выбалтывал в беседах с **сослуживцами** и своими родственниками.

ФЕДОСЕЕВ неоднократно брал государственные документы к себе на квартиру и оставлял их там на продолжительное время.

К своим служебным обязанностям ФЕДОСЕЕВ относился преступно.

Кроме того, ФЕДОСЕЕВ, делаясь с женой впечатлениями о поездке в Потсдам, положительно отзывался об условиях жизни в фашистской Германии и восхвалял Гитлера...»

Федосеев, судя по всему, входил в охрану Сталина! А это значит: предварительный отбор, ряд тщательных проверок, служба на менее ответственных местах и — как проявление особого доверия государства — допуск к охране его главы.

Тем не менее Федосеев оказался как минимум разгильдяем, свою судьбу вполне заслужившим. Несколько странно, правда, что Абакумов счел необходимым расстрелять его без серьезной разработки связей, но, возможно, министр хотел после раскрытия «художеств» Федосеева наказать его максимально быстро — для вразумления других. Ведь Федосеев годами болтал с сослуживцами, а узнало об этом руководство не сразу. Впрочем, это ведь и непросто было для коллег Федосеева — отделить досужие разговоры в доверенном кругу от преступной болтовни.

В 1951 году арестованного Абакумова сменил Игнатьев. Какие же перемены в охране Сталина произошли при нем? Пожалуй, наиболее серьезной была та, что охрана Сталина была вскоре серьезно ослаблена из-за удаления из нее двух опытейших ее руководителей.

Вот как это было.

До мая 1952 года Главное Управление Охраны (ГУО) МГБ возглавлял знаменитый генерал-лейтенант Николай Власик — он его в 1946 году и основал. Однако в мае Власика, испытанного начальника личной охраны Сталина с 1935 года, в ведомстве Игнатьева ловко подставили — мол, Власик «допустил преступное расточительство и бесконтрольность в расходовании средств». И явно для того, чтобы вызвать гнев Сталина, ему расписали картину жуткого де «разложения» Власика с представлением списка его многочисленных любовниц. Замечу в скобках, что, весьма приукрашенный, этот список «записных» московских шлюх потом пригодится хрущевцам для моральной дискредитации уже Бери.

56-летний стареющий Власик действительно несколько подзапутался в «широкой» жизни, хотя я не зря поставил здесь кавычки — люди, близкие к Сталину, в особые загулы не впадали. Тем не менее Власика в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 19 мая 1952 года сняли с поста начальника ГУО, вывели из состава Коллегии МГБ, исклю-

чили из партии и направили в распоряжение «соседнего» МВД «для назначения заместителем начальника управления лагеря в гор. Асбест Свердловской области». В скобках же замечу, что почему-то именно в Асбест был сослан после июньского пленума ЦК 1957 года и Л.М. Каганович — управляющим трестом «Союзасбест».

ГУО 23 мая 1952 года было преобразовано в просто Управление охраны (УО), а начальником его «по совместительству» назначили министра государственной безопасности Игнатьева, как было сказано в Постановлении ЦК — «временно». Но это «временно» длилось почему-то до самого дня смерти Сталина.

Итак, вместо безусловно преданного Сталину Власика «руководить» охраной Сталина стал Игнатьев. При этом заместителем УО МГБ был утвержден Центральным Комитетом — также «временно» — заместитель министра госбезопасности СССР Рясной.

Но еще до Власика в 1950 году из охраны Сталина был выведен 42-летний генерал-майор Сергей Федорович Кузьмичев. Он очень мало известен, и это само по себе доказывает, что со смертью Сталина дела обстоят нечисто — очень уж на нехорошие мысли наводит сопоставление судеб двух близких к Сталину охранников в годы, предшествовавшие его смерти. Замолчать имя Власика невозможно, поэтому замолчали имя Кузьмичева.

А ведь в 1946 году при образовании Главного Управления Охраны МГБ 1-е управление ГУО, обеспечивавшее непосредственно охрану Сталина, возглавил Кузьмичев. В 1948 году он был назначен уполномоченным Совмина СССР по курортам Сочи—Мацеста, фактически контролируя места отдыха Сталина — там было не все благополучно.

С 1949 года Кузьмичев вернулся в ГУО на ту же должность. Организация охраны первого лица в государстве полна тонкостей, и тех, кто знает их, перемещать на другое место без крайней нужды нецелесообразно. Тем не менее Кузьмичева в 1950 году переводят заместителем начальника Управления МГБ Брянской области, а в 1952 году вообще выводят из системы МГБ — как и Власика, и так же, как и Власика, переводят в МВД СССР — заместителем начальника Дубравного лагеря МВД.

16 декабря 1952 года под предлогом расследования некоторых обстоятельств по делу «группы Абакумова—Шварцмана» Власика арестовали и этапировали в Москву. И хотя из его показаний сразу было видно, что вина Власика заключалась лишь в том, что он передал письмо Тимашук от 29 августа 1948 года в тот же день Абакумову, не считая, Власика не освобождали.

А в январе 1953 года арестовывают — как и Власика, Кузьмичева. То есть Игнатьев в последние месяцы жизни Сталина изолировал от внешнего мира тех двух людей, которые лучше всех были знакомы с организацией охраны Сталина и с людьми, его охранявшими. Ведь, оставаясь на свободе, Власик и Кузьмичев могли или сами обратить внимание на странные моменты и ненадежных людей в охране, или дать кому-то другому квалифицированную экспертную оценку происходящего.

Между прочим, Берия, придя в марте 1953 года в МВД-МГБ, немедленно освободил Кузьмичева и тут же назначил его начальником восстановленного Главного Управления Охраны МВД СССР. И это очень возмущало Хрущева. И на следующий же день после ареста Берии был арестован и Кузьмичев.

Чтобы уж не возвращаться к этим двум генералам, сообщу, что Власика продержали под арестом до 1955 года и приговорили к 5 годам ссылки в Красноярск с лишением звания, а в 1956 году освободили со снятием судимости. Умер он в 1967 году.

Кузьмичева освободили в феврале 1954 года, и с тех пор этот полный сил, доживший до 81 года, человек из активной жизни выпал, скончавшись в 1988 году.

ИТАК, со второй половины мая 1952 года охраной Сталина ведал Игнатьев. Для части нашего общества неспреложной «истиной» является убеждение в том, что Сталина якобы отравил Берия через своих людей. Но с января 1946 года до самой смерти Сталина охраной Сталина и его обслуживанием ведал не Берия, а Игнатьев. И окружали Сталина люди не Берии, а Игнатьева! И это Игнатьев отсек от охраны Сталина Кузьмичева и Власика...

Поэтому нам не мешает более внимательно присмотреться к третьему и последнему министру государственной безопасности СССР Семену Игнатьеву, то есть к той главной фигуре, которая, едина в двух лицах, с мая 1952 года несла всю полноту ответственности за жизнь, здоровье и безопасность Сталина.

1904 года рождения, уроженец села Карловка Херсонской губернии, сын крестьянина, он в 14 лет уже работал на хлопкоочистительном заводе в Термезе, в далеком Туркестане. Как его занесло туда, я не знаю, но можно предполагать, что натура у юного Игнатьева была энергичная и босвая: в 15 лет секретарь ячейки комсомола, в 16 лет — политработник в Бухарской группе войск, в 20 лет — заведующий орготделом ЦК комсомола Туркестана. При этом в ВКП(б) он вступил лишь в 1926 году, работая в профсоюзах. А в 1935 году Игнатьев уже работал в промышленном отделе ЦК ВКП(б).

Не знаю, кто первым из высокого руководства обратил на него внимание, но то, что кто-то обратил — вне сомнений, потому что в 1937 году Игнатьева посылают первым секретарем обкома партии в Бурят-Монголию, где он пробыл до 1943 года. Затем — пост первого секретаря в Башкирии, а с 1947 года — второго секретаря ЦК Компартии Белоруссии. В 1949 году Игнатьев — секретарь Среднеазиатского бюро ЦК, а с 1950 по 1952 год — заведующий отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК. При этом с 9 августа 1951 года он параллельно еще и министр госбезопасности СССР. То есть один из главных «кадровиков» партии, и при этом — главный чекист.

Как министр ГБ Игнатьев имел, конечно, непосредственное отношение и к делам еврейских националистов, и к «делу врачей», в период следствия по которому Игнатьев якобы получил инфаркт, дожив после этого с ним (?) почти до 80 лет.

Был причастен Игнатьев и ко многим другим «неслагодетельным», по меркам хрущевской «оттепели», делам МГБ. Но уж в чем он был несомненно виновен, так это в частичной деградации и депрофессионализации «органов», в наводнении их непрофессионалами из числа партаппаратчиков, а при этом — в поощрении мер физического воздейст-

вия на подследственных. Пресловутых «пытках», как я понимаю, и в МГБ Игнатьева не было, но режим в тюрьмах на Лубянке и в Лефортово был кое для кого более чем жестким.

После смерти Сталина объединенное МВД-МГБ принял Берия, и Игнатьев становится секретарем ЦК, но ненадолго — до 5 апреля 1953 года, когда его, еще недавно члена Президиума ЦК, опросом освободили от обязанностей секретаря ЦК, а 28 апреля опросом же вывели из состава ЦК «ввиду допущенных серьезных ошибок в руководстве бывшего МГБ СССР».

По предложению Берии, поддержанному другими членами Президиума ЦК, Комитету партийного контроля при ЦК было поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности Игнатьева. Впрочем благодаря заступничеству Маленкова он отправляется в Башкирию — все тем же первым секретарем. После ареста Берии Игнатьева, по предложению теперь Хрущева, заявившего 7 июля 1953 года, что Игнатьев-де был исключен «по известному навету», восстанавливают в ЦК. С июня 1957 года он — первый секретарь Татарского обкома КПСС, откуда в октябре 1960 года отправляется на пенсию. Умер Игнатьев в 1983 году, похоронен на Новодевичьем кладбище, но уже в 1954 году в трехтомном «Энциклопедическом словаре», издаваемом Государственным научным издательством «Большая Советская Энциклопедия», биографическая справка на члена ЦК КПСС Игнатьева почему-то отсутствует.

Эта фигура лично для меня давно смутна. Кто-то считает его креатурой Хрущева, кто-то — Маленкова, но вряд ли в 1951 году 47-летний заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК стал бы параллельно еще и министром ГБ без интереса к нему Сталина.

Что же до Маленкова и Хрущева, то, скорее всего, Игнатьева в разное время поддерживали оба, потому что оба имели с ним дело по работе, а способности у Игнатьева были. Зато, похоже, не было принципиальности и, похоже, он был идеальным исполнителем воли того, кто его своей воле подчинял.

Так что, по моему мнению, «качели» карьеры Игнатьева после смерти Сталина, после смерти Берии и после па-

дения Маленкова сами по себе способны дать пищу для раздумий о возможной роли Игнатьева в многослойном заговоре против Сталина. Небезынтересны в этом отношении и «инфаркт» Игнатьева в момент подведения итогов по «делу врачей», и его отсутствие на том заседании Бюро Президиума ЦК, где обсуждалось обнародование этого «дела».

Причем линия Берии по отношению к Игнатьеву лишний раз доказывает не только непричастность Берии к антисталинскому заговору, но и наличие у Берии серьезных подозрений и догадок относительно роли как Игнатьева, так и *кое-кого повыше* в смерти Сталина.

Не исключено, что Игнатьева в заговоре против Сталина использовали и «втемную», ловко подсовывая пужных злоумышленникам людей. Ведь и Хрущева могли использовать так же, хотя я склонен считать, что он смерти Сталина к весне 1953 года желал вполне сознательно.

Известный сотрудник Берии генерал Судоплатов позднее вспоминал, что в конце февраля 1953 года, за несколько дней до смерти Сталина, он заметил в поведении Игнатьева «нарастающую неуверенность».

Судоплатов же писал, что после смерти Сталина Берия добивался ареста Игнатьева, однако поддержки в Президиуме ЦК не получил. Судоплатов связывает инициативу Берии с участием МГБ в деле с врачами, но Берия в любом случае не мог не понимать, что уж тут-то Игнатьев ни при чем — вести дело, находившееся на контроле у Сталина, министр ГБ был обязан. Так что, скорее всего, арестовать Игнатьева Берия хотел в целях расследования обстоятельств смерти Сталина. Но, похоже, наткнулся на такое сопротивление, что предпочел временно отступить.

ПОВТОРЯЮ, я не могу утверждать, что Игнатьев сознательно подключился к заговору против Сталина, что он Сталина ненавидел. Но его могли тонко и подло запутывать, провоцировать, пугать Сталиным... Ведь с начала 1952 года «игра» для всех антисталинских сил внутри страны и вне ее приобретала все более острый характер. Сталин уже проводил частичные кадровые чистки, но гото-

вился к еще более серьезным кадровым чисткам в атмосфере широкой критики пижестоящими вышестоящих.

С одной стороны, это означало бы укрепление советского общественного строя за счет развития в нем социалистической демократии, ранее более провозглашаемой, чем реализуемой в силу суровых для СССР времен.

С другой стороны, это резко сузило бы кадровую базу для той многонациональной «пятой колонны», без которой Западу, США и Золотой Элите мира нельзя было и мечтать об ослаблении и уничтожении СССР и лагеря социализма.

Запад напирал. 5 июня 1952 года председатель Комитета информации при МИД СССР В. Зорин в совершенно секретном спецсообщении Сталину писал о намерении США и Англии создать в районе Балкан военно-политический блок «в составе Югославии, Греции и Турции, в котором могли бы принять участие Италия, другие средиземноморские страны и Австрия»...

Свести в один блок такие страны было непросто, и Зорин писал также о планах создания «более широкого средиземноморского блока, который объединял бы под американским руководством как балканских сателлитов США и Турцию, так и Испанию и арабские страны».

И это был лишь один из элементов той мозаики, которая прежде всего для Сталина складывалась во вполне определенную и вполне зловещую — если ничего не предпринимать — картину.

Ситуация обострялась, Запад не хотел честного партнерства и открытого соревнования двух социальных систем. Золотая Элита мира хотела сохранить не свое политическое и экономическое лидерство в мире, а обеспечить себе безраздельную монополию на власть над миром.

Всему этому мешали прежде всего СССР Сталина и сам Сталин.

Узел затягивался...

22 марта 1952 года закончилось более чем трехлетнее следствие по делу еврейских националистов из Еврейского антифашистского комитета, а 8 мая 1952 года в зале клуба МГБ имени Дзержинского начался суд по делу ЕАК, который закончился 18 июля 1952 года. Не были ли связаны

эти события и операция по разложению Власика и его дискредитации с целью удаления Власика от Сталина и начала операции уже против Сталина?

А может, операция против Власика как начальная фаза операции против Сталина была инициирована внутренней «партоплазмой»?

А может, эта операция или некие другие действия, имеющие конечной целью смерть Сталина, были задуманы и производились троцкистами или другими ненавистниками Сталина?

Сложно сказать... Но то, что что-то и кем-то готовилось, отрицать сегодня уже нельзя. Причем сегодня возникает немало и других вопросов, скажем, таких...

Кто инициировал совмещение Игнатьевым должностей и министра ГБ, и начальника Управления охраны МГБ?

И зачем было принято это «временное» решение, растянувшееся почти на год?

И почему Игнатьев в условиях явного для министра ГБ обострения внешней и внутренней антисоветской деятельности не торопился подобрать для руководства охраной Сталина не «свадебных» генералов Игнатьева и Рясного, имевших и без того много повседневных обязанностей и задач, а крепкого и проверенного в деле профессионала?

А почему с октября 1952 года сотрудники органов государственной безопасности лишились выплат за воинские звания после замены общевоинских званий на специальные? Считается, что реформа званий, по сути, частичный возврат к старым специальным званиям, но без приоритета в две «ступеньки» по сравнению с армейцами, была идеей Сталина, который якобы хотел дать шанс полковникам МГБ, находящимся на руководящих должностях, стать генералами. Пусть так... А уменьшение денежного довольствия, последовавшее за этим, тоже было идеей Сталина?

Зачем будоражили чекистов? В целях экономии? Но надо было сокращать раздутые именно при Игнатьеве штаты МГБ, а не провоцировать недовольство всех его сотрудников.

Чем объяснялось все это?

Чем, между прочим, объяснялась неожиданная и внятно не объясненная по сей день отставка личного секретаря

Сталина Поскребышева в феврале 1953 года с должности секретаря Президиума и Бюро Президиума ЦК и его зама — неким В.Н. Чернухой, сохранявшим свое положение заместителя заведующего Общим отделом ЦК КПСС до самой своей смерти в 1965 году, на 65-м году жизни?

В начале тайных «цепочек» могли быть «центры» типа «центра» Пьера Самуэля Дюпона, агенты влияния Золотой Элиты, агенты спецслужб, шпионы, троцкисты, сионисты, просто недовольные или чувствующие себя «обиженными»...

Причем в реально угрожающей Сталину «цепи» совсем не обязательно было наличие какого-то «звена» из вышеперечисленных. Подходящим системным примером здесь может быть случай Константина Устиновича Черненко. Фактически он, как дееспособный лидер государства, закончился в 1983 году после того, как министр внутренних дел СССР и недавний председатель КГБ СССР Федорчук угостил Черненко в Крыму ставридкой «собственного копчения». В тот же день здоровье Черненко резко и непоправимо ухудшилось, о чем пишет его бывший помощник Виктор Прибытков в своей книге «Аппарат».

Генеральным секретарем ЦК КПСС тогда был Андропов, уже сильно (и подозрительно!) болевший. И Черненко оказывался в партийной табели о рангах второй фигурой. После скорой смерти Андропова Черненко в 1984 году — ровно на 13 месяцев, к слову, стал Генсеком, но состояние его здоровья в результате «угощения» Федорчука и «лечения» академика Чазова было таковым, что на долгую жизнь Черненко рассчитывать не приходилось. А «в дверях» уже стоял Горбачев.

Если Федорчук «угостил» Черненко ставридкой, заранее зная о ее *особых* свойствах (я этого не утверждаю, но и не исключаю), то это еще не значит, что Федорчук был номерным агентом ЦРУ. Он мог сделать это даже из соображений высшего советского патриотизма — если ему это *кто-то* предложил сделать. Мол, этот старый астматик и его коллеги, старые п... лишь дискредитируют советский строй и надо от него не мытьем, так катаньем поскорее избавиться и дать дорогу молодым.

Вот Михаил Сергеевич Горбачев! Чем не кандидатура?

Давай, товарищ Федорчук, послужи Советскому Союзу, а он тебя не забудет. При молодом-то Генсеке и его молодых сотоварищах мы такую Советскую сверхдержаву отгрохаем на страх империализму, что и товарищу Сталину не снилась!

Вот как могли обрабатывать (если его обрабатывали) простодушного Федорчука... И так же могли обрабатывать кого-то из тех, кто имел отношение к охране Сталина.

А могли и просто кушать.

А могли и запутать.

И так ли уж важно -- по какой причине рядом со Сталиным, по крайней мере с начала 1953 года, оказались такие злоумышленники и враги, которых обнаружить и обезвредить крайне сложно, почти невозможно...

Ибо «кто усторожит сторожей самих?»

КОРОЛЬ Людовик XI в ответ на наивное возражение юного стрелка Квентина Дорварда относительно того, что окруженному отборной шотландской стражей королю в мощном замке можно быть спокойным, привел именно этот латинский стих, вынесенный в эпитафию главы.

Правоту этой горькой сентенции впечатляющим образом доказала не только древняя, но и новейшая история. Я имею в виду, например, успешное покушение на индийского премьера Индиру Ганди, которая пала жертвой предательства собственных телохранителей.

Но еще более подлым подобным примером стало предательство Сталина его же охраной. Причем поведение охраны Сталина игнатьевского образца надо считать предательским в любом случае — даже если бы игнатьевские «сторожа» не были замешаны в убийстве самого значительного человека XX, да и не только XX века.

Ну, в самом-то деле! Сколько мы еще будем верить рассказам всяких там «охранников» относительно того, что кто-то там из них «не решался» войти к Сталину?... Что они якобы звонили Берии, а он им, якобы приехав на дачу, якобы заявил, что товарищ Сталин спит, что вы, мол, панику поднимаете.

На основании в том числе и таких вот «исторических свидетельств» Берию обвиняют в организации убийства

Сталина. Мы с этими «свидетельствами» охраны и обвинениями против Берии еще будем с тобой, уважаемый мой читатель, разбираться.

Но и сейчас задумаемся — все ли в таких «свидетельствах» гладко?

Во-первых, с чего бы это при живом министре госбезопасности С.Д. Игнатьеве и при живом начальнике Управления охраны МГБ С.Д. Игнатьеве прямо подчиненные ему люди стали звонить пусть и заместителю Председателя Совета Министров СССР, но не имеющему к МГБ прямого отношения Берии?

Берия, после того как был «переброшен» в конце 1945 года из МВД в Спецкомитет на Атомную проблему, не мог без проблем решить в 1947 году с МВД Сергея Круглова и МГБ Виктора Абакумова даже вопрос об охране здания Спецкомитета силами МГБ. А с течением лет Берия отходил от дел и от кадров МГБ уже Игнатьева все более и более. В частности, к началу 1953 года Берия был оторван от деятельности Управления охраны уже семь лет!

Семь лет! Срок немалый...

А тут с текущим — вроде бы — вопросом по части охраны, и сразу — к товарищу Берии. А товарищ Игнатьев па что? Допустим, это Игнатьев переадресовал охрану к Берии... Но Берия ведь был не мальчик. Вот ему позвонили охранники Сталина. Он ведь первым делом должен был спросить: «А что говорит Игнатьев?» И, услышав, что охрана звонит Берии по указанию Игнатьева, Берия сразу же не мог бы не насторожиться — в чем дело? И уж ехать к Сталину первым он не стал бы в любом случае!

Во-вторых, если уж у тебя, у охранника, возникли некие сомнения относительно состояния здоровья товарища Сталина, то и звони первым делом в «кремлёвку» или куда там... А при чем здесь Берия? Он по образованию даже не фельдшер. Он — архитектор.

В-третьих, если бы Берия был хоть как-то причастен к организации событий последних сознательных в жизни Сталина суток, то он бы держался в эти сутки от сталинской дачи на максимальном удалении. И если бы ему даже кто-то из охраны позвонил, то он — человек более чем неслух и опытный — тут же переадресовал бы звонок к Иг-

Игнатьеву. Мол, я-то тут с какого боку? За жизнь и безопасность товарища Сталина отвечаете вы и ваш министр, министру и звоните.

Берия — если бы он готовил и совершил преступление против Сталина, конечно же, не поехал бы на дачу! Не поехал бы еще и потому, что как опытный следователь он не мог не знать, сколько преступников «погорело» на том, что их тянуло на место преступления.

Зачем ехать, «засвечиваться», если дело, так или иначе, «поехало», а против «ядов НКВД Берии» противоядия нет. Уж кому как не Берии было о том знать!

В-четвертых, допустим, что Берия все же приказал однажды (не имея на то ни полномочий, ни служебного права) обо всем, что связано с самочувствием Сталина, звонить прежде всего ему. Как в таких случаях поступают те, кому такое приказание поступило? А просто — это не вопрос для любого человека, занятого делом, а не бумагома- ранием. Надо доложить о приказании вышестоящего лица своему непосредственному начальнику. А уж тот или подтвердит поступившее распоряжение, или опротестует его или перед тем, кто превысил свои полномочия, то есть — перед Берией, или перед тем, кто стоит выше и Берии, и Игнатьева, то есть — перед Сталиным.

ОДНАКО Игнатьев «обеспечивал» безопасность Сталина вообще странным и недопустимым образом. И на этом, четвертом соображении я свой перечислительный ряд закончу — дабы совсем уж вконец читателя не утом- лять.

Итак, в-четвертых... Ладно, пусть Сталин не терпел врачей или не доверял им. Но ведь это СТАЛИН! Для тех, кто связан с охраной его жизни, важно не то, что нравится или не нравится Сталину, а то, как обеспечить охрану его жизни всесторонне, надежно и полноценно. Ленин тоже не любил охраны, но люди, ответственные за его охрану, нашли простой и очевидный выход — охранять Ленина скрытно, так, чтобы телохранители лишний раз не попадались ему на глаза. Вот и с необходимой медицинской подстраховкой здоровья Сталина можно было поступить так же... Иметь на даче все необходимое под рукой, а сменного врача вклю-

чать в число охранников внешней охраны, которых Сталин в лицо мог и не знать, да и не знал.

Если не дай бог что случится, то и оборудование есть под рукой, и опытный специалист.

А что было в реальности?

Скажем, Жорес Медведев сообщает, что когда к Сталину, наконец, вызвали врачей, то они попросили срочно привезти его медицинские документы, то есть «историю болезни» из Кремлевской больницы, не сомневаясь в наличии ее.

А ее-то и не было. Никто даже не знал, с каких пор у Сталина гипертония.

На всей даче не было даже самых примитивных лекарств и медицинских приборов. Среди многочисленной obsługi из игнатьевского Управления охраны не нашлось ни одной медицинской сестры, не то что врача.

Ж. Медведев пишет, что кто-то из врачей во время консилиума воскликнул: «Хотя бы медсестру завели под видом одной из горничных или врача под видом одного из полковников! Ведь человеку 73 года!»

Вряд ли здесь нужны комментарии. Так что и в этом смысле Игнатьев и его аппарат виновны как минимум в преступной халатности.

Хотя они, похоже, виновны и в большем — в прямом преступлении. Причем что-то много написано в литературе об охранниках, но ничего не написано о горничных. Между тем на даче Сталина был, кроме охраны, немалый обслуживающий персонал — дежурные, прикрепленные подавальщицы, повара, библиотекари, садовники, которые постоянно находились около Сталина. А ведь сказано: «Ищи женщину»...

Что же до того, что охранники якобы боялись лишний раз Сталина потревожить, то и в это не очень-то верится. Во всяком случае, Сталин никого живьем не ел — ни на завтрак, ни на ужин. Во всяком случае тогда, когда его охраной ведал генерал Власик.

И не наводят ли бывшие охранники Сталина (или известные редакторы их показаний) тень на и так не очень-то ясный то ли февральский, то ли мартовский день, а заодно и ночь?

Если заговор против Сталина был — а он был, то в реальном масштабе времени никто из участников этого заговора — ни из числа высокопоставленных лиц, ни из числа исполнителей, не мог предполагать, что обстоятельства смерти Сталина будут когда-либо анализироваться публично и независимо от официальных властей. Поэтому, как я догадываюсь, о правдоподобной и непротиворечивой версии прикрытия никто не позаботился ни тогда, ни позднее.

Кто-то из охранников мог лгать намеренно — как изворачивающийся участник преступления. Но вряд ли сознательно лгала вся внутренняя охрана дачи... Ведь из ее числа к умерщвлению Сталина если и был кто-то причастен, то не более одного-двух человек. А, возможно, и вообще ни один — кроме охраны была ведь и обслуга.

Охранники — и тогда, и через много лет, могли многое путать и без злого умысла — как часто путают важнейшие детали свидетели преступлений. Да и состояние шока тоже надо учитывать.

Непосвященные и непричастные могли лгать ненамеренно («врет как очевидец», — говорят юристы) и даже своими правдивыми показаниями и воспоминаниями невольно прикрывать намеренную ложь других. Надеюсь, читателю не надо объяснять, что я имею в виду?

А пытаюсь принять весь этот конгломерат «свидетельств» всерьез, путаются и те исследователи, которые пытаются эту путаницу распутать и свести ее в непротиворечивую картину.

Но если Сталин был убит — а он был убит, — на основании свидетельских показаний картину его смерти выстроить невозможно в принципе! Я позднее на этом немного останавлиюсь.

При этом я, как и обещал в начале книги, не буду заниматься криминальными изысканиями относительно последних суток жизни Сталина, проведенных им в здравом уме и ясной памяти.

Но кое-что об этих последних сутках сказать надо.

Глава шестнадцатая

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ» И ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искарот,
пошел к первосвященникам и сказал:
что вы дадите мне, если я предам Его?
Они предложили ему тридцать сребренников;
И с того времени он стал искать
удобного случая предать Его.

...
Когда же настал вечер, Он
возлег с двенадцатью учениками;
И когда они ели, сказал:
истинно говорю вам,
что один из вас предаст Меня.

*Евангелие от Матфея,
Глава 25, стихи 14—16, 20—21.*

...Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

...
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна...

Иосиф Джугашвили (Сталин)

В 1953 ГОДУ предпоследний день зимы, 27 февраля, пришелся на пятницу. 28 февраля — суббота, а в воскресенье уже начиналась весна, по крайней мере — официально.

Зима была, считай, прожита.

Сталин в феврале принимал редко, но вряд ли это было признаком нездоровья, особенно если вспомнить свидетельства Браво и Менона. Скорее Сталин обдумывал предстоящие события и не считал разумным тратить силы и энергию раньше их начала. Сил-то с годами не прибывало.

16 февраля он провел в своем кремлевском кабинете совещание с «Тройкой». Берия, Маленков и Булганин были

у него недолго. И сама краткость их пребывания у Сталина позволяет предполагать в этом совещании не обсуждение проблем, а оперативный доклад «Тройки» Сталину и получение ей указаний от него.

17 февраля Сталин принимал индийского посла Менона, после чего в сталинском кабинете вновь на 15 минут собралась «Тройка».

Общение же с другими членами высшего руководства было ограничено до минимума.

Еще прошлой осенью, 10 ноября 1952 года, было решено проводить заседания Президиума ЦК раз в месяц, а заседания Бюро Президиума ЦК — еженедельно по понедельникам.

Начиная с первого заседания Президиума ЦК, состоявшегося 18 октября 1952 года, Сталин вел и все последующие заседания, кроме заседания Бюро Президиума ЦК 9 января 1953 года, когда обсуждались пропагандистские мероприятия по «делу врачей».

При этом последнее заседание Президиума ЦК пришлось на начало декабря, а в январе и в феврале Президиум ЦК не собирался.

Что же до Бюро Президиума ЦК, то оно последний раз собиралось 26 января, не собравшись в феврале ни разу. Все это напоминало затишье перед бурей, и это затишье не сулило ничего хорошего только Хрущеву — если иметь в виду высшее руководство.

Сложным оказывалось и положение Игнатьева. Он мог предполагать, что доживает как министр последние дни. «Огрехов» и даже грехов у Игнатьева накопилось к концу зимы 1953 года немало, и он не мог не вспоминать судьбу своего предшественника, экс-министра ГБ Абакумова, ныне сидящего в узилище у пока министра ГБ Игнатьева. А если Игнатьев был хотя бы косвенно связан с заговором против Сталина, то он тем более должен был чувствовать себя не лучшим образом, и это могло отражаться на его поведении так, что оно выглядело еще более подозрительным.

На понедельник, 2 марта 1953 года, хотя по «штатному расписанию» это был день заседания Бюро Президиума, было назначено расширенное заседание всего Президиума ЦК, которого все жаждали.

Да, 2 марта должно было решиться многое — как в концептуальном отношении, так и в кадровом. Не могли не рассмотреть на Президиуме и ход следствия по «делу врачей» — с принятием принципиальных по нему решений.

И Сталин решил отдохнуть. Вечером 27 февраля он поехал в Большой театр — посмотреть «Лебединое озеро». В правительственной ложе сидел один, в глубине — чтобы его не видели из зала.

Балет Чайковского Сталин любил и смотрел много раз, но в том, что накануне смерти он смотрел именно его, нет символики и скрытого смысла — Сталин смотрел то, что стояло в репертуаре. Я утверждаю это так уверенно потому, что это подтверждается самим фактом сохранения инкогнито Сталина в тот вечер. Если бы он, допустим, заранее попросил поставить на определенный вечер определенный спектакль, то при любой маскировке его личной в том заинтересованности вряд ли удалось бы полностью скрыть от любопытных факт предстоящего посещения Сталиным Большого театра. Однако все совпало удачно — Сталину надо было наедине с самим собой расслабиться и отдохнуть перед утомительным, эмоционально непростым и длительным заседанием 2 марта, и тут кстати был любимый балет с любимой музыкой.

А В СУББОТУ, 28 февраля, Сталин пригласил к себе на «ближнюю дачу» членов «Тройки», то есть Берию, Маленкова и Булгапина, и...

И — Хрущёва.

В своих воспоминаниях, упоминая о которых мне каждый раз хочется взять оба слова — и «свои», и «воспоминания» — в кавычки, Хрущев писал:

«...Он пригласил туда (в кремлевский кабинет. — С.К.) персонально меня, Маленкова, Берию и Булгапина. Приехали. Потом говорит снова: «Поседемте покушаем на «ближней даче». Посхали, поужинали... Ужин затянулся... Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа...»

Жорес Медведев, приводя эти — в данном случае, я уверен, правдивые — строки Хрущева, пишет, что этот ужин, «который выглядел для Хрущева как неожиданный, был, естественно, подготовлен»...

Пожалуй, Ж. Медведев и не догадывается, *насколько* он тут прав! А, возможно, он все и понимает, но сознательно уводит нас от верной догадки. Нет, дело было не в стремлении, как уверяет Медведев, «...отвлечься, отдохнуть, поужинать с друзьями, выпить вина» перед тем, как принять «после долгого периода раздумий... радикальное решение».

Если бы дело было в желании расслабиться, компания у Сталина была бы наверняка другой — ни один из четырех приглашенных Сталиным на ужин 28 февраля не входил в его *душевно* близкий круг. Уж Клима-то Ворошилова с Семеном Буденным, да и Анастаса Микояна с Вячеславом Молотовым Сталин пригласил бы. Современные фальсификаторы образа и эпохи Сталина приписывают ему намерение в те дни чуть ли не отправить троих из этих четверых на плаху, но я не рекомендую никому хоть как-то брать в расчет подобные «версии». Политически Сталин от давних друзей действительно отдалялся, а точнее — они политически не то чтобы отдалялись, но отставали от Сталина... Но Сталин-то — по Хрущеву и Медведеву — хотел просто отвлечься. А Ворошилов, Микоян и Молотов, как и конармеец Буденный, в круг его души входили. Причем уже через день ему не мешало бы их понимание...

Но хотел ли Сталин в последнюю субботу зимы 1953 года расслабиться? Для этого ли он пригласил к себе, кроме членов «Тройки», еще и Хрущева?

Происходившее в тот вечер за столом на даче Сталина осталось между ним, четверьмя его сотрапезниками и Богом. Поэтому то, что сейчас читатель прочтет — лишь догадка автора. Но я надеюсь, что реконструировал суть того исторического вечера верно. И если я не ошибаюсь, Сталин тогда не расслаблялся, не отдыхал, а уже работал!

И работал напряженно!

Великие и деятельные натуры — а Сталин всегда относился к ним — не расслабляются в преддверии больших событий *два* раза! Это как в нелегком походе. Ты идешь, ты устал. Нужен привал, и ты его делаешь, расслабляясь по возможности максимально — ведь тебя опять ждет нелегкий путь. Но после привала, когда он позади, тут же делать

еще один привал глупо. Результатом неизбежно будет не дополнительное расслабление, а утрата пужного тонуса.

Вот Сталин и устроил себе «привал», посмотрев чарующий балет Чайковского, очень для духовной рекреации подходящий. И если бы он хотел сохранить расслабление бойца перед боем 2 марта, то он провел бы субботу 28 февраля и воскресенье 1 марта опять-таки наедение сам с собой.

А он пригласил в субботу «Тройку» и Хрущева — якобы «расслабляющий» ужин.

Зачем?

По Жоресу Медведеву — чтобы «расслабиться».

А, например, по «генералу» Волкогонову выходит, что Сталин их пригласил чуть ли не для того, чтобы сделать выволочку всем, кроме Булганина. Причем Берия Сталин якобы расспрашивал о «деле врачей», к которому Берия тогда не имел никакого касательства. Волкогонов утверждает, что гости усмотрели в этом некие зловещие намеки на близкие свои аресты и т.д. Мало того, что это — ложь, это еще и глупая ложь хотя бы потому, что через день предстоял бурный Президиум ЦК и Сталин никак не стал бы бросать любые упреки и обвинения в узком застолье, когда все это было уместнее сделать в публичной и официальной обстановке.

НАСКОЛЬКО я понимаю, Сталин к началу весны 1953 года уже полностью сложил для себя все элементы политической «мозаки» — как внешние, так и внутренние, в нечто единое целое.

То есть он убедился в том, что «холодная война», провозглашенная Черчиллем и непрерывно расширяемая Трумэном, начинает достигать своего системного пика. Причем своеобразие ситуации заключалось в том, что впервые, несмотря на все более обостряющуюся ситуацию, ни одна из сторон не могла уже перевести войну двух мировых лагерей из «холодной» фазы в «горячую» без риска получить — говоря языком более поздних времен — неприемлемый для себя ущерб.

Обе стороны уже имели атомное оружие, а США 1 ноября 1952 года испытали в Тихом океане первое в мире

термоядерное устройство «Майк» с мощностью в 10 мегатонн, то есть — в 10 миллионов тонн тротилового эквивалента. Правда, это было сооружение весом в десятки тонн, но Сталин знал о возможности создания транспортабельного термоядерного заряда — работы по советской термоядерной бомбе РДС-6с уже подходили к концу.

Возникал «ядерный пат», и тут могло быть два варианта развития ситуации на планете.

Первый — все же «горячий». Сталин знал, что по количеству и суммарной мощности ядерного арсенала Россия сильно уступает Америке. Три с половиной месяца назад — 16 ноября 1952 года США в испытании «Кинг» успешно взорвали бомбу с тротиловым эквивалентом в несколько сотен тысяч тонн, то есть уже имели атомные бомбы такой мощности, которую Курчатов и Берия обещали обеспечить лишь в термоядерной бомбе. И Запад под рукой США мог решиться на «горячий» «крестовый поход» против СССР и социализма — пока он еще имел реальные шансы на успех.

Но более вероятным и выигрышным для Запада — и Сталин понимал это, был бы все же «холодный» вариант постепенного разрушения социализма за счет внутренней подрывной работы в лагере социализма, направляемой и координируемой извне. Бомбы не атомные, не водородные, а идеологические, пропагандистские. Плюс — «пятая колонна»...

Предстояла борьба Мирового Добра и Мирового Зла за умы и души людей на планете, и первый серьезный сталинский удар в *этой* войне Сталин уже обдумал и был готов его нанести. Лишить врага народов и свободы — империализм — его внутренней агентуры в СССР, и лишить не путем чисток по образцу 1937—1948 годов, а путем скорого и решительного избавления советского общества от переродившейся и шкурной части руководства, лишая ее возможности влиять на общество, — вот каким был замысел этого сталинского удара.

Если бы за счет разворачивания той самокритики, о которой в последнее время много было сказано, но которая пока удавалась не очень, из руководящих и прочих системно значимых кресел были вычищены самодуры, бюрократы, разгильдяи, бездари и рвачи, то среди них автоматиче-

ски оказались бы многие из уже имеющих или потенциальных членов «пятой колонны».

Не может иметь успеха тот полководец, который не уверен в своих маршалах и генералах. Этот горький урок Сталину преподал его собственный предвоенный генералитет, «прошляпавший» начало войны. Опирайтесь надо на тех, в ком уверены. Но на кого?

Роль Ставки Верховного Главнокомандования играло теперь Бюро Президиума ЦК, а роль Генерального Штаба — весь Президиум ЦК.

Как мог строить расчет Сталин?

Пожалуй, так...

Бюро Президиума ЦК — это Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Хрущев. К ним надо было при серьезном расчете присоединить таких членов Президиума, как Молотов и Микоян.

Берия, Маленков и Булганин — это «Тройка». Удобно, но Сталин решил опереться на нее.

Ворошилов, Каганович и Молотов — старые соратники, которые в решительный момент пойдут за ним, даже не соглашаясь с ним — как раньше истинные большевики-ленинцы шли за Лениным.

Первухин и Сабуров — толковые работники, до высшего государственного уровня пока недотягивающие, самостоятельного политического веса не имеющие, но за Сталиным идущие уверенно и сознательно.

Старый друг Анастас... Давно, 28 марта 1928 года, он написал ему письмо, которое закончил так: *«Словом, держись и не унывай — наша должна взять. Твой И. Сталин»*. Сейчас Анастас сдал... Но он тоже не пойдет против — ни на людях, ни внутри себя. В конце концов все они начинали жизнь и продолжали ее как люди вполне определенной идеи. И от нее никто из старых друзей не отступился — Сталин не для красного словца сказал в прошлом октябре, что Молотов готов в любой момент отдать за партию жизнь. Сталин ведь и сам был готов сделать это в любой момент.

Итак, сомневаться надо было только в Хрущеве. Причем Сталин мог иметь о нем уже и серьезную негативную информацию. Но Сталин верил людям до последнего и был склонен скорее прощать, чем карать, хотя нередко приходилось и карать.

И он решил накануне решительных разговоров 2 марта посмотреть Хрущеву в глаза.

Вот в чем состоял, как я понимаю, смысл той «тайной вечери», на которую Сталин пригласил Хрущева в субботу 28 февраля 1953 года от Рождества Христова.

Жорес Медведев заявляет, что напротив, это Берию и Маленкова Сталин пригласил-де потому, что мог предполагать: «Берию и Маленкова он встречает у себя на даче в последний раз». Сталин, намекает Ж. Медведев, уже решил судьбу обоих так, что она должна была вскоре оборваться по меньшей мере политически, а возможно, и физически.

А ведь все было, как я понимаю, «с точностью до наоборот»! Решалась судьба Хрущева. И он, похоже, это знал заранее или понял в ходе «вечери».

Но вот уж не знаю — понял ли это Сталин...

Из всех членов сталинского Политбюро лишь Хрущев был подлинно талантливым лицемером. Сравним две характеристики его...

Первая:

«Меня подкупала простота и доступность Никиты Сергеевича. Выходец из рабочих, он вел себя очень демократично, и я поначалу был просто влюблен в него. Да и у большинства он вызывал огромные симпатии...»

Вторая:

«Вообще Хрущев был злобным и мстительным человеком. Характерна в этом отношении его расправа с Тевосяном, выдающимся металлургом, умницей, прекрасно знающим мировую практику (работал на заводах Круппа). Как-то он поспорил с Хрущевым по специальному вопросу. Хрущев: «Ты что со мной споришь?» — «Да я же металлург и знаю этот вопрос, а вы чепуху говорите». Через два дня Тевосян был снят и полностью отстранен от дел».

Первая характеристика принадлежит Д.Т. Шенилову и приведена в книге о нем «И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине и политике» издания 1998 года на странице 123.

Вторая характеристика принадлежит... тоже Д.Т. Шепилову и приведена в книге о нем «И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине и политике» издания 1998 года на странице 134.

Примеры можно продолжить, но стоит ли?

О том, как проходил этот вечер, мы знаем в основном из «воспоминаний» Хрущева, на которые не то что можно полагаться в последнюю очередь, но вообще полагаться нельзя во всем, что касается тогдашних диалогов, атмосферы, реакции Сталина и т.п.

ИТАК, Хрущев был изощренным лицемером — как это часто бывает с людьми, с детства мечтающими об одном — выбиться в люди. «Мыкыта» — как шутливо называл его Сталин, выбился. И, как все люди его склада, после этого жил одним — удержаться.

Он был энергичен, по-своему неглуп и по-своему талантлив, но *безусловно* талантлив он был в одном — в зверином желании жить. Сказав «в зверином», я имею в виду не безжалостность — хотя Хрущев мог быть и бывал безжалостен; не кровожадность — хотя Хрущев не был чужд и этой черты. Сказав «в зверином», я имею в виду лишь *инстинктивность* этого нутряного желания Хрущева. Инстинкт самосохранения присущ всему живому, но лишь человек способен преступать его, зажимать его в себе во имя долга или иной нематериальной цели.

Так вот, в этом смысле Хрущев был зверем, а не человеком. Как, впрочем, и все остальные люди его склада и его жизненной философии, если в их случае можно говорить о какой-либо философии.

Сталин же был прежде всего человеком — всегда и во всем, если иметь в виду высокий и точный смысл этого понятия. И поэтому он был проникателен лишь по отношению к врагам. Маяковский написал о Ленине: «Он к товарищам милел людскою лаской, он вставал к врагам железа тверже...» Но это было и обобщенной нравственной чертой всех вообще большевиков-ленинцев и, конечно, Сталина.

Врагам Сталин не доверял никогда, и порой эта его недоверчивость даже играла с ним злые шутки.

А вот своим он доверял всегда — если считал своими.

На его даче всегда стоял, например, электрический чайник на столике и рядом — все необходимое для заварки. Это было сделано для того, чтобы **Сталин**, работая ночью, мог попить чаю, не беспокоя *горничную*! Причем около чайника часовой, естественно, не стоял. И это, уважаемый читатель, говорит не о подозрительности, а о доверчивости Сталина — в своем кругу. И эта доверчивость тоже не раз играла с ним злые шутки.

Последний же раз он ошибся с Хрущевым.

И ошибся до смерти.

В своих воспоминаниях Хрущев то и дело в отношении Сталина лжив. Он лжет, например, что во время одного из его приездов на дачу Сталина тот якобы сказал далеко от него севшему Хрущеву что-то вроде: «Почему прячешься? Я тебя не собираюсь арестовывать. Подвинь бумаги и сядь поближе...»

Конечно, это — ложь. Не будучи, естественно, свидетелем описанной Хрущевым сцены, я могу утверждать это уверенно — она абсолютно не в стиле Сталина.

Показательно и то, как Хрущев раз за разом пытается представить Сталина чуть ли не алкоголиком. Вот он вспоминает встречу на «ближней даче» 1953 года и пишет, что Сталин был в хорошем настроении и поэтому-де сам много пил и других принуждал...

А вот как описывает стол Сталина венгр Матьяш Ракоши, долго живший в России:

«Еда и напитки ставились на большой стол, и каждый обслуживал себя сам, в том числе и Сталин... По вечерам Сталин **даже** (выделение мое. — С.К.) выпивал. Я нередко наблюдал, как из узкой... рюмки он маленькими глотками пил красное цимлянское вино или шампанское. Но это было похоже у Сталина на то, как он курил, больше времени тратя на распечатывание коробки панирос «Герцеговина Флор» и набивку трубки, чем на само курение... Обстановка на таких ужинах была непринужденной...»

Я не знаю, как оно там все было в тот *последний* сталинский вечер, особенно если иметь в виду его психологиче-

ский рисунок. И если кто-то уверяет, что он-то знает, такому «исследователю» можно не верить изначально.

Но для Сталина и для всех остальных его сотрапезников это не было дружеским застольем, хотя внешне все выглядело так. Надо сказать, что, кроме хрущевского, мы имеем свидетельство еще одного тогдашнего сталинского гостя — Булганина. Оно дошло до нас, правда, в письменном пересказе — тоже не очень-то достоверном и аутентичном — маршала Жукова, записанном то ли в 1963-м, то ли в 1964 году то ли самим Жуковым, то ли кем-то из его окружения. Двадцать шесть страниц машинописного текста из личного архива Жукова с 1974 года хранились в Общем отделе ЦК, а в 1995 году были переданы в Российский Государственный военный архив из Архива Президента РФ.

Вот фрагмент этой записи:

«Во время похорон СТАЛИНА БУЛГАНИН мне рассказал о той ночи, во время которой со СТАЛИНЫМ случилось несчастье. Вечером у СТАЛИНА на даче собрались ХРУЩЕВ, БЕРИЯ, МАЛЕНКОВ И БУЛГАНИН — три неразлучных друга, как об этом всегда хвастался БУЛГАНИН (это не подтверждается вообще-то ничем. — С.К.). После **разговора о делах** (выделение мое. — С.К.) все сели за стол ужинать. СТАЛИН был в хорошем настроении и много шутил. Ужин, как это часто бывало у СТАЛИНА, затянулся до 2 часов ночи...».

Мы еще вернемся к этим воспоминаниям Булганина — при всей сомнительности их происхождения я им верю по ряду причин больше, чем многим другим, и уж тем более «воспоминаниям» Хрущева... А сейчас я привел этот фрагмент для того, чтобы показать — внешне атмосфера была действительно открытой, причем сам Хрущев сообщал, что объектом беззлобных шуток Сталина был чаще всего он. Что ж, и Христос отметил из всех учеников именно Иуду.

Хрущев, конечно, все решил для себя не во время ужина — все было решено им и теми, с кем он был уже «повязан» общим злоумышлением, раньше. Но я не исключаю, что в ходе ужина он еще более укрепился в понимании того, что Сталин должен умереть.

И так ли уж теперь существенно, Хрущев ли влил отраву в чашу Сталина, или это сделал кто-то из персонала или охраны дачи по хрущевскому кивку. А, возможно, все было сделано и без Хрущева — он мог даже не знать, кто именно из окружающих Сталина *тот*. Но то, что *такой* или *такие* на даче есть, Хрущев, как я понимаю, знал.

Потому он так и заискивал, и лебезил перед Сталиным.

Между прочим, у Хрущева — единственного из всех его коллег по высшему руководству, был и личный мотив для убийства Сталина: судьба сына Хрущева. Леопид Хрущев был то ли сбит в бою, то ли просто не вернулся из боя и оказался в плену. История эта темная, что видно и из свидетельств такого, например, информированного человека, как генерал Докучаев, много лет прослужившего в 9-м управлении КГБ СССР.

У Сталина тоже был в германском плену сын Яков. Причем сегодня можно достаточно уверенно говорить о том, что он не погиб, а был именно в плену и вел себя там абсолютно достойно. Однако Сталин не мог предпринимать что-либо для освобождения рядового офицера-артиллери́ста Джугашвили, и не стал санкционировать какие-то действия на высоком уровне по освобождению из плена рядового летчика, вся «незаурядность» и «значение» которого заключались в том, что он носил фамилию Хрущев.

Хрущев затаил злобу — он ведь был человеком мстительным, но объяснять его участие в заговоре против Сталина личными мотивами было бы легкомысленно. Все было серьезнее и прозаичнее.

НО БЫЛ ли Сталин лишен жизни насильственно? Я на протяжении всей этой книги говорю об этом как о фактически достоверном факте, но так ли это — несмотря на все мои утверждения, несмотря на, казалось бы, подлинные медицинские документы о ходе болезни и о вскрытии тела Сталина после смерти, приведенные Добрухой-НАДом и т.д.?

О книге Добрухи и других подобных книгах мы вскоре поговорим... Но, коль уж вопрос затронут, остановимся на нем безотносительно к мнимым и подлинным открытиям Добрухи.

Так, Молотов, когда его прямо спросили, могли ли Ма-

ленков, Берия и Хрущев отравить Сталина, «когда выпивали с ним в последний день перед болельностью», ответил: «Могло быть. Берия, Маленков были тесно связаны, Хрущев примкнул к ним и имел свои цели. Он всех перехитрил...»

Берия и Маленков действительно были дружны — их много лет не могла не сблизить хотя бы та ответственность, которую они несли за одни и те же или смыкающиеся друг с другом, участки государственной работы. Но их блок с Хрущевым? Да еще с момента образования «Тройки» образца 1953 года? Нет, тут у Вячеслава Михайловича что-то не все связывается. Но само его допущение версии о насильственной смерти Сталина многозначительно.

По подсчетам Ж. Медведева, имеется не менее десяти версий политического заговора против Сталина с целью его устранения. Медведев же сообщает, что предположение об убийстве Сталина можно найти в половине биографий Сталина, изданных на Западе, и даже в краткой биографии Сталина, помещенной в Британской энциклопедии.

Упомянутый выше генерал Докучаев, знавший по службе не одного бывшего охранника Сталина, пишет, что Сталин являлся, несомненно, постоянным объектом покушений на него со стороны троцкистов, репрессированных, агентуры абвера, разведок иностранных государств и, наконец, сионизма. И далее он продолжает:

«Предполагать, что этот гнусный акт (убийство Сталина. — С.К.) совершил кто-то из ближайшего окружения, было бы не логично, но в то же время это предположение остается поводом для определенных размышлений... По рассказам полковника С.В. Гусарова, в то время служившего в охране И.В. Сталина, такая возможность существовала...»

Увы, она не просто существовала, она была реализована. А вот как она была реализована, сейчас вряд ли можно установить, если даже провести тщательное исследование всей массы показаний и «показаний» свидетелей и очевидцев с составлением циклограмм и прочего — даже если этим будет заниматься опытейшая следственная бригада.

Я тягаться с ней не намерен, ограничившись рядом при-

меров несоответствия в свидетельствах. А для начала сообщу, что тот же генерал Докучаев свидетельствует: в СССР любые записи даже о незначительных случаях из личной жизни государственных лидеров для работников охраны были строжайше воспрещены, потому что за любой «мелочью» мог стоять государственный секрет, даже устное разглашение которого могло привести, например, к дипломатическим осложнениям с тем или иным государством.

С другой стороны, тот же Докучаев свидетельствует, что ребята в охране работали настолько здоровые, что могли выпить стакан водки и идти на пост, сказав: «А чё со мной будет?»

Вопрос «А чё может быть с подопечным, «охраняемым» телохранителем в таком состоянии?», похоже, не возникал не только у самого охранника, но и у его непосредственного начальства.

Правда, Докучаев оговаривается, что таких, мол, в конце концов увольняли... Но ведь их моральный облик был сомнительным уже и тогда, когда они еще охраняли того или иного государственного деятеля — того же Сталина. А пьющий человек — находка для шпиона и террориста потенциально намного более ценная, чем самый болтливый болтун.

Интересно то, что, рассуждая на тему убийства Сталина в 1995 году, генерал Докучаев был более категоричен в допущении версии убийства, чем через десять лет, в 2005 году. А ведь в 1995 году он хотя и склонен был «повесить» убийство или на Берию, или на Хрущева, склоняясь к варианту Берии, сам же высказал предположение о том, что Берия всего лишь располагал достоверными данными о сговоре против Сталина, в связи с чем Лаврентия Павловича и «убрали с дороги»!

Последнее очень похоже на правду, хотя Берия мешал не только убийцам Сталина, но и всей разлагающейся «партоплазме». Однако то, что он имел возможность разоблачить заговорщиков, тоже имело, конечно, свое значение. Я лишь уточню, что Берия, скорее всего, действительно располагал некими достоверными данными об антисталинском заговоре, но получил их не до, а **после** убийства, придя в объединенное МВД.

Напраслину на Берию возводят многие, но не исключаящий — осторожно — его вины генерал Докучаев чуть ли не единственный среди подобных «обвинителей» заслуживает уважения, хотя он тут и ошибается. Ренегат и прямой государственный преступник Авторханов, предатель-перебежчик Олег Гордиевский, ренегат Волкогонов, хамелеон Радзинский, путаник Добрюха, братья-«историки» Медведевы и т.д. и т.п. — вот далеко не полный только «отечественный» перечень тех, кто указывает на Берию, который и не мог, и не был в числе убийц Сталина. Лишь политический хамелеон Леонид Млечин сомневается в вине Берии, да и то, естественно, фарисейски...

При этом было бы смешно, когда б не было грустно то, что Николай Добрюха сообщает о вызывающем даже у него сомнение свидетельстве «причастности Берии к убийству Сталина», исходящем «от живущего на Западе собирателя сплетен Романа Бракмана», и ссылается на стремление дать таким-де образом полную «информационную картину».

Что тут можно сказать? Какая там «полнота»! Одной ложью больше, одной меньше... А вот *дезинформационная* картина, обрисованная Добрюхой, оказывается на удивление полной: Бракман-де узнал от некоего Нугзара Шария, заслуженного артиста Грузинской ССР и якобы сотрудника грузинской редакции радио «Свобода» в Мюнхене, о том, что что он-де, Нугзар Шария, собственными глазами... пардон, ушами слышал, как его дядя Петр Шария слышал, как Берия «в кругу освобожденных им из тюрьмы мингрельских генералов... хвастался, что он отравил Сталина и спас их от верной смерти, а всех мингрелов от высылки».

Итак: Бракман рассказал то, что слышал от Нугзара Шария, который слышал от Петра Шария то, что последнему сказал Берия.

Н-да...

Но тут, пожалуй, надо кое-что пояснить подробнес...

Петр Шария действительно входил в окружение Берии, был арестован по известному «мингрельскому делу», в апреле 1953 года освобожден, до ареста Берии был одним из его помощников по Совмину, а после ареста Берии был вновь арестован, осужден, в 1963 году освобожден и рабо-

тал в Академии наук Грузинской ССР, скончавшись в 1983 году на 81-м году жизни.

Однако в весьма запутанном «мингрельском» деле, с которым были связаны хотя и значительные, но не тотальные депортации из Грузии в Казахстан, наместился просвет еще при жизни Сталина. Хронология тут такова...

9 ноября 1951 года Политбюро приняло Постановление «о взяточничестве в Грузии и об «антипартийной группе Барамия», а 27 марта 1952 года — еще одно Постановление «о положении в Компартии Грузии». Но уже 4 июня 1952 года Сталин в своей телеграмме первому секретарю ЦК КП(б) Грузии Мгеладзе и другим членам Бюро грузинского ЦК выразил недовольство деятельностью министра госбезопасности Рухадзе и писал:

«ЦК ВКП(б) считает, что т.Рухадзе встал на неправильный и непартийный путь, привлекая арестованных (имется в виду группа Барамия. — С.К.) в качестве свидетелей против партийных руководителей Грузии... ЦК ВКП(б) не сомневается, что если стать на путь т-ща Рухадзе и привлечь арестованных в качестве свидетелей против т. Рухадзе, то арестованные члены группы Барамия могли бы сказать про него гораздо больше и несравненно хуже. Это факт, что именно они во главе с Барамия требовали снятия т. Рухадзе с поста министра месяцев восемь назад и обвиняли его во всякого рода уголовных делах...».

Это был, с одной стороны, прозрачный намек на то, что не так уж безнадежно черны в глазах Сталина арестованные «мингрелы» и не так уж белоснежен арестовавший их Рухадзе... Сталин ведь знал своих кавказцев!

А 9 июня 1952 года Рухадзе и вовсе был снят и вскоре арестован. Поскольку именно Рухадзе инициировал «дело мингрелов» и вкупе с Игнатьевым его вел, можно было предполагать, что финал этого «дела» будет не таким уж и безрадостным для «мингрелов» независимо от того, жив будет Сталин или нет. К слову, Рухадзе расстреляли по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР в

1955 году — много позже спустя после смерти и Сталина, и Берии.

Есть, правда, еще одна фигура, повинная — по мнению помянутого выше Леонида Млечина — в смерти Сталина. Это... — сам Сталин, который, по уверениям Млечина, создал вокруг себя такую атмосферу страха, что и охрана, и прибывшие на дачу по вызову члены Бюро Президиума ЦК не решались лишний раз к вождю прикоснуться, чтобы ему помочь. Поэтому-де, Сталин убил себя сам, — глубоко-мысленно резюмирует Млечин. Вторит ему и «демократический» «историк» профессор Наумов, который заявляет, что в «империи»-де Сталина боялись все, включая самого Сталина.

Млечин, впрочем, как это ни странно, верно отмечает несостоятельность версий о том, что охрана вначале позволила Берии, и сообщает, что вначале она позвонила, как и положено, Игнатьеву. А тот уж якобы переадресовал ее к Маленкову, который поднял Берию, Булганина и Хрущева. Но далее Млечин — от себя не уйдешь!, повторяет бредни о Берии, якобы то радующемуся беспамятству Сталина, то якобы притворно падающему перед ним на колени...

«Объективности» Млечина есть, пожалуй, объяснение. Он всего лишь следует за «генералом» Волкогоновым, который ссылается на рассказ (или — рассказни?) охранника Рыбина, содержащий именно этот алгоритм: звонок Игнатьеву — его совет позвонить Маленкову и Берии и т.д... Волкогонов еще более расцвел этот «рассказ», но об этом — чуть позже.

Что же до списка «обвинителей» Берии, то я забыл упомянуть еще и Никиту Хрущева! Он в «своих» «мемуарах» тоже утверждает, что единственным человеком, заинтересованным в смерти Сталина, был якобы Лаврентий Берия... Но вот уж в этом случае можно точно сказать: «На воре шапка горит...» Хрущев просто взваливал с большой головы да на здоровую.

Да он ведь однажды и прямо проговорился о своей зловещей роли! Речистого Никиту Сергеевича в его поздние годы, когда он возомнил себя великой исторической личностью, иногда «песло» покруче, чем Великого Комбинатора Остапа Бендера. И вот, по свидетельству «внутреннего хро-

никера ЦК КПСС» Н. Зеньковича, 19 июля 1964 года на митинге в честь венгерской партийно-правительственной делегации Хрущев фактически признался в насильственной смерти Сталина и заявил, что в истории человечества было немало тиранов жестких, но что все они «погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором»...

Топор в руках Хрущева? Что ж, он умел держать в руках туфлю, сидя в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, умел держать в руках ружье, метко подшибая цель... И вряд ли он затруднился взять в руки топор против того, кто мог лишить его высокого положения, добытого в жестокой борьбе с жизнью.

Много заниматься криминальной хронологией той роковой ночи, когда происходила «тайная вечеря», я, как уже не раз предупреждал, не буду.

Но вот продолжение рассказа Булганина в пересказе Жукова:

«...В 2 часа ночи первыми от СТАЛИНА уехали они — БУЛГАНИН и МАЛЕНКОВ. Около 3 часов ночи якобы уехали БЕРИЯ и ХРУЩЕВ.

После отъезда БЕРИЯ и ХРУЩЕВА, минут через 15—20 в столовую к СТАЛИНУ зашел генерал ВЛАСИК, чтобы помочь СТАЛИНУ лечь в постель, и он увидел СТАЛИНА в обморочном состоянии лежащим на полу...»

Власик, вообще-то, в то время сидел в камере то ли на Лубянке, то ли в Лефортово, но, допустим, тут у Булганина или у Жукова произошла аберрация памяти. Для маршала Жукова и генерал был, как я понимаю, не выше ефрейтора, и хотя Власик был не простым генералом, пусть так... Но уж основную-то последовательность событий и участвующие лица Булганин перепутать мог вряд ли... И его рассказ или опровергает ряд «свидетельств» — как по части хронологии, так и по составу действующих лиц, или же сам принципиально неверен, намеренно или не намеренно:

«ВЛАСИК немедленно позвал (вызвал? — С.К.) БЕРИЯ и вызвал врачей. ВЛАСИК и охрана якобы осторожно перенесли СТАЛИНА на кровать.

Прибывшие врачи в присутствии БЕРИЯ, МАЛЕНКОВА И ХРУЩЕВА пытались оказать помощь СТАЛИНУ, но все было тщетно, СТАЛИН был без сознания и у него был установлен паралич. Несколько позже прибыл БУЛГАНИН и другие члены Президиума. Было решено установить около СТАЛИНА постоянное дежурство членов Президиума и профессуры поликлиники Кремля. Через непродолжительное время СТАЛИН, не приходя в сознание, умер».

В рассказе Булганина — нестыковка на пестыковке. Ну, хорошо, Власик, или там охранник Лозгачев, или охранник Рыбин, или еще кто обнаружил Сталина в обмороке и позвал Берия. А как оказались на даче Маленков и Хрущев? И что значит — «через непродолжительное время»? Сутки — это непродолжительное время? Причем из рассказа Булганина вытекает, что о части событий той ночи Булганин мог знать лишь с чужих слов. Причем выходит, что он прибыл на дачу Сталина где-то не ранее чем в начале пятого часа в воскресенье 1 марта.

Но вот генерал Докучаев в 1995 году приводит рассказ одного из тогдашних охранников Сталина полковника С.В. Гусарова... В ночь с 28 февраля на 1 марта, то есть в ночь «тайной вечери», он стоял на посту у входа в главный дом дачи и видел, как выходили примерно в 4.00 Маленков, Берия и Хрущев. И Гусарову запомнилось, что «Маленков тогда облегченно вздохнул»...

Напомню, что в рассказе Булганина в передаче Жукова Маленков уехал с Булганиным, причем в 2 часа ночи.

А вот в книге Николая НАДа-Добрюхи бывший лейтенант ГБ Павел Иванович Егоров из выездной охраны Сталина «готов рассказать о времени с нуля до 2 часов ночи», потому что «именно эти часы» остались-де в его памяти «навсегда».

Но не очень понятно — часы *какой* ночи остались у него в памяти? По словам Егорова, он стоял «в ту трагическую мартовскую ночь» на посту №6 «как раз у окон той самой Большой столовой, где, как принято считать, и закончилась жизнь Сталина». И как раз в это время первый заместитель начальника выездной охраны «товарищ Старос-

тип» якобы тревожился по поводу того, что свет в столовой-де горит, а там никого нет, и Старостин-де не знает, как подавать Сталину тот чай с лимоном, который ему якобы обычно носила охрана. (Полковник С.В. Гусаров, впрочем, вспоминал, что в кабинете Сталина на столике постоянно стоял электрический чайник со всем необходимым для приготовления чая, и Сталин ночью все делал сам, чтобы не поднимать горничную.)

Но более странно и удивительно другое: ведь по свидетельству и Гусарова, и Булганина (пусть и в пересказе Жукова), и самого Хрущева гости Сталина начали разъезжаться ну никак не раньше 2 часов ночи. Так где стоял Егоров и что видел, и чего не видел?

И как Егорова вообще понимать? Он сообщает, что сменился якобы утром 2 марта, еще ничего не зная о переполохе на даче. И со слов Егорова получается, что «трагическая мартовская ночь» — это ночь с 1 на 2 марта.

Но ведь все произошло вроде бы в ночь с 28 февраля на 1 марта?

НАДЕЮСЬ, читателю уже стало понятно, почему у автора нет желания проводить — по примеру многих других «исследователей» — собственное скрупулезное расследование того, что, когда и как происходило на даче Сталина? Мне пришлось за время работы над этой книгой перечитать по необходимости столько лжи, что без большой нужды перегружать себя и читателя ее разбором у меня, право, охоты нет! Как нет охоты и пытаться устанавливать то, кто конкретно из свидетелей и участников событий той ночи лжет «как свидетель», а кто — как негодяй.

О той ночи нам достоверно известно одно: что она была последней сознательной ночью в жизни Сталина и предвещала ему уже скорую смерть! Причем от рук кого угодно, но только не Берии.

Но еще об одной лжи мне рассказать придется...

Вначале я сознательно не хотел при работе над своей книгой о Сталине обращаться к книге Сергея Хрущева о его отце, Никите Хрущеве. Я отношусь к сыну Хрущева с брезгливостью уже потому, что он покинул Россию. А зна-

комство с его книгой уважения к ее автору не вернуло, зато еще более усугубило чувство неприязни и отвержения.

«Яблоко», увы, упало от «яблони» недалеко.

Книга Хрущева-младшего лжива на манер книг Волкогонова, Авторханова, Радзинского — то есть она лжива почти постранично, лжива даже тогда, когда автор пишет о том, что имело место в действительности.

При этом она неплохо разоблачает как героя книги, так и ее автора. Показательный пример насчет этого я приведу в последней главе собственной книги, а сейчас обращусь к тому месту воспоминаний Сергея Хрущева, где он пишет о смерти Сталина.

Хрущеву-сыну в 1953 году было 18 лет, и он пишет вот что:

«...Последний раз отец ждал сталинского звонка в начале марта 1953 года, в воскресенье, первого числа. Накануне, вернее, в то утро он вернулся домой на дачу часов в пять (откуда это сыну известно? Он что — отцу в раннее воскресное мартовское утро дверь открывал, что ли? — С.К.), как обычно, когда ужинал у Сталина. Отец не сомневался, Сталин не выдержит одиночества выходного дня, затребует к себе (и-да! — С.К.). Обедать отец не стал, пошел пройтись, наказав, если позвонят оттуда, его немедленно позвать.

Такое распоряжение он сделал для проформы, все прекрасно знали, что надо делать в этом случае...»

Но позвольте — ведь Хрущева вызвали к Сталину почти сразу после того, как он с «ближней дачи» уехал? Так когда же он «не стал обедать» и «прогуливался»? И какие он имел основания ждать нового «приглашения на гулянку», когда был прекрасно осведомлен о завтрашнем непростом заседании Президиума ЦК, перед которым Сталин в любом случае не стал бы «собирать стол» — надо было отдохнуть и подготовиться к завтрашнему дню?

Но это не так уж важно, а важно свидетельство сына о том, что отцу после возвращения от Сталина и кусок в рот не лез, и на месте ему не сиделось, и звонка он ждал так нетерпеливо, что даже напомнил о том, что все и так знали...

Это ведь типичное поведение отравителя или соучастника отравления, ожидающего: вышло или не вышло?

Читаем далее:

«Звонка отец так и не дождался. Стало смеркаться, он перекусил в одиночестве и засел за бумаги. Уже совсем вечером позвонил Маленков, сказал, что со Сталиным что-то случилось. Не мешкая, отец уехал...»

Так что прав был все же охранник Егоров, и Сталину стало плохо не в ночь с 28 февраля на 1 марта, а в ночь с 1 на 2 марта? По Сергею Хрущеву выходит так, хотя на деле было все же не так. Однако и это здесь не суть важно! Читаем далее:

«...Некоторое удивление вызвало скорое возвращение отца, он отсутствовал часа полтора-два... Молча поднялся в спальню и вновь углубился в свои бумаги (?! — С.К.).

Вторично он уехал почти к ночи и вернулся под утро. И только на следующий день он рассказал, что Сталин болен, состояние очень тяжелое, и они с Булганиным будут дежурить по ночам у постели больного...»

Здесь опять хронология двух дней вывернута самым странным образом. Она дана не так, как она традиционно подается, да и не такой, какой она была на деле...

Но и это, пожалуй, не самое главное. И это еще не всё! Сергей Хрущев написал ведь и так:

«Вечером 5 марта 1953 года отец возвратился домой раньше... Он вошел, устало сел на диван и вытянул ноги. Помолчал, потом произнес:

— Сталин умер. Сегодня. Завтра объявят.

Он прикрыл глаза...

Я... помявшись, спросил:

— Где прощание?

— В Колонном зале. Завтра объявят, — как мне показалось, равнодушно и как-то отчужденно ответил отец. Затем он добавил после паузы:

— Очень устал за эти дни. Пойду посплю...»

Хрущев за эти дни действительно не мог не устать очень — в любом случае, при любой внутренней нелюбви или даже ненависти к Сталину он, как и его коллеги, перенес немалые психологические нагрузки. Но даже его сын был обескуражен так, что и через годы вспоминал:

«Я был растерян и возмущен: «Как можно в такую минуту идти спать? И ни слова не сказать о нем. Как будто ничего не случилось!» Поведение отца поразило меня...»

Вот так...

Вот так!!!

Даже сына поразило равнодушие отца в такую минуту... Да, для Хрущева, как и для всех высших лиц в СССР, Сталин был фактически мертв не первый день, и все они с ним про себя уже простились. Но сын-то узнал о смерти товарища Сталина вот только что... Для него-то это была новость ошеломляющая... И у якобы большевика Хрущева не нашлось для сына-комсомольца в такую минуту ни одного слова!

Почему?

В ЕВАНГЕЛЬСКОЙ притче Предатель Иуда выдал Христа, поцеловав его.

Евангелист Матфей описывает это так: «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» (гл.25, стих 48).

Евангелист Марк повествует далее: «И пришед тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! И поцеловал Его» (гл.14, стих 45).

Евангелист Лука продолжает: «Иисус же сказал ему: Иуда! Целованием ли предаешь Сына Человеческого?» (гл. 22, стих 48).

А евангелист Иоанн заканчивает: «Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его» (гл.18, стих 12).

Хрущев же поцеловал на прощание не Иисуса, а Сталина. Но это тоже был поцелуй Иуды...

Глава семнадцатая
**И НА ДОБРЮХУ БЫВАЕТ ПРОРУХА.
И НА АВТОРХАНОВА С РАДЗИНСКИМ
И ВОЛКОГОНОВЫМ — ТОЖЕ!**

Странное дело. Культуры у него мало,
человек малограмотный, русским языком не владеет,
а сколько у него нахальства литературного!
Прямо диву даешься, когда читаешь...

*Из выступления И.В. Сталина
на совещании в ЦК ВКП(б)
о кинофильме «Закон жизни»
9 сентября 1940 года*

Моя книга постепенно продвигается к концу. В ее начале я писал о том, что одним из последних побудительных импульсов к началу работы над ней стала книга Николая НАДа — Николая Алексеевича Добрюхи, «Как убивали Сталина». Его книга, надо сказать, вызывает лично у меня двойственное чувство. Если книги, скажем, Волкогонова, Авторханова, Радзинского вызывают у меня лишь чувство брезгливости, а порой — и чувство омерзения как к текстам, так и к тем, кто их произвел, то книга Николая НАДа достойна скорее сожаления. Она местами очень неплоха, да и к Сталину ее автор относится достаточно объективно, то есть лояльно.

Но когда я читаю, например, об операции с умопомрачительным наименованием «Гамлет», которая якобы была разработана Берией с целью отравления Сталина, то эти «откровения» даже не хочется анализировать. Впрочем, и в этой куче гм... некоего вещества можно отыскать некие «жемчужины» истины, ибо Сталина-то действительно убили. Вот только Берия к этому не имел никакого отно-

шения, если не считать его желания добратся до убийц — что стало одной из причин уже его смерти.

Так же наивны намеки Добрюхи относительно, например, того, что Берия чуть ли не тайком руководил разработкой советского термоядерного оружия. Чего стоит в книге Добрюхи подзаголовок главы 20.3 «Берия и Бомба» — *«Водородная бомба в руках Берии могла стать оружием всемирного ядерного шантажа»*. На деле об этих работах знали в высшем руководстве все, кому о том знать было положено: Сталин, Маленков, Молотов, Булганин, Василевский, Юмашев и т.д. Писать подобное могут лишь люди, ничего толком не знающие и не понимающие в истории советского Атомного проекта.

Добрюха многозначительно ссылается на «одного из главных руководителей и специалистов по этой теме в Министерстве атомной энергетики (если точно — Министерстве РФ по атомной энергии. — С.К.)» Евгения Дудочкина, якобы пояснившего Н. НАДу, что американцы-де хотя и произвели первый термоядерный взрыв, это было «всего-навсего стационарное устройство»... Но для выяснения этого «конфиденциального» факта не надо было обращаться к Евгению Константиновичу Дудочкину и подавать его, действительно ряд лет возглавлявшего одно из ведущих Главных управлений нашего «атомного» министерства, так уж громко. Многотонный «Майк» был взорван американцами в 1952 году не в обстановке секретности, а — напротив, в обстановке публичной шумихи.

Вот еще пример... Ради собственных «концентуальных» построений Добрюха обрушивает сталинскую «опалу» (понятие, между прочим, абсолютно некорректное для оценки той эпохи) даже на маршала Рокоссовского, которого Сталин, по уверению Добрюхи, «отослал» командовать Войском Польским.

На самом же деле Сталин направил Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского в августе 1949 года в Польшу по просьбе Болеслава Берута. И там Маршал Советского Союза Рокоссовский занял посты заместителя Председателя Совета Министров и министра национальной обороны, став также членом Политбюро ЦК ПОРП и Маршалом Польши.

Рокоссовский был отозван из Польши лишь в 1956 году и вскоре — вот уж тут точно и по форме, и по существу, — попал в опалу к Хрущеву, высказавшись очень тепло и положительно о полководческих качествах Сталина на Октябрьском 1957 года пленуме ЦК. После XX съезда это в глазах хрущевцев было равносильно преступлению, и, снятый с поста замминистра обороны СССР, Константин Константинович был отослан командовать Закавказским военным округом — на родину «тирана».

В книге Добрюхи много «сенсаций» вроде секретного доклада американской разведки о мощных перспективах сельского хозяйства СССР в связи с коллективизацией... Этот доклад лучше любых моих или чьих-то аргументов, исходящих от любого отечественного исследователя, показывает и доказывает правоту сельскохозяйственной политики Сталина. Но, впервые вводя в научный оборот такие документы, получить которые он мог лишь в официальных архивах, исследователю необходимо начинать со стандартных ссылок на архив, фонд, опись, дело и т.д.

Вместо этого Н. Добрюха то и дело «запускает в оборот» более чем сомнительные интервью, «сведения» о «двойниках Сталина» и т.п. И — как Добрюхе кажется — освящает их откровенную чушь «высоким» авторитетом председателя КГБ СССР в 1988—1991 годах Владимира Крючкова. Последний же аттестует «исследование» Добрюхи как «очень сильный материал» и заявляет, что от документов, приводимых Добрюхой, «уже никто не сможет отвернуться».

Ну, смотря от каких — это, во-первых...

Во вторых же, задумываясь — а зачем и к чему здесь приплстается такая фигура, как экс-председатель КГБ Крючков? Не имея возможности, да и необходимости, уделять ей много времени, скажу лишь главное, что думаю о ней... В таком деле, как организация в 1991 году Государственного Комитета по чрезвычайному положению — ГКЧП, роль Председателя КГБ не могла быть не просто одной из ведущих, а — системно основной! Так вот, Владимир Крючков провел ее так, как мог ее провести или непродолимый, бездарный кретин, или... Или — умный и расчетливый агент влияния Запада и Золотой Элиты мира.

Приверженцы Андропова и его заместителя Крючкова пусть уж сами выбирают более устраивающий их вариант, но, как говорил Иисус Христос: «...да будет слово ваше «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого». Есть на этот счет и хорошее римское изречение: «Tertium non datur» — «Третьего не дано»... И присутствие Крючкова в качестве «высшего эксперта» на страницах книги Добрюхи лично меня дополнительно настораживает, и я задаюсь уже другим вопросом: «А зачем и кому понадобился Н. Добрюха в качестве публикатора действительно интереснейших медицинских документов о последних днях Сталина и о вскрытии его тела?» Ведь в книге Добрюхи, композиционно и концептуально крайне, повторяю, неровной и путаной, эти документы являются самой ценной частью книги.

Не в том ли секрет, что лжесоткровения «классиков» антисталинского жанра — Волкогонова и Радзинского все более превращаются в «отработанный пар», что признает, по сути, даже Н. НАД. За последние годы многое постепенно начало становиться на свои места. Ветры Истории, еще даже толком не взметнувшись, грязь и мусор с могилы Сталина сметают. Все более объективно и выпукло обрисовываются крупные фигуры Молотова, Маленкова, Жданова, Кагановича, Кирова и других высших деятелей из сталинского окружения со всеми их реальными достоинствами и недостатками. Проясняется и облик фигур типа Вознесенского и Кузнецова-«ленинградского».

Все более очевидным становится и созидательный масштаб такой фигуры, как Лаврентий Павлович Берия... Все чаще в положительном смысле соединяются эти два имени: Сталин и Берия. И это опасно не только для фальсификаторов и ненавистников прошлого России, но и для фальсификаторов и ненавистников ее *будущего*!

Не потому ли появляются сериалы типа «Смерти Сталина» — интересные лишь скупыми кадрами кинохроники, и книги, подобные книгам Н. Добрюхи и историка Ю. Жукова, которые кто-то может счесть даже просталинскими?

Мол, даже Сталина не запрещается похвалить, но уж Берию — очернить всеми силами. И Добрюха чуть ли не с евангельском пафосом пишет (на странице 274): «Никто из четверых, допущенных в последнее время к Нему в дом,

не был так заинтересован в Его смерти, как он — товарищ Берия...»

Оторвать Сталина от Берии, а то и от остальных его соратников — пусть и не «твердокаменных» к 1953 году, но большевиков...

Изобразить процессы в высшем руководстве СССР — в «узком руководстве», как называет его Ю. Жуков, — в зрелую сталинскую эпоху как некую грызню за власть и тем самым низвести выдающихся, как ни крути, государственных деятелей до уровня нынешних «Трех процентов»...

Измарать в крови Сталина Берию, да и Маленкова, да и ряд других членов Политбюро — Бюро Президиума ЦК, то присоединяя к ним для большей «убедительности» действительно виновного Хрущева, то изображая последнего полностью невиновным...

И, хотя единственное, что можно утверждать об убийстве Сталина наверняка, укладывается в четыре слова: «Берия к нему непричастен», раз за разом представлять убийцей Сталина Берию, Берию, Берию...

Вот, насколько я понимаю, те задачи, которые имеют системные наследники антисталинских «классиков». Наследники потому, что «патриархи» постепенно выходят в исторический «тираж», сохраняя, правда, пока тиражи издательские...

Но все равно раз за разом «исследователи» разглагольствуют о том, что Берия-де окружил Сталина своими людьми», а при этом заявляют читателю — как Н. НАД на странице 257 своей книги, что «Берию отстранили от руководства карательными (? — С.К.) органами»... Но Берию не отстранили, а в конце декабря 1945 года освободили от руководства МВД, потому что ему предстояла огромная работа, во-первых, по организации беспрецедентных по размаху и малым срокам советских атомных работ, а во-вторых, — не менее огромная работа по восстановлению и развитию ряда важнейших народнохозяйственных отраслей.

Н. Добруха на странице 414 своей книги упрекает, например, Юрия Мухина в стремлении «сотворить из Берии ангела»... Никто из Берии ангела делать не собирается — Берия был не ангелом, а крупным человеком, человечески привлекательной и яркой личностью. Зачем же делать из

него дьявола — как это делает тот же Добрюха, причем пренебрегая очевидными, им же самим не оспариваемыми фактами.

Скажем, Берия сдал дела по МВД Сергею Круглову 10 января 1946 года, а МГБ с 1943 года руководил Всеволод Меркулов. Тем не менее Николай НАД утверждает, что последние-де два года жизнь Сталина «находилась в сетях подпольной бериевской мафии из МВД и МГБ»...

Во-первых, какое отношение имело послевоенное МВД к обеспечению безопасности Сталина?

Во-вторых, Берия семь лет — напоминаю это в очередной раз — не имел служебных связей ни с Главным Управлением Охраны МГБ, возглавляемым до 19 мая 1952 года генералом Власиком, ни с Управлением охраны МГБ, возглавляемым с 19 мая 1952 года самим министром ГБ Игнатьевым.

Тем не менее Добрюха-НАД ничтоже сумняшеся заявляет на странице 299:

«Сопоставляя странное «виноградовское лечение» Жданова (речь о «деле врачей». — С.К.) и медзаклучение Виноградова в свой адрес, Сталин не мог не размышлять: почему тогда, в 1948-м, всегда такой бдительный Берия не проявил должного внимания к обвинительному заявлению Тимашук?!»

Добрюха пишет это, прекрасно зная ответ: «Всегда такой бдительный Берия не проявил должного внимания к обвинительному заявлению Тимашук в 1948 году по той простой причине, что не имел тогда представления ни о Тимашук, ни об ее заявлении».

Тимашук отдала письмо Власику, а тот — не читая, Абакумову, на ком тогда все и закончилось. Берия же по горло был занят работами по первой советской атомной бомбе РДС-1 и даже не курировал МГБ — это входило в 1948 году в компетенцию секретаря ЦК А.А. Кузнецова, арестованного лишь в августе 1949 года.

Что — Добрюха обо всем об этом не осведомлен?

А чего стоят его слова на странице 344 о якобы «подконтрольных» Берии «средствах массовой информации»? Я рекомендую читателю злостно недобросовестный «анти-

бериевский» сборник 1991 года, который я критически анализировал в своей книге о Берии, — там на страницах 190—191 писатель Константин Симонов описывает, как вечером того дня, когда арестовали Берию, к нему в редакцию «Литературной газеты» пришел заместитель заведующего начальником Управления пропаганды и агитации ЦК Московский и спросил: есть ли в подготовленном в печать номере что-то о Берии? Симонов писал:

«...я как дурак стоял еще два часа за своей конторкой, перечитывая все четыре полосы, на которых фамилия Берии могла оказаться разве что в какой-нибудь заметке о сельском хозяйстве, где фигурировал бы колхоз или совхоз его имени...».

Нечего сказать — всемогущим был Лаврентий Павлович в советских средствах массовой информации.

И ведь все остальные инсинуации Добрюхи в адрес Берии не более основательны, чем последняя.

ИНОГДА, надо признать, Н. Добрюха бьет не в бровь, а в глаз, как, например, тогда, когда пишет, что «побежденным в 1917 году в 20—40-е годы ничего не оставалось, как организовать, где только можно, тайное сопротивление победившим», и что это была «Тайная Гражданская война между относительно малочисленными остатками Белой гвардии и огромными Красными массами»...

Блестяще сказано — кроме шуток!

Ценными являются и данные Добрюхи о фактически первом издании «дела врачей» в 1935 году, когда были вскрыты удивительные факты о поразительной засоренности Лечебно-санитарного управления Кремля более чем подозрительными кадрами: женами крупных помещиков и белых офицеров, дочерьми купцов 1-й гильдии, скотопромышленников и т.д. Тогда это были лишь «цветочки»... «Ягодками» травил уже Жданова и его коллег. Причем некоей преемственности антисоветских группировок в ЛСУК не отрицает, по сути, и Добрюха, упоминая, хотя и вскользь, о странных смертях Крупской и Горького...

Ценны и медицинские документы 1953 года, приводимые Н. Добрюхой, и это главное, что можно о них сказать.

Убедителен Н. Добрюха и в критике, скажем, американ-

ца Роберта Такера и англичанина Алана Буллока — когда уличает их в некритическом переписывании всяких вымыслов о Сталине у Роя Медведева и Дмитрия Волкогонова, которые, в свою очередь, ссылаются на Такера и Буллока.

Тут все верно! Янки Энди... пардон, спутал с героем О'Генри, Роберт Такер и сэр Алан написали «биографии» Сталина, которые могут удовлетворить лишь невзыскательных, неосведомленных и доверчивых людей. Но двум англосаксам это в какой-то мере простительно — что с англосаксов возьмешь!

А вот как быть с такими, скажем, «русаками», как братья Рой и Жорес Медведевы, Эдвард Радзинский, Волкогонов? С них-то спрос Истории должен быть строже?

Правда, и с Эдварда Радзинского вряд ли можно что-то спрашивать всерьез, если он не стесняется публично писать о том, что отец его был, фактически, невоздержанным эротоманом — после его смерти один из главных отечественных клеветников на Сталина нашел заложенное между страниц какой-то книги письмо Сергея Эйзенштейна отцу со следами их юных забав — непристойными рисунками.

Любимой книгой Радзинского-старшего, родившегося в 1889 году и умершего в 1969 году, были «Боги жаждут» Анатоля Франса. И он, как и герои Франса, по утверждению сына, с улыбкой наблюдал жизнь сталинской России.

Какое разоблачительное по отношению к отцу и саморазоблачительное по отношению к самому себе слово отыскал Радзинский! Тот слой социальных паразитов, яркими представителями которого оказались отец и сын, именно *наблюдал* жизнь своей страны.

А Сталин и его товарищи и соратники на всех «этажах» социального «здания» эту жизнь *строили*.

Вот и вся, собственно, разница, между Радзинским-старшим и его современником Сталиным, выраженная двумя фразами.

КНИГИ Радзинского, Волкогонова или, скажем, еще одного подобного «классика»-антисоветчика, бывшего, как и «генерал» Волкогонов, идеологического бойца ЦК КПСС Леонида Млечина, можно анализировать построчно. И построчно же можно выявлять их ложь. Пожалуй, опасаясь

этого, сии «исследователи» и прячутся так тщательно за «авторские права» и т.д., заранее блокируя для своих потенциальных критиков возможность развернутого анализа.

Но заниматься им не очень-то и хочется! Да, пожалуй, не очень-то и надо — клевета на Сталина сегодня приобретает характер намного более тонкий, чем это было у того же, например, Радзинского.

Но уже, скажем, Волкогонов местами Сталина вроде бы даже хвалил — за военный период. Однако это были тоже иудины «лобзания». Причем, описывая ситуацию на «ближней даче» Сталина в момент первого переполоха, Волкогонов утверждает, что якобы без разрешения Берии к Сталину и врачей пельзя было вызывать (это еще с чего?), а далее «сообщает», что наконец-де в одном из правительственных особняков сталинского Монстра (именно так, с большой буквы) разыскали-де в компании «новой» женщины в три часа ночи.

Берия — по Волкогонову — и произнес фатальное: мол, что вы паникуете... Товарищ Сталин крепко спит и храпит.

Гнусный бред! Но вот же — издавался, издается и многими еще принимается на веру...

Но даже изощренную — с элементами якобы признания заслуг — клевету на Сталина все более опровергает сама жизнь.

Что же до книг Радзинского и Волкогонова, то о них можно сказать вот что... Они, написанные разными авторами, но имеющие одинаковое название «Сталин», выдаются из общего антисталинского ряда разве что печатным объемом и особой антиисторичностью. Выдаются они еще и тем, что стали своего рода «нормативными» «источниками» по Сталину для многих наших соотечественников, желающих понять Сталина и его эпоху. Увы, знакомство неподготовленного читателя с этим, в системном смысле — двуединым, опусом может лишь затемнить вопрос, а точнее — измарать его в грязи подтасовок и лжи.

Роднит эти две книги и то, что обе они написаны потомственными, так сказать, ненавистниками Сталина, вынужденными таить свою ненависть многие десятилетия.

Но прямо цитировать эти книги у меня возможности нет, ибо оба «столпа» «российанской» «демократии» в духе «истинной свободы» поисков исторической истины печат-

но заявили: 1) Радзинский: «Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издательства. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке»; 2) Волкогонов: «Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается».

Я понимаю такой подход, когда речь идет о популярном детективе или дамском романе... Но в исследовании, претендующем на историческую правду, возможна лишь одна оговорка — о необходимости обязательной ссылки на использованный источник. А так... Талдычили, талдычили простакам о недопустимости монополии на информацию, а на деле претендуют на нее в судебном порядке!

Ну, и дела! То ли «историки», то ли клоуны!

Войдя в раж от счастливо обретенной возможности защиты в «Россиянии» «священного права частной собственности», оба наших «историка», как и многие другие «историки от демократии», даже не заметили, что заявили исключительные права на тексты Библии, Наполеона, Рабиндраната Тагора, Андре Жида, Арагона, Бердяева и т.д..

И даже на... текст государственного гимна СССР дохрущевских времён.

Однако демократия — дело серьезное, ее без резиновых, а то и свинцовых пуль, адвокатов, судебных преследований и исторических фальсификаций не охранишь... И поэтому прямых цитат из творений двух «отцов» (или — внуков, или даже правнуков?) «российской» «демократии» я позволить себе не могу...

И, как уже сказал ранее, даже рад этому. Однако, надеюсь, не нарушу прав правообладателей, если сообщу читателю, что Радзинский в главе «Смерть или убийство?» неосторожно проговаривается о том, что впервые «свидетельства» об обстоятельствах смерти Сталина, исходящие якобы из уст непосредственной охраны Сталина, были напечатаны в книге Дмитрия Волкогонова.

Волкогонов ссылался на охранника Старостина, а Радзинский «уточнял» его на основании «воспоминаний» охранника Рыбина. Но чего стоят такие «воспоминания», я

читателю уже на ряде примеров показал и более утомлять его не буду.

Рыбин, Старостин, Хрусталеv, Лозгачев, Туков, Егоров и т.д. — можно ли верить им? Если перекрестно сравнивать их свидетельства и свидетельства других лиц, непротиворечивой картины не получишь даже в целом — не говоря уже о деталях и хронологии. Это признают, собственно, все.

Причем у каких-то, формально не соответствующих реальности воспоминаний может быть и реальная основа. Так, актер Михаил Геловани впервые сыграл Сталина в кино в 1938 году, а в последний раз — в 1950 году. Есть свидетельства, что однажды Геловани уговорил Сталина проверить точность своего грима, пройдя мимо охранников вместо Сталина. История вполне правдоподобная, но из нее вырастает целый набор уже глупых историй о якобы «двойниках» Сталина.

ВПРОЧЕМ, еще до обнародования различных «рассекреченных» якобы «воспоминаний» о смерти Сталина была написана книга Абдурахмана Авторханова «Загадка смерти Сталина», изданная в 1976 году эмигрантским издательством «Посев». Подзаголовок у нее был, как можно догадаться, соответствующий: «Заговор Берия».

Это — тот самый Авторханов, с упоминания о котором я начал главу «Сталин и Берия»... И биография этого «политолога» служит настолько мощной «информацией к размышлению», что я полностью приведу статью о нем, помещенную в первом томе Большой Российской Энциклопедии. К слову, то, что в этом томе, изданном в 2005 году научным (?) издательством «Большая Российская Энциклопедия», вообще нашлось место для биографии Авторханова, вполне характеризует само «научное» издательство «БРЭ». Сменилась всего лишь одна буква в его названии, но как резко упал уровень энциклопедической деятельности во всех — кроме полиграфии — отношениях. И прежде всего — в отношении нравственном!

Но это так, к слову. Что же до Авторханова, то БРЭ сообщает о нем вот что:

«**АВТОРХАНОВ** Абдурахман Геназович (лит. псевдонимы: Александр Уралов, Суровцев, профессор Темиров, Мансур) (не ранее 1908, аул Ла-

ха-Неври Терской обл. — 24.4.1997, Ольсинг, Германия), деятель рос. Эмиграции, политолог, публицист. С 1927 чл. ВКП(б). С 1930 гл. обр. на парт. работе в Чеченской АО. Автор ряда работ по истории Чечни. Руководил авторской группой по составлению «Грамматики чеченского языка» (1933). (Заметим, что БРЭ не дает никаких данных об источниках образования этого чеченского «Кирилла и Мефодия». — С.К.). В 1937 арестован по обвинению в организации т.н. Межнационального центра, в 1940 освобожден, вновь арестован, в 1942 повторно освобожден. Тогда же направлен как представитель сов. власти для переговоров о сдаче оружия с Х. Исмаиловым — лидером одной из вооруж. чеч. групп, активизировавшихся в кон. 1941 при приближении линии фронта к Чечено-Ингушетии. Перешел на его сторону, доставил в Германию документ под назв. «Меморандум Временного народно-революц. Правительства Чечено-Ингушетии». В 1943—1945 в Берлине. В 1943—1944 чл. Северо-Кавказского нац. к-та, пропагандировавшего идеи независимости Кавказа от СССР под эгидой Германии. Редактор еженедельной газ. «Газзават». В 1949—1979 проф. и зав. кафедрой политич. наук Рус. ин-та амер. армии, который готовил специалистов по СССР (Гармиш-Партенкирхен, ФРГ). (Заметим, что период с 1945 по 1949 год из поля зрения БРЭ выпадает, хотя на эти годы, надо полагать, и падает основное образование «профессора Темирова» в американских «институтах». — С.К.). В 1950-м одновременно один из основателей и зам. директора исследоват. Ин-та по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен, ФРГ). Занимался историей формирования и развития гос. и парт. системы в СССР, рассматривал явные и скрытые механизмы политич. репрессий. Выдвинул идею о феномене «советского колониализма»), полагал, что его целью было господство не рус. Этнoса, а коммунистич. идеи. Сотрудничал с *Народно-трудовым союзом*.

Один из организаторов радио «Свобода» («Освобождение»), редактор его Северо-Кавказской редакции. Автор мемуаров (1983, Франкфурт-на-Майне; 2003, Москва).

Такая вот биография, знакомство даже с кратким изложением которой многое объясняет насчет того, кого репрессировали в 1937 году. Между прочим, «газзават» («газават») или «джихад» — «война на пути божьем», это священная война мусульман против неверных, в которой все немусульманские территории рассматриваются как «область войны», «дар-эль-гарб» в противоположность «области ислама» — «дар-эль-ислам». И «дар-эль-гарб» для правоверных — это перманентный театр военных действий, начало которых может последовать в любой удобный момент.

Поскольку «профессор Темиров» умер в 1997 году, то вряд ли можно сомневаться в том, что он был не только ведущим «идеологом» современной Чеченской войны, но и одним из прямых организаторов и тайных координаторов этого мини-«газзавата».

Так что уж у кого у кого, а у этого «профессора» руки точно в людской крови по плечи. И сегодня чеченские «лидеры» всего лишь пытаются реализовать давние его идеи (точнее, конечно, идеи его хозяев). Утверждения же БРЭ о том, что Авторханов что-то там «выдвинул» и что-то там «полагал», звучат даже как-то забавно... Фигуры типа Авторханова (как, впрочем, и многие нынешние «россиянские» «энциклопедисты») сами «полагать» ничего не могут, ибо их самих полагают и *располагают* в любой удобной для работодателя позиции.

В этом смысле показательным то, как представила публикации Авторханова редакция академического журнала «Вопросы истории» в № 1 за недоброй памяти 1991 год. Сообщив, что Абдурахман Гензавич Авторханов родился в 1908 году в ауле Лаха-Неври Терской области Кавказского края, редакционная справка продолжала далее:

«По национальности он чеченец, окончил пятиклассную русскую школу, потом поступил в медресе, но вскоре был исключен за чтение запрещенной литературы и затем воспитывался в грознен-

ском детском доме, где окончил два класса школы второй ступени. В 1924 г. был зачислен в чеченскую областную партийную школу, принят в ряды ВКП(б), учился в Грозном на Рабочем факультете, подготовительном отделении Института Красной профессуры и химическом факультете Грозненского нефтяного института, работал заведующим орготделом и отделом печати Чеченского обкома...

...С 1932 года Авторханов работает директором Чеченского отделения Партиздата и учится на редакторском отделении курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), в Институте красной профессуры и читает лекции... в Московском педагогическом институте имени Бубнова. В 1937 г. был арестован по фальшивому обвинению, в 1940 г. освобожден, вскоре вновь арестован и в 1942 г. опять освобожден.

После оккупации Северного Кавказа фашистами Авторханов был депортирован в начале 1943 года в Берлин. Там до весны 1945 г. он сотрудничал в печатных органах российской эмиграции, а по окончании войны остался в Западной Германии. С 1949 по 1979 г. преподавал политические науки в Русском институте Американской армии, стал доктором политических наук...», и т.д.

По сравнению со статьей в «БРЭ» здесь еще вполне подробно освещен «советский» период жизни Авторханова, и видно, что способного чеченского мальчишку, «потолком» которого в царской России было бы положение сельского учителя, новая Россия подняла до высот серьезного высшего образования. В «России» эти детали предпочли не подчеркивать. Зато в «Вопросах истории» были скромно обойдены как излишние те подробности жизни «депортированного» экс-марксиста во время войны, которые в январе 1991 года могли бы многих в СССР и удержать от восхищения идеями Авторханова.

Впрочем, таким же скромным в освещении пикапных деталей биографии Авторханова был тогда и «перестроечный» журнал «Слово». В №5 за 1990 год, публикуя фрагменты книги Авторханова о смерти Сталина, редакция сообщила о нем всего лишь следующее:

«А. Авторханов — уроженец Кавказа. По образованию — историк. Работал в ЦК партии (в ЦК какой партии не уточняется, ибо в ЦК ВКП(б) Авторханов не работал. — С.К.). В 1937 году репрессирован. После освобождения эмигрировал на Запад, где защитил докторскую диссертацию, стал профессором по истории России. Выпустил около десяти книг...»

А вот в 2005 году в БРЭ уже можно было расшифровать антисоветскую сторону биографии «борца с тоталитаризмом» полностью. В умолчаниях же 1990 и 1991 годов — вся будущая «россиянская» официальная «историческая» «наука».

Но это тоже — к слову.

Двинемся дальше... В энциклопедическом списке сочинений Авторханова не упоминается его книга «Загадка смерти Сталина», о которой читатель уже осведомлен, как осведомлен он и о том, что в 1991 году главы из нее были впервые опубликованы в СССР в майском (№5) номере журнала «Новый мир», издававшегося тогда тиражом в 957 тысяч экземпляров (уж не знаю, издается ли он сейчас). В то время читающая (была такая, ныне утраченная, привычка у «рабов тоталитаризма») публика знакомилась с «откровениями» Авторханова взхлѐб... Что ж, тогда это еще можно было как-то понять — идеолог «газавата» писал о «запретном»...

Сегодня эту политическую халтуру можно читать лишь в целях ее препарирования. Причем то, что сей «историк» мог производить лишь «высокоученную» халтуру, можно было понять, взглянув на его фото, помещенное в №5 журнала «Слово».

Однако для многих ренегатов-«историков» в краю родных берез книги Авторханова оказались и догмой, и руководством к действию. Когда-то историк-марксист Михаил Покровский определил буржуазную историческую науку как «политику, опрокинутую в прошлое». В исполнении же Авторханова и ему подобных история — впервые, пожалуй, в истории развития человечества — оказалась политической, опрокинутой *в будущее!*

И, как из гоголевской «Шинели» выросла вся после-

дующая русская литература XIX века, так из давних авторхановских псевдонаучных опусов выросла вся «россиянская» историческая «наука» конца XX и начала XXI века... «Наука», бессовестно перевирающая и бездарно трактующая всю новейшую историю нашей Родины и вообще всего мира.

Чеченец Авторханов недаром хлебал щи в русском Институте красной профессуры и томатный суп в Русском институте американской армии. В итоге он стал вдохновителем не только чеченских боевиков, но и многих московских профессоров, которые — кто после 1991 года, а кто и до него — принялись просто перекладывать идеи этого зубра психологической войны на «новорусский» академический язык.

Тут можно помянуть и еще одного «кадра» этой войны — бывшего советского номенклатурщика-партбилетчика и перебежчика Михаила Восленского, книга «Номенклатура» которого, изданная впервые в 1980 году в Австрии и ФРГ, тоже стала для «идеологов» «перестройки» настольной. Восленский предпослал введению в свою книгу очень многозначительный эпиграф из Генриха Манна: «Сегодняшние книги — это завтрашнее дело».

Ничего не скажешь — сказано откровенно и по существу.

«Завтрашнее» «дело», программируемое книгами типа авторхановских, сегодня уже стало нашим прошлым. Но это не значит, что *всё* в прошлом, и поэтому в нынешней Москве множится и множится количество макулатуры, выдаваемой за обществоведческие и исторические исследования, «фундамент» которых заложен авторхановыми и восленскими. Недаром, недаром Абдурахман Авторханов хлебал советские щи и антисоветский кетчуп,...

ЕСЛИ говорить о трактовке Авторхановым процессов и событий, непосредственно относящихся к смерти Сталина, то она не то что лжива, но временами смехотворна. Чего стоит одна сцена, описанная автором «Загадки смерти Сталина» со слов якобы Ильи Эренбурга, где лицемер Берия то кричит: «Тиран умер!», то целует «тирану» руки и где против Сталина без обвиняков якобы выступило все его окружение, требуя прекращения «дела врачей» и т.д.

Авторханов умеет передернуть тезис — на то он и мастер психологической войны. Но подобные мастера молодцы лишь против овец, а точнее — против социальных баранов, склонных лишь жевать предложенную им жвачку и не умеющих думать. Скажем, сей «мастер» пишет:

«При тиранических режимах политика есть искусство чередующихся интриг. Придворные интригуют, чтобы оказаться поближе к тирану, а тиран — чтобы натравливать их друг на друга: ведь придворные, постоянно соперничающие между собой, не способны организовать заговор против своего владыки.

Сталин окружил себя людьми, преданность которых обуславливалась не общественными идеалами, а лишь соображениями карьеры...», и т.д., и т.п.

Не будем много распространяться на тему о том, что «чья бы корова мычала» — уж Авторханов-то всегда жил не общественными идеалами, а соображениями карьеры и мерил тут других по себе. Но посмотрим на написанное им в отношении Сталина и его соратников по существу.

Итак, Авторханов выдвигает верный тезис о характере отношений в высшей власти при обобщенной тиранической монархии и неправомерно применяет этот тезис к ситуации СССР Сталина середины 30-х — начала 50-х годов XX века. В итоге Авторханов выдвигает уже абсолютно неверный тезис о характере власти в СССР.

Скажем, Калинин... Авторханов в своей «Технологии власти», сам не понимая того, что он пишет, сообщает, что они-де, «красные профессора», «измеряли вождей революции по несколько иному масштабу», чем «простой народ», и «с точки зрения этого масштаба» им казалось, что «Калиныч» хотя и симпатичный старичок, но как политик — чужая тень, а как теоретик — круглый пуль»... Впрочем, далее Авторханов сообщает, что профессора «готовы были снисходительно выслушать и Калинина»...

Однако просто «симпатичный старичок» вряд ли вошел бы в высшие партийные круги еще при Ленине. В начале июня 1946 года смертельно больной Калинин направил

предсмертное письмо Сталину, и это письмо никак нельзя отнести к разряду лести «придворного» тирану. Зато из письма видна фигура крупного политика и незаурядного человека, у которого «болезнь и ожидание смерти не притупили... интереса к судьбам» его страны и ее ближайшему будущему.

Но и остальные члены высшего руководства большевиков не были лакействующими статистами и сталинскими захребетниками — доказывать это даже как-то целовко. К тому же в этой книге приведено, надеюсь, достаточно сведений, делающих подобные доказательства излишними.

Однако книгу Авторханова небезынтересно прочесть с карандашом в руке тогда, когда хорошо знаком с неоспоримыми документами, опубликованными — пусть и микротиражами — в последние годы. Когда книга Авторханова впервые публиковалась в СССР и даже позднее, почти все эти документы для изучения были недоступны. Сегодня же знание их однозначно убеждает в тотальной недобросовестности Авторханова, но и делает зато чтение его книги своего рода развлечением, когда можно легко сопоставить правду факта и ложь Авторханова.

Вот пример... Авторханов безапелляционно заявляет:

«Так, Сталин просто проспал радикальную революцию в мировой политике и дипломатии, в результате появления термоядерного (вообще-то, тогда лишь атомного. — С.К.) оружия. Трубадуры сталинизма не раз писали, что когда президент Трумэн на Потсдамской конференции сообщил Сталину эпохальную новость о том, что американцы изобрели беспрецедентное оружие — атомную (это слово Трумэн не употребил. — С.К.) бомбу, то Сталин перевел разговор на тему о погоде. Трагизм положения в том и заключался, что на Сталина эта бомба не произвела должного впечатления...»

На деле же Сталин настолько понимал значение нового фактора в мировой политике, что еще в 1943 году, в разгар тяжелейшей и опустошительной для СССР войны, ведущейся против России хозяевами «эмигрировавшего» в

Берлин Авторханова, санкционировал советские «атомные» работы. И они к лету 1945 года шли уже полным ходом — еще до того, как трагедия Хиросимы и Нагасаки наглядно подтвердила всему миру, что физики в своих расчетах мощности нового оружия не ошибаются.

Как и книги его последователей, и последователей его последователей, книги Авторханова можно критически анализировать не то что постранично, но построчно. Однако мы, пожалуй, двинемся дальше... Я лишь напомню читателю, что так же, как исходной базой для всех рассказней о «творце термидора» и «тиране» Сталине были опусы Троцкого, так и исходной базой всех позднейших рассказней о том, что Сталин пал жертвой заговора именно Берии, был опус Авторханова. Причем он весьма точно (знал, надо полагать) указывает на ряд деталей, подтверждающих версию заговора и убийства, отмечает двойственную роль Игнатьева и т.д. Но все это — для того, чтобы отвести внимание от подлинных движущих антисталинских сил и перевести внимание на Берию.

О ТОМ, что Сталин тяжело заболел, страна узнала из опубликованного в «Правде» правительственного сообщения «о болезни Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина».

ЦК и Совмин извещали о «ностигшем нашу партию и наш народ несчастье — тяжелой болезни товарища Сталина».

Сообщалось, что:

«В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве на своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания.

Для лечения товарища Сталина привлечены лучшие медицинские силы: профессор-терапевт П.Е. Лукомский; действительные члены Академии медицинских наук СССР: профессор-психо-

патолог Н.В. Коновалов; профессор-терапевт А.Л. Мясников; профессор-терапевт Е.М. Тареев; профессор-невропатолог И.Н. Филимонов; профессор-невропатолог Р.А. Ткачев; профессор-невропатолог И.С. Глазунов; доцент-терапевт В.И. Иванов-Незнамов. Лечение товарища Сталина ведется под руководством Министра здравоохранения СССР т. А.Ф. Третьякова и Начальника Лечебно-Санитарного Управления Кремля т. И.И. Куперина».

Подписи этих медиков стояли под опубликованными в «Правде» бюллетенями о состоянии здоровья Сталина: на 2 часа 4 марта 1953 года (не подписан невропатологами Филимоновым и Глазуновым), на 2 часа 5 марта 1953 года, на 16 часов 5 марта 1953 года, как и под сообщением о кончине Сталина в 21 час 50 минут 5 марта.

Итак, Сталин покинул этот мир.

И теперь предстояли его похороны.

Однако тело Сталина не должно было быть предано земле, а должно было упокоиться в саркофаге Мавзолея рядом с другим саркофагом — с телом Ленина. Перед этим же предстояли сложные действия по вскрытию и медицинскому освидетельствованию тела и подготовке его к бальзамированию. Но о «медицинском» аспекте — позже.

Сейчас же коснемся аспекта траурного и политического...

Как много написано лжи и о тех днях в истории Родины!

Пишут, что многие-де радовались, «забыв», что смерти Сталина действительно радовались, но очень немногие и никто из тех, кто имел ум и сердце...

Пишут о «нехристианском»-де образе погребения, «забыв» об усыпальницах русских царей в православных соборах, о гробах с останками нескольких поколений русских дворян в фамильных усыпальницах, о простом черном гробе с телом Лермонтова, стоящем в нише подземного склепа в пензенских Тарханах...

А как часто пишут о том, что «кровавый»-де «тиран», уходя в могилу, потребовал-де «многочисленных человеческих жертв», раздавленных в людском потоке, двигавшемся к Колонному залу Дома Советов, где был выставлен гроб с телом Сталина... Пишут о второй якобы «Ходынке»...

Что ж, без каких-то жертв в те дни вряд ли обошлось бы при самой четкой организации похорон и при любых мерах безопасности. Достаточно хотя бы раз побывать в плотной, двигающейся к эскалатору в час пик толпе в московском метро, чтобы понять, что это действительно так.

Ведь проститься со Сталиным стремились не только москвичи — в столицу тогда ехали на любом подвернувшемся транспорте из разных городов и весей Советского Союза. И *полностью* ввести эту стихию в абсолютно четкие границы было невозможно, как невозможно было отказаться от самого акта народного прощания со Сталиным.

Да, пожалуй, единственным вариантом избежать человеческих жертв был бы полный отказ от траурной церемонии. Хотя...

Хотя как это представляют себе Авторханов, Радзипский, Волкогонов и прочие им подобные «исследователи»? Что — сразу после смерти Сталина и всех положенных медицинских освидетельствований и вскрытия надо было провести бальзамирование и сразу поместить тело в Мавзолей? Или просто предать его как можно скорее земле?

Да ведь в этом случае тоже не обошлось бы без жертв, да еще и каких! Ведь в те дни — как и в дни похорон Ленина, как в дни любых крутых исторических поворотов — в свои права вступила действительно народная стихия... Эта стихия бросила бы свои разбушевавшиеся волны к стенам ли Кремля, к Новодевичьему ли кладбищу и вообще в любое место, где упокоился бы Сталин. И эта же стихия затопила бы тех, кто лишил бы народа права попрощаться с товарищем Сталиным.

И тогда жертвы были бы действительно многочисленными.

Да, жертвы (но отнюдь не «многочисленные», конечно) были, однако сколько вокруг этого скорбного факта наворочено обывательских слухов, перешедших впоследствии и во многие «солидные» мемуары, ненадежных «свидетельств» очевидцев (по присказке криминалистов «Лжет как очевидец») и просто сознательных передержек и клеветы!

Скажем, будущий генерал КГБ Леонов, работавший тогда в Издательстве иностранной литературы и бывший в Москве в те дни, описывает их как свидетель и участник событий, но как описывает! Он пишет:

«Скорбь и горе всех моих сослуживцев (а как же сам Леонов? — С.К.) были неподдельными. Но еще больше нас убивались испанцы (политэмигранты. — С.К.). Общественный психоз (? — С.К.) в те дни вышел из берегов. Миллионы людей (явный количественный перебор, допустимый для газетчика, но не допустимый для чекиста-аналитика. — С.К.) рвались к Колонному залу, где, упокоенный наконец (?? — С.К.), лежал «вождь и учитель»...»

Уже этот тон иначе как, мягко говоря, развязным не назовешь. Но дальше — больше! Рассказывая о своей неудачной попытке попасть в Дом союзов, Леонов утверждает, что в районе Трубной площади были-де затоптаны насмерть сотни людей и констатирует: «Култ личности уносил с собой в могилу несколько сотен своих последних жертв».

Далее он ссылается на свой разговор уже в чекистскую бытность с исполнявшим тогда обязанности начальника московской милиции Н.И. Крайновым, **но так и не уточняет цифру жертв**, хотя Крайнов не мог ее не знать, а Леонов не мог не воспользоваться таким удобным случаем, чтобы ею не поинтересоваться. Факт, как на мой вкус, говорящий сам за себя!

В опровержение сотен, пожалуй, страниц подобной лжи я не буду ссылаться на документы тех дней — тоже не очень-то достоверные, а приведу лишь одно свидетельство, которое стоит многих других.

Почетного чекиста, полковника в отставке Владимира Федоровича Котова уже нет в живых, но в 2001 году в Нижнем Новгороде тиражом в 500 экземпляров вышли его воспоминания с простым и выразительным названием: «Это было так!» Все, знавшие полковника Котова, отмечают, что он до конца оставался честным, тщательным человеком и вдумчивым чекистом, да это видно и из его интереснейших — в том числе и в силу их бесхитростной искренности — воспоминаний.

Придя в органы госбезопасности в 1949 году молодым парнем, он в 1952 году стал курсантом Высшей школы МГБ и в марте 1953 года принимал непосредственное участие в обеспечении безопасности во время похорон Сталина.

Ниже я даю прямую цитату из его книги:

«Но вот в нашу студенческую жизнь, как и в жизнь в целом всей страны, внезапно ворвались слова официального сообщения: 5 марта 1953 г. на 73-м году жизни умер Иосиф Виссарионович Сталин... Вся жизнь в обществе как бы притихла. Нет, она не остановилась, но как бы замерла в ожидании грядущих событий.

Мне, как и всему нашему курсу, довелось участвовать в обеспечении безопасности во время похорон. Я находился в оперативном наряде, который обеспечивал пропуск в Колонный зал Дома союзов со стороны ул. Горького. Вся улица, насколько видел глаз, от Центрального телеграфа и выше, в сторону площади Маяковского, была запружена пародом. У многих были слёзы на глазах. И вообще вся плотная людская масса была какой-то притихшей, со скорбным выражением лиц, а не какая-то толпа зевак.

Как не похоже это описание — не похоже прежде всего психологически — на описание генерала Леонова, фактически пренебрегшего присягой Советскому Союзу и пошедшего на идейное соглашательство с «россиянской» «Россией».

Полковник же Котов свидетельствует:

«При этом надо отдать должное москвичам и гостям — ими соблюдался установленный порядок передвижения и пропуска. Но желающих войти в Колонный зал со стороны нашего поста без соответствующего пропуска (вот как! — С.К.), чтобы отдать последний долг умершему вождю, было так много, что живая цепочка охраны от входа в Колонный зал «с тыла» до театра Ермоловой с трудом сдерживала людской напор, который надо было удерживать в течение трех дней, на время досюта к прощанию с И.В. Сталиным».

Как видим, в основной организованной колонне эксцессов не было, хотя какая-то неконтролируемая давка с жертвами где-то наверняка была — на этот счет можно найти сообщения в относительно достоверных мемуарах. При-

чем я не исключаю, что на дальних подходах к основному маршруту кем-то намеренно формировались маршруты движения с такими участками, где объективно создавались предпосылки к давке и прочему. Не исключаю я и прямых провокаций типа: «Айда, ребята, я знаю, где можно пройти!» и т.д.

С учетом того, какой многоликой была Москва уже тех лет, и того, что Сталин пал жертвой заговора, подобной версии исключить ведь тоже нельзя, не так ли?

О том же, в какое состояние души и тела могли прийти тогда даже серьезные люди, можно судить по такой детали из рассказа В.Ф. Котова:

«Во избежание непредвиденных ситуаций было принято решение в помощь живой цепочке охраны образовать заграждение из составленных в ряд грузовых автомашин. Но все равно отдельные смельчаки прорывались и через такой барьер. Одного такого смельчака, пырнувшего под машину, мне непроизвольно пришлось ухватить за мелькнувшую полу шинели и вытащить из-под машины. Но каково же было мое и удивление и смущение, когда передо мной — младшим лейтенантом — предстал армейский генерал и с мольбой в голосе просил пропустить его, чтобы раз в жизни увидеть Сталина хотя бы мертвым. Я понимал состояние генерала и потому сопровождал его к старшему оперативного наряда, который и разрешил ему пройти в очередь, двигавшуюся живым непрерывным потоком параллельно улице Горького».

Так написал о тех днях в 2001 году советский чекист Котов, прибавив затем: «Мы, участники нашего оперативного наряда, воспользовались, как говорится, служебным положением и отдали свой последний долг руководителю партии и государства».

А вот как написал о том же в 1997 году бывший чекист и «россиянский» профессор МГИМО Леонов: «Так я и не простился со «стариком Хоттабычем», как я называл Сталина за его капризное всевидение...»

Леонову в 1953 году было 25 лет. Откуда же он мог

знать о том, как руководил страной Сталин, чтобы иметь моральное право оскорбительно говорить о нем? А ведь когда пришло «Лихолетье» — так сам Леонов называл свои мемуары — Леонов и его коллеги по высшему управлению страной оказались не сталинскими соколами, а мокрыми «двуглавыми» курицами. Хотя об эпохе Сталина они смолodu судили вкривь и вкось.

Да, такие как молодой интеллектuaл Леонов, вышедший из, казалось бы, самой народной гущи, тоже бездумно создавали ту атмосферу, которая привела к убийству Сталина на рубеже зимы и весны 1953 года.

С момента, когда к Дому союзов потянулись первые траурные колонны, прошло три дня... Доступ в Колонный зал был закрыт, и поток прощающихся иссяк. В зале оставались только близкие родственники, ближайшее окружение, технический персонал Дома союзов и охрана.

Что же там происходило в эти минуты?

Много уже написано о том, что Василий Сталин, например, откровенно плакал. Писали и о том, что он-де и в сердцах бросил резкую фразу насчет того, что, мол, загубили отца, сволочи, отравили! Что ж, такое было вполне в духе младшего сына Сталина. К тому же такое обвинение было правдой.

Василий распускал язык и позднее... И Берия, как новый министр внутренних дел, санкционировал его арест. «Россиянские» «историки» приводят этот факт как лишнее доказательство виновности Берии. А ведь всё могло объясняться и иным!

К убийству Сталина Берия отношения не имел, однако о том, что Сталин отравлен, мог подозревать с самого начала — как только оказался вместе с другими членами Бюро Президиума ЦК у постели умирающего. Скорее всего, Берия с самого пачала что-то и *подозревал*, о чем-то *догадывался*.

Так что, вновь встав во главе МВД-МГБ, Берия не мог не начать то или иное негласное расследование в любом случае — хотя бы для того, чтобы отсечь версию убийства. Но с его-то богатейшим оперативным опытом и — не забудем — оперативным талантом Берия не мог не понимать, что *такой* клубок надо разматывать аккуратно и осторож-

но — иначе можно самому быстро попасть на собственные торжественные похороны.

И вот тут экспансивность Василия могла, с одной стороны, помешать делу деликатного следствия, а с другой стороны, могла сломить голову самому Василию. В таком случае, распорядившись арестовать его, Берия действовал, во-первых, в интересах следствия, а во-вторых, попросту спасал Василию жизнь!

Это мое предположение подтверждается и тем, что арестовали-то Василия Сталина при Берии, но сидеть-то он продолжал и после ареста Берии. Если бы Василий подозревал как убийцу отца Лаврентия Павловича, то, казалось бы, чего уж лучше — после ареста Берии выпустить на свободу очередную «невинную жертву» его «произвола», да и дело с концом. И пусть бы Василий, подвыпив, лишний раз во всеуслышание посылал проклятия в адрес подлого убийцы. Ан нет! Сын Сталина как «сел» при Берии, так и продолжал «сидеть» при Хрущеве. Спрашивается — кого обвинял Василий Сталин в смерти отца?

Впрочем, вернемся в день 8 марта 1953 года... Прощание со Сталиным закончилось.

И наавтра предстояли его похороны.

Глава восемнадцатая

9 МАРТА 1953 ГОДА.

КЛЯТВА БЕРИИ

Считаю необходимым сказать,
что всегда был беспредельно предан
партии Ленина—Сталина, своей Родине,
был всегда активен в работе...

*Из первого письма Л.П. Берии
в ЦК КПСС после его ареста
26 июня 1953 года*

9 марта 1953 года на фронте Мавзолея уже краснела двойная надпись:

ЛЕНИН
СТАЛИН.

В этот день страна и все прогрессивное человечество прощались со Сталиным. Сказать так не означало сбиться на казённую или лицемерить — о Сталине действительно скорбели сотни миллионов людей. Бывший в тот день на Красной площади чекист В.Ф. Котов писал:

«Обычно, когда собираются огромные массы народа, от тесного скопища людей исходит какой-то сплошной гул. А здесь, казалось бы, полное безмолвие. Очевидно, многим знакомо выражение... «волосы на голове зашевелились». Должен сказать, что в тот момент, когда страна прощалась со своим вождем, раздались одновременно трехминутные сигналы, подаваемые гудками и сиренами — вот тогда я почувствовал, что у меня не то что волосы на голове зашевелились, а такое было ощущение, что словно шапка-ушанка самопроиз-

вольно приподнялась на голове, а в горле застрял комок и по телу пробежал озноб. Такое чувство испытали и другие мои товарищи по оперативному наряду».

Так было позднее, в 12 часов по московскому времени, когда после закрытия траурного митинга те же, кто выносил гроб из Колонного зала Дома союзов, сняли его с постамента перед Мавзолеем и медленно внесли в Мавзолей.

А началась траурная церемония в 10 часов 05 минут, когда Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович и Микоян вынесли гроб с телом из Колонного зала и установили его на артиллерийском лафете. Траурная процессия в сопровождении воинского эскорта двинулась по Охотному ряду и Манежной площади на Красную площадь к Мавзолею. В 10 часов 45 минут она была у Мавзолея.

Гроб установили на высоком постаменте, и советские руководители вместе с иностранными гостями, среди которых были Чжоу Эньлай, Клемент Готвальд, Пальмиро Тольятти и другие, поднялись на Мавзолей.

Митинг открыл председатель комиссии по организации похорон Хрущев. Выступили Маленков, Берия и Молотов.

Присутствовавший на Красной площади писатель Константин Симонов оставил об этом важном часе в истории державы воспоминания, обширные выдержки из которых я просто обязан привести...

Вот что писал Симонов о Берии:

«Листая сейчас номера...газет пятьдесят третьего года, сверяя все это с личными своими воспоминаниями, я не мог не обратить внимание на... некоторые снимки, **тогда не обратившие на себя внимание** (выделение здесь и ниже мос. — С.К.), а сейчас бросающиеся в глаза. «Правда» за десятое марта пятьдесят третьего года. Первая полоса ее. Трибуна Мавзолея... У микрофона Маленков в ушанке, а справа от него между Хрущевым в папаше пирожком и Чжоу Эньлаем в мохнатой китай-

ской меховой шапке, Берия, *грузно* распирающий широкими плечами стоящих рядом с ним, в пальто, закутанный в *какой-то* шарф, закрывающий подбородок, в шляпе, *надвинутой* по самое пенсне, шляпа широкополая, вид *мрачно-целеустремленный*, не похож ни на кого другого из стоящих на Мавзолее. Больше всего похож на главаря какой-нибудь тайной мафии из *не существовавших тогда*, появившихся намного позже кинокартин».

Эта цитата, уважаемый читатель, тоже ведь документ истории, но не великой сталинской, а уже более поздней — подлой хрущевской. Симонов поставил в вину Берии даже широкие плечи и шарф, даже его мрачный вид. А что он в день похорон вождя и старшего товарища должен был иметь вид оживленно-расслабленный — чтобы угодить будущим «мемуаристам»?

Между прочим, Берия на том общем фото, о котором вспомнил Симонов, действительно выделяется, причем сравнение Симонова достаточно точно... Однако надо заметить, что и остальные на этом фото выглядят карикатурно. И я, сравнивая его сегодня с качественными фотографиями, сделанными в тот же день 9 марта 1953 года и не раз в последние годы опубликованными, задумываюсь: чем объясняется эта коллективная карикатурность — некачественной тогдашней полиграфией или сознательным *карикатурным* ретушированием снимка, в котором прорвалась десятилетиями скрываемая неприязнь «какой-нибудь тайной мафии» и к усопшему несколько дней назад Сталину, и к усопшему уже почти тридцать лет назад и уже лежащему в Мавзолее Ленину, и к собравшимся на трибуне Мавзолея в целом, а особенно — к Берии? Полиграфический уровень «Правды» в то время был действительно не очень-то высок, и если бы кто-то в реальном масштабе времени даже выразил бы удивление по поводу некачественного фото на первой полосе, то всё можно было бы объяснить потрясенным состоянием души, плохим клише, замерзшими руками фотографа и т.п. А про себя радоваться — мол, вот мы их как! Перед всем светом уродами выставили, и не подкопаешься!

Ведь и такое предположение сегодня выдвинуть можно!
Не так ли?
Однако это еще не все!

СИМОНОВ написал также и о трех речах, которые прозвучали в тот день с трибуны Мавзолея. И это место его воспоминаний мне тоже придется в своей книге привести:

«На траурном митинге выступали три разных человека... Первым был Маленков, вторым — Берия, третьим — Молотов. Различие в тексте речей мне и тогда не бросилось в глаза... Однако та разница, которую сейчас по тексту речей не уловишь (еще как уловишь! — С.К.), но которая была тогда для меня совершенно очевидна, состояла в том, что Маленков, а вслед за ним Берия произносили над гробом Сталина чисто политические речи, которые было необходимо произнести по данному поводу. Но в том, как произносились эти речи, как они говорили, отсутствовал даже намек на собственное отношение этих людей к мертвому, отсутствовала даже тень личной скорби (отнюдь нет. — С.К.), сожаления (? — С.К.) или волнения, или чувства утраты, — в этом смысле обе речи были абсолютно одинаково холодными. Речь Маленкова, произнесенная его довольно округлым голосом, чуть меньше обнажала отсутствие всякого чувства. Речь Берии с его акцентом, с его резкими, иногда каркающими интонациями в голосе, обнажала отсутствие этой скорби более явно. А в общем, душевное состояние обоих ораторов было состоянием людей, пришедших к власти (а до этого они что — в трактирах ананасную воду подавали? — С.К.) и довольных этим фактором».

На этом описании сказались позднейшие настроения Симонова — здесь сомневаться не приходится. Но если бы он дал себе труд сверить свои воспоминания с прямыми текстами речей, то, возможно, не написал бы кое-чего из того, что написал. Ибо как раз по текстам речей разницу в их содержании и направленности уловить не так уж и трудно!

Но вначале я приведу еще одно воспоминание современника событий — автора книги о Маленкове Р.К. Баландина, который пишет:

«...я слушал эти речи по радио. Их текст тотчас улетучился из памяти, но мне показалось, что интонации Маленкова были спокойными, деловыми; Берия говорил с напором и как будто с каким-то торжеством, а у Молотова голос порой дрожал от сдерживаемой скорби».

А вот теперь и я возьму в руки номер «Правды» за 10 марта 1953 года с тремя траурными речами.

На первый взгляд, они действительно мало отличаются друг от друга, поскольку во всех трех хватает общих слов. И это особенно характерно, к слову, именно для речи Молотова. Сталин в 1924 году нашел потрясающие по своей силе слова, чтобы выразить скорбь и свое понимание Ленина, сказав: «Это был горный орел!» Тогда перед гробом Ленина Сталин дал прямую клятву — от имени страны, партии и себя лично — продолжить дело Ленина.

А что же говорилось с трибуны Мавзолея над гробом Сталина?

Я не буду (да и не могу) приводить тогдашние речи полностью, но скажу, что Маленков завершил свою речь так: «Прощай, наш учитель и вождь, наш дорогой друг, родной товарищ Сталин! Вперед, по пути к полному торжеству великого дела Ленина—Сталина!»

А Молотов — так: «Да здравствует великое всенобеждающее учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина! Да здравствует наша могучая социалистическая Родина, наш героический советский народ! Да здравствует великая Коммунистическая партия Советского Союза!»

Как видим, Молотов с ушедшим вождем и товарищем даже не попрощался! Не знаю, где уж тут усмотрели Симонов с Баладиным едва сдерживаемую скорбь...

Молотов был единственным из выступавших, связанным с покойным борьбой и партийной работой задолго до революции. Единственный из выступавших, он и в тридцатые годы обращался к нему паедине: «Коба»... И вот, мало

того, что он не сказал о Сталине ни одного яркого слова и произнес удивительно бесцветную речь! Молотов в этой речи явно подчеркнуто ставил на первое место партию, а не правительство! Хотя не мог не знать, что Сталин уже давно эти понятия справедливо переставляет местами — по факту.

В речи же Берии эти приоритеты были, как правило, расставлены «по-сталински», причем в ряде случаев Берия вообще говорил лишь о Советском правительстве.

Маленков тоже был склонен отдавать приоритет государству, а не партии, однако менее выраженным, чем у Берии, образом.

На эти тонкие моменты обратил внимание первым не я — о них уже писал ряд авторов. Однако подмечено здесь все верно. Со своей стороны прибавлю, что речь Берии оказалась — в ее печатном варианте — и наименее насыщенной восклицательными знаками. Этот знак препинания был употреблен в тексте один раз — в обращении «Дорогие товарищи, друзья!». Наиболее же насыщенным казенными партиями... пардон, «патриотическими» восклицаниями оказался текст речи Молотова. Чуть менее насыщенной — речь Маленкова.

В РЕЧЬ Берии я, признаюсь честно, вчитался не сразу и не с первого раза ее оценил. Впервые познакомившись с ней во время работы над своей книгой о Берии, я счел ее тоже в немалой мере казенной и не яркой. Понадобились некоторые временной интервал и работа над книгой о Сталине, чтобы я прочел речь Берии так, как она того заслуживает.

Общий ее строй и словарь позволяют предположить, что автором текста был не кто-то из помощников Берии, а сам Лаврентий Павлович, но что он не писал его, а продиктовал стенографистке — в свои последние годы Берия делал так не раз, когда дело касалось объемных текстов за его подписью. И в этой речи было несколько мест вполне «знаковых».

Берия говорил:

— Враги Советского государства рассчитывают, что понесенная нами тяжелая утрата приведет к разброду и растерянности в наших рядах. Но напрасны их расчеты:

их ждет жестокое разочарование. Кто не слеп, тот видит, что наша партия в трудные для нас дни еще теснее смыкает свои ряды, что она едина и непоколебима. Кто не слеп, тот видит, что в эти скорбные дни все народы Советского Союза в братском единении с великим русским народом еще теснее сплотились вокруг Советского правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии.

Берия знал своих коллег... Он отдавал себе отчет в том, что почти вся старая сталинская гвардия — за исключением разве что Кагановича — была все более склонна поживать на лаврах, а не тянуть державный воз так, как она тянула его десятилетиями. Сам Берия уже много лет ежедневно был по горло занят грудой неотложных и важнейших дел — один Специальный Комитет чего стоил!

Когда дел по горло — не до интриг. Но если деловое напряжение ослабевает, образовавшиеся «экологические ниши» начинают занимать самолюбие, преобразующееся постепенно в себялюбие. И над гробом Сталина Берия давал своего рода клятву сохранить сплоченность руководства, без которой нет сплоченности общества, и публично напоминал коллегам о необходимости дружной работы.

Берия говорил о прочности многонационального государства и далее заявлял:

— Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция нашей страны могут работать спокойно и уверенно, зная, что Советское правительство будет заботливо и неустанно охранять их права, записанные в Сталинской Конституции...

На эту часть речи Лаврентия Павловича, который был теперь не только Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Маленкова, но и вновь возглавил объединенное МВД, исследователи деятельности Берии обратили внимание давно. Однако и в реальном масштабе времени кое-кто на эти слова внимание обратил — о чем чуть позже. И действительно они того стоили — именно Берия, единственный из трех выступавших, прямо упомянул о Сталинской Конституции и правах, ею гарантированных...

Причем здесь был и еще один момент, о котором знали немногие в стране, но не так уж и немногие в партийных «верхах» и в кругах, к ним близких. Еще перед самыми первыми выборами в Верховный Совет СССР, в 1937 году, Сталин был намерен обеспечить альтернативность выборов, но встретил в этом вопросе такое сопротивление — хотя и глухое, но упорное, что от намерения тогда пришлось отказаться, а после войны — на выборах 1950 года — принцип альтернативности вряд ли был бы политически оправдан. Теперь же и посвященные, и *посвященные*, слушая Берию, могли сразу же задуматься — не имеет ли в виду «Лаврентий» и это конституционное право, пока еще реально никогда не использованное, но Конституцией допускаемое?

Вот Анастас Иванович Микоян, между прочим, и задумался — кое над чем. И сразу после траурного митинга кое о чем Берию спросил. Через четыре месяца, на том июльском Пленуме ЦК, где происходила политическая казнь уже арестованного Берии, Микоян рассказывал об этом так (цитирую по неправоленной стенограмме):

«Я вначале ему говорил, зачем тебе НКВД (Микоян по старой привычке говорил «НКВД», имея в виду МВД. — С.К.)? А он отвечал: надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить. НКВД надо сократить (при министре Игнатьеве штаты были весьма раздуты. — С.К.), охранников послать на Колыму и оставить по одному-два человека для охраны (членов правительства. — С.К.)...

Когда он выступил на Красной площади над гробом товарища Сталина, то после его речи я сказал: в твоей речи есть место, чтобы **гарантировать** (выделение здесь и ниже мое. — С.К.) каждому гражданину **права и свободы, предусмотренные Конституцией**. Это в речи простого оратора не пустая фраза, а в речи министра внутренних дел — это программа действий, ты должен ее выполнять. Он мне ответил: я и выполняю ее...»

Вряд ли эта программа могла устраивать всех. Скажем — того же Хрущева, склонного действовать не убеждением, а кулаком. Да и не в одном Хрущеве было дело! Думаю, не случайно в уже выправленном и предназначенном к рассылке стенографическом отчете о Пленуме слова Микояна выглядели несколько иначе: «... я сказал ему: в твоей речи есть место о гарантировании каждому гражданину **дарованных** ему Конституцией **прав личности**»...

Разница была, вообще-то, принципиальной: гарантированные права и дарованные права — вещи неравноправные. И еще одно — как видим, даже в тогдашнем аппарате ЦК имелись личности, грезившие о «правах личности». Словарь знакомый и имеющий, как оказывается, намного более раннее, чем «катастрофические» годы, «аппаратное» происхождение.

ВЕРНЕМСЯ, однако, на Красную площадь, где Берия переходит уже к внешней политике:

— Наша внешняя политика ясна и понятна. С первых дней Советской власти Ленин определил внешнюю политику Советской власти как политику мира. Эту политику мира неуклонно осуществлял великий продолжатель дела Ленина наш мудрый вождь Сталин...

Берия говорил об упрочении мира и развитии «деловых связей со всеми странами мира на основе взаимности» и отдельно — о сотрудничестве с Китаем, ГДР, КНДР и другими «странами народной демократии».

Это тоже не было дежурной фразой — уже тогда наметилась склонность «стран народной демократии» нахлебничать за счет СССР при благодушном отношении к этому кремлёвских руководителей. А Берия настаивал на точном выполнении деловых договорных обязательств, и у него уже были по этому поводу стычки с коллегами — с тем же Микояном, например.

— Для защиты Советской Родины, — продолжал Берия, единственный из выступавших не забывший об армии, — наши доблестные Вооруженные Силы оснащены всеми видами современного оружия.

Бессменный председатель Специального Комитета с

момента его образования в 1945 году, Берия как никто другой знал, что говорил... В «атомном» КБ-11 Юлия Харитона, затерянном в лесах вокруг Сарова, в это время уже заканчивалась работа над первой советской водородной бомбой РДСб-с, а в ракетном КБ Сергея Королева возникали первые наброски будущей первой советской межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, «семерки»...

Закончил же Берия свою речь так:

— Сталин, так же как и Ленин, оставил нашей партии и стране великое наследие, которое надо беречь как зеницу ока и неустанно его умножать. Великий Сталин воспитал и сплотил вокруг себя когорту испытанных в боях руководителей, на плечи которых пала историческая ответственность довести до победного конца дело, начатое Лениным и успешно продолженное Сталиным.

Народы нашей страны могут быть уверены в том, что Коммунистическая партия и Правительство Советского Союза не пощадят своих сил и своей жизни для того, чтобы сохранять стальное единство рядов партии и ее руководства, крепить нерушимую дружбу народов Советского Союза, крепить могущество Советского государства, неизменно хранить верность идеям марксизма-ленинизма и, следуя заветам Ленина и Сталина, привести страну социализма к коммунизму.

Вечная слава нашему любимому, дорогому вождю и учителю — великому Сталину.

ТАК закончил свою речь Берия, и ее последняя фраза была ярче и человечнее любых слов скорби... Берия не прощался со Сталиным, а напоминал всем, что Сталин бессмертен!

Молотов в завершение своей речи провозгласил — думаю, не случайно, здравицу в честь не Сталина, а КПСС.

Маленков — без задней, конечно, мысли сказал Сталину «прощай».

А Берия — не в противопоставление словам выступавшего перед ним Маленкова, конечно, а в силу движения души показал, что Сталин остается для него живым уже по-

тому, что живо его дело, которое падо всем сообща продолжать и довести до победного конца.

Сталин над гробом Ленина произнес яркую речь и дал вдохновенную клятву. Это было время ранней молодости страны, время, когда в ее будущее не верили очсь многие как в России, так и — еще больше — за ее пределами. Произнося любые слова, Сталин отвечал за них прежде всего перед тем народом, руководить которым теперь предстояло ему, и международное значение клятвы Сталина, говоря по совести, было тогда не первостепенным. Слишком многие тогда были уверены, что имеют право зубоскалить — мол, мало ли что там этот большевичок в своей Совдепии наговорит...

Каждое же слово, прозвучавшее в речах над гробом Сталина — главы второй державы мира, уверенно идущей к роли первой державы мира, внимательнейшим образом должны были изучать во всем мире. Это понимали все, понимал и Берия. Поэтому даже самый искренний пафос в траурных речах вряд ли был бы уместен... Страна уже вступила в пору зрелости, и речи ее лидеров могли быть и должны были быть сдержанными и весомыми во всех случаях, а на похоронах Сталина — тем более!

Возможно, и поэтому речь Берии внешне не была насыщена эмоциями. Однако это была — в отличие от речей Маленкова и Молотова — серьезная программная речь, не только уместная на таких похоронах, как сталинские, но даже на них необходимая!

Ведь в те дни вся страна спрашивала себя: «Как жить без Сталина?» И речь Берии отвечала на этот вопрос в свойственной Берии манере четко и конкретно: жить, работая и видя впереди ясную и вдохновляющую на дела цель!

И это тоже была клятва ученика над гробом Учителя.

ПОСЛЕ Берии выступил Молотов, а затем Хрущев траурный митинг закрыл. Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович и Микоян спустились с трибуны к гробу Сталина и внесли его в Мавзолей.

Затем они возвратились на трибуну. Куранты отбили полдень. И в это время раздались первые залпы тридцати-

кратного артиллерийского салюта и послышались гудки заводов, длившиеся три минуты.

День был холодный и хмурый — под стать настроению собравшихся. Одни стояли на Мавзолее, другие — на брусчатке Красной площади, но думали в тот момент все об одном: «Что же там — впереди?»

Отгремел салют, отгудели гудки. По Красной площади чеканным парадным шагом прошли воинские подразделения, а в небе над ней пролетел строй самолетов. Похороны Сталина закончились. Опустилась трибуна Мавзолея, теперь уже Ленина—Сталина. С площади медленно расходились люди.

Жизнь продолжалась.

Но что же было там, впереди, в перспективе ближней, средне- и долгосрочной?

И что же все-таки произошло в Москве со Сталиным в дни с 28 февраля по 5 марта?

Глава девятнадцатая

«ЗВЁЗДНЫЕ» МАРШРУТЫ ЗАГОВОРА ВЕКА...

И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд,
И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, клянут...

Борис Пастернак

САМЫЕ интересные страницы книги Николая Добрюхи «Как убивали Сталина» — с 348-й по 369-ю, где приведены выписки из журнала врачей, лечивших Сталина со 2 по 5 марта 1953 года, данные анализа крови, сделанные в эти дни, и упоминается акт о вскрытии тела.

Добрюха уведомляет читателей, что он-де старался выбрать самые важные места из той кучи секретных бумаг, в которую, как он пишет, «по указанию властвовавшего тогда министра МВД (вообще-то, если уж министра, то ВД. — С.К.) Берии было свалено все, что писалось в те страшные часы»...

Николай НАД написал об этом так, как будто обвинил Берию в чем-то... А ведь этим свидетельством он его невольно обеляет, убедительно доказывая непричастность Берии к убийству Сталина!

Ведь преступник, напротив, сделал бы все, чтобы эта куча документов была как можно более тонкой, а то и вообще как-нибудь *затерялась*. Берия же приказал сохранять все, **включая черновики** — благодаря чему Добрюха и смог установить факт многочисленного переписывания медицинских документов и несоответствия окончательных вариантов черновикам.

Что же до самих документов, то я не буду приводить здесь из них ни одной строчки, лишь сообщив читателю,

что они — по моему убеждению — подлинные, и в качестве таковых действительно переводят версию о намеренном отравлении Сталина в разряд исторического факта.

Цитировать документы я не буду — это мало что прибавит к пониманию тех дней читателями, если не считать, что среди них могут оказаться профессиональные медицинские эксперты. К тому же Н. Добрюха приводит осторожные, но не отвергающие факт отравления, мнения главного токсиколога Москвы Ю.Н. Остапенко и главного судебно-медицинского эксперта Москвы В. Жарова.

Итак, Сталин был убит.

Отравлен.

И убит не Берией, хотя книга Абдурахмана Авторханова «Загадка смерти Сталина» и имеет подзаголовок: «Заговор Берии».

Берии не нужна была смерть Сталина, но первые сто с небольшим дней жизни СССР без Сталина прошли под знаком все более расширяющихся и углубляющихся инициатив Берии в самых разных сферах деятельности советского общества.

Авторханов провокаторски передергивает — к заговору против Сталина Берия никакого отношения, конечно же, не имел. Кроме вполне очевидных соображений, это доказывает и логический анализ, предпринимать который мне приходится уже не в первый раз, но — что делать!

Итак...

Допустим, убийство Сталина организовал все же Берия, использовав свои старые связи в МГБ Игнатьева.

Вообще-то уже это маловероятно! Если даже предположить, что надежных связей, причем не «вообще», а именно в Управлении охраны игнатьевского ведомства у Берии, через семь лет после его ухода из «органов», хватало, очень уж деликатным был вопрос, по которому ему пришлось бы к бывшим коллегам обращаться.

Такие дела имеют какой-то шанс на успех тогда, когда ими занимается полноправный глава спецслужбы. Уж он-то может обшарпать все в лучшем виде: исподволь подобрать нужных будущих исполнителей с соответствующими личными, биографическими и служебными данными, а затем проверить их и расставить во всех необходимых клю-

чевых точках, заменив ими кадры, преданные Сталину и его делу.

Так что министр госбезопасности и начальник Управления охраны МГБ Игнатьев в этом смысле имел по сравнению с Берией возможности неограниченные. Причем даже такой на каждом шагу, как и любой «демократ», передергивающий факты и дух эпохи автор, как Леонид Млечин, признает, что Берия тогда не имел в МГБ власти и не мог влиять на подбор кадров сталинской охраны.

Но, как сказано, допустим... Кадры, прямо подчиняющиеся Игнатьеву, выполнили «заказ» Берии. Сталин мертв, и Берия получает в свои руки объединенное Министерство внутренних дел, поглотившее Министерство государственной безопасности. Теперь кадры Игнатьева, устранившие Сталина по «заказу» Берии, — это уже кадры Берии.

Берия нацелен на захват власти, причем уже легально имеет в своем распоряжении изменившие Сталину кадры охранников, замаранные в прямом убийстве вождя. Так почему бы их не «перебросить» теперь на «охрану», скажем, Хрущева или Маленкова? Ведь Берия — преступник, он убил Сталина, и убил безнаказанно! А что лучше, чем безнаказанность, поощряет и распаляет преступника? Сделав один успешный шаг, Берия должен был весьма быстро сделать и другой шаг — железо надо ковать, пока оно горячо! При этом Берии надо было вести себя очень осмотрительно, то есть — ничем не раздражать коллег, а особенно не предпринимать никаких инициатив, будоражащих их.

Берия же ведет себя прямо противоположно тому, как должен был бы вести заговорщик. Он просто брызжет идеями, предложениями, он действует — но действует открыто и папористо.

Он готовит в МВД и направляет в Президиум ЦК записку за запиской. Он активно и конструктивно вмешивается в экономику, во внешнюю политику, во внутреннюю национальную политику. И каждый раз его предложения так обоснованны, что их приходится принимать!

Хорош «заговорщик»! Ему надо заботиться об организации серии новых «смертельных болезней» — хотя бы парочки, а он ликвидирует ГУЛАГ и паспортные ограничения для сотен тысяч людей, хлопочет о проектах республиканских орденов для деятелей культуры союзных республик, вызы-

вает недовольство партийного руководства Украины, Белоруссии, Литвы своими убийственными записками о положении с национальными кадрами в этих республиках! И в довершение всего добивается принятия решения об отказе от украшения зданий по праздничным дням и колонн демонстрантов портретами руководства...

ИНЫМ оказывается поведение Хрущева. Если посмотреть на его линию в первые четыре года после смерти Сталина, то вот она-то полностью укладывается в схему заговора.

Первый шаг — физически убран Сталин. Его можно убрать лишь физически — политически он непоколебим.

Второй шаг — физически убран и политически дискредитирован Берия. Его тоже не просто было бы уничтожить политически, если бы речь шла об открытом политическом противостоянии. Но, внезапно арестовав его, лишив его возможности защитить себя публично, в присутствии всех членов ЦК, удалось обеспечить вначале политическое, а затем и физическое убийство Берии. При этом удалось замарать в соучастии и почти всю партийно-государственную верхушку СССР.

Третий шаг — XX съезд с его политической дискредитацией Сталина. Этот шаг кладет начало дискредитации уже дела Сталина, то есть — дела построения в России социалистического и затем — во многом — коммунистического общества новых, всесторонне образованных, развитых и потому свободных людей.

Четвертый шаг — политическое устранение всего остаточного «сталинского» ядра» высшего руководства — Молотова, Маленкова и Кагановича.

Пятый и последний шаг, предпринятый непосредственно Хрущевым, — пейтрализация наиболее непоследовательных остатков этого «ядра» — Булганина, Ворошилова, Первухина, Сабурова и окончательное «приручение» Микояна...

Сегодня можно увидеть, что «цепь», позднее дополненная рядом новых «звеньев», приведших нас к Беловсжским «соглашениям» 1992 года, — была встроена безупречно и эффективно. Она еще не полна, ибо последнее «звено» — окончательный распад и гибель России еще куется в трижды президентской «Россиинии». Но выстраивается эта «цепь», начиная с марта 1953 года, очень умно.

Однако первое звено всей этой умно и точно продуманной цепи — убийство Сталина, замаскированное под естественную смерть.

Мог ли продумать весь этот дальновидный алгоритм сам Хрущев — человек не умный, а всего лишь хитрый, и при этом злобный, мстительный, эмоциональный, самоуверенный, недалекий и не умеющий видеть перспективу? Человек, который впоследствии стал олицетворением мутного понятия «волюнтаризм».

Вряд ли вся эта умная последовательность железно взаимосвязанных шагов могла прийти в голову Никиты Сергеевича — даже до последнего, предпринятого им самим пятого шага.

Хрущев не был ни сознательным, ни подсознательным врагом социализма. Он был — если иметь в виду его личные симпатии и антипатии — даже вполне советским патриотом. И системным могильщиком социализма Хрущев оказался не в силу затаенной его злобы против Советской власти, не в силу нравственного перерождения, а в силу того, что могильщиком дела Ленина, Сталина и миллионов сознательных граждан СССР Хрущева сделали без ведома самого «дорогого Никиты Сергеевича» — «втемную»...

А он всего лишь хотел удержаться на вершине власти, отомстить Сталину за сына, а потом затмить Сталина...

Не вышло...

Зато все вышло у тех, кто был сознательным врагом и ненавистником Сталина, социализма, Советской власти и России.

А их у России, у Советской власти, у социализма и у Сталина было более чем достаточно. И только ли Хрущеву нужна была в начале 1953 года скорая смерть Сталина?

ЗАГОВОР против Сталина с какого-то момента представлялся мне в виде своего рода «звездного» пробега или похода... Об этой когда-то популярной форме массовых спортивных мероприятий, описанной даже во 2-м издании Большой Советской Энциклопедии (т. 16, стр. 553) сегодня прочно забыли. Суть такого похода в том, что его участники выходят из разных исходных пунктов на периферии и по заранее разработанным маршрутам собираются в одной точке.

Так вот, и к Сталину, а точнее — к идее его убийства, с какого-то момента потянулись «маршруты» системного «звездного» заговора. Нет, я не хочу сказать, что вокруг Сталина как некий чудовищный спрут сплелась зловещая, могущественная тайная организация, щупальца которой раскинулись на весь мир. Я имею в виду всего лишь системный характер его наличия и разветвленности, определяемый тем принципом, который был вынесен в эпиграф главы нулевой этой книги.

Соответственно, далеко не все «маршруты» этого «заговора» были прямо или даже косвенно скоординированы. Не каждый из участников знал или хотя бы подозревал о существовании других «маршрутов». Не каждый шел по «маршруту» реально — было немало таких, кто лишь предавался желаниям сродни маниловским: вот, мол, как было хорошо, если бы Сталин исчез. И не каждый из реально вышедших в путь достиг конечной точки — Москвы на рубеже февраля и марта 1953 года.

Кто-то разрабатывал свой «маршрут», сидя в Лондоне или Вашингтоне... Кто-то — в Москве или Жмеринке... Кто-то имел огромные материальные возможности для организации заговора, но не имел надежных подходов к Сталину и его окружению. Кто-то имел подходы, давние личные знакомства, но не имел средств для подкупа, запугивания, запутывания...

Кто-то, повторяю, лишь мечтал о том, чтобы Сталин умер так же «своевременно», как весной 1945 года «умер» — полностью выполнив роль «мавра» Золотого Интернационала — президент США Рузвельт. Кто-то зондировал почву для заговора по линии сохранившихся антисоветских, троцкистских или эсеровских связей.

Кто-то из врагов Сталина носил цилиндр, кто-то — ермолку или бейсболку, а кто-то — интеллигентскую шляпу или псевдодемократическую кепку.

Для кого-то смерть Сталина была всего лишь желательной в принципе, так что вопрос сроков не был критическим. А для кого-то смерть Сталина была нужна в реальном масштабе времени — вот прямо сейчас, в ближайшие дни. Кто-то мог подождать, а для кого-то промедление было смерти подобно.

Поэт Виктор Боков уже в наши дни, накануне своего 85-летия, повивился перед Сталиным, заявив:

«В 26 лет я был арестован. Оклеветали. 5 лет отсидел... Я ненавидел Сталина, мечтал убить. А сейчас, после того что пережил вместе со страной в последние годы, изменил отношение к нему»...

А что, если бы такого вот Бокова *реально* нацелили на Сталина тогда, когда Бокову исполнилось не восемьдесят пять, а тридцать лет? Или чуть позднее — в 1953 году, когда Бокову было лет этак сорок с гаком?

Причем о Бокове я упомянул лишь для примера... Недовольных Сталиным в «низах» хватало и без Бокова...

А вот поэтическое свидетельство уже поэта Пастернака, вынесенное в эпиграф этой главы. Его строки о смерти Сталина, ранес мне неизвестные, я узнал из книги Н. Добрухи и должен признаться, что не ожидал от внешне аполитичного Пастернака такого смелого политического обвинения! Ведь «темные силы храма» — это прямое указание на причастность к смерти Сталина «рыцарей Храма», «строителей Храма», «детей Вдовы», «наследников Храма», «вольных каменщиков», а попросту — масонов!

Нет, нет, увольте меня сейчас от любых дискуссий! Это Борис Пастернак написал, а Николай Добруха его строки привел.

Так что все претензии — к ним.

Разными, очень разными были антисталинские силы, сформировавшиеся в мире к весне 1953 года. Они были разными по гражданству, по мировоззрению, по материальному и общественному положению, по происхождению, по уровню идейности и даже по уровню личной ненависти к Сталину.

Но важно, что все эти силы вместе хотели одного — смерти Сталина.

Кто-то, повторяю, лишь ее желал...

Кто-то — действовал...

Кто-то при этом оказывался в тупике или шел ложным «маршрутом», который никогда не привел бы к конечной точке — Сталину, лежащему в Мавзолее. Кто-то шел потенциально успешным «маршрутом», но недостаточно энергично и недостаточно последовательно.

А кто-то дошел до реально успешного конца.

Но успех его был обусловлен общей атмосферой, сложившейся в интернациональной антисталинской среде, общим ее желанием уничтожить Сталина не мытьем, так катаньем, не пулей, так ядом, не сегодня, так завтра...

23 июля 1934 года Сталин принял в Кремле английского писателя-фантаста Герберта Уэллса. Запись этой беседы была опубликована в №17 журнала ЦК ВКП(б) «Большевик» за 1934 год. Уэллс уже приезжал в Россию в 1920 году, встречался с Лениным. По возвращении домой он написал тогда знаменитую свою книгу «Россия во мгле», где назвал Ленина «кремлёвским мечтателем». Теперь он вновь беседовал уже с другим руководителем Советской России и признавал свою давнюю неправоту. Много интересного можно было извлечь из записи их разговора, но сейчас мне вспоминается то место, когда Уэллс задал Сталину вопрос: «Вы, мистер Сталин, лучше, чем кто-либо иной, знаете, что такое революция, и притом на практике. Восстают ли когда-либо массы сами? Не считаете ли Вы установленной истинной тот факт, что все революции делаются меньшинством?»

Сталин тогда ответил: «Для революции требуется ведущее... меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей».

Уэллс переспросил: «Хотя бы пассивную? Может быть, подсознательную?» И Сталин уточнил: «Частично и на полуинстинктивную, и на полусознательную поддержку, но без поддержки миллионов самое лучшее меньшинство бессильно».

Говоря о «меньшинстве», Сталин имел в виду, как он и сам отметил, революционное, служащее идеям социализма меньшинство. Говоря о «миллионах», он имел в виду миллионы простых людей, живущих жизнью неактивной, несознательной, полурастительной, но — живущих.

Однако в мире имелось и другое меньшинство, системной верхушкой которого была избранная Золотая Элита мира, которая опиралась на силу золотых же миллионов — долларов, фунтов, франков, песет...

Впрочем, этот Золотой Интернационал мог опираться на поддержку и миллионов людей, но тут уж — лишь до тех пор, пока в мире существовал тот безграничный океан массовой человеческой глупости, в котором извечно плавают

скордупа беззакония. Однако даже при наличии этого океана Золотая Элита не могла рассчитывать на хотя бы пассивную массовую поддержку в деле убийства Сталина.

В этом деле она могла рассчитывать лишь на поддержку себе подобных элитарных слоев. А также — и на поддержку тех, кто всеми силами стремился из категории тех, кого — по определению Талейрана — стригут, перейти в категорию тех, кто стрижет.

Впрочем, были еще и те, кому Сталин и его дело не давали жить жизнью мелкой, но сытой и собственнической... Те, кто хотел не быть, и даже не казаться, а просто *обывать*.

Не забудем еще об одной категории — весьма специфической, но реально существующей и нередко, увы, пользующейся определенным влиянием на общество. Это люди, обладающие неким «геном демократии», который определяет их особое общественное, а точнее — антиобщественное, поведение. Им плохо, когда миру хорошо. Эти отличные от людей «люди» нормальных людей не-на-ви-дят. На генетическом уровне. Они запускают в оборот выражения типа: «Лучше быть мертвым, чем красным»... Они под вспышки фотокамер пожирают со своими — надо полагать, тоже обладающими «геном демократии» — отпрысками огромный торт в виде лежащего в гробу Ленина... И их генетические собратья, жившие в эпоху Сталина по обе стороны государственной границы СССР, не могли не ненавидеть именно Сталина.

И ненавидели.

А еще были люди, просто внутренне недисциплинированные, жадные до денег, удовольствий, карьеры... Такие тоже могли стать — не организаторами, нет, но — исполнителями чужой воли, желающей убить Сталина...

Много, много накопилось в мире к весне 1953 года антисталинских сил. И они не могли добиться успеха в деле «звездного» заговора против Сталина без поддержки друг друга — пусть нередко пассивной, подсознательной, полунинстинктивной и полусознательной.

Кто-то лишь желал.

Кто-то прикидывал шансы...

Кто-то действовал.

А кто-то добился успеха.

Так ли уж важно — кто конкретно?

Важно — зачем?

Глава двадцатая

СТАЛИН УМЕР? ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХРУЩЁВ!

Весь его облик был таков,
что вызывал уважение к государству

*Перо Попиволда,
народный герой Югославии о Сталине*

«Что вы всё о Сталине да о Сталине!
Да все мы вместе не стоим сталинского г...»

*Заключительные слова
Никиты Хрущева на июньском
Пленуме ЦК 1957 года
(по свидетельству Д. Шепилова)*

После похорон Сталина прошло всего лишь чуть больше недели, а 18 марта 1953 года в ЦК КПСС получили письмо, написанное на бланке одного из органов Военного Министерства СССР — газеты Военно-Воздушных Сил «Сталинский сокол»:

«Секретарю Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза
Тов. Поспелову П.Н.

В редакцию газеты «Сталинский сокол» поступило письмо от группы военнослужащих войсковой части 13638. В нем воины-авиаторы обращаются в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза с просьбой создать серию кинофильмов, отображающих жизнь и деятельность великих вождей Советского Союза и трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина.

«Эти фильмы, — пишут военнослужащие, — будут являться огромным вкладом советского киноискусства, будут иметь огромное воспитательное значение для советской молодежи, а также для всех трудящихся нашей Родины и мира. Фильмы эти будут воспитывать миллионы стойких борцов за счастье человечества».

Направляем это письмо на Ваше рассмотрение.

Редактор газеты С. Устинов».

Письмо подписали четыре сержанта и четыре рядовых срочной службы, и оно было, безусловно, искренним, а не «подсказанным» замполитом — в последнем случае подписей было бы раз в десять больше...

Искренним это письмо было еще и потому, что ребята написали его после смерти Сталина.

25 марта Поспелов передал письмо на рассмотрение в Отдел художественной литературы и искусства ЦК, и 30 марта получил такой ответ:

«... Тов. Устинову и авторам письма сообщено, что советской кинематографией выпущен ряд фильмов, отражающих отдельные этапы жизни и деятельности В.И. Ленина и И.В. Сталина (можно подумать, что об этих, не раз виденных в стране каждым фильмах авторы письма не знали. — С.К.). Выпуск такого рода фильмов будет осуществляться и в дальнейшем».

Это была отписка и по форме, и по сути. И фильма о Сталине ни в хрущевские, ни в более поздние времена так снято и не было.

Ни одного!

Впрочем, и о Ленине в эти времена почти ничего стоящего тоже снято не было.

В чем дело? В преодолении «культа личности» Сталина? Но идея «культа личности» была в СССР не раз осуждена задолго до того, как ее ввел в широкий оборот на XX съезде КПСС Никита Хрущёв.

Скажем, 16 февраля 1938 года в Детгиз при ЦК ВЛКСМ поступило письмо:

«Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой... преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны...

Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку».

Под этим письмом стояла подпись «И. Сталин». При чем это не было попой — о том, что Сталин расценивал попытки создать культ его личности как проишки эсеров, говорил уже после смерти Сталина на «антибериевском» Пленуме ЦК в июле 1953 года Микоян.

А поскольку это письмо Сталина было опубликовано в ноябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1953 год, нельзя говорить, что с такими взглядами Сталина на вопрос хрущевцы знакомы не были.

Собственно, Хрущев и компания могли бы вспомнить — среди многих подобных сталинских документов — и его, например, письмо К.Ф. Старостину, написанное 4 февраля 1935 года с такими словами:

«До ЦК партии дошли слухи, что коллектив метро имеет желание присвоить метро имя т. Сталина. Ввиду решительного несогласия т. Сталина с таким предложением и ввиду того, что т. Сталин столь же решительно настаивает на том, чтобы метро было присвоено имя т. Л. Кагановича ...ЦК ВКП(б) просит коллектив метро не принимать во внимание протестов т. Л. Кагановича

и вынести решение о присвоении метро имени т. Л. Кагановича.

Секретарь ЦК И. Сталин».

Могли бы хрущевцы взять в руки и старый номер журнала «Большевик» — номер 17-й за 1934 год и перечесть запись беседы Сталина с писателем Гербертом Уэллсом, то место, где в ответ на замечание Уэллса: «Для большого плавания требуются капитан и навигатор», Сталин возразил: «Верно, но для большого плавания требуется прежде всего большой корабль. Что такое навигатор без корабля? Человек без дела»...

СКАЗАНО точно... И у «навигатора» Сталина такой «корабль» был... Теперь же все изменилось. «Корабль» оставался на плаву. Но кто же мог быть на нем «навигатором»?

В дни болезни Сталина прошел ряд заседаний Бюро Президиума ЦК и 5 марта — то 40-минутное совместное заседание пленума ЦК, Совмина и Президиума Верховного Совета СССР, на котором была сформирована «вахта» группы «навигаторов».

Председатель Совета Министров СССР — Маленков.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — Ворошилов.

Наиболее сосредоточенный на «работе в Центральном Комитете КПСС» — Хрущев.

Берия, наряду с Молотовым, Булганиным и Кагановичем, назначался первым заместителем Маленкова и министром вновь объединенного Министерства внутренних дел, включившего в себя бывшее Министерство государственной безопасности.

Наступала эпоха вроде бы «коллективного руководства», но уже скоро стало ясно, что подлинным «навигатором» Советского Союза может быть лишь Берия. Не имея высших властных полномочий, он был не просто наиболее активен и деятелен. Он-то и был деятелен и инициативен!

В Президиум ЦК хлынула волна его докладных: о резком смягчении паспортного режима для освобождаемых из заключения; о сворачивании ряда дорогостоящих, но не первоочередных строек типа Большого Туркменского канала или подводного тоннеля на Сахалин; о выводе из

МВД и передаче в отраслевые министерства всех производственных мощностей ГУЛАГа; о передаче самого ГУЛАГа в ведение Министерства юстиции — за исключением лагерей и тюрем для особо опасных государственных преступников; о резком ограничении прав репрессивного Особого Совещания; о необходимости опираться в прибалтийских республиках и западных областях Украины и Белоруссии на национальные кадры (в Литве, например, при 11-тысячной партийной организации из 85 начальников райотделов милиции было всего 10 литовцев); о необходимости реалистичной политики по отношению к ситуации в ГДР...

Деталь, но немаловажная: Берия предложил, а ЦК и Совмин были вынуждены согласиться с его предложением об отказе «от оформления портретами колонн демонстрантов, а также зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников» и об отмене «провозглашения с правительственной трибуны призывов, обращенных к демонстрантам». Берия точно уловил, что народная масса изменяется, становится образованнее, развивается, тоньше... И если ответное «Ура!» на Красной площади демонстрантов 30-х годов было искренним и немного наивным порывом, то теперь это «Ура!» в ответ на все более казенно звучащие призывы, произносимые бодрим и звучным голосом диктора, выглядело уже иначе...

Берия даже о новых национальных орденах задумывался — Низами, Навои, Шевченко, для поощрения прежде всего деятелей культуры национальных республик.

Главное же — в сфере государственного управления этот новый «навигатор» прокладывал курс на перенос высших управленческих прерогатив из партийной сферы в советскую и государственную, из ЦК в Совмин.

Затем ли антисталинские круги устраняли строителя социализма Сталина, чтобы получить на свою голову если не второго гениального, то второго компетентного «навигатора» Берия, способного вести государственный «корабль» к новым открытиям и успехам?

Заговор против Берии в «верхах» был и более открытым, и более массовым, чем заговор против Сталина. Хрущеву удалось спровоцировать против Берии практически всех.

26 июня Берия был арестован, со 2 по 7 июля прошел

«антибериевский» Пленум ЦК и затем на массовых митингах «враг народа» Берия был политически казнен. Вскоре — не позднее, как я понимаю, начала августа 1953 года, он был казнен и физически, «суд» над ним в конце декабря стал лишь фабрикацией ряда необходимых завершающих «процесс» бумаг. Арестованных соратников Берии по МВД Меркулова, Кобулова, Деканозова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского расстреляли в декабре.

А вскоре первой фигурой в СССР стал Хрущев.

СТАЛИН был гением, и это хорошо понимал внешний мир — даже острее порой, чем это понимала страна. Большое ведь всегда лучше видится «на расстоянии». Уже после смерти Сталина о нем было сказано много верного не только его единомышленниками, но и его умными антагонистами. Приведу оценки лишь двух из них...

Уинстон Черчилль: *«Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам».*

Шарль де Голль: *«Сталин имел колоссальный авторитет. И не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами».*

Сталин умел найти такие аргументы, на которые у его внутренних и внешних политических оппонентов — у того же Черчилля, у Рузвельта, Трумэна, не находилось внятных контраргументов.

У Хрущева для внешнего мира не оказалось других аргументов, кроме ботинка (сын его пишет — мягкой летней туфли), которым (ой) он стучал по пюпитру в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

Знающие ту эпоху не понаслышке, могут возразить мне хотя бы то, что Хрущев тогда же поразил ту же Генеральную Ассамблею советским планом всеобщего разоружения. Это было не декларативное, а вполне конкретное и продуманное предложение, поставившее Запад в положение «момента истины». Запад не выдержал этого испытания, но было ли обнажение его милитаристского мурла заслугой Хрущева?

Нет, пожалуй, и здесь на страну социализма работал

Сталин — его идеи мирного и честного соревнования двух систем *на равных*.

Да, Сталин публично заявлял, что тезис Ленина о том, что империализм порождает войны, не устарел, что для того, «чтобы устранить неизбежность войн, надо уничтожить империализм». Но Сталин имел в виду уничтожение не силовое, а системное, то есть окончательную идейную, политическую, экономическую и социальную дискредитацию империализма, а на этой базе — его прогрессирующее все-стороннее ослабление, делающее его агрессию невозможной.

Но если внешнеполитические идеи Сталина еще какое-то время были в СССР в ходу, то его внутривнутриполитические идеи в СССР все более отвергались — не на словах, а на деле. Позднее, впрочем, — и на словах.

Абдурахман Авторханов отозвался об «Экономических проблемах социализма» пренебрежительно и заявил: «Никакая другая работа Сталина после войны так много не цитировалась советологами ...но только одна она так и осталась непонятой на Западе». Однако он здесь, конечно, лукавил. Как раз Запад все понял верно, почему его агенты влияния, после смерти Сталина все более набирающие вес и силу как «референты» и «советники» Хрущева, и рекомендовали последнему делать все наоборот.

Хрущев и делал: Сталин был против передачи техники из государственных машинно-тракторных станций в колхозы, а хрущевцы вместо МТС создали колхозные ремонтно-тракторные станции, РТС.

Сталин был против формированной национализации колхозной собственности, а хрущевцы и брежневцы усиленно преобразовывали колхозы в совхозы.

Сталин считал целесообразным строить максимально приближенные к потребителю колхозные электростанции, хрущевцы их строительство закрыли. Зато в стране нарастало строительство гигантских ГЭС и дальних линий электропередачи типа ЛЭП-500, «обеспечивавших» стране большие потери энергии.

Журнал «Новый мир» в №5 за 1991 год опубликовал записки гидроэнергетика-сибиряка И.А. Никулина. Он строил еще «сталинскую» Куйбышевскую ГЭС, и это была последняя, как пишет Никулин, «последняя великая гидротехниче-

ская стройка, заложенная и в значительной мере осуществленная при жизни Сталина». Что ж, Сталин в конце жизни не всегда оправданно увлекался суперпроектами, часть которых тут же свернул Берия. Но волжский каскад ГЭС был все же необходим восстапавливающей себя державе.

Никулин сообщает далес, что после смерти Сталина вокруг проблемы ГЭС возникли дискуссии, и в 1958 году на торжественном банкете, посвященном пуску Куйбышевской ГЭС, Хрущев высказался против дальнейшего их массового строительства. Но это ведь как раз при Хрущеве странами его «советников» и начались сибирские ГЭС. Вот оценка этой затеи И. Никулиным: «Сверхмощные ГЭС, которые превращают великие самоочищающиеся реки в непрерывные цепи гниющих рукотворных морей, и сверхдалние ЛЭП — две стороны одной медали».

Кто же «чеканил» эти «медали»?

Вот один из «чеканщиков», описанный все тем же И. Никулиным так:

«Я не знаю, почему первый секретарь Саратовского обкома партии Новиков в 1943 году был переведен в Москву в Наркомат электростанций на скромную должность начальника небольшого управления по снабжению запасными частями подчиненных ему объектов. Достоверно известно, однако, что в 1950 году Новикова исключили из партии (строительство дачи за государственный счет), сняли с работы и назначили заместителем начальника строительства Горьковской ГЭС... В опале Новиков оставался недолго, в 1954 году его назначили начальником управления строительства Кременчугской ГЭС.

Построив Кременчугскую ГЭС и назвав поселок при ней городом Хрущевом, И.Т. Новиков...в декабре (1958 года. — С.К.) назначается министром строительства станций».

Вот как и из кого формировал Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Хрущев свою «когорту» «соратников».

Если Хрущев так все понимал, то почему же именно при нем начались Братская ГЭС и вообще весь каскад ГЭС в Си-

бири? А потом оттуда в Европу тянули ЛЭП-500, о которой пели, что это — «непростая линия». Да уж, непростая...

В 1962 году прошло бурное Всесоюзное совещание по вопросам энергетики — еще бурное, потому что костяк его участников составили питомцы эпохи Сталина, привыкшие жить государственными и общественными интересами. Но хрущевцы пренебрегли рекомендациями профессионалов.

Брежневщина же лишь развила непрофессионализм, заменив его прихлебательством.

А ЦЕЛИННАЯ «эпопея»? К 1954 году сельское хозяйство Средней России только-только выбралось, да еще и не до конца, из разрухи. А Хрущев и хрущевцы бросили огромные финансовые, материально-технические и людские ресурсы в необжитые казахские степи... Ворошилов возражал, но кто такой был при «верном ленинце» Хрущеве какой-то Ворошилов, начинавший когда-то вместе с Лениным партию большевиков!

Тысячелетиями не зная плуга земля дала, конечно, поначалу такой небывалый урожай, что большая часть его просто сгнила, ссыпанная в овраги — элеваторов и зернохранилищ в достатке не построили. А уже в ближайшие годы началась эрозия почвы.

Сталин последовательно сокращал «начальственные» льготы и привилегии. Скажем, по мере отдаления страны от послевоенной разрухи цены на товары массового потребления снижались, результатом чего стало Постановление Политбюро от 29 декабря 1947 года о прекращении продажи промышленных товаров через закрытую сеть для членов и кандидатов в члены ПБ, секретарей ЦК ВКП(б) и других ответственных работников, снабжаемых через Министерство государственной безопасности.

Хрущевцы всё это быстро восстановили, развили и бодрыми шагами двинулись к антисталинскому XX съезду КПСС.

Я не буду писать об этом фатальном съезде подробно. Скажу лишь, что сам съезд был вполне деловым и весь его ход не предвещал того конца, который тогда показался драматическим, а фактически стал началом конца державы.

Надо заметить, что доклад Хрущева обсуждался пострадавшими соратниками умершего Сталина и до съезда, но в «озвученном» Хрущевым тексте оказалось много несогласованной отсебятины, автором которой формально был Хрущев, а фактически — черт его знает!

Тем не менее никто из сидевших в зале и знавших, что Сталин не запил с началом войны, что он не губил невинных в силу кровожадности, что он не планировал стратегические операции по глобусу, никто не встал и клевету Хрущева не опроверг. Стоит ли удивляться тому, что политическая смерть Сталина запрограммировала скорую политическую смерть его неверных соратников?

Уже весной 1957 года Ворошилов сказал Шенилову о Хрущеве: «Голубчик, да он же всех нас оскорбляет». Но говорилось это чуть ли не шепотом — избавившись от «тоталитарного наследия Сталина», хрущевцы организовали не выборочное, при необходимости — как при Сталине, а тотальное прослушивание правительственных телефонов, квартир, дач, машин...

Екатерина Фурцева прибегала к тому же Шенилову и хваталась за голову: «Что делать? Во главе совнархозов случайные люди! Все решения импульсивны, необдуманно»...

Ой ли, хочется возразить сегодня! А не были ли эти решения очень даже хорошо обдуманными, а люди, поставленные во главе образованных при Хрущеве региональных советов народного хозяйства, отнюдь не случайными, но решения и назначения обсуждались уже не только и не столько в Москве, в отделах ЦК КПСС, а и в «Вашингтонском обкоме»?

Причем и сам Шенилов был вполне достойным представителем не сталинского, а хрущевского стиля «руководства», болтаясь между Маленковым и Хрущевым.

Прошедший с 22 по 29 июня 1957 года Пленум ЦК «обсудил вопрос об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» и вывел их из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК, а также «снял с поста секретаря ЦК КПСС и вывел из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шенилова».

Вскоре последовала опала Ворошилова, Сабурова, Первухина.

А на очереди был помогший Хрущеву «разгромить антипартийную группу» еще один отступник от Сталина — маршал Жуков. Его черед пришел в октябре того же 1957 года.

ЛЮБИМЕЦ Сталина, армии и народа Константин Константинович Рокоссовский, вернувшись в СССР из Польши в 1956 году, уже после XX съезда КПСС, почти сразу оказался перед необходимостью выступать на Октябрьском (1957 года) пленуме ЦК, где закончилась карьера Жукова.

Рокоссовский выступил нелицеприятно, сказав о Жукове то хорошее, что можно было о нем сказать, и то неприятное, чего тоже не сказать было нельзя — если говорить честно. При этом Рокоссовский — я уверен, что не случайно, — сравнивал «вельможный» жуковский мат военной поры со спокойным тоном Сталина — «полководца, человека, — как отметил Рокоссовский, — который сам учитывает обстановку, в которой мы находились...»

Рокоссовский под конец своей речи и еще раз Сталина помянул, да еще и как:

«Мы всегда привыкли к тому, что во главе Политуправления Красной Армии... находится человек политически подготовленный, партийный, к которому относились бы с глубоким уважением... Я вспоминаю слова товарища Сталина, который говорил следующее. Если партия принимала решение о назначении кого-то командующим, то он всегда задавал вопрос, а как его армия примет...»

Это были прямые солдатские слова о прошлом. Однако Константин Константинович сказал и о том, что он нашел в Советской Армии образца 1957 года, то есть в армии, воспитываемой уже не Сталиным, а Хрущевым и Жуковым:

«Товарищи, я семь лет был оторван от Советской Армии... Волей партии я был послан в Польшу, выполняя указания и директивы партии... В роли главного инспектора Министерства обороны пятый месяц. Мне удалось за это время побывать во многих местах...

Я не видел волевого командира, не видел коман-

дира, способного отстоять свою гордость, командира, который мог бы доказать и пробсвал доказать, что он прав, заставил бы выслушать его...

Я был на крупном оперативном учении, где командиры, командующие армией смотрели в глаза старшему начальнику и старались угадать его мысли... Стоит только почувствовать, ...что мнение вышестоящего расходится с его мнением, немедленно становится во фронт: так точно ...немедленно исправлю...»

Это говорил полководец сталинской школы, который не отрицал своей к ней принадлежности, а подчеркивал ее!

Да когда!

Да где!

Да перед кем!

И коль он так говорил после антисталинского XX съезда, на Пленуме хрущевского ЦК перед Хрущевым и перед своими боевыми товарищами — фактически предавшими Сталина к тому времени своим молчанием во время клеветы на него Хрущева, то, значит, типичный командир сталинской Красной Армии был прямой противоположностью командиру хрущевской Советской Армии...

А ведь со дня смерти Сталина не прошло и пяти лет!

БРЕЖНЕВЩИНА оказалась лишь развитым и вошедшим в спокойные берега продолжением «волюнтаризма» Хрущева. Собственно, основные фигуры брежневской поры вышли из поры хрущевской, особенно если иметь в виду состав «референтов», «советников», «замзавов» и прочих аппаратных величин, где все более вольготно чувствовали себя крупные и мелкие агенты влияния и просто крупные и мелкие шкурники и карьеристы.

Удивляться не приходилось — ведь не только они воспитывали Хрущева и Брежнева, но и атмосфера хрущевской «Оттепели» и брежневского «Застоя» тоже воспитывала вполне определенный тип «деятелей»...

С 1953-го по 1964 год «воспитывал» их Хрущев — как раз тот минимальный срок для формирования крушой государственной фигуры, который определил в своей речи на

плenumе 16 октября 1952 года Сталин. Но «воспитывали» их Хрущев и хрущевцы по-своему.

И воспитанники хрущевского времени, составив брежневскую «когорту», воспитали уже следующее поколение системных «внуков» Хрущева, то есть — Горбачева с Ельциным и горбачевцев с ельциноидами.

А уж им на смену сегодня приходят «правнуки»...

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ же похороны социализма произошли в 1965 году. И это надо пояснить...

Неизменно лгущий Авторханов лгал и в том, что якобы половина советских предприятий при Сталине была нерентабельной — якобы потому, что Сталин нацеливал экономику не на прибыль, а на человека с его потребностями.

Сталин понимал, что экономика не может работать себе в убыток, но он верно отмечал, что здоровой может быть лишь такая экономика, которая не увеличивает прибыль, а снижает **себестоимость** производимой продукции.

И может ли быть иначе? Экономически обоснованное снижение себестоимости означает и введение новой, «высшей», техники, и снижение энергоемкости, материалоемкости, трудоемкости на единицу продукции.

Если снизилась себестоимость, то можно снизить и розничную цену — если наша цель не получение прибыли собственником, а увеличение возможностей труженика по приобретению продуктов производства. И тогда — даже при неизменной оплате труда, если затраченный труд не увеличился — труженик сможет покупать больше и чаще, больше себе позволить.

Причем в соответствии с основным законом социализма, открытым Сталиным, новый человек будет испытывать потребность не столько в расширении материального, сколько духовного потребления ценностей жизни.

Но вот в 1965 году началась экономическая реформа, которую называли именем Косыгина. Сентябрьский Пленум ЦК в 1965 году провозгласил, что необходимо «...улучшать использование таких важнейших экономических рычагов, как прибыль, цена, премия, кредит».

Но что это значило?

Делая прибыль, а не **всесторонне** развитого человека

основным экономическим показателем оценки эффективности социалистической экономики и основной целью экономической деятельности, инициаторы экономической реформы 1965 года фактически игнорировали основной экономический закон социализма. И тем самым вполне научно закладывали тенденцию гибели социализма. Ведь производство прибыли — это экономический закон капитализма, и то, что эта прибыль инициаторами реформы была названа «социалистической», сути дела не меняло.

«Реформа Косыгина», теневым идеологом которой стал заурядный харьковский профессор Евсей Либерман, с чисто научной точки зрения, непреложно, с неумолимостью законов природы закладывала методологические основы уничтожения в среднем советском человеке человека и все большего пробуждения в каждом последующем поколении формально советских людей зверя капиталистической жадности.

Вряд ли это понимал сам Либерман — средней руки провинциальный экономист, автор заурядного учебника «Организация и планирование производства на машиностроительных предприятиях», профессор кафедры статистики Харьковского университета, которому к 1965 году уже исполнилось 68 лет.

И уж точно этого не понимал так и не ставший учеником Сталина Алексей Косыгин, которому ко времени начала реформы, названной по его имени, исполнился 61 год. Он ведь лишь «изучал» в свое время последнюю работу Сталина, но не изучил ее, как не изучили и не поняли ее и остальные коллеги Алексея Николаевича по управлению могучей социалистической державой.

Как не поняли ее ни папа Хрущев, ни его будущий ренегат сын — Сергей Хрущев. Этот уже много позже признавался, что вначале думал, что не в состоянии осилить труд Сталина, а уж потом-де сообразил — чепуха...

Но зато всё хорошо поняли в сталинской работе подлинники авторы и идеологи «реформы Косыгина», для которых Либерман был куклой — вольной или невольной. Эти идеологи заканчивали не Московский и не Харьковский, а Гарвардский и другие подобные ему университеты, но «Экономические проблемы социализма» они изучали не для сдачи зачета, а для *научной* организации гибели со-

циализма! Ведь Сталин не изобрел, не сформулировал, не ввел, а **открыл** его основной экономический закон — так же как Ньютон открыл в свое время закон всемирного тяготения. И так же, как последний закон действовал и до его открытия Ньютоном, основной экономический закон социализма действовал в социалистическом обществе и до открытия его Сталиным!

Просто после того, как Сталин его открыл, стало возможным развивать и совершенствовать социализм на основе строго научного метода.

Никто из властей предержащих в СССР и никто из их окружения этого так никогда и не понял. А вот умные враги России и социализма на Западе это поняли прекрасно и практически использовали открытие Сталина после его смерти против социализма. Показательный факт. В 1982 году в Германии вышла в свет книга двух авторов: Георга фон Рауха и Густава Хильгера «Ленин.Сталин». Хильгер знал СССР прекрасно — он, например, переводил Гитлеру Молотова и Сталина Риббентропу. В целом книга была тем не менее лживой и к Советскому Союзу враждебной. Однако читать ее интересно, и вот что там было сказано об «Экономических проблемах социализма»:

«В преддверии XIX съезда партии... «Правда» преподнесла новую работу Сталина... Если у отдельных коммунистов создалось впечатление, что партия может смело пренебречь всеми экономическими законами, то Сталин поставил этих фантазеров на место. Это серьезное предупреждение прозвучало, в первую очередь, в адрес мощного хозяйственно-бюрократического аппарата...»

Как видим, на Западе работу Сталина поняли глубже, чем на Старой площади, в здании ЦК. Хотя это не значит, что и на Западе Сталина понимали во всем верно, потому что далее было сказано следующее:

«Интересно, что в высказываниях Сталина проскальзывает пессимистическая нота, признание существования законов, устранить которые не под силу даже коммунисту».

Никакого пессимизма Сталин не обнаруживал, его работа, напротив, была глубоко оптимистичной, но при этом реалистичной. Ведь признавать закон инерции и не становиться на пути летящего вперед поезда не означает быть пессимистом.

Да, к началу 60-х годов отчетность в советской экономике усложнилась до невозможного, а пределы ее централизации за счет «бумажного» управления были уже «на пределе»... Однако созидательная социалистическая альтернатива «реформе» Косыгина была. Ее еще в самом начале 60-х годов предлагали советские специалисты в области математических методов управления и вычислительной техники. В то время даже элементарная база советских ЭВМ была неплохой, и мы вполне конкурировали тут — в начале 60-х годов — даже с США. По сути, уже тогда у нас была БЭСМ-6 и обрисовывалась конфигурация принципиально новой БЭСМ-12.

Что же до специалистов-программистов, то тут СССР был вообще вне конкуренции! Лишь сегодня стал иссякать исход наших программистов на Запад, потому что исчерпывается тот запас качества, который был заложен лучшей в мире системой народного и высшего образования, созданной в СССР Сталина.

С учетом этих достижений советские ученые, без кавычек, и инженеры предлагали Хрущеву создать сквозную тотальную систему учета и планирования народного хозяйства, в которой уже ничего нельзя было бы припрятать, придержать, сбыть «налево», украсть — в перспективе современные сети ЭВМ могли бы учитывать все до последнего гвоздя...

Еще Ленин говорил, что социализм — это учет и контроль. Теперь под общую формулу можно было подвести современную управленческую материальную базу. Однако вместо системы академиков Ефремова и Лебедева мы получили реформу профессора Либермана.

А избежавшая послевоенной сталинской вычистки из кресел «элита» все более загнивала и все более предавала Россию и ее народы.

Глава двадцать первая

ПРОЩАЙТЕ, СОВЕТСКИЕ ГОДЫ... К ИЗМЕНЕ ЭЛИТА ИДЁТ...

Цыплёнок жареный,
Цыплёнок пареный,
Цыплёнки тоже
Хочут жить...

*Песенка анархистов
времен Гражданской войны*

...Героические времена... проходят,
наступают за ними времена
прозаического пользования и наслаждения,
когда привилегия, являясь в своем
настоящем виде, порождает эгоизм,
трусость, подлость и глупость.
Сословная сила обращается мало-помалу
в дряхлость, разврат и бессилье.

*М.А. Бакушин, теоретик анархии,
к анархистам Гражданской войны
никакого отношения не имевший*

Еще первый секретарь Московского комитета ВКП(б) Угланов на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 14 июня 1926 года говорил (привожу по стенограмме):

«Когда группа рабочих в 30—40 человек подаст администрации и ставит перед директором-коммунистом на разрешение ряд вопросов... а дирекция... не соглашается с ними, как будто вопрос исчерпывается? Нет... Вот на фабрике намечается частичное сокращение рабочих, и, как это ни странно, в списки намеченных к сокращению рабочих из числа авторов заявления попадают почти поголовно все 30 человек».

Надо ли комментировать эти слова в этой книге, которая подходит к концу? Я лишь напомним, что в беседе с писателем Уэллсом Сталин заметил: «Вы, господин Уэллс, исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей. Я не верю в доброту буржуазии»...

Но, увы, в СССР еще при жизни Сталина возникал слой таких «управленцев», которые не только «верили» в «скромное обаяние буржуазии», но и сами были не прочь «буржуазно поразлагаться». А чтобы это не выглядело очень уж контрастно на фоне весьма здоровой жизни масс, они были не прочь разложить и массы — если не материальными буржуазными ценностями, то хотя бы — нематериальными, эфемерными, произведенными на знаменитой западной «фабрике грез» в Голливуде.

Приведу конкретную тому иллюстрацию...

В начале ноября 1950 года в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) на имя его председателя Шкирятова поступило анонимное письмо. Однако это был не донос и не жалоба. Письмо было написано безусловно честным и неглупым человеком, хорошо знающим то, о чем он сообщал в КПК.

И вот же — письмо было почему-то не подписано. А начиналось оно так:

«Сейчас идет ожесточенная идеологическая борьба между прогрессивными странами, возглавляемыми Советским Союзом, и реакционными Соединенными Штатами... стремящимися распространить свое тлетворное влияние на весь мир. В этой борьбе искусство, организующее мысли и чувства людей, в частности такое массовое искусство, как кино, играет огромную роль.

Советское кино создает прогрессивные фильмы, которые во всем мире способствуют борьбе за все передовое, **человеческое** (выделение здесь и далее мое. — С.К.). Американцы хотят того, чтобы их фильмы пропикли во все уголки земного шара, неся свое тлетворное влияние, и, к сожалению советские экраны тоже в значительной степени завоеваны гнусными американскими фильмами».

Далее автор письма писал о том, что американские фильмы идут не на основных экранах страны, а на клубных экранах и в провинциальных кинотеатрах. Килопрокатчики показывают их, считая безобидными, из чисто коммерческих соображений, и показывают весьма широко, начиная с рабочих клубов Москвы.

Но автор письма точно замечал, что «...уже давно **в Америке безобидных фильмов нет**. Вопрос только в том, насколько тщательно замаскирована волчья империалистическая идеология»...

Точность мысли и формулировок были поразительными — особенно для тех времен. Окончательная победа нового строя в СССР ни у кого не вызывала сомнений, а анонимный автор писал:

«Так как американские фильмы часто сделаны очень занимательно внешне, вред их особенно велик... После американских фильмов пароду кажется, что советские фильмы скучны...»

Конечно — ведь советские фильмы заставляли думать, а американские думать отучали. А при этом — надо отдать их создателям должное, они исподволь приучали смотреть на ценности жизни вполне определенным взглядом.

Автор письма уловил самую суть ситуации:

«Предположим, что сейчас, когда американцы творят чудовищные злодеяния в Корее (в газетах мира публиковались тогда фото янки, позирующих с отрубленными головами корейских патриотов в руках. — С.К.), ... кто-нибудь выступил бы по советскому радио или в советской печати с рассказом о том, что... американский офицер — образец благородства и честности, что если американский офицер дал клятву, то выполнит ее, хотя бы пришлось отказаться от всех земных благ... На такого человека посмотрели бы как на сумасшедшего или как на сознательного врага, которого надо изолировать.

Но вот на экранах московских клубов идет... фильм «Роз Мари» (1936 года выпуска о любовной истории канадской девушки. — С.К.), в кото-

ром превозносится честность и верность долгу американского офицера. .. Такие фильмы... — это удар по обороне советского государства, подрыв его психологической и идейной мощи в возможной будущей войне...

...Случай с «Роз Мари», показываемой в рабочих клубах и восхваляющей высокие моральные качества американского полицейского офицера, заслуживает... серьезного разбора и выяснения того, как могли позволить выпустить это. Как заслуживал бы во время войны с немцами выяснения случай, если бы пошел фильм, в котором восхвалялись бы высокие моральные качества гитлеровского офицера...»

Здесь все было сказано верно — как верно было сказано в письме и о других подобных фильмах.

«Капитан армии «Свобода» — вроде бы о мексиканской революции, но революционеры показаны тупой кровожадной бандой...

«Во власти долларов» — вроде бы о человеке, которому не позволяют раздать бедным миллионное наследство, но — как писал автор письма: «...неустойчивому молодому зрителю запоминается, что в Америке можно вдруг легко разбогатеть, получив миллионное наследство»...

В «Путешествие будет опасным» показаны кровожадные индейцы и симпатичные американцы.

«Первый бал», «Секрет актрисы» — фильмы о том, что бедный, но честный всегда добьется в Америке счастья...

Или якобы киноклассика — «Собор Парижской Богоматери»... «Но от Гюго там осталось мало, — писал автор письма. — Американские киноделы этим фильмом проводят мысль о том, что если народ угнетен, то виновата не высшая власть в стране, а злые, плохие чиновники».

Можно, повторяю, лишь удивляться точности взгляда автора, в 1950 году написавшего:

«В американских фильмах... Америка показана монолитно капиталистической, с довольным капиталистическим строем населением... И по всей стране (в СССР. — С.К.) идут фильмы, прославляющие жизнь в Америке, американский образ жизни, как идиллию, лишенную социальных проти-

воречий, где все люди симпатичны ...а если и есть иногда злые богачи (в большинстве и богачи показаны симпатичными), то они терпят возмездие...

Должен быть простой принцип: показывать в советском кино можно лишь то, что могли бы поставить в советской киностудии...

Неужели для того советское правительство уделяет огромное внимание кинофикации всех поселков, клубов, домов культуры, чтобы американцы пропагандировали с советского экрана свой образ жизни?..»

Автор письма не был ни «бурбоном», ни «савонарылом», и понимал, что если советские киностудии будут выпускать плохие фильмы, то кинотеатры будут пустовать. Но он ведь был прав, когда писал: «Как же можно из коммерческих соображений допускать, чтобы кино... стало проводником в массы буржуазной идеологии?»

Несмотря на анонимность — что само по себе наводило на размышления — 29 ноября 1950 года это письмо было переслано председателем КПК Шкирятовым Маленкову, а тот переадресовал его в ЦК В.С. Кружкову и А.Н. Сазонову.

6 декабря 1950 года они доложили Маленкову, что фильмы-де отбирались из трофейного фонда, повторное тиражирование не производится, и причин для беспокойства нет.

7 декабря 1950 года вопрос был закрыт и все документы сданы в архив.

А проблема-то осталась...

И ОСТАЛАСЬ она в том числе потому, что остались те, кто эту проблему создавал или замазывал. Например, один из тех, кто ее якобы закрыл, — В.С. Кружков.

Я знаю о Кружкове немного, но кое-что о нем в источниках отыскивается. 1905 года рождения (умер в 1991-м), в 1944—1949 годах был директором Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК, в 1949—1950 годах занимал посты заместителя и первого заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК, в 1950—1953 годах был заведующим отделом художественной литературы ЦК, в 1953—1955 годах — заведующим отделом агитации и пропаганды

ЦК, а напоследок — директором Института истории искусств Министерства культуры СССР.

Что это была за фигура?

Что ж, в источниках можно найти сообщение о том, что уже после смерти Сталина КГБ арестовал некоего организатора элитных оргий К.К. Кривошеина, человека с криминальным прошлым, выдающего себя за драматурга и писателя.

Начиная с 1951 года он устраивал в своей просторной, роскошной квартире и на такой же шикарной даче в подмосковной Валентиновке «литературные вечера»... Шампанское, коньяк, икра, «дамы» из числа студенток театрального Училища им. Щукина — вот оформление этих вечеров.

А среди участников — директор Литературного института С.М. Петров и прочая номенклатурная столичная «партоплазма», включая... и заведующего Агитпропом ЦК товарища Кружкова.

Не Сталин, не Молотов, не Берия или Маленков, а руководящая «шушера» — вот кто интриговал, шушукался, выгадывал, искал «доходные места»...

И чем дальше от сталинской эпохи, тем более этой шушерой руководили отнюдь не из здания ЦК на Старой площади.

Да еще и вопрос — где находились те, кто все более руководил самой «Старой площадью»?

Однажды коллеги обратили мое внимание на то, что массовые западные радиоприемники традиционно принимают дальние радиостанции, работающие лишь на длинных и средних волнах, и местное вещание — на УКВ.

Короткие волны — это волны, удобные для разведчиков и... для ведения идеологической войны. Их использование позволяет принимать и передавать сообщения с ограниченной мощностью приема или передачи на очень большие расстояния.

Запад об «идеологической чистоте» взглядов масс, выходит, не думал, технически исключая диапазоны КВ из массового потребления. А вот в советских радиоприемниках — и в стационарных радиолах, и в маленьких «транзисторах», эти диапазоны были введены. То есть кто-то в СССР в государственном масштабе позаботился о том, чтобы любой

советский гражданин мог без особого труда слушать и «Голос Америки», и «Свободу» Авторханова.

Н-да...

Авторханов заявлял:

«Советские люди притащили домой (из Европы — возвращаясь с войны. — С.К.) бациллы свободы и социальной справедливости: «в Германии скот живет лучше, чем у нас люди», «у американского солдата шоколада больше, чем у нашего картошки», «на Западе президенты и министры — обыкновенные грешники, а у нас боги-недотроги»...

Конечно, Авторханов передергивал... Так говорили не все и даже не очень-то многие... Но — и не единицы!

Развитые люди понимали, что в Германии и до 1917 года скот жил лучше многих русских крестьян, но после 1917 года число таких крестьян в России постоянно сокращалось и уже, пожалуй, сошло бы на «нет», если бы русским крестьянам не пришлось выдворять из пределов Родины покровителей Авторханова.

Развитые люди могли вспомнить описанный Салтыковым-Щедриным диалог немецкого «мальчика в штанах» и русского «мальчика без штанов», из которого можно было понять, что для благоденствия надо трудиться с умом и свободно, чего старой России как раз и не хватало.

Развитые люди понимали, что шоколад в ранцах у янки, почти не знавших войны, даже придя на нее, оплачен кровью европейцев и прежде всего — русской кровью.

И откуда рядовому русскому пехотинцу, пришедшему в Европу, было знать, какие на Западе министры? Зато развитые люди знали цену этим «президентам и министрам»... Они ведь действительно Сталину в подметки не годились — что сами и признавали.

Так что заявления Авторханова относились к выдумкам его радио «Свобода». Но для определенной части общества они выглядели правдой, тем более что внутри СССР авторхановым все более подыгрывала «пятая колонна». И вслед за Авторхановым «интеллигенты» повторяли: «Сталин совершил две ошибки: показал Ивану Европу и показал Европе Ивана»...

Гнусно, в основе своей лживо, но — хлестко. Да ведь и доля правды в том была.

Но вся правда была вот в чем...

Цари и «царство священной частной собственности» воспитывали Иванов, Иоганнов, Джонов и Джованни не одну тысячу лет. И воспитывали по принципу «человек человеку — волк».

А Ленин и Сталин воспитывали Иванов да Марий в духе прямо противоположном всего лишь, если считать даже прямо с 1917 года, тридцать восемь лет, если заканчивать отсчет на 1945-м.

Не всех ведь за такой срок воспитаешь людьми! И уж тем более не всех перевоспитаешь...

К тому же не менее десяти миллионов верных и толковых учеников эпохи Ленина и Сталина — партийных и беспартийных большевиков, комсомольцев и просто молодых патриотов — погибло в войну. Если бы в Европу пришли *эти* — не дошедшие до нее — сталинские Иваны, то Европа была бы потрясена их образованностью, скромным величием и природным благородством.

Не дошли...

Но что было до этого Авторханову?

И что было до этого тем, кто жил только собой?

ОДНАКО я не буду развивать эту тему. Предательство интересов Родины советской элитой конца 80-х — начала 90-х годов еще свежо, оно совершалось и совершается по сей день на глазах у всех. Вместо филиппик в адрес элиты я лучше сообщу читателю некоторую дополнительную информацию к размышлению на тему о «невинных» кремлевских врачах, почерпнутую мной из книги Виктора Прибыткова...

Виктор Васильевич Прибытков работал в аппарате ЦК КПСС с 1972 по 1985 годы, причем последние девять лет — помощником секретаря ЦК, а последние два года — помощником уже Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко.

В 1995 году В. Прибытков опубликовал книгу воспоминаний «Аппарат», которая читается на одном дыхании прежде всего потому, что автор ее привел ряд фактов, все значение которых, возможно, и сам до конца не осознал.

Скажем, он сообщает, что Брежнев и Черненко кремлевские «врачи» плотно посадили на такое «снотворное», которое фактически было наркотиком. Причем Брежневу Чазов не препятствовал принимать «лекарство» в сочетании со спиртным — для усиления, мол, действия. Тут надо заметить, правда, что Брежнев, вопреки молве, пил мало.

И «посадили» на «снотворное» двух друзей так, что однажды, заспорив о том, на какой час назначено предстоящее совещание, каждый держался за свой вариант. Прийти же к согласию Генсек и его друг смогли лишь при помощи референта Галины Дорошиной, установившей по своим записям, что верен... третий вариант. Таким был результат регулярного приема «элитных» «лекарств», влиявших на память, провоцировавших склеротические явления.

Прибытков пишет о Брежневе и Черненко: «Лекарства губили их, но они не могли от них отказаться. Этому страстию, как ни странно, всемерно потакала медицина». И Прибытков же описывает случай, когда сразу же после разговора с «кремлевским» академиком Чазовым, уверившим помощника Черненко в том, что с «дедом» все нормально, он вошел в кабинет к шефу с бумагами и не узнал его:

«Вид неменяемого человека. Самое интересное — он смотрит в мою сторону, но каким-то совершенно отсутствующим взглядом... Реакция странная — вроде он все понимает, но ничего не говорит... Что делать? Выговариваюсь до конца. Реакция нулевая!

— Тут, Константин Устинович, ... надо бы подписать...

Черненко вполне осмысленно берет в руку фломастер и... совершенно не соразмеряя движения, размашисто чертит хаотично ломанные линии...»

Это были последствия чазовских транквилизаторов — Прибытков разговаривал с сомнамбулой.

В самом начале 1982 года вокруг Брежнева начинается странная возня. Как пишет Прибытков, «начали мереть, словно мухи...сторонники генсека: во время пустячной операции в «Кремлевке» гибнет первый секретарь Якутского обкома партии Чиряев, за ним тотчас следует непо-

нятная смерть первого секретаря из Татарии, первого секретаря из Таджикистана, Председателя Совмина Грузии...».

А вскоре умер и сам Брежнев, о чем бывший помощник Черненко написал так:

«Умер Брежнев неожиданно — уснул и не проснулся. Охранники его сорок минут пытались реанимировать, но неудачно...»

Но, стоп! Не напоминает ли эта ситуация что-то, уже до боли нам знакомое? Это же то, что было и со Сталиным! Но Сталин по уверению «историков» не верил врачам и не терпел их около себя, потому что был-де параноиком и безвинно гноил всех опытных кремлевских врачей на Лубянке.

Однако Брежнев-то никого вроде бы не гноил и никого не опасался? Так как там с ним?

А вот как:

«Странно, но на даче не было медицинского поста, не дежурила медицинская сестра... И это при всем при том, что после 1975 года, когда Леонида Ильича после обширнейшего инфаркта чудом вытянули с того света, он мог в принципе умереть в любой момент...»

Прибытков удивляется: «обычно за брежневской кавалькадой машин сзади катила реанимационная». А «в ту злополучную ночь никого из медиков не оказалось».

И тут, как и в случае со Сталиным, тоже был ужин, правда, без гостей. После него Брежнев пожаловался на боль в горле и затрудненность глотания, но от вызова врача отказался.

А потом он пошел спать, и «утром охранники обнаружили его еще теплого».

Н-да...

Место Брежнева заступил Андропов — тоже долго в кресле Генсека не засидевшийся... Но еще во время его пребывания на высшем государственном посту генерал Федорчук, если читатель помнит, угостил Черненко — второе лицо в государстве — копченой ставридкой, после чего Черненко в тот же вечер срочно отправили в Москву в больницу.

В конце книги Прибытков фактически отбрасывает эзопов язык и пишет прямо:

«...хочешь не хочешь, а подозрения усиливаются. В одну цепочку выстраиваются: копченая скумбрия «а-ля Федорчук», рекомендация (астматiku Черненко. — С.К.) высокогорного курорта «а-ля Чазов и Горбачев», нетерпеливые ожидания чего-то «а-ля Раиса Максимовна» (для молодого поколения напоминаю — жена Горбачева. — С.К.) и непонятная, необъяснимая, скоропалительная, быстрая смерть маршала Устинова!

Устинов, если бы смерть Черненко произошла раньше, вне всякого сомнения твердо и прочно стал бы новым Генсеком! Но Устинов умер в кремлевско-чазовском люксе не только раньше Константи-на Устиновича, но и из-за ерундовой болячки...»

А ведь цепочку можно продолжить и вспять...

1980 год — пик развитого брежневизма, когда у масс было окончательно вытравлено чувство беззаветного советского патриотизма.

1965 год — «реформа» «Косыгина—Либермана».

1963 год — серьезная дискредитация социализма в результате «деятельности» «волюнтариста» Хрущева.

1957 год — окончательное «воцарение» Хрущева и хрущевцев.

1956 год — антисталинский XX съезд КПСС.

26 июня — июль — август 1953 года — арест Берии, «антибериевский» Пленум ЦК КПСС и расстрел Берии.

5 марта 1953 года — официальная смерть Сталина.

Вечер 28 февраля 1953 года — «тайная вечеря» у Сталина с участием Никиты Хрущева...

Вот та «цепь», на одном конце которой была смерть великого строителя социализма Сталина, а на другом — привод к власти ничтожного могильщика социализма Горбачева...

Замыкают же эту цепь два необходимых для ее прочности звена — «дело кремлевских врачей» 1953 года и дела кремлевских врачей в 80-е годы.

А «РЕПРЕССИИ» невинной элиты? Что ж, сегодня насчет их «россиянские» «историки» иногда проговариваются поразительным образом. Так, автор вводной статьи и один из ответственных составителей сборника документов «Кремлевский кинотеатр. 1928—1953», изданного в 2005 году,

Л.В. Максименков — отнюдь не лояльный к Сталину, к Советской власти и социализму историк — пишет об одном из руководителей советского кино, расстрелянном в 1937 году старом большевике Шумячком, что «...будучи большевистским вельможей, типом феодала, уничтоженного в горниле чистки тридцать седьмого года, он привносил в свою работу...», и т.д.

Итак, не «бессмысленная» сталинская «мясорубка», а горнило *вынужденных* чисток, вынужденных потому, что слишком уж много грязных рук залапывали к тому времени дело социалистического преобразования России.

Причем сам же Максименков далее сообщает о постоянных «склоках, доносах и подсиживаниях» таких вельмож и признает:

«Отработав свой административный ресурс, когорта ветеранов партии — большевиков среднего возраста с дореволюционным стажем грозила развалом всей административной системы (то есть, простите, государства и общества! — С.К.) и вызывала объективную необходимость сталинской консолидации и укрепления вертикали власти, т.е. того, что в массовом сознании на десятилетия осталось запечатленным (благодаря усилиям прежде всего коллег Максименкова. — С.К.) как роковой тридцать седьмой год...»

Так чем был, спрашиваю еще раз, 1937 год в своей основе — «ничем не объяснимой вакханалией кровавого беззакония Сталина по отношению к невинным жертвам», или объективно назревшей необходимостью очистки страны от оторвавшихся от народа большевистских вельмож?

И не требовался ли — пусть уже без расстрелов и лагерей, а просто с отставками и конфискациями имущества — полными или частичными, новый подобный, то есть очистительный, «1937 год» в году 1957-м?

И в 1967-м?

И в 1987-м?

Наконец, в 2007-м?

«Но что же это? — может спросить читатель. — Хорошо более прогрессивный социальный строй, который не может обходиться без периодических чисток!»

Ну, во-первых, в хорошем доме уборку производят еже-

дневно, а периодически — и генеральную уборку. Грязь-то накапливается.

Во-вторых, капитализм ведь тоже постоянно производит «чистки» своих руководящих кадров — то объявит президенту импичмент, то потребует отставки кабинета министров, а главное — постоянно низвергает с высот благополучия тех, кто не выдерживает конкуренции. Десятки тысяч фирм на Западе по сей день создаются и вскоре терпят крах. А это ведь тоже чистка — однако стихийная, неуправляемая, а, значит, и не оптимальная.

В-третьих, постоянное очищение руководящих слоев просто необходимо для любого общества, желающего не загнивать, а развиваться. При этом оптимальный вариант — очищение почти непрерывное, почти автоматическое, а не время от времени. Очищение, принципы которого заложены в конституционную ткань жизни общества.

Можно сказать так: одно ОС надо было менять на другое ОС, то есть — Особое Собрание при МГБ СССР — на эффективную, конституционно закрепленную Обратную Связь между руководящими и руководимыми. То есть на нормативные процедуры отзыва выборных представителей, нормативную же периодическую оценку руководства предприятия его коллективом по процедуре тайных выборов и т.д. Причем прочность таких обратных связей могло обеспечить лишь общество, состоящее из тех всесторонне развитых, не *полуобразованных*, а хорошо образованных и поэтому свободных людей, о воспитании которых беспокоился Сталин, работая над «Экономическими проблемами социализма».

В 1948 году прекрасный советский писатель-очеркист Валентин Овечкин писал:

«Труднее всего, пожалуй, «перевоспитать» карьериста, шкурника. Да и стоит ли над этим трудиться — в том смысле, чтобы уберечь такого человека от полного краха, сохранить его во что бы то ни стало в «поменклатуре», в кадрах руководящих работников.

Оберегать *ответственные посты* разных масштабов от таких людей — задача более своевременная и важная».

Ничего не скажешь — хорошо сказано!

И ВСЕ ЖЕ, говоря о судьбе — после смерти Сталина — державы, созданной под руководством Сталина, нельзя не коснуться ряда вполне резонных вопросов. Ну, например: «Так что, всё Сталиным и держалось?»

И если ответить «да», то вездливый оппонент тут же спросит: «А чего же стоит тогда держава Сталина, если у нее не было прочной системной основы?»

Что отвечать тут? Действительно, можно ли говорить о крепости и естественности общества и государства, если они фактически самоуничтожились? Ведь Советский Союз в 1991—1992 годах пал не в результате чужеземного нашествия, не в результате всесоюзного стихийного бедствия или повальной эпидемии моровой язвы. Советский Союз, социалистическую собственность, социалистическую мораль и нравственные ценности уничтожили не Батый, не Карл XII, не Наполеон, не Гитлер и не заокеанские атомные бомбы. Все это уничтожили президент Союза Советских Социалистических Республик и Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Первые секретари республиканских ЦК (ни один не восстал против гибели СССР), первые секретари обкомов и т.д...

Народ же при этом не безмолвствовал — как во времена Бориса Годунова и Александра Пушкина. Народ идиотствовал, имея все возможности безнаказанно выйти на площади и улицы со всенародным протестом, и...

И не выйдя на них.

Хотя немного ранее по всему Советскому Союзу шахтеры на широких площадях стучали касками по асфальту на многотысячных митингах.

Их-то организовывали.

Но кто?

Да, Советскую Россию предала та «Партоплазма», которую один из ее, так сказать, «буревестников» Михаил Восленский, добравшийся до западных «коврижек» на двадцать лет раньше, чем его оставшиеся в СССР коллеги, — в 1972 году, назвал «Номенклатурой».

Еще один ренегат дела Ленина — Сталина — Милован Джилас из Югославии назвал этот слой «Новым классом».

Однако в действительности этот слой, этот род социальных клопов стар почти так же, как и мир человека.

Почему произошло так, как произошло?

Причин много...

Азиатчина в сознании людей, оставшаяся от трехсот лет татаро-монгольского ига...

Особая покорность власти, которую воспитывали триста лет царствования дома Романовых, а также и темнота масс, тщательно культивируемая тем же домом Романовых во все свои триста лет — за исключением зрелых лет единственного великого Романова — Петра Первого...

Между прочим, его однофамилец, писатель-сатирик Пантелеймон Романов еще до революции, а потом и после революции в ряде язвительных, но точных рассказов и эссе дал общий психологический портрет мелкотравчатой «Расеи» Ванек и Манек, органически враждебной Великой России Иванов да Марий.

Ленин и Сталин — великие русские патриоты, основоположники высшего типа русского патриотизма — патриотизма советского, жили для этой второй России и на нее опирались.

Эта вторая Россия и создала новую Россию.

Но шкурная внутренняя «элита», построенная Золотой Элитой мира в «пятую колонну», опиралась на близкую ей «Рассю» Ванек и Манек.

За новой Россией было — считая с 1917 года до года 1987, всего семьдесят лет. Да, глядя в прошлое, она могла духовно опереться на великих предков — богатырей киевской дружины Владимира-Ясна Солнышка, воинов Александра Невского и Дмитрия Донского, на суворовских и кутузовских орлов, на тульских умельцев, сормовских пролетариев, на Пушкина и Менделеева...

Немало, конечно...

Но «Расея» «партоплазматической» «элиты» и «Расея» Манек и Ванек имела в прошлом если не более мощные, то неизмеримо более многочисленные «духовные» корни.

Михаил Бакунин, русский революционер и публицист XIX века, в своей книге «Государственность и анархия» писал, предвидя будущую «партоплазму»:

«...Лишь только они сделаются представителями или правителями народа... и станут смотреть на всех обыкновенных рабочих с высоты «государствен-

ной»: они будут представлять уже не народ, а себя и свои «притязания» на управление народом...»

Бакунин это предвидел.

Сталин с этим боролся...

И тоже многое предвидел. В 1939 году он говорил Александре Михайловне Коллонтай:

«Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя будет оболгано и оклеветано. Мне припишут множество злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не смогла подняться... Острие борьбы будет направлено прежде всего... на отрыв окраин от России. Здесь, падо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы.

С особой силой поднимет голову национализм... Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций...»

«Почему же, если Сталин так все предвидел, он не кричал об этом на всю страну? Почему ничего не делал, чтобы это предотвратить?» — может спросить читатель.

Кричать?..

А что бы это тогда дало?

И кто бы Сталина тогда понял верно?

Что же до «делать»...

Так ведь Сталин всю свою жизнь и делал все для того, чтобы **это** предотвратить!

Делаем ли мы?

Хоть что-то...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не мешало бы выдумать пятилетку
по реконструкции человеческого мозга,
которому явно не хватает многих частиц,
необходимых для совершенного
социального порядка.

*Герберт Уэллс в беседе
со Сталиным 23 июля 1934 г.*

Осенью 1939 года режиссер Михаил Ромм оказался в только что освобожденной из-под польского гнета Западной Белоруссии. Позднее он вспоминал:

«В нищей белорусской деревне я увидел крестьян, живших по две-три семьи в одной избе, перегороженной даже не стенками, а жердочками... Пастушата носили на всревочке консервные банки с углями и помахивали ими, как кадилом. Когда я подарил хозяйке спички, она ахнула и тут же ножом стала разрезать каждую спичку вдоль пополам...»

А рядом находилось хозяйство осадника — мелкого помещика из польских улан. Ромм описал и его:

«Надел... составлял...около ста гектар. Угрюмое каменное жилище окружали огромные, тяжелые, тоже каменные, сараи, скотный двор, амбары...

У осадника было тридцать коров, их уже раздали крестьянам. И они уже доили их, но разбирать по домам пока не решались. Женщины приходили, каждая говорила осаднику «Дзень добрый, пане», доила свою корову и уходила, сказав «Дзенькую, пане»...»

«Старик молчал», — заключал свой рассказ Ромм, сообщив при этом, что рядом с паном стояли три его невест-

ки — ядреные девахи, жены трех его сыновей, находившихся в армии, — тоже выслуживать свои тридцать коров.

Потом Советская власть этих осадников вместе с сыновьями и их женами высылала во внутренние районы страны, а кого-то и расстреливала, смотря по тому, кто как вел себя — лишь угрюмо молчал или брал в руки топор.

А сегодня над их судьбой, презрев судьбу замурзанных западнобелорусских пастушат, льют слезы «историки» и «публицисты».

В июле 2008 года удивительное по своей социальной наглости издание «МК в Нижнем Новгороде» поместило сообщение о некоем «господском бале в старинной усадьбе Приклонских-Рукавишниковых под Богородском», сопроводив его фотографиями...

Фраки сидят, как на корове — седло... В руках «изячной» молодой мадам с купчески-арбузными грудями пастоящая «гаванна»... Всё — «как у господ».

А на обороте того же листа «МК» сообщал о том, что договоры пожизненной ренты для пенсионеров оказываются ловушкой, что одинокий ветеран-фронтовик доживает жизнь как...

Эх!

И в том же номере некто Павел Хорошилов в очередной раз рассуждает о репрессиях, о том, что «преступный режим, возглавляемый обыкновенным, не очень умным людоедом», обречен-де на гибель цвет-де нации.

Это он — о Сталине и об эпохе Сталина.

Но каковы же корни у этого неоненавистника Сталина? Что ж, он их не скрывает и гордо приводит архивную справку, на основании которой в 1937 году был расстрелян его дед. Вот она:

«Будберг Борис Андреевич, 1881, заключенный УВБЛАГ.

БЫВШИЙ БАРОН. СЫН МОСКОВСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА. ОТЕЦ БУДБЕРГА РАССТРЕЛЯН ВЧК в Москве в... 1919 г.

Специальность — инженер-механик по технологии. С 1925 года занимал должность заведующего Производственно-техническим отделом и главного инженера Белбумтреста.

Будучи убежденным контрреволюционером, проводил в 1925—1929 гг. активно к.-р. вредительскую деятельность... вербовал членов вредительской организации и руководил их работой.

Держал связь с вредительским центром ГУД-6 в Москве и выполнял его директивы. За что КО ГПУ 13.01.31 года по ст. 58-7 УК приговорен к ВМН — 10 лет.

В лагере группировал вокруг себя к.-р. элемент... Восхвалял фашизм, распространял клеветнические слухи о СССР...

Высказывал террористические настроения по отношению к вождю партии...

Политубеждения — МОНАРХИСТ.

Лагадминистрацией охарактеризован отрицательно.

Конец срока в 1941 году».

Прадеды и деды роскошествовали на господских — без кавычек — балах сто лет назад... Умели посить фраки, и их дамы не чадили в светских гостиных вонючими сигарами.

Прадеды и деды с молодых ногтей привыкли считать себя и только себя солью земли, хотя были на земле всего лишь сорняками, которые жестоко, но справедливо выполдола История.

Правнуки и внуки тянутся за предками.

И тоже мнят себя солью земли...

Но чем они заслужили право на такую самооценку?

Тем, что по сей день захлеб радуются уничтожению России и по мере сил содействуют этому?

ВСЕГО за десять лет — с 1930-го по 1940 год, эпоха Сталина преобразила Россию. Кто-то пожмет плечами: мол, это банальная истина. Но ведь истина!

Всего за десять лет — с 1946 по 1956 год страна прошла путь от голодных лет и развалин городов и сел до жизни хотя и скромной еще, однако наполненной радостью и смыслом, наполненной уверенностью в лучшем завтрашнем дне.

За десять первых послевоенных лет сложились выдаю-

щиеся научные и инженерные коллективы, создавшие современную реактивную авиацию, ракетную технику, атомное и термоядерное оружие, суда на подводных крыльях, искусственные спутники Земли...

И тоже всего лишь за десять лет — с 1991 года по 2001 год, рухнули сотни, да что там сотни — тысячи прославленных коллективов в НИИ и КБ, на заводах и селекционных станциях.

И после всего этого иметь паглость писать об СССР Сталина как о «преступном режиме, возглавляемом обыкновенным, не очень умным людосдом»?..

Тьфу!

НИКОЛАЙ Добрюха привел в своей книге о смерти Сталина строки современного поэта Льва Болдова:

Не списывайте на большевиков
Все реки крови и помоев реки.
Все зло и подлость испокон веков
Заложены, к несчастью, в человеке.

Таких, как Лев Болдов, уже два десятилетия отвлекают от сути проблемы разнообразными побрякушками, «токшоу» и прочим. Поэтому он, похоже, не понимает, что хотя это будет и не в рифму, но к его констатации надо прибавить: «в человеке, воспитанном эксплуататорскими обществами».

Изначально человек — пачав возвышаться над всем остальным животным миром, двинулся в миллионнолетний поход от животного к человеку. От Зла к Добру, от подлости и животной жадности к сознательному благородству мыслей и поступков.

В начале этой книги я писал, что Сталина убили затем, чтобы убить Россию. Но зачем кому-то надо убивать Россию? Может быть, проще окончательно превратить ее в сырьевую колонию «золотого миллиарда» и в источник дешевого «живого товара» обоих полов как для мировых борделей, так и для черных работ в «золотых» странах?

Но нет! Даже такая Россия Золотой Элите мира не пужна. Не только русские, но и их пенавистники помнят слова песни: «Много раз тебя пытали, быть России иль не быть...

Много раз в тебе пытались душу русскую убить»... Помнят наши недруги и слова Фридриха Прусского о том, что русского солдата мало убить, его еще надо повалить.

Учтя все уроки прошлого, враги России поняли, что их устроит не порабощенная русская душа, не опустошенная и не сломленная. Им нужна душа России лишь в одном виде — в убитом и поваленном.

И это так потому, что именно русский человек — Владимир Ульянов сказал на весь мир: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Но верно ведь и обратное — если ты обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество, то ты неизбежно станешь коммунистом. Потому что истинный коммунист — это человек, желающий такого устройства общества, когда никто не будет иметь возможностей делать другим людям то, чего он не хотел бы, чтобы делали с ним. Вот современная формула коммунизма. И эта формула отвергает ту частную собственность, которая позволяет меньшинству незаслуженно присваивать себе часть труда большинства и глумиться над человеком в человеке.

А лидером народов мира в движении к истинно человеческому обществу была Россия Сталина. Не убив Россию, нельзя было прервать это великое движение народов.

А не убив Сталина, нельзя было убить Россию.

Ленин создал политическую базу для построения социализма и коммунизма — государство без частной собственности, где политическая власть действует в интересах трудящегося большинства. И уже Ленин столкнулся с попытками шкурного меньшинства приспособить даже такую власть под свои мелкие шкурные интересы. И уже Ленин пророчески предупредил, что если нас что и погубит, так это бюрократизм.

Сталин создал экономическую базу для построения социализма и коммунизма — новую, интеллектуально и индустриально развивающуюся Советскую Россию, целью которой было формирование абсолютно новой, небывалой ранее в истории общественной массы — сотен миллионов молодых, физически и духовно здоровых, умственно раз-

витых и образованных граждан, живущих в обществе, где свободное развитие каждого является залогом свободного развития всех.

В начале 50-х годов в жизни России наступал переломный момент. И Сталин это понимал острее и глубже, чем другие. В свое время большевики Россию отвоевали, большевики Россию убедили и начали ею управлять. Социалистические преобразования пытались сорвать изнутри, пытались уничтожить социализм извне, однако к началу 50-х годов новая Россия смотрела вперед без страха, уже не опасаясь за свое будущее.

Это и тревожило Сталина. Он мечтал о новой России в тюрьмах и ссылках, он ее создавал и создал. Но как ее сохранить? Кто ее может сохранять и развивать? И Сталин знал ответ: «Только новый человек — не только цель, но и условие окончательной победы России!»

Сказав это публично, Сталин объективно ускорил свою гибель — он и его Россия становились все более опасными для шкурного «золотого» меньшинства в мире и для шкурного «грязного» меньшинства в России.

Стоит ли удивляться, что Сталин в еще большей мере, чем Ленин, столкнулся с еще более мощным, хотя и вынужденно глухим сопротивлением шкурно-номенклатурного меньшинства внутри страны и противодействием и провокациями Золотой Элиты во внешнем мире?

Внутренние успехи России Сталина ставили крест на устремлениях к «изячной жизни» шкурной части номенклатуры. Миллионы молодых энтузиастов с широким политехническим образованием и крепкими мышцами гимнастов просто отшвырнули бы шкурников со своего пути к коммунизму.

Но эти же внутренние успехи России программировали все более изощренную внешнюю борьбу против нее.

Соединившись вместе, многоопытная Золотая Элита внешнего мира и «пятая колонна» шкурной «партоплазмы» внутри СССР замыслили, подготовили и совершили убийство Сталина.

Как это было сделано конкретно, меня не очень-то и интересует. Тот, кто страстно желает чьей-то смерти, способ-

ствуется ей и участвует в убийстве, даже если формально пальцем не шевельнул, чтобы убийство совершилось.

Конкретный план устранения Сталина мог задумать и выполнить всего лишь узкий круг хрущевцев. А возможно — узкий круг внутренних сионистов. А возможно — узкий круг, связанный с той или иной спецслужбой Запада... А возможно...

Впрочем, я повторяюсь — различные возможные варианты я уже перебирал в начале этой книги и по ее ходу... И важно не то, что все такие варианты в той или иной степени вероятны, а то, что все они создавали одинаковую атмосферу наибольшего благоприятствования друг для друга... По крайней мере, идейного благоприятствования, если можно говорить о какой-либо искренней идейности в данном случае.

Причем в начале марта 1953 года убили ведь не человека — к тому времени уже очень уставшего, изработавшегося и быстро теряющего жизненные силы. Убили тенденцию, убили перспективу, убили державный подход...

Заменив идею выгодой и желанием покоя, стало возможно убить уже вскоре Берию — единственного достойного преемника Сталина в деле построения свободной России. Убить политически и физически.

А чуть позже стало возможным убить политически менее достойных, но все же тоже преемников Сталина — людей идеи Маленкова, Молотова, Кагановича...

И вместо преемника Сталина во главе страны оказался ставленник наиболее гнилой части Номенклатуры и наиболее умной и дальновидной части Золотой Элиты мира — Никита Хрущев. Причем сам он, конечно, об этом не догадывался.

Остальное уже было делом техники... Не прошло и сорока лет, и Советский Союз, державные корни которого подрывали вначале своими рылами хрущевцы, а затем — и продолжатели их дела, рухнул.

В 2008 году по телеканалу «Звезда» была показана старая хроника — открытие первой промышленной выставки США в СССР с участием вице-президента США Ричарда Никсона... Рядом с еще молодым улыбающимся Никсо-

ном стоял Хрущев в широкополой шляпе, которая шла ему как пышным «господам» — фраки.

Никсон, указывая на цветной телеэкран, говорил:

— Вы опередили нас в ряде областей. Например, в производстве двигателей для своих ракет. Но и мы опережаем вас — например, в цветном телевидении...

И «Никита» с идиотски самоуверенным выражением на круглой физиономии закачал головой, увенчанной шляпой:

— Нет! Мы и там и там вас опередили...

И это — в 1960 году, когда даже черно-белые телевизоры были в СССР еще редкостью.

Вот такие, пардон, придурки от политики и воспитали уже брежневских и горбачевских прохиндеев от политики, которых затем сменили ельцинские и путинские проходцы-политиканы.

МЫ ЖИВЕМ в кайнозойской эре, и ее название происходит от греческих слов, означающих «новая жизнь». И эта, новейшая в геологической истории планеты, эра началась, по оценкам ученых, то ли 60, то ли 70 миллионов лет назад. Причем на антропогенный период кайнозоя, то есть — период, в начале которого появился ископаемый человек, приходится примерно полтора миллиона лет.

Первые же млекопитающие, к каковым относимся и мы, впервые обнаружены палеонтологами еще в триасе. Это примерно 160—170 миллионов лет.

Первому же человеческому обществу, обладающему системными чертами, свойственными и нашей современности, примерно 5—6 тысяч лет.

Итак, звериное — не жестокое, а жадное — начало в человеке насчитывает более ста миллионов лет.

Своекорыстному, воспитанному различными видами «священной частной собственности» и принципом «моя хата с краю», началу в человеке — не менее пяти тысяч лет.

А эпоха Сталина не длилась и сорока лет.

Слишком мал был срок...

«Так что — Сталин был все же обречен? — может спросить читатель. — Очень уж мощные силы противодейство-

вали ему. Причем они его убили, так что сильнее, выходит, оказались они?»

Э-э, нет, уважаемый читатель! Они оказались всего лишь хитрее и подлее. Сталина и Россию Сталина они просто опередили, переиграли! Зло ведь изощреннее и безжалостнее, чем Добро: ломать — не строить, душа не болит... Великое же Добро по самой своей природе не может не быть в чем-то наивным и простодушным, оно ведь судит по себе. Оно преодолело в себе Зверя и воспитало в себе Человека...

Сталин был готов поднять страну на новые решительные действия по укреплению социализма, но его упредили...

Увы!

Однако в 1939 году Сталин сказал Коллонтай и вот что:

«И как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь поднимут знамя своих отцов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом».

СТАЛИНА убили затем, чтобы можно было убить все лучшее в людях, в человечестве...

И если это так — а это так! — то правомерен вопрос: можно ли говорить, что советский социализм сгнил потому, что не мог не сгнить, потому, что был гнил и бесперспективен изначально, в системном смысле? Или он все же был изначально здоров, жизнедеятелен и жизнеспособен, но был отравлен — как и Сталин?

Не убив Сталина и не убив его наиболее талантливого и перспективного соратника и преемника Берию, нельзя было отравить социализм — медленно, но верно.

Не отравив социализм, нельзя убить Россию.

А не убив Россию, нельзя уничтожить в человеке Человека.

Так зачем убили Сталина?

А?

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение автора к первому неизбежно внимательному читателю этой книги, а также и к читателям последующим	6
<i>Глава нулевая</i>	
Ищи, кому выгодно...	8
<i>Глава первая</i>	
Странный день рождения	23
<i>Глава вторая</i>	
Чем жил Сталин...	32
<i>Глава третья</i>	
Ученик, превзошедший учителя...	57
<i>Глава четвертая</i>	
Годы сороковые... Суды чести для чести не имевших...	76
<i>Глава пятая</i>	
1948 год. Остров Израиль.	117
<i>Глава шестая</i>	
1949 год. Последний юбилей вождя	148
<i>Глава седьмая</i>	
1950—1951 годы. Восстановление нового и наступление старого	174
<i>Глава восьмая</i>	
Весна 1952 года. «Экономические проблемы социализма»...	198
<i>Глава девятая</i>	
Сталин и Берия	226
<i>Глава десятая</i>	
Осень и зима 1952 года. XIX съезд и далее... . . .	252

<i>Глава одиннадцатая</i>	
Зима 1952/53 года... Чего боялись «верхи» совет- ского еврейства...	273
<i>Глава двенадцатая</i>	
Зима 1952/53 года... Чего боялся Хрущев....	299
<i>Глава тринадцатая</i>	
Быль о «Тройке»	315
<i>Глава четырнадцатая</i>	
13-й отдел ГРУ	334
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Кто усторожит сторожей самих?	351
<i>Глава шестнадцатая</i>	
«Тайная вечеря» и поцелуй Иуды	366
<i>Глава семнадцатая</i>	
И на Добруюху бывает проруха. И на Авторханова с Радзин-ским и Волкогоновым — тоже!	389
<i>Глава восемнадцатая</i>	
9 марта 1953 года. Клятва Берии.	415
<i>Глава девятнадцатая</i>	
«Звёздные» маршруты заговора века...	427
<i>Глава двадцатая</i>	
Сталин умер? Да здравствует Хрущёв!	436
<i>Глава двадцать первая</i>	
Прощайте, советские годы... К измене элита идёт...	452
Послесловие	468

Сергей Кремлёв
ЗАЧЕМ УБИЛИ СТАЛИНА

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *Р. Годгильдиева*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.10.2008.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 5000 экз.
Зак. № 1576

Отпечатано в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

5 марта 1953 года – поистине черный день календаря, одна из самых трагических дат в истории России. День смерти Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сенсационный когда-то вопрос «Умер ли Сталин своей смертью?» давно уже перестал быть сенсацией – теперь даже многие законченные антисталинисты нехотя, сквозь зубы, признают, что – да, Сталин, скорее всего, был убит. «Либеральным» шулерам от истории пришлось отойти на вторую линию обороны: в последние годы на читателей обрушились бесчисленные «криминальные» расследования, где снова и снова мусолят показания того или иного охранника, который то ли прислушивался, то ли не прислушивался через закрытые двери к дыханию умирающего Вождя. За всем этим словесным мусором теряется основной вопрос, самая важная тайна XX века: **кто и, главное, ЗАЧЕМ убил Сталина?** Этот вопрос смертельно опасен для идейных наследников убийц, этого вопроса они боятся как огня – «потому что, поняв, кто и зачем убил Вождя, мы поймем, кто и зачем убивает сейчас нас, нашу Родину».

Новая книга Сергея Кремлёва читается как захватывающий документальный детектив. От этой книги невозможно оторваться. Расследуя обстоятельства гибели Сталина, автор не только разоблачает его убийц, но и раскрывает подлинные мотивы этого преступления века.

Убивая Вождя, заговорщики покушались на всю сталинскую эпоху, которая по своему величию и достижениям сравнима разве что с эпохой Возрождения. Подняв руку на Сталина, враги народа убивали великое будущее России.

ISBN 978-5-699-30989-4

9 785699 309894 >

